

Genre

sf_horror

Author Info

Стивен Кинг

Кристина

Stephen King. Christine

(роман, 1983)

В том же 1983 году роман был экранизирован Джоном Карпентером.

*** Это не точная копия бумажной книги. ***

1.0 — использован текст ID A338912C-0DF0-4561-B522-90E148C639C9; добавлены эпитафии, доп. инфо; рисунки, инфо серии — СП. апр. 2018

Стивен Кинг

Кристина

Посвящается Джорджу Ромеро и Крису Форресту Ромеро.

И Бургу.

Пролог

Вы можете сказать, что это история любовного треугольника — Эрни Каннингейма, Ли Кэйбот и, само собой разумеется, Кристины. Но я хочу, чтобы вы поняли: Кристина была сначала.

Она была первой любовью Эрни, и, хотя я предпочитаю не говорить наверняка (совсем не с высоты житейской мудрости, которой достиг к двадцати двум годам), мне кажется, что она была единственной настоящей любовью Эрни. Поэтому то, что произошло, я называю трагедией.

Мы с Эрни выросли в одном квартале, вместе ходили в подготовительную и среднюю школы Либертивилла. И думаю, я был главной причиной того, что Эрни там не съели с потрохами.

Он был рохлей, если вы знаете таких типов. В каждой школе их бывает по крайней мере двое.

Мужского пола и женского. Обоих не считают за людей. У тебя плохой день? Завалил контрольную?

Поссорился с предками и весь уик-энд просидел дома?

Нет проблем. Только разыщи одного из этих изгоев, так и норовящих улизнуть из холла сразу после уроков, и подойди к нему. Иногда их на самом деле изводят — уничтожают во всех отношениях, кроме физического; иногда они находят что-нибудь, за что могут удержаться, и выживают:

У Эрни был я. Потом у него была Кристина. Ли появилась позже всех.

Я только хотел, чтобы вы это поняли. Эрни нигде не принимали. Его не принимали в компании и смеялись над ним, потому что он был долговязым — шесть футов при ста сорока фунтах со всем содержимым и парой здоровенных туристских бутсов. Его не принимали школьные интеллектуалы (сами безнадежные чужаки в таком месте, как Либертивилл), потому что он не имел специальности. Эрни был остроумен, но его мозги не были созданы для какой-нибудь одной вещи... если только ею не была автомобильная механика. Когда дело касалось машин, этот парень оказывался просто молодцом. Но его родители, которые оба преподавали в университете, не хотели и слышать о том, что их сын, получавший стипендию за успеваемость, может учиться на автомеханика. Правда, потом они все-таки разрешили ему окончить профессиональные курсы I, II и III класса, но с тех пор его семейные отношения почти разладились. Его не принимали те, кто увлекался наркотиками, потому что он не курил. Его не принимали ни в одну уличную команду, потому что он не умел пить, а если

вы его ударили достаточно сильно, то он плакал.

О да, его не принимали и девчонки. Его железы были одержимы каким-то буйным помешательством. Я хочу сказать, что Эрни буквально цвел прыщами. Он мыл лицо, наверное, пять раз в день, принимал по меньшей мере две дюжины душей в неделю и перепробовал все кремы и патентованные средства, известные современной науке. Ничего не помогало. Лицо Эрни было, как обсыпная пицца, и он уже собирался смириться с тем, что таким оно останется на всю жизнь.

Но мне он все равно нравился. У него было хорошее чувство юмора, и его голова умела придумывать всякие забавные шутки и развлечения. Это Эрни научил меня строить муравьиные лагеря, когда мне было семь лет, и тогда мы целое лето занимались тем, что наблюдали за этими маленькими педиками, зачарованные их усердием и убийственной серьезностью. Это Эрни предложил, когда нам было по десять лет, однажды ночью набрать на конюшне сухих конских яблок и насыпать их под статую каменной лошади, стоявшую на лужайке перед мотелем «Либертивилл», как раз у дороги в Монроэвилл. Эрни первым узнал о шахматах. Он первым узнал о покере. В дождливые дни, до той поры, когда я первый раз влюбился, мои мысли прежде всего обращались к Эрни, потому что он знал, как извлечь толк из дождливых дней. Может быть, это один из способов узнать по-настоящему одиноких людей... они всегда могут придумать, чем заняться в дождливые дни. И вы всегда можете позвать их. Они всегда дома. Всегда.

Со своей стороны, я научил его плавать. За год до окончания школы я устроил его на дорожные работы — из-за них мы здорово поругались с его родителями, которых ужасала мысль, что у их одаренного сына (не забывайте про стипендию) будут перепачканные руки и красная шея.

К концу тех летних каникул Эрни впервые увидел Кристину и влюбился в нее. В этот день я был с ним — мы возвращались вдвоем с работы — и смогу подтвердить свои слова перед престолом всемогущего Бога, если меня попросят об этом. Брат мой, он пал, и пал очень крепко. Это было бы смешно, если бы не было так печально и если бы все не произошло так быстро. Это было бы смешно, если бы не было так плохо.

С чего же было так плохо?

Все было плохо с самого начала. И стремительно становилось все хуже и хуже.

Часть I. Дэннис — Песенки тинэйджеров о машинах

1. Первый взгляд

Эй, взгляни-ка вон туда!

Посмотри через дорогу!

Там стоит автомобиль,
сделанный как раз по мне...

Вот бы сесть в него, ребята,
в этот блеск-автомобиль!

— О Боже! — внезапно воскликнул мой друг Эрни Каннингем.

— Что такое? — спросил я. Его глаза были готовы вылезти из очков, а шея вывернута так, словно была на шарнирах.

— Дэннис, останови машину! Вернись!

— Да что тебе...

— Вернись, я хочу еще раз взглянуть на нее!

Вдруг меня осенило.

— Ох. Эрни, только не это, — сказал я. — Если ты имеешь в виду ту... вещь, которую мы проехали...

— Вернись! — Он почти стонал.

Я вернулся, думая, что Эрни хочет сыграть со мной какую-то тонкую шутку. Но это было не так. На самом деле свершилось нечто ужасное. Эрни влюбился.

Она была прескверной шуткой, и я никогда не узнаю, что Эрни в ней увидел в тот день. Левую часть ее ветрового стекла опутывала паутина трещин. Задний бампер почти отвалился, а обивка выглядела так, словно над ней поработали с ножом. Хуже всего было то, что под двигателем чернела широкая лужа масла.

Эрни влюбился в «плимут-фурию» 1958 года выпуска — один из тех, с большими длинными плавниками. На правой части ветрового стекла желтел бумажный листок с надписью: «Продается».

— Дэннис, ты взгляни на ее линии! — прошептал Эрни. Он бегал вокруг машины, как одержимый.

— Эрни, ты меня разыгрываешь, да? — произнес я. — Или у тебя солнечный удар? Скажи, что ты перегрелся на солнце. Я отвезу тебя домой, уложу в постель, и мы обо всем забудем, ладно?

Однако я говорил без большой надежды. Он умел шутить, а сейчас был скорее похож на сумасшедшего, чем на шутника.

Ничего не ответив, он уселся на заднее сиденье. Двадцать лет назад оно было красным. Теперь вылиняло до бледно-розового.

Я набрал в легкие побольше воздуха и шумно выдохнул.

— Она выглядит так, словно русская армия прошла по ней на пути в Берлин, — сказал я. Наконец он заметил, что я все еще был рядом.

— Да... немного побита. Но ее можно поправить... Просто она нуждается в уходе. Это настоящая красавица, Дэннис. Она еще...

— Эй вы, двое! Что вы там делаете? На нас смотрел какой-то старикашка лет семидесяти. Может быть, меньше. Я сразу узнал в нем тот тип пижонов, который мне особенно отвратителен. Его длинные редкие волосы росли только с одной стороны. Правая часть черепа почти облысела от псориаза.

На нем были зеленые стариковские рейтузы и легкие кеды. Рубашки не было: вместо нее что-то обтягивало пояс наподобие женского корсета. Когда он подошел поближе, я увидел, что это был бандаж для укрепления спины. С первого взгляда можно было сказать, что он не менял его со времени смерти Линдона Джонсона.

— Чего вы тут забыли, ребята? — Голос у него был резкий и скрипучий.

— Сэр, это ваша машина? — спросил Эрни. Дурацкий вопрос. «Плимут» был припаркован как раз на заросшей лужайке перед домом, из которого вышел старик.

— А если и так? — Старикашка вызывающе повысил тон.

— Я, — проглотил Эрни, — я хочу купить ее. Глаза старого пижона сверкнули, а злое выражение лица сменилось плотоядной ухмылкой. Внезапно я почувствовал, что меня пробирает холод, — в какое-то мгновение я был готов схватить Эрни и утащить его куда-нибудь. Что-то мелькнуло в глазах старика. Не мысль — что-то за мыслью.

— Ну, я так и подумал, — произнес он и протянул Эрни руку. — Мое имя Лебэй. Ролланд Д. Лебэй.

Отставной военный.

— Эрни Каннингейм.

Обменявшись рукопожатием с Эрни, престарелый физкультурник небрежно кивнул в мою сторону. Я был вне игры, он вел мяч к воротам. Эрни мог с таким же успехом протянуть Лебэю свой бумажник.

— Сколько? — спросил Эрни. А затем сделал неожиданный финт. — Сколько бы вы ни запросили, все равно она стоит больше.

Вместо выдоха я испустил протяжный стон. К бумажнику прибавилась его чековая книжка.

Губы Лебэя дрогнули, а глаза подозрительно сузились. Полагаю, он оценивал вероятность того, что над ним хотят подшутить. Он поискал признаки коварства на открытом, выжидающем лице Эрни, а потом задал убийственно пронизательный вопрос:

— Сынок, а у тебя когда-нибудь была машина?

— У него — «мустанг-мах», вторая модель, — сказал я быстро. — Ему родители купили. Там коробка передач Херста, нагнетатель, и он может расплавить дорогу даже на первой скорости. Там...

— Нет, — сказал Эрни. — Я весной получил водительские права.

Лебэй бросил на меня сумасшедший взгляд, а потом все внимание сосредоточил на первоначальной мишени. Он засунул обе руки за пояс и расправил его. Я почувствовал запах пота.

— В армии повредил спину, — проговорил он. — Врачи так и не смогли ее вылечить. Если вас, ребята, кто-нибудь спросит что неладно в этом мире, то смело называйте три вещи: врачи, начальство и черные радикалы. Нет ничего хуже врачей. Если вас спросят, кто вам это сказал, то можете сослаться на Ролланда Д.Лебэя. Да.

Он с любовью прикоснулся к обшарпанному капоту «плимута».

— Лучшая машина из всех, что у меня были. Я купил ее в сентябре пятьдесят седьмого. Лучшая модель того года. Тогда от нее пахло новеньким автомобилем, а это самый лучший аромат в мире. — Он немного подумал. — Не считая запаха гнили.

Я осторожно посмотрел на старика, не зная, смеяться или нет. Он, казалось, ничего не замечал.

— Я носил хаки почти тридцать четыре года, — продолжал он, все еще поглаживая капот машины, — с шестнадцати лет. В двадцать третьем году пошел в армию и с тех пор успел наглотаться всякого дерьма. Во время второй мировой я видел, как у людей кишки вылезали из ушей. Это было во Франции. У них кишки вылезали из ушей. Ты веришь мне, сынок?

— Да, сэр, — нетерпеливо ответил Эрни. Не думаю, что он слышал Лебэя. — Что касается машины..

— Я надорвал спину весной пятьдесят седьмого, — невозмутимо продолжал старик. — В армии тогда было несладко. Комиссия мне дала полную непригодность, и я вернулся в Либертивилл. Через некоторое время я пошел в контору Нормана Кобба, торговавшую «плимутами», и купил эту машину. По моей просьбе ее покрасили в красный и белый цвета, как модель следующего года. Мне нравится красный цвет. Когда я впервые сел за ее руль, на счетчике было всего шесть миль. Вот так. Он сплюнул.

Я взглянул на счетчик. Стекло было мутным, но я все-таки сумел разобрать цифры: 97,432.

И шесть десятых. Иисус бы заплакал.

— Если вы ее так любите, то зачем продаете? — спросил я.

Он как-то странно посмотрел на меня:

— Ты надо мной смеешься, сынок? Я не ответил, но выдержал его взгляд. После недолгого замешательства (которого Эрни не заметил: он любовно поглаживал плавники машины) старик ответил:

— Больше не могу управлять ею. Спина становится все хуже. И глаза тоже.

Внезапно я понял — или подумал, что понял. Если он ничего не напутал с годами, то сейчас ему был семьдесят один год. А после семидесяти в нашем штате не продлевали водительских прав, если вы не проходили тщательной проверки зрения. Лебэй не мог пройти освидетельствования и решил отказаться от «плимута». К тому же на такой развалюхе было опасно ездить с любым зрением.

— Сколько вы хотите за нее? — снова спросил Эрни. Ох, ему не терпелось покинуть этот мир. Лебэй поднял лицо к небу, словно раздумывал, будет ли сегодня дождь. Затем опустил взгляд на Эрни и расплылся в улыбке, которая мне показалась такой же плотоядной, как и предыдущая ухмылка.

— Я бы попросил три сотни, — произнес он. — Но тебе, парень, я готов уступить за двести пятьдесят.

— О мой Бог, — сказал я.

Однако он знал, как вбить клин между мной и его жертвой. Как говорил мой дедушка, он не вчера вылез из стога сена.

— Ладно. — резко сказал он. — Если она не настолько нужна тебе, то я пошел смотреть «Край ночи». Тридцать четвертая серия. Никогда не пропускаю этого фильма. Приятно было поболтать с вами, ребята. Пока.

Эрни бросил на меня обиженный взгляд и, догнав старика, схватил его за локоть. Я не слышал слов, но видел больше чем достаточно. Эрни приносил извинения. Тот же хотел, чтобы Эрни понял, насколько ему невыносимо слышать, как поносят его машину, за рулем которой он провел лучшие годы. Эрни соглашался. И снова я почувствовал что-то осознанно страшное в нем... Это было как если бы ноябрьский ветер умел думать. Не знаю, как передать это другими словами.

— Если он еще что-нибудь скажет, то я умываю руки, — проговорил Лебэй и показал на меня корявым пальцем.

— Он не скажет, не скажет, — торопливо произнес Эрни. — Три сотни, вы сказали?

— Да, по-моему, как раз...

— Двести пятьдесят как я слышал, — перебил я.

Эрни побледнел, думая, что старик снова уйдет, однако тот решил больше не рисковать. Рыбка была почти вытащена из воды.

— Хорошо, пусть будет двести пятьдесят, — снизошел Лебэй.

Он взглянул в мою сторону, и мы поняли друг друга: он ненавидел меня, а я — его.

К моему все возраставшему ужасу, Эрни достал бумажник и начал рыться в нем. Мы трое молчали. Лебэй наблюдал. Я отвернулся и стал смотреть на маленького парнишку, который старательно пытался покончить с собой при помощи красно-зеленого скейтборда. Где-то лаяла собака. У меня осталась только одна надежда на то, что Эрни выберется из этого кошмара: был день перед получкой. Через двадцать четыре часа его лихорадка могла пройти.

Когда я снова повернулся к ним, Эрни и Лебэй разглядывали две пятидолларовые и шесть долларовых бумажек — больше у них ничего не было.

— Как насчет чека? — спросил Эрни. Лебэй одарил его сухой улыбкой и ничего не ответил.

— Это хороший чек, — запротестовал Эрни. Он был прав. Все лето мы вкалывали у «Хардсон бразерс», нанявших нас на строительство шоссе 1-376, — жители окрестностей Питсбурга уже не думали, что это строительство когда-нибудь закончится. Брэд Джефрис, работавший там мастером, согласился взять Эрни на место сигнальщика, но иногда давал ему и более тяжелые работы. За три месяца Эрни получил достаточно денег, а кроме того, частично избавился от своих вулканических наростов. Может быть, в этом ему помог загар.

— Я не сомневаюсь, что это хороший чек, — сказал Лебэй, — но все-таки лучше иметь дело с наличностью. Пойми меня правильно.

Не знаю, как Эрни, но я понял. Оплату чека можно было бы запросто приостановить, если бы по дороге домой у «плимута» отвалилась тяга или взорвался клапан.

— Можете позвонить в банк! — воскликнул Эрни, приходя в отчаяние.

— Нет, уже половина шестого. Банк давно закрыт.

— Пусть это будет задатком, — произнес Эрни, протягивая шестнадцать долларов.

Он выглядел настоящим сумасшедшим. Вряд ли вы поверите незнакомому парню, который обещает вам принести завтра кучу денег. Мне и самому было трудно поверить в это. Однако Ролланд Д. Лебэй ничуть не смутился, и я объяснил это тем, что к своим годам он успел многое повидать. Потом я стал думать, что его излишняя самоуверенность была вызвана совсем другими причинами. Так или иначе, он был склонен проявить себя истинным джентльменом.

— Мне нужно по крайней мере десять процентов, — сказал Лебэй. Рыбка была вытащена из воды, через секунду она оказалась бы в сачке. — Если у меня будет десять процентов, то я подержу ее до завтра.

— Дэннис, — проговорил Эрни, — ты не сможешь одолжить мне девять баксов?

В моем бумажнике было двенадцать, и я не знал, на что их потратить. Тогда у меня еще не было повода тратить все деньги в ресторанах и цветочных магазинах. Я был богат, но одинок.

— Давай отойдем в сторону, — предложил я. Лебэй нахмурился, но понял, что без моего участия уже не обойдется. Его длинные седые волосы развевались на ветру. Одной рукой он опирался на капот «плимута».

Мы с Эрни вернулись к моему «дастеру» семьдесят пятого года, припаркованному возле обочины. Я положил ладонь на плечо Эрни. Почему-то мне вспомнилось, как мы проводили осенние дождливые дни в его комнате, когда нам было по шесть лет, как смотрели мультики по старому черно-белому телевизору или рисовали карандашами, которые обычно торчали в пустой банке из-под кофе. От этих воспоминаний мне стало грустно и немного страшно. Знаете, иногда мне кажется, что шесть лет — самый оптимальный возраст для человека и поэтому занимает такую небольшую часть жизни.

— Дэннис, у тебя есть хоть сколько-нибудь? Я завтра отдам.

— Да, у меня есть, — сказал я. — Но во имя Бога, что ты делаешь, Эрни? У этого старого прощелыги полная непригодность. Он не нуждается в деньгах, и ты не общество милосердия.

— Не понял, о чем ты?

— Он выжимает тебя. Он выжимает тебя просто для собственного удовольствия. Если бы он отвез машину к Дарнеллу, то не получил бы и пятидесяти долларов, потому что ее можно продать только

по частям. Это кусок дерьма.

— Нет, ты не прав.

Если бы не худоба и прыщи, мой друг Эрни выглядел бы вполне обыкновенно. Но Господь каждому дарит по крайней мере одну достойную деталь внешности, и я думаю, что у Эрни это были глаза. Ни у кого, кроме него, я не видел таких умных и красивых глаз цвета облачного осеннего дня. Даже за очками они были выразительны. Но сейчас их затягивала какая-то серая поволока.

— Это совсем не кусок дерьма.

Вот когда я начал по-настоящему понимать, что у Эрни появилось нечто большее, чем просто желание купить машину. Раньше ему хватало того, что он ездил со мной, а изредка и сам мог порулить на третьей скорости. Колесить по дорогам он не собирался: насколько я знал Эрни, он не был сторонником таких развлечений. Нет, это было что-то совсем другое. Я сказал:

— Хотя бы попроси завести ее. Под ней масляная лужа. Скорее всего цилиндр лопнул. Я думаю, что...

— Ты одолжишь мне девять долларов? — Его глаза смотрели прямо в мои.

Я сдался. Я достал бумажник и вручил ему девять баксов.

— Спасибо, Дэннис, — поблагодарил он.

— Это на твои похороны, парень.

Ничего не ответив, он прибавил мои девять долларов к своим шестнадцати и вернулся к Лебэю, стоявшему около машины. Взяв деньги, тот послунял палец и тщательно их пересчитал.

— Запомни, я держу ее только двадцать четыре часа, — произнес Лебэй.

— Да, сэр. Все будет в порядке.

— Сейчас я схожу домой и напишу тебе расписку. Как ты сказал, твое имя?

— Каннингем. Арнольд Каннингем. Лебэй хмыкнул и пошел по заросшей лужайке к задней двери дома. Спереди у этого строения была целая комбинация алюминиевых дверей, над ними располагался замысловатый узор с буквой Л, обрамленной вензелями. За ним хлопнула дверь.

— Станный он тип, Эрни. Станный сукин сын, этот...

Но Эрни рядом не было. Он сидел за рулем машины. На его лице было все то же блаженное выражение.

Подойдя к капоту, я увидел, что тот был не заперт; и поднял крышку. Раздался скрип, как в фильмах о домах с привидениями. Посыпалась металлическая пыль. Допотопный аккумулятор был весь изъеден коррозией, на клеммах нельзя было отличить плюс от минуса. Я мрачно заглянул в карбюратор: внутри он был чернее, чем угольная шахта.

Я закрыл капот и приблизился к Эрни. Он задумчиво водил рукой по приборной доске. Предельное значение на спидометре было абсолютно абсурдным — сто двадцать миль в час. Когда машины ездили с такой скоростью?

— Эрни, по-моему, двигатель ни к черту не годится. Эта машина — полная рухлядь. Если тебе нужны колеса, то за двести пятьдесят долларов мы сможем найти что-нибудь получше. Гораздо лучше.

— Ей двадцать лет, — проговорил он. — Ты хоть понимаешь, что если машине двадцать лет, то ее уже официально считают антиквариатом.

— Понимаю, — буркнул я. — На заднем дворе у Дарнелла полным-полно такого антиквариата.

— Дэннис...

Дверь снова хлопнула. Лебэй шел обратно. Он мог бы не торопиться: дальнейшая дискуссия все равно была бы бесполезной. Может быть, я не самый чувствительный из людей, но если сигнал достаточно сильный, то он до меня доходит. Эрни испытывал потребность купить вещь, и я не собирался отговаривать его. Думаю, что никто в мире не собирался делать этого.

Лебэй торжественно вручил лист почтовой бумаги. На нем было написано старческим паукообразным почерком: «Получено от Арнольда Каннингейма двадцать пять долларов как 24-часовой залог за „плимут“ 1958 года, Кристину». Внизу стояло его имя.

— Что это еще за Кристина? — спросил я, думая, что он допустил какую-то ошибку.

Его губы сжались, а плечи приподнялись, как будто он ждал, что над ним будут смеяться... или как будто призывал меня посмеяться над ним.

— Кристина, — сказал он, — так я ее назвал.

— Кристина... — проговорил Эрни. — Мне нравится. А тебе, Дэннис?

Теперь он толковал о названии, Он еще думал, как назвать свою чертову штуковину. Это было уже слишком.

— Ну, что же ты молчишь, Дэннис! Тебе нравится это имя?

— Нет, — ответил я. — Если тебе необходимо назвать ее, то почему не назвать ее Беда?

Кажется, он обиделся. Но мне было все равно. Я вернулся к своей машине и стал дожидаться его, жалея о том, что не поехал домой другой дорогой.

2. Первая ссора

Скажи только банде друзей твоих

«Устал я ходить на своих двоих!»

Ие-йе-йе-йе! Времени нет

слушать их всех...

Я отвез Эрни домой и, перед тем как ехать к себе, пошел с ним выпить по стакану молока и перекусить парой пирожных. О таком решении я очень скоро пожалел.

Семья Каннингеймов жила на Лорел-стрит, в западной части Либертивилла. Вообще Либертивилл полностью застроен жилыми домами: на нашей улице тоже нет офисов и контор. Однако Лорел-стрит недаром считается спальней университетского общества, которое там обосновалось с незапамятных времен.

По дороге домой Эрни о чем-то думал; я старался не мешать ему, хотя и спросил, что он собирается делать с машиной.

— Приводить в порядок, — рассеянно ответил он и снова погрузился в молчание.

Нет спору, у него были кое-какие способности. Он умел обращаться с инструментами, умел быстро находить неисправности и знал, как устранять их. Его чувствительные руки были восприимчивы к автомобильной механике. Конечно, он мог починить машину, но деньги, которые заработал летом, предназначались для колледжа. У него никогда не было машины, он не имел ни малейшего представления о том, с какой безжалостностью старые машины умеют высасывать деньги. Они высасывают их так же, как вампир высасывает кровь. Он мог бы избежать затрат на ручной труд, если бы все делал сам, но одни запчасти разорили бы его еще до окончания работы.

Я сказал ему об этом, но он только поежился. Его взгляд был отстраненным и туманным. Не знаю, о

чем он думал.

Майкл и Регина Каннингем были дома — она трудилась над составлением картинок-загадок, а он слушал музыку в общей комнате.

Прошло не очень много времени, прежде чем я пожалел, что не отказался от молока и пирожных. Эрни рассказал им о том, что сделал, показал расписку, и они стали ходить по потолку.

Вы должны понять, что Майкл и Регина были цветом университетского общества. Они были призваны служить делу прогресса, а для них это значило — выражать протест. Они протестовали против раскола в начале шестидесятых, против войны во Вьетнаме, против Никсона, против полицейского произвола, против расовой сегрегации в школах и против жестоких родителей. Для этого нужно было говорить — говорить почти без умолку. И потребность в разговорах у них была такая же, как потребность в службе общественному прогрессу. Они были готовы принять участие во всех ночных сеансах спутниковой телесвязи, выступать по радио и на всех семинарах, где могли высказать свое мнение о какой-нибудь злободневной проблеме. Одному Богу известно, сколько времени они провели на различных «горячих линиях» или на старом добром «телефоне доверия», куда может позвонить человек, думающий о самоубийстве, и услышать приятный голос, отвечающий: «Не делай этого, парень, у тебя есть важная миссия на космическом корабле по имени Земля». После тридцати лет преподавания в университете вы готовы раскрывать рот так же, как собаки Павлова готовы выделять слюну по первому звонку дрессировщика. Бьюсь об заклад, что вам это даже нравится.

Регина (они настаивали, чтобы я называл их по имени) была все еще привлекательной сорокапятилетней женщиной с довольно холодными полуаристократическими манерами — я хочу сказать, что она умудрялась выглядеть аристократично даже тогда, когда носила протертые джинсы, а это было всегда. Она преподавала английскую литературу и специализировалась на ранних английских поэтах. Ее диссертация была посвящена Роберту Геррику.

Майкл читал лекции по истории. Он казался таким же печальным и меланхоличным, как музыка, которую он ставил на своем магнитофоне, хотя печаль и меланхолия не были свойственны его натуре. Иногда он заставлял меня задуматься над тем, что сказал Ринго Старр, когда «Битлз» впервые очутились в Америке и на какой-то пресс-конференции у него спросили, действительно ли он так печален, как выглядит. «Нет, — ответил Ринго. — это просто мое лицо». Майкл был как раз таким. Кроме того, его тонкое лицо и толстые роговые очки делали его похожим на карикатурного профессора, изображаемого под какой-нибудь недружелюбной заметкой в газете.

— Привет, Эрни, — сказала Регина, когда мы вошли. — Привет, Дэннис.

После этого она уже не радовалась нашему приходу.

Мы поздоровались и сели за столик, стоявший в углу. Нам принесли молоко и пирожные. Вскоре музыка оборвалась, и в кухню, шаркая шлепанцами, вошел Майкл. Он выглядел так, словно только что умер его лучший друг.

— Вы сегодня припозднились, мальчики, — проговорил он. — Что-нибудь случилось?

— Я купил машину, — произнес Эрни, отрезая кусок пирожного.

— Что ты сделал? — прокричала его мать из другой комнаты.

Вслед за тем послышался глухой стук упавшей книги. Вот когда я начал жалеть, что не поехал домой.

Майкл Каннинггейм повернулся к сыну, держа в одной руке пакет с яблоками, а в другой — пластиковую коробку с йогуртом.

— Ты шутишь, — сказал он, и я почему-то обратил внимание на то, что эспаньолка, которую он носил с семидесятого года, была почти седая. — Эрни, ты ведь шутишь, да? Скажи, что ты шутишь. Вошла Регина, высокая, полуаристократичная и едва сдерживающая бешенство. Она пристально посмотрела на Эрни и поняла, что тот не шутил.

— Ты не можешь купить машину, — произнесла она. — О чем ты говоришь? Тебе только семнадцать лет.

Эрни медленно перевел взгляд с отца, застывшего у холодильника, на мать, стоявшую в дверном проеме. Я никогда прежде не видел у него такого упрямого и твердого выражения лица. Если бы он почаще так держался в школе, то, думаю, его бы там перестали прогонять отовсюду.

— Вы ошибаетесь, — сказал он. — Я мог купить ее без всяких проблем. Купить машину за наличные не так трудно. Другое дело — зарегистрировать ее в семнадцать лет. Вот тут мне понадобится ваше разрешение.

Они смотрели на него с изумлением и недоумением, которые вызвали у меня чувство тревоги, смешанной со злостью. Ведь при всем своем либеральном образе мыслей и при всей любви к разоренным фермерам, брошенным женам и незамужним матерям они всегда управляли Эрни. И Эрни позволял управлять собой.

— Не думаю, что тебе стоит разговаривать с матерью в таком тоне, — произнес Майкл. Он положил яблоки и йогурт обратно в холодильник и медленно закрыл дверцу. — Ты слишком молод, чтобы иметь машину.

— А Дэннис? — тотчас спросил Эрни.

— Какие взгляды у родителей Дэнниса и какие у нас — это две совершенно различные вещи, — сказала Регина Каннинггейм. Я еще никогда не слышал, чтобы ее голос был так холоден. Никогда. — И ты не имеешь права делать такие вещи, не посоветовавшись с твоим отцом и матерью о том...

— Не посоветовавшись с вами! — внезапно заорал Эрни. Он расплескал молоко. На его щеке выступили крупные вены, похожие на веревки.

Регина отступила на шаг, у нее отвалилась челюсть. Могу поклясться, что она ни разу в жизни не думала, что ее сын, этот гадкий утенок, будет когда-нибудь орать на нее. Майкл, казалось, был поражен не меньше. До них постепенно начало доходить то, что я уже почувствовал, — по каким-то неведомым причинам Эрни наконец понял, что по-настоящему чего-то хочет. А Бог помогает таким людям.

— Советоваться с вами! Хватит с меня ваших семейных советов! Сколько их ни было, никогда я не мог добиться того, чего хотел! Ведь у вас всегда было два голоса против моего одного! Да на черта мне такие семейные советы? Я купил машину, и... все тут!

— Нет, не все, — проговорила Регина. Она плотно сжала губы и странным образом (а может быть, как раз наоборот) утратила свой прежний полуаристократический вид; теперь она выглядела, как королева Шотландии, если бы ту можно было одеть в джинсы и все прочее. Глядя на Майкла, я почувствовал острую жалость к нему — так он был подавлен и несчастен. Ему даже некуда было пойти. Он был дома. И в его доме начиналась война двух поколений. Регина была явно готова к ней, а Майкл — еще нет. Мне не хотелось участвовать во всем этом. Я встал и пошел к двери.

— Ты позволил ему? — спросила Регина. Она смотрела на меня так надменно, точно мы никогда не пекли пироги и все вместе не ездили на их семейные пикники. — Дэннис, ты меня удивляешь. Ее слова меня уязвили. Мне всегда нравилась мама Эрни, но полностью я ей не доверял никогда, по крайней мере после случая, произошедшего лет десять назад.

Однажды, когда мы катались на велосипедах, Эрни упал и здорово поранил ногу. Я сам привез его домой, и врач наложил ему полдюжины швов. Затем Регина отчитала меня так, что я был готов разреваться — еще бы, мне было всего восемь лет, и я видел лужу крови. Не помню всех ее обвинений, но, кажется, начала она со строгого выговора за то, что я плохо присматривал за ее сыном, точно он был моложе, а не одного возраста со мной.

Теперь для меня снова прозвучало то же самое — Дэннис, ты плохо присматривал за ним. — и я разозлился. Не только из-за отношения к Регине. Когда вам семнадцать лет, вы почти всегда становитесь на сторону своих сверстников. Вы инстинктивно чувствуете, что если не будете отстаивать эту территорию, то ваши собственные папа и мама — из лучших побуждений — будут счастливы окружить вас непреодолимой стеной и вечно держать в загоне для малолеток.

Я разозлился и старался не взорваться.

— Ничего я ему не позволял, — произнес я как можно спокойнее. — Он захотел и купил.

Раньше я бы добавил, что Эрни получил именно то, к чему стремился, но теперь не собирался этого делать.

— Я пробовал отговорить его.

— Ты явно не перетрудился, — едко заметила Регина. С таким же успехом она могла бы сказать: не дури мне мозги, Дэннис, я знаю, что вы были заодно. Ее щеки покрылись румянцем, а взгляд буквально испепелял. Она желала, чтобы я вновь почувствовал себя восьмилетним мальчиком.

— Не знаю, из-за чего вы так переживаете. Он купил ее за двести пятьдесят долларов, и...

— Двести пятьдесят долларов! — выпалил Майкл. — Какой же должна быть машина, чтобы стоить двести пятьдесят долларов?!

Его замешательство и неловкость исчезли почти без следа. Теперь он смотрел на сына с нескрываемым презрением, от которого меня немножко покорило. Если у меня когда-нибудь будут дети, постараюсь не строить таких гримас.

Я твердил себе, что должен оставаться спокойным и не лезть не в свое дело... но съеденное пирожное застряло у меня где-то на полпути к желудку, и я кожей чувствовал, как оно там горело. Каннинггеймы были моей второй семьей, поэтому все ее неурядицы и скандалы я воспринимал изнутри.

— Вам предстоит многое узнать об автомобилях, потому что вашему сыну досталась не совсем новая машина, и ее придется чинить, — сказал я и неожиданно поймал себя на том, что довольно точно воспроизвел интонации Лебэя. — Понадобится довольно долгая работа («И немало денег», — подумал я). Можете смотреть на это как на... как на хобби.

— Вижу в этом только сумасшествие, — проговорила Регина.

— По-моему, проблема не настолько серьезна. Но все равно мне пора ехать домой. Если вы не против, то я вас покину.

— Хорошо, — сухо ответила миссис Каннинггейм.

— Да, — произнес Эрни бесцветным голосом. Он поднялся. — Пора все это послать к черту.

Регина открыла рот, а Майкл зажмурился, как будто получил пощечину.

— Что ты сказал? — Регина наконец пришла в себя. — Что ты...

— Не знаю, что вас так потрясло, — мрачно проговорил Эрни, — но я не собираюсь торчать здесь и выслушивать ваши бредни. Мне уже семнадцать лет Я хочу, чтобы со мной считались.

Они вытаращились на него так, как если бы у одной из кухонных стен выросли губы и она начала говорить.

Эрни посмотрел на них. В его глазах не было ничего, кроме угрозы.

— Говорю вам, мне нужна эта вещь. Только она.

— Эрни, но ведь страховка... — начал Майкл.

— Прекрати! — закричала Регина. Она не желала обсуждать технические проблемы, потому что это был шаг к капитуляции; ей хотелось задавить бунт в зародыше, быстро и беспощадно. В этот момент она выглядела одновременно испуганной и вульгарной. Мне стало жалко ее, потому что она мне нравилась.

Уже стоя в дверях, я внезапно почувствовал нездоровое любопытство: чем же все это кончится? Я присутствовал при первом крупном скандале в семействе Каннингемов. До сих пор им можно было дать десять баллов за пуританство.

— Дэннис, тебе лучше уйти, пока мы тут разбираемся, — зловеще проговорила Регина.

— Я уйду, но, по-моему, вы делаете из мухи слона. Если бы вы увидели эту машину... она или вообще не трогается с места, или за двадцать минут набирает тридцать миль в час.

— Дэннис! Иди!

Я ушел.

Садясь в машину, я увидел, как из задней двери вышел Эрни; он явно намеревался привести в исполнение свою угрозу. Следом за ним показались его родители, теперь у них был такой перепуганный вид, как будто они оба обмочились. Отчасти я мог их понять. Все предшествовавшее было неожиданней, чем гром, разразившийся среди ясного неба.

Когда я выруливал на улицу, они втроем стояли на площадке возле двухместного гаража (в котором стояли «порш» Майкла и «вольво» Регины — у них-то есть машины, вспомнил я) и все еще ругались. «Ну, вот и все», — подумал я, и мне стало тоскливо. Они раздавят его. Лебэй получит свои двадцать пять долларов, а «плимут» останется гнить на прежнем месте. Подобные вещи им не раз удавались. Потому что он был рохлей. Это знали даже его родители. Он был неглупым парнем, и когда вы знакомились с ним поближе, то видели, что у него были и чувство юмора, и доброта, и... нежность, если я правильно понимаю это слово, Нежный, но все-таки рохля. Они знали, что он был рохлей, и должны были раздавить его.

Так я думал. Но я ошибался.

3. На следующее утро

Мой папа сказал мне однажды: «Сынуля, твой бешенный Линкольн меня доведет до кладбища или до белой горячки, я это тебе говорю наперед».

В 6.30 следующего утра я подъехал к дому Эрни и припарковался у обочины, не желая заходить за ним, даже если его родители еще спали, — слишком много вредных флюидов предыдущим вечером

вitalo в их кухне, поэтому меня ничуть не прельщал традиционный кофе с пончиком перед работой. Эрни не показывался по меньшей мере минут пять, и я уже начал размышлять о том, мог ли он исполнить свою вчерашнюю угрозу и уйти из дома. Затем задняя дверь отворилась, и он спустился по бетонной дорожке, неся в одной руке пакет с завтраком.

Он сел в машину, захлопнул дверцу и, улыбнувшись, сказал:

— Давай, трогай.

Он явно был в хорошем настроении.

Большую часть пути мы ехали молча, слушая хиты рок-энд-соула, которые передавала местная радиостанция. Эрни рассеянно отстукивал ладонью по колену, отбивая доли музыкальных тактов. Наконец Эрни произнес:

— Извини, что вчера тебе пришлось присутствовать при всем этом.

— Все в порядке, Эрни.

— Тебе никогда не приходило в голову, — внезапно сказал он, — что родители — это всего лишь переросшие дети, и только собственный ребенок может вытащить их из младенчества?

Я покачал головой.

— Знаешь, что я думаю? — спросил он.

Мы уже подъезжали к строительной площадке; трейлер, принадлежавший фирме «Карсон бразерс», стоял в двух холмах от нас. В такую рань движение на дороге было еще слабым и сонным. Небо было нежно-персикового цвета.

— Я думаю, что быть родителем — это отчасти значит — стараться убить своего ребенка.

— Это точно, — ответил я. — Мои все время стараются доконать меня. А вчера они чуть не добились своего, когда стали расспрашивать, почему я задержался после работы.

Я не обратил особого внимания на слова Эрни, но мне было интересно, что сказали бы Майкл и Регина, если бы услышали сейчас своего сына.

— Я знаю, это звучит немного странно, — продолжал он, — но есть много таких вещей, которые кажутся чепухой, пока не задумаешься над ними. Эдипов комплекс, например.

— Дерьмо все это, — сказал я. — Ты поругался с родителями, вот и вся проблема.

— Нет, не вся, — задумчиво произнес Эрни. — Они не знают, что делают. Не могут знать. Сказать почему?

— Скажи, — ответил я.

— Потому что как только у родителей рождаются дети, так они сразу понимают, что должны умереть. Когда у тебя появляется ребенок, ты смотришь на него как на свое надгробие, — Знаешь что, Эрни?

— Что?

— Я думаю, все это просто дерьмо, — сказал я, и мы оба рассмеялись.

— А я так не думаю, — сказал он. Я зарулил на стоянку и выключил двигатель. Из машины мы вылезли не сразу.

— Я сказал им, что не пойду на курсы для поступления в колледж, — проговорил Эрни. — Я сказал им, что запишусь на домашнее обучение.

Домашнее обучение было тем способом получения «среднего» образования, который пришелся по душе многим ребятам из старших классов. Им высылались программы по различным предметам, и

они занимались сами, — разумеется, за исключением тех, кто не ночевал дома.

— Эрни... — начал я, не зная, что сказать дальше. Пожар разгорелся на пустом месте, и это сбило меня с толку. — Эрни, ты все еще не в духе. Они оплатят твои курсы...

— Конечно, оплатят, — перебил Эрни и холодно улыбнулся. При бледном свете зари он выглядел одновременно и старше, и намного моложе... вроде циничного ребенка, если такое возможно. — Они в силах оплатить и полное обучение, и университет, если захотят. Закон им этого не запрещает. Но ни один закон не заставит меня идти туда, куда они считают нужным.

Я был поражен. Как сумел этот рохля так быстро и, главное, так неузнаваемо измениться? И как Майкл и Регина могли согласиться с его планами? Представить такое было очень трудно.

— Так, значит, они... сдались? — Пора было идти на стройплощадку, но я не мог не задать этого вопроса.

— Не совсем так. Насчет машины мы договорились, что я найду для нее место в гараже и не буду пытаться ее зарегистрировать без их согласия.

— И ты думаешь, что тебе это удастся? Он снова улыбнулся — заговорщически и в то же время зловеще. Точно так же мог бы усмехнуться бульдозерист, опуская ковш своего «Д-9 Кат» на какой-нибудь особенно неподатливый пенёк.

— Удастся, — ответил он. — Можешь мне поверить.

И знаете что? Я ему поверил.

4. Эрни женится

Мне запомнился день,
когда я среди прочих обломков
набрел на нее,
только в ней
было под ржавчиной чистое золото -
не старье...

В ту пятницу мы могли вечером подзаработать на сверхурочной работе, но отказались от нее.

Получив в конторе наши чеки, мы поехали в питсбургское отделение сбережений и займов и вскоре пересчитывали наличные. Почти все свои деньги я внес на срочный вклад, часть положил на чековый счет (отчего почувствовал себя до отвращения взрослым), а двадцать долларов оставил в бумажнике. Эрни обратил в наличные весь свой заработок.

— Вот, — произнес он, протягивая десятидолларовую бумажку.

— Нет, — ответил я, — оставь их при себе, приятель. У тебя теперь каждый цент будет на счету, пока ты не разделаешься со своей консервной банкой.

— Возьми, — сказал он. — Я плачу свои долги, Дэннис.

— Оставь. Правда, оставь.

— Возьми. — Он настойчиво протягивал деньги. Я взял, но заставил его один доллар взять обратно. Он даже этого не хотел делать.

Пока мы ехали к дому Лебэя, Эрни нервничал, включал радио на полную громкость, барабанил пальцами то по колену, то по приборной доске — словом, вел себя, как будущий молодой отец, ожидающий, что его жена вот-вот родит ребенка. Наконец я догадался: он боялся, что Лебэй продал машину кому-нибудь другому.

— Эрни, — сказал я, — успокойся. Она будет на месте.

— Я спокоен, — ответил он и принужденно улыбнулся. Цветение на его лице в тот день было ужасней, чем когда-либо, и я представил себе (не в первый и не в последний раз), что почувствовал бы, если бы очутился на месте Эрни Каннингейма — в его ежеминутно и ежесекундно сочащейся, нарывающей коже...

— Слушай, не потей! Ты ведешь себя так, точно собираешься налить лимонаду в штаны.

— Не собираюсь, — сказал он, продолжая барабанить пальцами по приборной доске.

Наступил вечер пятницы, и по радио передавали «Музыкальный рок-уик-энд». Когда я оглядываюсь на тот год, то мне кажется, что он измеряется прогрессиями рок-н-ролла... и все возрастающим чувством страха.

— А почему именно эта машина, — спросил я. — Почему именно она?

Он долго смотрел на Либертивилл-авеню, а потом резким движением выключил радио.

— Не знаю, — наконец произнес он. — Может быть, потому, что с того времени, как у меня появились эти отвратительные прыщи, я впервые увидел что-то еще более уродливое, чем я сам. Ты хотел, чтобы я это сказал?

— Эй, Эрни, брось дурить, — сказал я. — Это я, Дэннис. Ты еще помнишь меня?

— Помню, — проговорил он. — И мы все еще друзья, да?

— Конечно. Но какое это имеет отношение...

— А это значит, что мы должны по крайней мере не лгать друг другу. Поэтому я и сказал тебе, и, может быть, это не совсем чепуха. Я знаю, что безобразен. Я плохо схожусь с людьми. Я... чуждаюсь их. Я бы хотел быть другим, но ничего не могу поделать с собой. Понимаешь?

Я нехотя кивнул. Как он сказал, мы были друзьями, а это значило — не лезть в дерьмо друг перед другом.

Он тоже кивнул — точно чему-то очевидному для него.

— Другие люди, — осторожно добавил он, — например, ты, Дэннис, не всегда могут это понять. Если ты не безобразен, то по-другому смотришь на мир. Знаешь, как трудно сохранять чувство юмора, если все вокруг смеются над тобой? Тогда у тебя кровь закипает в жилах. От этого можно сойти с ума.

— Ну это я могу понять. Но...

— Нет, — спокойно сказал он. — Ты не можешь понять этого. Ты можешь думать, что понимаешь, но понять — не можешь. Тебе это недоступно. Но я тебе нравлюсь, Дэннис...

— Я люблю тебя, Эрни, — перебил я его. — И ты это знаешь.

— Может быть, любишь, — произнес он. — И если так, то это потому, что у меня есть кое-что под этим глупым лицом...

— У тебя не глупое лицо, Эрни, — сказал я. — Может быть, не очень чистое, но не глупое.

— Да иди ты... — проворчал он, а потом добавил:

— Во всяком случае, эта машина — что-то вроде меня. У нее тоже что-то есть внутри. Что-то лучшее, чем снаружи. Я вижу это, вот и все.

— Видишь?

— Да, Дэннис, — тихо проговорил он. — Я вижу.

Я свернул на Мэйн-стрит. Мы уже подъезжали к дому Лебэя. И внезапно мне в голову пришла одна

довольно мрачная мыслишка. А что если, предположил я, отец Эрни подговорил одного из своих друзей или студентов, чтобы тот мигом сбегал к Лебэю и купил машину раньше, чем это успеет сделать его сын? Макиавеллиевская уловка, скажете вы, но Майкл Каннинггейм был способен и не на такое коварство. Недаром он специализировался на военной истории.

— Я увидел эту машину — и сразу почувствовал какое-то влечение к ней... Я даже себе этого не могу как следует объяснить. Но... — Он замялся, как-то сонно глядя вперед. — Но я увидел, что смогу сделать ее лучше, — закончил он.

— Ты хочешь сказать — починить?

— Да... то есть нет. Это слишком бездушно. Чинят столы, стулья и всякую всячину вроде них. Газонокосилку, если она не работает. И — обыкновенные автомобили.

Вероятно, он заметил, как у меня поднялись брови. Он улыбнулся, точнее — усмехнулся.

— Понимаю, как это звучит, — произнес он. — Я не хотел этого говорить, потому что знал, как ты среагируешь. Но я на самом деле думаю, что она не обычная машина. Не могу сказать почему, но мне так кажется.

Я открыл рот, собираясь сказать что-нибудь такое, о чем впоследствии наверняка пожалел бы, но мы как раз повернули за угол, на улицу Лебэя.

Эрни шумно вобрал воздух.

Один прямоугольник травы на лужайке Лебэя был более желтым и еще более отвратительным, чем все остальные части его заросшего газона. С одного края на нем виднелось черное пятно масла, впитавшегося в почву и убившего все, что там прежде росло. Этот прямоугольный кусок травы был столь омерзительно ярок, что если бы вы смотрели на него слишком долго, то могли бы ослепнуть. На этом месте вчера стоял «плимут» 58-го года выпуска.

— Эрни, — сказал я, пристраивая свою машину у обочины, — держи себя в руках. Ради Христа, не сходи с ума.

Он не обратил ни малейшего внимания на мои слова. Сомневаюсь, что он вообще меня слышал. Его лицо было бледным. Цветение на нем стало еще заметней. Он открыл правую дверцу моего «дастера» и на ходу выпрыгнул из машины.

— Эрни...

— Это мой отец, — бросил он со злостью и отчаянием. — Я чую этого ублюдка.

И он побежал через газон к дому Лебэя.

Я вылез из машины и поспешил за ним, думая о том, когда же наконец закончится это сумасшествие.

Я с трудом мог поверить, что Эрни Каннинггейм только что назвал Майкла ублюдком.

Эрни успел только один раз ударить кулаком в дверь, как она отворилась. На пороге стоял Ролланд Д.Лебэй. Он мягко улыбнулся, глядя на взбешенное лицо Эрни.

— Здравствуй, сынок, — сказал он.

— Где она? — взорвался Эрни. — Мы же договорились! Я дал задаток!

— Не кипятись, — произнес Лебэй. Но, увидев меня, спросил:

— Что это с твоим другом, сынок?

— Машина исчезла, — ответил я. — А так — ничего.

— Кто купил ее? — закричал Эрни.

Я никогда не видел его в таком безумном состоянии. Думаю, если бы у него был пистолет, то он бы

приставил его к виску Лебэя.

— Кто купил ее? — благодушно переспросил Лебэй. — Да пока никто не купил, сынок. Но ты дал за нее залог. Я отогнал ее в гараж, вот и все. Я поставил кое-какие запчасти и сменил масло. — Он приосанился и одарил нас обоих неуместно величавой улыбкой.

Эрни подозрительно посмотрел на него, затем перевел взгляд на небольшой гараж, соединявшийся с домом гравею дорожкой.

— Кроме того, я не хотел оставлять ее на улице, ведь ты внес за нее часть денег, — добавил Лебэй. — У меня уже были неприятности с ней. Однажды ночью какой-то недоносок бросил камень в мою машину. Да еще соседи — некоторые из них явно попали сюда из команды БЗ.

— Что это за команда? — спросил я.

— Большие Задницы, сынок. — Он окинул улицу недобрым взглядом и задумчиво сказал:

— Хотел бы я знать, кто бросил камень в мою машину. Да, сэр, мне бы очень хотелось это знать.

Эрни прочистил горло:

— Извините, что причинил вам беспокойство.

— Ничего, сынок, — оживился Лебэй. — Мне нравятся ребята, готовые постоять за свою... или почти свою вещь. Ты принес деньги?

— Да, они со мной.

— Ну, тогда заходите в дом. Ты и твой друг. Я подпишу бумаги, и мы выпьем по банке пива, чтобы отметить это событие.

— Нет, спасибо, — сказал я. — Я лучше побуду здесь.

— Как знаешь, — произнес Лебэй... и подмигнул мне.

По сей день не имею представления, что означало это подмигивание. Они вошли внутрь, за ними хлопнула дверь. Рыбка была в сачке, и скоро ее должны были почистить.

Чувствуя какую-то подавленность, я пошел по гравею дорожке к гаражу и попытался открыть дверь. Она легко поддалась, и на меня пахнуло тем же запахом, какой был вчера в «плимуте» — смешанный запах старой обивки, масла и застоявшегося летнего тепла.

К одной стене были приставлены грабли и старый садовый инвентарь. На другой стене висели старый резиновый шланг, велосипедная шина и древняя сумка с клюшками для игры в гольф.

Посреди гаража стояла машина Эрни, Кристина. Луч света упал на паутину трещин, покрывавшую ветровое стекло, и та засверкала, как россыпь мельчайших ртутных шариков. Какой-нибудь паренек с камнем, как сказал Лебэй, или небольшое дорожное происшествие по пути домой после ночного кутежа с бывшими вояками, рассказывавшими байки о днях своей молодости. О старые добрые времена, когда настоящий мужчина мог посмотреть на Европу, Океанию и таинственный Восток, прильнув к прицелу своей базуки. Кто знает... И какая разница? В любом случае найти замену для такого большого ветрового стекла было непросто.

Или недешево.

«Ох Эрни, — подумал я, — бедный, ты зашел слишком далеко».

Я опустился на колени и заглянул под машину. На полу чернело свежее масляное пятно. Оно не улучшило моего подавленного настроения.

Я поднялся на ноги и подошел к левой передней дверце «плимута». Взявшись за ручку, я увидел большую пластиковую бутылку, стоявшую в дальнем углу гаража. На блестящем ободке были явно

различимы буквы: С-А-П-Ф.

Я застонал. Ох, он сменил масло — хрен с ним! Но он залил в двигатель несколько кварт моторного масла «Сапфир», пять галлонов которого стоят 3,5 доллара! Ролланд Д.Лебэй был великодушен, черт бы его побрал!

Я открыл дверцу и сел за руль. Запах, который мне почудился в гараже, здесь казался не таким тяжелым. Красное рулевое колесо было очень большим — раньше любили делать такие основательные вещи. Я снова посмотрел на удивительный спидометр, который был откалиброван не на 70 или 80, а на все 120 миль в час. На нем не существовало красного числа 55. Пятнадцать лет назад бензин продавался по 29,9 доллара за галлон, а может, и меньше, если ваш город захлестнула война цен.

«Эти старые добрые времена». — подумал я и улыбнулся. Слева под сиденьем я нащупал кнопку, с помощью которой можно было приподнять или откинуть спинку (работала она или нет, но была). В салоне находился кондиционер (который точно не работал), на приборной доске я заметил счетчик расхода топлива и большую хромированную ручку радиоприемника, — конечно, он ловил только средние волны. В 1958 году УКВ были необжитым пространством.

Я положил руки на руль, и что-то произошло.

Даже сейчас, после всех раздумий, я не совсем понимаю, что это было. Может быть, какое-то смутное видение — во всяком случае, оно не было долгим. На один миг мне вдруг померещилось, что старая, ободранная обивка куда-то пропала. Сиденья вдруг оказались покрытыми приятно пахнущим винилом... а может быть, это был запах натуральной кожи. На рулевом колесе исчезли потертые места; хром успокаивающе поблескивал в лучах летнего вечера, падающих через открытую дверь гаража. «Давай прокатимся, приятель, — казалось, прошептала Кристина в жаркой летней тишине гаража Лебэя. — Давай отправимся в путь».

И на какое-то мгновение мне показалось, что изменилось все. Исчезли трещины на ветровом стекле — или это только чудилось. Небольшая полоса на газоне Лебэя, которую я видел через дверной проем, была не пожухлой, а такой сочной, какой бывают лишь недавно подстриженные, ухоженные лужайки. Бордюр за ней был сложен из свежего, а не из полуосыпавшегося бетона. Чуть поодаль я увидел (или мне опять-таки померещилось, что увидел) «кадиллак» 57-го года, сиявший на солнце, как хорошо начищенное зеркало. «Кадиллак» размером с катер — а почему бы и нет? Бензин был таким же дешевым, как и вода из крана.

«Давай прокатимся, приятель... Давай отправимся в путь».

А действительно, почему бы и нет? Я мог бы вырулить на улицу и поехать в центр города, к старой школе, которая стояла там, — она сгорела только через шесть лет, в 1964 году; мог бы включить радио, поймать Чака Берри, поющего «Проснись, моя маленькая Сюзи», или Робина Люка, вопящего «Дорогую Сюзи». А потом я мог бы...

А потом я выскочил из машины как ошпаренный. Дверца издала адский скрип, и я ударился локтем о стену гаража. Захлопнув дверцу (по правде говоря, мне не хотелось даже ее трогать), я несколько секунд смотрел на «плимут», который скоро должен был стать собственностью моего друга Эрни. Я вытер лоб. Мое сердце колотилось в бешеном темпе.

Ничего. Ни нового хрома, ни новой обивки. Наоборот, множество царапин и грязных пятен, одна разбитая передняя фара (в прошлый раз я этого не заметил) и покосившаяся антенна.

Вот тогда я решил, что мне не нравится машина моего друга Эрни.

Я вышел из гаража, то и дело оглядываясь назад — не знаю почему, но мне не нравилось, что она находилась за моей спиной. Понимаю, это глупо, но именно так я чувствовал. И всякий раз я не видел ничего странного, просто очень старый «плимут» с наклейкой о техосмотре, которая потеряла силу 1 июня 1976 года — давным-давно.

Эрни и Лебэй как раз выходили из дома. У Эрни в руке была белая бумажка. Свидетельство о продаже, догадался я. Руки Лебэя были пустыми; деньги он, очевидно, сразу же припрятал.

— Надеюсь, ты оценишь ее, — проговорил он, и мне почему-то подумалось о старом своднике, торгующемся с очень маленьким мальчиком. Я почувствовал приступ настоящего отвращения к нему — к его псориазу на черепе и к его вонючему спинному поясу. — Я думаю, оценишь. В свое время. — Он посмотрел на меня и повторил:

— В свое время.

— Да, сэр, несомненно, — рассеянно сказал Эрни. Он походкой лунатика направился к гаражу и остановился, зачарованно глядя на свою машину.

— Ключи внутри, — произнес Лебэй. — Ты должен будешь забрать ее прямо сейчас.

— А она заведется?

— Завелась же для меня вчера вечером, — проговорил Лебэй, глядя куда-то в сторону. А затем добавил тоном человека, уже полностью умывшего руки:

— Полагаю, у твоего друга найдется набор соединительных проводов в багажнике.

Действительно, в багажнике моей машины лежал набор соединительных кабелей, но мне не понравилось, что Лебэй догадался об этом. Я обречено вздохнул. Мне очень не хотелось вмешиваться в будущие отношения Эрни со старой развалюхой, а меня в них втягивали, помимо моей воли.

Эрни пропустил мимо ушей весь предыдущий разговор. Он подошел к машине и сел за руль. Мне снова стало не по себе: «плимут» точно поглотил его. Я приказал себе успокоиться — не было никаких причин, чтобы вести себя, как несмышленная семиклассница.

Затем Эрни наклонился немного вперед, и в машине что-то заурчало. Я бросил на Лебэя испепеляющий взгляд, но тот смотрел в небо, точно изучая его на предмет дождя.

Она явно не собиралась заводиться. Мой «дастер» был в приличном состоянии, однако перед ним я пробовал освоить две развалюхи (не такие, как Кристина, те были другого класса) и поэтому хорошо знал подобные звуки, которые могут свести вас с ума в холодное зимнее утро.

Рурр-рурр-рурр-рурр... рурр.....рурр.....рурр.

— Не старайся, Эрни, — сказал я. — Зажигание не работает.

Не поднимая головы, он снова повернул ключ.

Мотор натужно заскрежетал. Я подошел к Лебэю.

— Вчера вы долго заводили ее, да? — спросил я. Лебэй взглянул на меня своими пожухлыми глазами и снова уставился в небо, точно размышляя о чем-то.

— А может, вы ее вообще не заводили? Может, вы просто позвали пару дружков, и они закатали ее в гараж. Если, конечно, у такого старого дерьма есть друзья.

Он опустил взгляд на меня.

— Сынок, — сказал он. — Ты всего не знаешь. У тебя еще за ушами не обсохло. Когда ты пройдешь

через две войны, как я...

— Хрен с вашими войнами, — с расстановкой проговорил я и направился к гаражу, где Эрни все еще пытался завести свою машину. С таким же успехом он мог бы попробовать улететь на Марс на воздушном шаре, подумалось мне.

Рурр-рурр.....рурр.....рурр.

Я открыл дверцу.

— Подожди, не сажай аккумулятор. Сейчас принесу кабель, — сказал я.

Он повернул голову:

— Мне кажется, для меня она должна завестись. Я почувствовал, как мои губы расползлись в ухмылке.

— Ну тогда кабель тем более не помешает.

— Как знаешь, — рассеянно проговорил он и очень тихо добавил:

— Давай же, Кристина. Что ты говоришь?

В тот же миг какой-то голос в моей голове снова произнес: «Давай прокатимся, приятель... Давай отправимся в путь», — и меня передернуло.

Я ожидал, что вслед за этим раздастся щелчок и предсмертный храп соленоида. На самом деле я услышал звук заработавшего двигателя. Он сделал несколько оборотов и заглох. Эрни опять повернул ключ. Мотор заработал быстрее. Прогревели выстрелы из выхлопной трубы. Я подпрыгнул от неожиданности. Эрни даже не пошевелился. Он исчез в своем собственном мире. Когда двигатель снова заглох, Эрни Каннингем даже не выругался. Он только тихо пробормотал:

— Давай же, куколка, что ты говоришь?

Затем он повернул ключ. Мотор заскрежетал, сделал еще несколько выстрелов и наконец завелся. Он работал кошмарно — как если бы четыре из восьми цилиндров были сегодня в отгуле, но все-таки работал. Я с трудом мог верить в это.

— Все обернулось не так плохо, правда? — сказал Лебэй. — И тебе не пришлось рисковать своим бесценным аккумулятором. — Он сплюнул.

Я не знал, что сказать. Если честно, я чувствовал себя немного смущенным.

Автомобиль медленно выполз из гаража. Я и не представлял, что он окажется таким длинным. Это было как оптическая иллюзия. Эрни за рулем выглядел на удивление маленьким.

Он опустил стекло и подозвал меня. Чтобы слышать друг друга, нам пришлось кричать во все горло — такова была еще одна особенность подруги Эрни, Кристины: у нее был поразительно громкий голос. Если у нее когда-либо была система глушения, то она, конечно, давно прогорела. В тот момент, когда Эрни сел за руль, небольшой счетчик в автомобильном отделении моего мозга попытожил общую сумму расходов на ремонт — шестьсот долларов, не считая разбитого ветрового стекла. Одному Богу известно, сколько могла стоить его замена.

— Я отгоню ее к Дарнеллу! — проорал Эрни. — Я прочитал в газетах, что в его мастерских можно держать машину за двадцать долларов в неделю!

— Эрни, двадцать долларов за его мастерские слишком много! — прокричал я.

В нашем городе существовала еще одна ловушка для молодых и неопытных. Гараж и мастерские Дарнелла располагались рядом с его же заведением, издевательски именуемым «Лучшие запасные части к автомобилям». Я несколько раз бывал там, один раз покупал стартер к моему «дастеру», а

другой — искал карбюратор для «меркурия», — моей первой развалюхи. Уилл Дарнелл был настоящим жирным боровом, много пившим и беспрерывно курившим длинные сигары, хотя говорили, что у него астма. Он люто ненавидел всех подростков Либертивилла, имевших автомобили... однако это не мешало ему заискивать перед ними и обирать их до нитки.

— Я знаю, — прокричал Эрни. — Но пока я не нашел более дешевого места. Я не могу забрать его домой, мои мама и папа изойдут дерьмом!

Конечно, он был прав — но только отчасти. Я раскрыл рот, собираясь спросить, не лучше ему остановиться, пока дело не зашло слишком далеко. Затем я снова закрыл рот. Было уже поздно. Кроме того, я вовсе не хотел соревноваться с этим ревушим мастодонтом, так же как и забивать легкие отработанным углеродом.

— Хорошо! — Я махнул рукой. — Я поеду за тобой.

— Я поеду через Уолнэт-стрит и через Бэйзн-драйв, — улыбнувшись, прокричал он. — Я не хочу выезжать на главные дороги.

— Ладно.

— Спасибо, Дэннис!

Окутавшись грязным вонючим дымом, плимут медленно пополз по дорожке Лебэя на улицу. Когда он притормозил перед поворотом, у него загорелся только один из задних огней. Автоматический счетчик, встроенный в мою голову, отзвонил еще пять долларов.

Эрни повернул руль влево и выехал на улицу. Остатки глушителя задели за выступ на обочине. Эрни прибавил газ, и машина взревела как сумасшедшая. В домах через дорогу люди подошли к окнам посмотреть, что происходит.

Рева во всю мощь, Кристина со скоростью десяти миль в час покатила по проезжей части.

Клочья голубого дыма стелились за ней, а затем развеялись в теплом вечернем воздухе.

Через сорок ярдов, возле дорожного знака, она клюнула носом и встала как вкопанная. До меня донесся крик какого-то малолетки, наблюдавшего за ней с близкого расстояния:

— Отвезите ее на свалку, мистер!

Эрни высунул из окна кулак с вытянутым вверх средним пальцем — он показывал мальчику птичку. Этот жест был повторен дважды. Никогда прежде не видел я, чтобы Эрни показывал кому-нибудь птичку.

Стартер жалобно заскулил, мотор закричал и зашелся надрывным кашлем. На этот раз прогремела целая серия оглушительных выстрелов. Точно на Лорел-драйв кто-то открыл стрельбу из пулемета. Я застонал.

Вскоре кто-нибудь должен был вызвать полицейских. Они должны были задержать Эрни за нарушение общественного порядка и заодно выяснить, что его машина была не зарегистрирована. Думаю, это не улучшило бы обстановки в доме Каннингемов.

Наконец отгремело эхо последнего взрыва — оно прокатилось по улице, точно в нее угодила артиллерийский снаряд среднего калибра, — а затем «плимут» свернул налево, на Мартин-стрит, которая одной милей выше пересекалась с Уолнэт-стрит. Машина Эрни скрылась из поля зрения.

Я резко повернулся к Лебэю, собираясь послать его куда-нибудь подальше. Я уже говорил, как у меня накипело на сердце. Однако то, что я увидел, заставило меня похолодеть.

Ролланд Д.Лебэй плакал.

Зрелище было ужасным, гротескным, но более всего — жалким. Однажды, когда мне было девять лет, нашего кота по кличке Капитан Бифхарт сбила машина. Мы повезли его к ветеринару — мама вела нашу машину очень медленно, потому что плохо видела из-за слез, а я сидел сзади с Капитаном Бифхартом. Он лежал в коробке, и я говорил ему, что ветеринар вылечит его, что все будет в полном порядке, но даже маленький девятилетний несмышленик, каким был я, мог понять, что для Капитана Бифхарта уже ничего не будет в полном порядке, потому что часть внутренностей у него вылезла наружу, перепачкав его кровью и дерьмом, и он умирал. Я попробовал погладить его, и он укусил меня в руку, как раз в чувствительное место между большим и указательным пальцами. Боль была невыносимой, чувство ужаса и жалости от нее только усилилось. Ничего подобного я с тех пор не испытывал... Поймите, я тогда не жаловался, но мне кажется, что людям лучше не иметь воспоминаний о таких чувствах. Если их будет слишком много, то вам не останется ничего другого, как поселиться на какой-нибудь ферме и плести корзинки.

Лебэй стоял на своей уродливой лужайке недалеко от того места, где масляное пятно уничтожило все живое, и держал в руке большой старческий носовой платок, которым то и дело вытирал глаза. От слез на его щеках оставались грязные подтеки — скорее как от пота, чем как от настоящих слез. Кадык судорожно ходил вверх и вниз.

Я не мог смотреть на него плачущего и, отвернувшись, случайно взглянул на его одноместный гараж. Прежде он казался тесным — из-за садового инвентаря и, конечно, других предметов, но главным образом — из-за огромного старого автомобиля с его двойными передними фарами, выгнутым ветровым стеклом и широченным капотом.

Теперь все вещи, расставленные вдоль стен, только подчеркивали внутреннюю пустоту гаража. Он зиял, как открытый беззубый рот.

Это зрелище ничем не уступало Лебэю. Но когда я посмотрел обратно, старик уже взял себя в руки — по крайней мере с виду. Он перестал утирать глаза и убрал носовой платок в задний карман рейтуз. Правда, его лицо было все еще бледным. Очень бледным.

— Ну вот и все, — проговорил он хрипло. — У меня ее больше не будет, сыночек.

— Мистер Лебэй, — сказал я. — Мне очень хочется, чтобы мой друг поскорее мог сказать то же самое. Если бы вы знали, сколько у него было неприятностей с родителями из-за этой ржавой...

— Убирайся прочь, — произнес он. — Ты говоришь, как безмозглая овца. Только и умеешь что бе-е, бе-е, бе-е и больше ничего. Я думаю, твой друг знает больше, чем ты. Иди и смотри, не нужна ли ему рука.

Я начал спускаться по лужайке к своей машине. У меня не было ни малейшего желания задерживаться у Лебэя хотя бы на одну минуту.

— Ничего, только бе-е, бе-е, бе-е! — злобно прокричал он мне вслед, напомнив старую песенку, которую пели «Янгбладс»: «У меня одна лишь нота, я ору ее до пота». — Ты не знаешь и половины того, что думаешь!

Я сел в машину и поехал прочь. Прежде чем свернуть на Мэйн-стрит, я оглянулся и увидел, что он все еще стоял на своей лужайке и его лысина ярко выделялась в лучах заходящего августовского солнца.

Время показало, что он был прав. Я не знал и половины того, что полагал известным мне.

5. Как мы съездили к Дарнеллу

Есть у меня экипаж легковой,
сделанной в 34-м году, —
старой калошей зовем мы его...

Странно, но он до сих пор на ходу!

Я поехал вниз по Уолнэт-стрит и повернул направо, к Бэйзи-драйв. У меня не ушло много времени на то, чтобы увидеть перед собой машину Эрни. С поднятой крышкой багажника она стояла у обочины. Рядом с бампером лежал автомобильный домкрат, каким могли бы пользоваться шоферы во времена Генри Форда. Правое заднее колесо было спущено. Я затормозил, немного не доезжая до Кристины, и не успел выбраться наружу, как из ближайшего дома вразвалку вышла молодая женщина, вполне соответствовавшая скульптурной композиции, выстроенной на газоне перед ее жилищем (два розовых фламинго, четыре или пять маленьких каменных гусят, сгрудившихся вокруг большой каменной гусыни, и по-настоящему великолепная клумба ярких пластиковых цветов, посаженных в пластиковые горшочки). Она нуждалась в весах для крупногабаритных грузов.

— Здесь нельзя сваливать всякую рухлядь, — проговорила она, с трудом справляясь с жевательной резинкой, которой до отказа был набит ее рот. — Ты не имеешь никакого права бросать эти обломки перед моим домом. Надеюсь, ты и сам понимаешь это.

— Мэм, — сказал Эрни. — У меня спустило колесо, вот и все. Я уеду отсюда, как только...

— Ты не имеешь права ставить ее здесь, и я надеюсь, тебе это известно, — повторила она. — Мой муж скоро должен вернуться. Ему не понравится, если всякие обломки будут торчать перед домом.

— Это не обломки, — сказал Эрни, и что-то в его голосе заставило ее отступить на шаг.

— Не разговаривай со мной в таком тоне, сынок, — надменно проговорила толстуха. — Это не нравится моему мужу, а его лучше не выводить из себя.

— Слушайте, — начал Эрни тем же угрожающим и бесцветным голосом, которым день назад разговаривал с Майклом и Региной.

Я крепко схватил его за плечо. Новая стычка была бы лишней.

— Извините, мадам, — сказал я. — Мы уберем ее очень быстро. Так быстро, что вы подумаете, что у вас была галлюцинация.

— Это и к тебе относится, — сказала она и ткнула согнутым пальцем в сторону моего «дастера». — Твоя машина тоже стоит перед моим домом.

Я отогнал «дастер» немного назад. Она понаблюдала за мной, а потом заковыляла обратно к дому, откуда ей навстречу выбежали маленькие мальчик и девочка. Они тоже были на удивление пухлыми. В руках они держали по плитке шоколада.

— Фто, фвучиась, ма? — спросил мальчик. — Фто это за мафына, ма? Фто фвучиась?

— Заткнись, — проговорила толстуха и потащила детей обратно в дом.

Мне нравится смотреть на таких просвещенных родителей: это дает мне надежду на будущее.

Я вернулся к Эрни.

— Ну, — произнес я, стараясь казаться остроумным, — у тебя всего лишь спустило колесо? Да, Эрни?

Он вяло улыбнулся.

— У меня небольшая проблема, Дэннис. — сказал он.

Я знал, что это была за проблема: у него не оказалось запаски.

Эрни снова достал бумажник — во мне что-то кольнуло при виде его — и заглянул внутрь.

— Мне нужно купить новую резину, — сказал он.

— Думаю, что помогу тебе избежать этого. У меня есть...

— Не надо. Не хочу начинать подобным образом.

Я ничего не ответил, но оглянулся на свой «дастер». У меня в багажнике лежали две камеры, и мне казалось, что они как раз подходили для такого случая.

— Как ты думаешь, сколько будет стоить «гудьер» или «файрстон», если они новые?

Я пожал плечами и призвал на помощь свой автоматический счетчик, который подсказал мне, что Эрни мог бы купить новую несмятую резину за тридцать пять долларов.

Он вынул две двадцатки и вручил их мне.

— Если будет больше — с налогом и всем прочим, — то я доплачу.

Я грустно посмотрел на него.

— Эрни, сколько недельных заработков ты уже потратил?

Он сощурил глаза и отвел их в сторону.

— Достаточно. — сказал он.

Я решил попытаться еще раз — как я уже говорил, мне было семнадцать лет, и я все еще находился под впечатлением, будто людям можно растолковать то, что представляет их непосредственный интерес.

— Ты уже почти все бабки угрохал на эту машину, — сказал я. — Я не могу спокойно смотреть, как ты по любому поводу лезешь за бумажником. Это уже не жест, а жизненная установка. И она тебя погубит. Прошу, Эрни, подумай еще раз.

Его взгляд окаменел. У него было такое выражение, какого мне не приходилось видеть у него прежде, и, хотя вы, наверное, подумаете, что я был самым наивным подростком в Америке, я не мог припомнить подобного выражения ни на одном другом лице. Меня охватило смешанное чувство удивления и отчаяния — я почувствовал себя так, как мог бы себя почувствовать, если бы внезапно обнаружил, что старался в чем-то убедить парня, который на самом деле оказался лунатиком. Хотя позже я видел такое выражение: оно означает полное отключение. Оно бывает у мужчины, когда ему говорят, что женщина, которую он любит, трахается с кем попало за его спиной.

— Не надо, Дэнни, — произнес он. Я поднял обе руки.

— Ладно! Все в порядке!

— Можешь не ездить за этой чертовой покрышкой, если хочешь, — с каким-то тупым упрямством добавил он. — Я найду выход.

Я уже собрался ответить и мог бы наговорить кучу грубостей, но внезапно мой взгляд упал на газон, находившийся слева от меня. Там стояли два пухлых ребенка и смотрели на нас. Их пальцы были выпачканы в шоколаде.

— Невелика трудность. — сказал я. — Я привезу покрышку и камеру.

— Только если сам хочешь. Уже довольно поздно.

— Ничего, не волнуйся, — сказал я.

— Мифтер? — сказал маленький мальчик, облизывая пальцы.

— Что? — спросил Эрни.

— Мама сказава, эта мафына кака.

— Да, — подтвердила девочка. — Кака-бья.

— Кака-бья? — переспросил Эрни. — Умно, ничего не скажешь. Твоя мама, наверное, философ?

— Нет, — ответила девочка. — Она Каприкорн. А меня зовут...

— Я вернусь как можно быстрее, — сказал я, чувствуя себя неловко.

— Ладно.

— Не волнуйся.

— И ты не волнуйся. Я не собираюсь ни с кем ругаться.

Я побрел к машине. Садясь за руль, я услышал, как девочка спросила у Эрни:

— А почему у вас такое лицо, мистер?

Я проехал полторы мили по Кеннеди-драйв — по словам моей матери, выросшей в Либертивилле, раньше вдоль этой дороги стояли самые престижные жилые дома. Может быть, переименование старой Барксуаллоу-драйв, что было сделано в память о президенте, убитом в Далласе, было довольно неудачным решением, потому что с середины шестидесятых на близлежащих улицах не осталось и следа от бывших жилых строений. Теперь здесь были открытый кинотеатр, где можно было посмотреть фильм, не вылезая из машины, «Макдоналдс», несколько ресторанов и различных офисов. Кроме того, здесь находилось множество станций обслуживания, потому что Кеннеди-драйв выходит на магистраль, ведущую в Пенсильванию.

Купить для Эрни колесо было делом пустяковым, однако первые две станции, попавшиеся мне по пути, оказались теми, что рассчитаны на самообслуживание, и в них не продавали даже моторное масло. На третьей были и камеры, и покрышки, и я смог купить резину, подходившую для «плимута» (мне трудно было назвать машину Эрни — неодушевленную вещь — по имени), всего за двадцать восемь долларов и пятьдесят центов вместе с налогом, но там был только один паренек-рабочий, который взялся поставить камеру с покрышкой на обод колеса и накачать его. Операция заняла сорок пять минут. Я предложил парню свою помощь, но тот сказал, что босс убьет его, если узнает об этом.

К тому времени, когда я получил готовое колесо и заплатил парню два бакса за его работу, ранние сумерки превратились в мутно-лиловый августовский вечер. От каждого куста протянулась длинная тень, и, медленно въезжая на улицу, я увидел, как последние солнечные лучи поочередно гасли на верхушках молодых и старых деревьев, окружавших лужайку для игры в шары.

Я сам удивлялся тому паническому страху, который, как огонь по древесному стволу, поднимался все выше к моему горлу. Тогда это чувство охватило меня в первый — непонятный даже для того странного года, — но не в последний раз. Мне трудно назвать причину моего состояния. Может, оно было связано с тем, что кончалось 11 августа 1978 года и через месяц начинался последний учебный год в школе, а значит — заканчивался самый долгий спокойный период моей жизни. Нужно было становиться взрослым, и, может быть, я каким-то образом подсознательно убеждался в этой печальной необходимости, глядя на поток золотых солнечных лучей, стремительно таявших в высоких кронах деревьев. Мне кажется, что я понял тогда: люди потому боятся взрослеть, что не хотят расставаться с маской, к которой они привыкли, и примерять другую. Если быть ребенком — значит учиться жить, то становиться взрослым — значит учиться умирать.

Чувство подавленности и страха вскоре прошло, но после него я ощутил себя разбитым и усталым. Никакое другое состояние не бывает столь обычным для меня.

Разумеется, мое настроение ничуть не улучшилось, когда я увидел, что муж толстухи и в самом деле вернулся домой и что Эрни стоял нос к носу с ним, явно готовясь начать потасовку.

Двое ребятишек молча сидели поодаль, поглядывая то на Эрни, то на Папу, точно зрители некоего апокалипсического теннисного матча, где проигравшего должны были с радостью растерзать.

Казалось, они ждали того момента, когда Папа набросится на моего тощего друга, повалит на землю, а потом начнет отплясывать какой-нибудь бешеный танец на его поверженном теле.

Я подрулил к ним и поспешил выйти из машины.

— Ты меня слышишь? — ревел Папа. — Убери ее — и немедленно!

Его нос почти светился в сумерках. Щеки тоже пылали, а под воротником рабочей спецовки веревками вздулись крупные вены.

— Я не собираюсь ехать на ободах, — сказал Эрни. — Я же сказал. На своей вы бы не поехали.

— Ты у меня поедешь на ободах. Прыщавая Рожа, — прорычал Папа, явно намереваясь показать детям, как настоящие взрослые должны решать свои проблемы. — Не надо было ставить эти вонючие обломки перед моим домом. Убирай — или будешь плакать, детка.

— Никто не будет плакать, — сказал я. — Успокойтесь, мистер. Объявляется брэйк.

Глаза Эрни благодарно скользнули по мне, и я понял, как он был напуган. Вечный рохля, он часто попадал в ситуации, когда сверстники или старшие стремились выжать из него все соки. Должно быть, он и сейчас не ждал для себя ничего хорошего — но в этот раз не поддался.

Глаза мужчины тяжело уставились на меня.

— Еще один, — проговорил он, будто удивляясь тому, что в мире так много настырных задниц. — Вам обоим не терпится схлопотать? Не сомневайтесь, я могу вам это устроить.

Да, я знал таких типов. Если бы ему было лет на десять меньше, он вполне мог быть одним из тех школьников, которые считали ужасно уморительной шуткой выбить из рук учебники или во всей одежде втолкнуть под душ, не выключенный после урока физкультуры. Они никогда не меняются, эти ребята. Они просто становятся старше и зарабатывают рак легких, потому что курят слишком много дешевых «Лаки страйк», или умирают от закупорки сосудов лет в пятьдесят пять.

— Нам не терпится поменять колесо, — сказал я. — У него лопнула камера. У вас никогда не лопалась камера?

— Ральф, я хочу, чтобы они убрались отсюда! — свиноподобная супруга Папы стояла не пороге. Ее голос дрожал на высокой ноте. Это было лучше, чем шоу Филя Донахью. Несколько соседей подошли поближе, чтобы проследить за развитием событий, и я опять с тоской подумал, что если кто-нибудь еще не вызвал полицию, то скоро непременно сделает это.

— У меня никогда не лопалась камера так, чтобы я на три часа оставлял кучу обломков перед чужим домом! — громко сказал Ральф.

— Прошел один час, — заметил я, — если не меньше.

— Лучше заткнись, детка, — сказал Ральф. — Не выношу таких болтунов, как ты. Я зарабатываю на жизнь. Я прихожу домой усталым и поэтому не хочу вступать в дискуссии. Я хочу, чтобы ее здесь не было — и все.

— У меня в багажнике есть запаска, — сказал я. — И нам нужно только лишь поставить ее...

— И если бы у вас было хоть немного понятия о поведении в обществе... — горячо начал Эрни.

Дело было почти сделало. Если в чем-нибудь наш приятель Ральф не собирался быть оспоренным в

присутствии своих детей, так это его поведение в обществе. Он замахнулся на Эрни. Не знаю, чем это могло кончиться для Эрни — вероятно, полицией и конфискацией его драгоценного автомобиля, — но каким-то образом я успел схватить Ральфа за запястье.

Маленькая свиноподобная девочка завизжала и заплакала. Маленький свиноподобный мальчик замер с широко открытым ртом. Эрни, который в школе пробегал накурненное место со скоростью охотничьего пса, даже не моргнул глазом. Он явно хотел, чтобы это случилось.

Ральф повернулся ко мне — его взгляд обжигал ненавистью.

— Ну ладно, маленькое дерьмо, — прошипел он. — Ты не первый.

Я напряг силы и удержал его руку.

— Не надо, дружище, — негромко сказал я. — Запaska в багажнике. Дай нам пять минут, чтобы поставить ее и обратиться с твоих глаз. Пожалуйста.

Через какое-то время удерживать его запястье стало немного легче. Он оглянулся на детей — маленькая девочка всхлипывала, а маленький мальчик смотрел на него широко раскрытыми глазами — и наконец принял решение.

— Пять минут, — согласился он и, опустив руку, бросил злобный взгляд на Эрни. — Тебе чертовски повезло, что я не вызвал полицейских. Они здесь забыли, что такое инспекция, и пускают в ход дубинки, когда им вздумается.

Я ожидал, что Эрни опять скажет какую-нибудь дерзость, но, вероятно, он забыл не все, что знал о благоразумии, — Извините, — произнес он. — Я погорячился.

Ральф снова оглянулся на детей.

— А ну, живо домой! — заорал он. — Чего вам здесь нужно? А-та-та хотите?

Дети вскочили с земли и побежали домой.

— Пять минут, — повторил он, недобро взглянув на нас.

Позже вечером, сидя за столом со своими друзьями и потягивая холодное пиво, он мог бы рассказать им, как твердо держал себя с этим поколением наркоманов и сексуальных маньяков: «Да, ребята, я сказал им, чтобы они убирались прочь от моего дома, пока я не сделал им а-та-та. И вы не поверите, с какой скоростью они подхватили свой дерьмовый драндулет и пустились бежать без оглядки». А потом он мог бы закурить «Лаки страйк» или «Кэмэл».

Разумеется, домкрат Лебэя не годился ни к черту, и мне пришлось сходить за своим. Мы приподняли «плимут» (несколько ужасных секунд мне казалось, что задний покореженный бампер вот-вот оторвется от проржавевшего кузова) и сняли старое колесо. Затем мы поставили новое, затянули крепежные гайки и опустили домкрат. Я с облегчением взглянул на машину, снова стоявшую на дороге. И тут ко мне вернулось чувство, которое я испытал в гараже Лебэя. Мой взгляд упал на новую шину «файрстон», высовывавшуюся из-под правого заднего крыла. На резине еще оставались заводские наклейки и яркие желтые отметки, нанесенные мелом парня со станции техобслуживания. Я вздрогнул: передать чувство какой-то фатальности, овладевшее мной, было бы невозможно. Это было так, точно я увидел змею, которая сбрасывала старую кожу и уже начинала вылезать из нее, поблескивая новой чешуей.

Ральф стоял в дверях дома, посматривая на нас. В одной руке он держал гамбургер, а в другой — банку пива.

— Ну, как тебе этот парень? — шепнул я Эрни, бросая в багажник его испорченный домкрат.

— Настоящий Роберт Рэдфорд. — пробормотал он, и мы оба рассмеялись — как люди, вырвавшиеся из довольно напряженной ситуации. Нам требовалась какая-нибудь разрядка. Эрни был похож на ребенка, которому попала смешинка в рот.

— Над чем это вы, подонки, смеетесь? — взревел Ральф. Он вышел на крыльцо. — А? Вы хотите, чтобы у вас от смеха был рот до ушей? Подождите, сейчас я вам это устрою!

— Быстро сматываемся, — бросил я Эрни и опрометью бросился к своему «дастеру». Я все еще не мог удержаться от смеха, он лишь сильнее разбирал меня. Я упал на переднее сиденье и включил двигатель. «Плимут», стоявший впереди, взревел и окутался синим облаком выхлопных газов. Но даже сквозь его грохот я мог слышать, как хохотал Эрни, который, судя по всему, был близок к истерике.

Ральф, ругаясь, шел через газон. В руках он все еще держал гамбургер и пиво.

— Над чем вы смеетесь, уроды? А?

— Ты, козел! — триумфально прокричал Эрни, и «плимут» подался вперед, отсалютовав очередью оглушительных выстрелов. Я нажал на газ и резко крутанул руль, чтобы избежать столкновения с Ральфом, который явно намеревался совершить убийство. Я все еще смеялся, но это был уже нездоровый смех. Теперь он больше походил на стон.

— Я убью тебя, урод! — ревел Ральф. Я снова нажал на акселератор и, проезжая мимо Ральфа, показал ему конфигурацию из кулака и вытянутого среднего пальца.

— На, выкуси! — прокричал я.

Он пытался догнать нас: несколько секунд он бежал по дороге, потом остановился и швырнул вслед недопитую банку с пивом.

— Что за безумный день, — чуть позже сказал я вслух и испугался своего голоса, дрожавшего, как от слез. У меня во рту был соленый привкус. — Что за безумно хреновый день.

Гараж на Хемптон-стрит представлял собой вытянутое здание со стенами из рифленого железа и грязной рифленой крышей. Спереди красовалась броская надпись: ЭКОНОМЬТЕ ДЕНЬГИ! ВАШИ ТЕХНОЛОГИИ, НАШИ ИНСТРУМЕНТЫ! Ниже была другая надпись, сделанная буквами поменьше: Аренда стоянки в гараже на неделю, на месяц, на год.

На заднем дворе Дарнелл устроил свалку старых автомобилей. Она была окружена теми же листами рифленого железа пятифутовой высоты, из которых состояли стены и крыша гаража.

Я слышал, что Уилл Дарнелл был связан с торговлей наркотиками, процветавшей в колледжах и школе Либертивилла, а еще я слышал, что он был на короткой ноге с некоторыми темными людишками из Питсбурга и Филадельфии.

Я не совсем верил этим слухам, но знал, что если вам нужны были дымовые шашки или ракеты на Четвертое июля, то вы могли купить их у Дарнелла. Кроме того, мой отец говорил, что двенадцать лет назад, когда мне было всего пять лет, Дарнелла обвинили как соучастника в кражах автомобилей, которые после перекраски продавались в Нью-Йорке. Постепенно эти обвинения забылись, но отец утверждал, что Уилл Дарнелл был замешан и в других махинациях — от разграбления проезжих трейлеров до подделки драгоценностей.

Держись подальше от этого места, Дэннис, сказал мой отец всего год назад, а вскоре моя первая развалюха потребовала двадцать долларов за стоянку в гараже Дарнелла, где я пытался заменить карбюратор. Эксперимент закончился полной неудачей.

Держись подальше от этого места, вспомнил я предостережения моего отца, когда в сумерках въезжал следом за Эрни в главные ворота гаража. Свет передних фар выхватывал разбросанные автомобильные части, обломки кузовов и инструменты, и от их хаотического нагромождения я почувствовал себя еще более подавленным, чем прежде. Я вспомнил, что не позвонил домой, и подумал, что отец с матерью уже давно интересуются, в каком проклятом месте я могу так долго пропадать.

Эрни притормозил перед большой дверью, над которой было намалевано: СИГНАЛИТЬ ДЛЯ ВХОДА. Рядом с ней находилось небольшое окошко, зашторенное и освещенное изнутри. Мне захотелось уговорить Эрни уехать отсюда и оставить машину на одну ночь возле моего дома. Я живо представил, как мы вваливаемся к Уиллу Дарнеллу и его друзьям, пересчитывающим краденые цветные телевизоры или перекрашивающим угнанные «кадиллаки».

Эрни вышел из машины и подошел ко мне. Он выглядел смущенным.

— Дэннис, ты не можешь посигналить вместо меня? — спросил он. — Кажется, у Кристины не работает гудок.

— Конечно.

— Спасибо.

Я дважды просигналил, и вскоре большая дверь гаража отворилась. В дверном проеме стоял сам Уилл Дарнелл. Он поманил Эрни, и «плимут» въехал внутрь. Я развернул свою машину, выключил двигатель и последовал за ними.

Было уже довольно поздно, и под высокими сводами стоял полумрак. Вдоль стен тянулись длинные стеллажи с инструментами, которые могли вам пригодиться, если у вас не было собственных.

Потолок был перегорожен несколькими стальными брусками.

Всюду белели надписи: ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВЕРНУТЬ ИНСТРУМЕНТ — ПРОВЕРЬ ЕГО И ПРИВЕДИ В ПОРЯДОК; или: ОПЛАТИТЕ СТОЯНКУ ЗАРАНЕЕ; или: КРАЖА И ПОРЧА ИНСТРУМЕНТА НЕ РЕКОМЕНДОВАНА. Были дюжины других объявлений; куда бы вы ни повернулись, одно или два из них обязательно бросались вам в глаза. Уилл Дарнелл был большим любителем надписей.

— Двадцатая стоянка! Двадцатая! — орал Дарнелл на Эрни. — Ставь ее туда и глуши, пока мы все не задохнулись!

«Мы все» относилось к группе людей, сидевших за карточным столом в дальнем углу помещения.

Они смотрели на новое приобретение Эрни с удивлением и отвращением.

Эрни подогнал машину к двадцатой стоянке, припарковал и выключил мотор. Сизое облако выхлопных газов стало медленно рассеиваться.

Дарнелл повернулся ко мне. Он был одет в матросскую блузу и брюки цвета хаки. Складки жира свисали над ремнем и под подбородком.

— Детка, — произнес он своим скрипучим голосом, — если это ты продал ему такой кусок дерьма, то тебе должно быть стыдно за себя.

— Это не я продал. — По какой-то абсурдной причине я решил, что должен был оправдываться перед этим жирным бороваком, как не оправдывался даже перед собственным отцом. — Я пробовал отговорить его.

— Тебе нужно было быть настойчивей.

Он пошел туда, где стояла машина Эрни. Несмотря на астму, Дарнелл двигался плавной, почти

женственной походкой человека, который долгое время страдал от излишнего веса и подобную перспективу видел перед собой в будущем. И, несмотря на астму, он принялся орать на Эрни, когда тот еще не успел повернуться к нему лицом.

Как ребята, кутившие в школьных коридорах, как Ральф с Бэйзн-драйв и как Бадди Реппертон (боюсь, нам скоро придется поговорить о нем), он сразу невзлюбил Эрни — это была, так сказать, ненависть с первого взгляда.

— Эй, какого хрена ты снова пригнал свой драндулет, да еще без шланга? — кричал он. — Еще раз, и тебя здесь больше не будет, ясно?

— Да, — Эрни вобрал голову в плечи. На этот раз у него не было сил сопротивляться. — Я... Дарнелл не дал ему договорить.

— Тебе нужен шланг для выхлопных газов, он стоит два пятьдесят в час, если заплатишь вперед. И я скажу тебе кое-что еще, мой молодой друг. Хватит мне дерьма от таких умников, как ты. Это место для работы, а не для всякого хлама. Я не разрешаю курить здесь. Если захочешь подымить, то ступай на задний двор.

— Я не...

— Не перебивай меня, сынок. Не перебивай, а слушай, — сказал Дарнелл.

Теперь он стоял прямо перед Эрни, высокий и тучный. Эрни выглядел жалко.

Я снова начал выходить из себя. Не помню, сколько раз это случалось со мной с тех пор, как мы подъехали к дому Лебэя и увидели, что проклятого «плимута» на лужайке не было.

Дети — угнетенный класс; за несколько лет вы полностью усваиваете манеру бедного дяди Тома и послушно склоняете голову перед такими детоненавистниками, как Уилл Дарнелл: да, сэр, нет, сэр, ладно, хорошо.

Я схватил Дарнелла за руку:

— Сэр!

Он повернулся ко мне. Я заметил за собой, что чем меньше люблю взрослых, тем с большей готовностью говорю им «сэр».

— Что?

— Вон там люди курят. Попросите их бросить сигареты.

Я показал на парней, сидевших за столом. Над ними висело облако табачного дыма.

Дарнелл посмотрел на них, а затем снова на меня. Его лицо было очень мрачным.

— Юноша, ты стараешься сделать так, чтобы твой приятель вылетел отсюда, как пробка?

— Нет, — сказал я. — Сэр.

— Тогда заткни свою мычалку.

Он опять повернулся к Эрни и продолжил:

— Я умею отличать машину от кучи металлолома. Тебе предстоит испытание, детка. Не знаю, сколько ты будешь с ней возиться и во что тебе это обойдется, но клянусь, я выверну тебя наизнанку. Какая-то тупая ярость охватила меня. Я мысленно умолял Эрни съездить по морде этому жирному борову так, чтобы потом нам пришлось во все лопатки удирать отсюда и больше не думать появляться здесь. Вероятно, картежники Дарнелла не остались бы в стороне от такого поворота дел, и этот очаровательный вечер скорее всего для нас закончился бы в приемном покое больницы Либертивилла... но это стоило того.

«Эрни, — мысленно говорил я. — скажи ему, чтобы он заткнулся, и давай уберемся отсюда. Не поддавайся ему, Эрни. Не давай делать из себя дерьмо. Не будь рохлей, Эрни, — если ты выстоял перед своей матерью, то сможешь выстоять и перед этой самодовольной задницей. Только в этот раз не будь рохлей».

Эрни долго молчал, опустив голову, а потом сказал:

— Да, сэр.

Эти слова он произнес так тихо, что их почти не было слышно.

— Что ты сказал?

Эрни поднял глаза. Его лицо было смертельно бледным. В глазах стояли слезы. Я не мог их видеть и отвернулся. Картежники прервали игру и наблюдали за тем, что происходило на двадцатой стоянке.

— Я сказал: да, сэр, — наконец произнес Эрни дрожащим голосом.

Он как будто только что подписал свой смертный приговор. Я опять взглянул на «плимут», который стоял рядом вместо того, чтобы быть выброшенным на свалку, находившуюся на заднем дворе. Я все больше ненавидел его за то, что он делал с Эрни.

— Хорошо, убирайтесь отсюда, — сказал Дарнелл. — Мы закрываемся.

Эрни побрел прочь, ничего не видя перед собой. Он бы наткнулся на гору старых покрышек, если бы я не схватил его за руку. Дарнелл подошел к карточному столу. Усевшись за него, он что-то проговорил своим скрипучим голосом. Его приятели разразились дружным хохотом.

— У меня все в порядке, Дэннис, — сказал Эрни, как будто я его спрашивал. Он сжал губы, а потом еще раз сказал:

— У меня все в порядке, Поехали домой, Дэннис. У меня все в порядке.

Он был моим другом, но я готов был возненавидеть его. Мы вышли в прохладную темноту. За нами шумно захлопнулась дверь. Так мы отвезли Кристину в гараж Дарнелла. Неплохая поездка, а?

6. Возвращение

Я купил автомобиль,
четырехколесный ад,
и могу сказать вам всем —
поцелуйте меня в зад.

Мы сели в мою машину, и я вырулил со двора. Странно, но было уже девять часов. Вот так летит время, когда вы заняты чем-нибудь приятным. В небе сиял полукруглый месяц. Рядом с ним я не заметил ни одной звезды, может быть, потому, что мне было не до них.

Первые два или три квартала мы проехали в полном молчании, а потом Эрни вдруг разразился рыданиями. Я ожидал чего-нибудь подобного, но его отчаяние и безутешность испугали меня. Я сразу сдался. Ему не нужны были мои слова. И то, что я сначала принял за его реакцию на испытанное унижение, на самом деле оказалось чем-то более глубоким. Горько всхлипывая и размазывая слезы по лицу, он то и дело бормотал какие-то слова, которые я постепенно стал понимать.

— Я доберусь до них, — шептал он между всхлипами и стонами. — Я доберусь до этих сукиных детей, Дэннис. Я заставлю их пожалеть... Я заставлю их съесть это... СЪЕСТЬ ЭТО... СЪЕСТЬ!

— Ну перестань, — не выдержал я. — Эрни, остановись.

Однако он не желал останавливаться. Зарывав еще громче и заскрежетавав зубами, он принялся

стучать кулаками по приборной доске моего «дастера». От таких ударов вполне могли остаться заметные следы.

— Увидишь, я доберусь до них!

Озаренное бледным светом луны и мелькающими уличными огнями, его лицо казалось таким исступленным и диким, точно рядом со мной находился какой-то одержимый колдун. Таким я его не знал. Эрни куда-то сгинул, ушел скитаться в каких-то холодных далях, которые Бог ради собственных развлечений сотворил для таких людей, как он. Таким я не хотел его знать. И я мог только лишь беспомощно сидеть и надеяться, что Эрни, которого я знал, когда-нибудь вернется. А это произошло не скоро.

Наконец истерика опять сменилась рыданиями. Ненависть прошла, и теперь он только плакал. Его всхлипы и стоны были еще безутешнее, чем раньше.

Я сидел за рулем своей машины, не зная, что мне делать. Я бы хотел сейчас очутиться в каком-нибудь другом месте — хоть в банке, где мне почему-то объявили о закрытии моего счета, или перед платным туалетом, страдая от поноса и не имея ни одного цента в кармане. Пусть это было бы не Монте-Карло. Но пусть я был бы старше. И еще лучше — не я, а мы оба.

Впрочем, я знал, что нужно делать. Неохотно, не желая делать этого, я повернулся к нему и, обняв одной рукой, прижал его к себе. Его горячее и мокрое лицо уткнулось мне в грудь. Так мы сидели минут пять, а потом я подвез его к дому и высадил там. После этого я поехал к себе. Позже мы ни разу не вспоминали о том, как я обнимал его. Нас никто не видел, но полагаю, что со стороны мы выглядели как парочка гомиков. Я обнимал его и не мог понять, почему так случилось, что я был единственным другом Эрни. Поверьте, тогда он был почти противен мне.

И как раз тогда я — впервые и еще неосознанно — подумал, что, может быть, Кристина тоже станет его другом. Не уверен, что мне это пришлось бы по нраву, особенно после того, как мы целый день мучились с ней.

Когда мы подъехали к обочине возле его дома, я сказал:

— С тобой все будет в порядке, Эрни? Он принужденно улыбнулся:

— Да, со мной все будет в порядке. — Его глаза грустно посмотрели на меня. — Дэннис, тебе надо было вступить в какую-нибудь благотворительную организацию. В фонд безработных, а может, в Общество по борьбе с раковыми заболеваниями. Во что-нибудь такое...

— Ах, брось ты.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Если ты имеешь в виду, что ты рохля, то мне это известно.

Из передней двери дома вырвался сноп света, а из него опрометью вылетели Майкл и Регина, — вероятно, они были готовы увидеть полицейских, приехавших сообщить им, что их сын попал в дорожную катастрофу.

— Арнольд? — громко позвала Регина.

— Ну, пока, Дэннис, — проговорил Эрни, теперь уже по-настоящему грустный. — Уезжай, хватит тебе дерьма на сегодня. — Он вылез из машины и покорно произнес:

— Привет, мам. Привет, пап.

— Где ты был? — спросил Майкл. — Молодой человек, вы хоть знаете, как перепугана ваша мать? Эрни был прав. Я мог обойтись без сцены воссоединения семьи. Развернув машину, я увидел в

зеркальце, как они набросились на него, обреченно дожидавшегося своей участи, и смешно потащили к месту расправы. В их целеустремленных действиях не было ни одного резкого движения или необдуманного жеста. Они заботились о том, чтобы не причинить ему вреда, — он был вещью, сохранностью которой они дорожили больше всего на свете.

Я включил радио. На ультракоротких волнах все еще продолжалась программа рок-уик-энд, и «Силвер баллей бэнд» пели песню, которая называлась «Все то же самое». Слушать ее мешали помехи в эфире, и я настроил приемник на матч с Филадельфией.

Филадельфия проигрывала. Можно было спокойно ехать домой.

7. Плохие сны

Я нажимаю на газ, милашка, —

Тебе не угнаться за мной!

Я самый быстрый ездок, милашка -

Не вздумай тягаться со мной!

Ну-ка, бэби, отойди,

Крошка, не мешайся лучше,

А не то тебя обдам

Грязью из дорожной лужи!

Когда я приехал домой, мои отец и сестренка сидели на кухне и ели сэндвичи с жженым сахаром. Я сразу почувствовал голод и вспомнил, что еще не ужинал.

— Где ты был. Босс? — спросила Эллани, не отрывая глаз от «16», «Крим», «Тайгер бит» или чего-то в этом роде. Она называла меня Боссом с тех пор, как я в прошлом году открыл Брюса Спрингстина и сразу стал его поклонником. Предполагалось, что это прозвище подходило мне больше всего.

В четырнадцать лет Эллани уже начинала уходить из детства и превращаться в полноценную американскую красавицу — высокую, темноволосую и голубоглазую. Но летом 1978 года она обладала всеми особенностями заурядного подростка. В девять она начинала с Донни и Мэри, в одиннадцать переключалась на Джона Траволту (однажды я по ошибке назвал его Джоном Револютой, и она так расцарапала мне шею, что срочно понадобился лейкопластырь. — не спорю, я был поделом наказан). В двенадцать она увлеклась комиком Диком Шоном. Затем наступило время Энди Джибба. Под конец она дала волю самым зловещим своим наклонностям, и тогда на смену всем пришли монстры тяжелого рока, такие как «Дип пепл» или новая группа «Стикс».

— Я помогал Эрни поставить на ремонт его машину, — сказал больше для отца, чем для Эллани.

— Опять этот урод, — вздохнула она и перевернула страницу своего журнала.

Внезапно я почувствовал сильное желание вырвать журнал из ее рук, разорвать, а клочки швырнуть ей в лицо. Не знаю, вероятно, мне просто нужно было на ком-то отыграться за все стрессы прошедшего дня, но к ним чуть не прибавился еще один. На самом деле Эллани не считала Эрни уродом: она всего лишь пыталась влезть в мою шкуру. Но в течение последних часов я слишком часто слышал, как Эрни называли уродом. Господи, его слезы еще не высохли на моей рубашке, и, может быть, я сам немного чувствовал себя уродом.

— Чем сейчас занимаются «Кисе», дорогая? — ласково спросил я. — Написала любовное послание Эрику Эстраде? «О Эрик, я умираю без тебя, у меня всякий раз начинается сердечный приступ, когда

я представлю, как твои толстые жирные губы прикасаются к моим...»

— Ты — животное, — холодно сказала она. — Животное, вот кто ты. — Забрав журнал и сандвич, она удалилась в общую комнату.

— Не клади их на пол, Эллани! — предупредил отец, немного смазав торжественность ее ухода.

Я открыл холодильник и достал из него банку говяжьих консервов. Затем налил себе стакан молока и устроился за столом.

— Он купил ее? — спросил отец.

Сейчас он консультант по мелочам в Эйч-энд-Эйр. Раньше он работал финансовым поверенным в самой крупной архитектурной фирме Питсбурга, но после инфаркта должен был уйти оттуда. Он хороший человек.

— Да, купил.

— Она и вправду так плоха, как ты говорил?

— Хуже. Где мама?

— Творит.

Мы оба прыснули со смеху, а потом устыдились этого и стали смотреть в разные стороны.

Моя мама всю жизнь работала зубным врачом, но четыре года назад открыла в себе талант писательницы. Она стала сочинять стихи о цветах и рассказы о добрых старых людях, доживших до осенней поры своей жизни. Иногда, правда, она переходила на реалистический жанр и производила на свет какую-нибудь историю о молодой девушке, сначала искушаемой желанием попытаться счастья, но потом решающей, что было бы неизмеримо лучше сохранить ЭТО до брачного ложа. Как раз летом она записалась на писательские курсы в Орлике — где преподавали Майкл и Регина — и теперь составляла книгу, которую назвала «Рассказы о Любви и Красоте».

Несмотря на это, она для меня была и остается самой лучшей мамой, а для отца — самой лучшей супругой. Увы, порой мы подтрунивали над ней, и в наше оправдание я могу сказать только то, что мы никогда не смеялись ей в лицо. Я знаю, это довольно жалкое оправдание, но все-таки лучше, чем ничего.

— Ты показался мне мрачным, когда вошел, — сказал отец. — С Эрни все в порядке?

— А что с ним может произойти? — спросил я и пошел ставить на плиту кастрюлю с супом, которую видел в холодильнике. — Он купил машину, это оказалось ошибкой, но с самим Эрни все в порядке. — Конечно, я врал, но есть вещи, о которых не хочется говорить даже своему отцу, как бы он ни преуспел в великом американском призвании отцовства.

— Иногда люди должны на собственном опыте убедиться, что совершили ошибку, — сказал отец.

— Ну, — ответил я, — надеюсь, скоро он в этом убедится. Он поставил машину к Дарнеллу и будет платить за нее двадцать долларов в неделю, потому что его родители не хотят, чтобы она стояла у них дома.

— Двадцать долларов в неделю? Только за стоянку? Или за стоянку и инструменты?

— Только за стоянку.

— Это самый настоящий грабеж.

— Угу, — сказал я, отметив про себя, что отец не сопроводил свое заключение предложением поставить машину у нас.

— Хочешь сыграть партию в крибедж?

— Пожалуй, — согласился я.

— Не расстраивайся, Дэннис. Невозможно совершать ошибки других людей вместо них самих.

— Да, конечно.

Мы сыграли три или четыре партии в крибедж, и каждый раз он меня обыгрывал — он всегда выходит победителем, если не устал или не пропустил пару рюмок. Спустя какое-то время пришла мама и тоже стала расспрашивать меня об Эрни и его машине. В нашем доме это событие становилось темой самых оживленных разговоров с того времени, как Сид соврал моей матери, обанкротился и попросил моего отца одолжить ему денег. Я снова покривил душой и не сказал правды. Затем я пошел наверх.

Эллани лежала в постели и слушала последний сборник европейских хитов. Я попросил ее выключить музыку, потому что собирался спать. Она мне показала язык. Таких вещей я никому не могу позволить. Мне пришлось подойти к ней и щекотать до тех пор, пока она не закричала, что ее вырвет. Я не возражал и пощекотал ее еще немного. Тогда она сквозь смех выдавила из себя, что у нее есть что-то ужасно важное, и, придав лицу торжественное выражение, спросила, верно ли, что в ее возрасте уже можно стать матерью. Так ей сказала одна из ее подружек, Каролин Шамблисс, но Каролин почти всегда врала.

Я посоветовал ей расспросить об этом Милтона Додда, ее пухленького ухажера. Тут она по-настоящему вспылила и, попытавшись ударить меня, спросила, почему я все время такой ужасный. Поэтому мне пришлось сказать, что да, в ее возрасте уже можно стать матерью, но лучше не спешить, — и поцеловать ее (что в последнее время я делал довольно редко) перед тем, как лечь спать.

Раздеваясь, я подумал, что день все-таки был не так плох. Вокруг меня были люди, которые считали меня за человека и, как мне казалось, подобным образом относились к Эрни. Я решил, что завтра или в воскресенье приведу его к нам домой и мы будем смотреть телевизор, а может быть, сыграем во что-нибудь. Словом, я снова почувствовал себя вполне достойным малым.

Так я с чистой совестью улегся в постель и думал, что сразу засну, но сон все не приходил. Потому что совесть моя была нечиста, и я это знал.

Когда закручивается какое-нибудь дело, то не всегда понимаешь, что за дьяволыщина им движет. Двигатели. Для подростка они нечто большее. Ты можешь завести их ключом зажигания, но не знаешь, ни как они работают, ни что будет дальше. У тебя есть ключ, и это все. Также и другие вещи: всякие развлечения, наркотики, секс, порой еще что-нибудь, например, летняя работа, которая приносит новые интересы, путешествия, школьные знания. Все это двигатели, а потом говорят, что ты должен сам нажать на газ и посмотреть, что из этого выйдет. И порой выходит так, что ты на всей скорости летишь через дорожные ограждения и превращаешься в грудку костей и мяса, чтобы истекать кровью в какой-нибудь вонючей канаве. Двигатели.

Они бывают большими. Как 382-S, который ставили на старые автомобили. Такие, как Кристина. Ворочаясь в темноте, я вспомнил, как Лебэй сказал: «Ее зовут Кристина», — и Эрни сразу ухватился за это имя. Когда мы были маленькими мальчиками, у нас были велосипеды; своему я присвоил прозвище, но Эрни тогда только рассмеялся — он сказал, что имена дают только собакам, кошкам и попугаям. Теперь он назвал «плимут» Кристиной. Хуже всего, что это было человеческое, женское имя.

Не знаю почему, но оно мне не нравилось. Даже мой отец говорил о ней так, будто Эрни не купил старую развалюху, а женился. Но ведь ничего подобного не было. Или что-то было?

Останови машину, Дэннис. Вернись... Я хочу взглянуть на нее еще раз. Вот так просто.

Нет, Эрни был не похож на самого себя — всегда тщательно обдумывавшего каждый поступок и избегавшего скоропалительных решений. В тот раз он больше походил на мужчину, встретившего танцовщицу из бара и сразу потерявшего голову. Это было... ну... как любовь с первого взгляда.

«Ну ничего, — подумал я. — Завтра мы обязательно найдем какой-нибудь выход». Я уже спал. И видел сон.

Темнота. Скрежет крутящегося стартера.

Тишина.

Снова скрежет стартера.

С третьего раза — искра поймана.

Двигатель, работающий в темноте.

Включаются передние фары — мощные двойные фары, чьи яркие лучи пронизывают меня, как муху на стекле.

Я стою на пороге гаража Лебэя, передо мной замерла Кристина — новая, без единой царапины или пятен ржавчины. Безупречно чистое ветровое стекло, затемненное сверху. Из радиоприемника льется музыка. Дэйл Хоукинс исполняет «Сюзи Кью» — голос прошлого поколения, наполненный силой и какой-то пугающей жизненной энергией.

Сквозь мощный рокот двигателя до меня доносятся какие-то слова. Я догадываюсь, что на машине стоит новый глушитель.

Странно, что я слышу чей-то шепот, — за рулем никого нет:

— Ну, приятель. Давай прокатимся. Давай отправимся в путь.

Я трясую головой. Я не хочу туда. Мне страшно оказаться внутри. Я не хочу никуда ехать. Вдруг мотор начинает работать рывками — то громче, то тише, — и с каждым рывком Кристина понемногу приближается ко мне, как разъяренная собака на слабой привязи... Я хочу убежать... но мои ноги словно приросли к бетонному порогу гаража.

— Давай попробуем, приятель.

Прежде чем я успеваю ответить или даже подумать об ответе, раздается страшный визг резины по бетону, и Кристина бросается на меня — из ее радиатора доносится рев, как, из полной хромированных зубов открытой пасти, а передние фары горят, как глаза.

Я проснулся от собственного крика, испуганный звуком своего голоса, кромешной темнотой, а еще больше — глухим стуком босых ног по полу. Оба моих кулака сжимали скомканную простыню. Я только что схватил ее; она лежала скрученной посреди постели. Мое тело было липким от пота.

— Что это было? — прокричала снизу Элли, сама перепуганная.

Зажегся свет, и я увидел отца и мать, наспех набросивших на себя купальные халаты.

— Милый, что случилось? — спросила мама. Ее глаза были широко раскрыты от страха. Я не мог припомнить, когда она в последний раз называла меня «милый». Когда мне было четырнадцать?

Двенадцать? Или десять? Не знаю.

— Дэннис? — спросил отец. За их спинами появилась Эллани, она дрожала от страха.

— Идите спать, — сказал я. — Мне приснился сон, вот и все. Правда, все.

— Похоже, ты увидел настоящий фильм ужасов, — с трудом выговорила Эллани. — Дэннис, что это было?

— Мне приснилось, что ты вышла замуж за Милтона Додда и он поселился в нашем доме, — ответил я.

— Не смейся над сестрой, Дэннис, — сказала мама. — Что это было?

— Не помню, — сказал я.

Внезапно я заметил, что простыня была в чем-то выпачкана и что в одном месте к ней пристал небольшой клочок темной шерсти. Я спешно попытался вспомнить, что со мной случилось, заранее обвиняя себя в мастурбации, в разных детских неожиданностях и Бог знает в чем еще. Полная потеря памяти. В первые одну-две секунды я даже не мог ясно понять, был ли я уже большим или еще маленький — для меня существовало только воспоминание о темноте и грязной машине, рывками надвигающейся на меня, дрожащей капотом и блестящей радиаторной решеткой, точно стальными зубами...

«Давай попробуем, приятель». Рука моей матери, прохладная и сухая, опустилась на мой лоб.

— Все в порядке, ма, — сказал я, — Ничего не произошло. Просто ночной кошмар.

— Но ты не помнишь...

— Нет. Теперь все прошло.

— Я очень испугалась, — сказала она и чуть заметно улыбнулась. — Думаю, ты не поймешь, что такое страх, пока твой ребенок не закричит в темноте.

— Не надо, не говори об этом, — сказала Эллани.

— А ты иди ложись в постель, маленькая, — попросил ее отец.

Она ушла с недовольным видом. Может быть, она впервые поборола испуг, владевший ею сначала, и надеялась, что я упаду в обморок или начну биться в истерике. Тогда завтра она бы с большим удовольствием примеривала новый бюстгальтер после утреннего душа.

— Ты правда в порядке? — спросила мама.

— В полном порядке, — ответил я.

— Ну вот и хорошо, — сказала она. — Пусть горит свет. Иногда это помогает.

И в последний раз бросив сомнительный взгляд на отца, она вышла из спальни. Мне стало немного любопытно — были ли у нее когда-нибудь ночные кошмары. Я подумал, что если они и были, то вряд ли попали бы в «Рассказы о Любви и Красоте».

Отец присел на край постели...

— Ты правда не помнишь, что это было?

Я покачал головой.

— Ты слишком громко кричал, Дэннис. — Его глаза спрашивали: мог ли я сказать что-нибудь такое, о чем ему следовало бы знать?

И я почти рассказал ему — о машине Эрни, об этой Королеве Ржавчины, старой, безобразной и проклинаемой мною. Я почти рассказал о ней. Но что-то встало у меня поперек горла, как будто я собирался предать своего друга Эрни. Старого доброго Эрни, которого Бог ради собственного развлечения решил посватать с этой отвратительной и жуткой штуковиной.

— Ну хорошо, — сказал он и поцеловал меня в щеку.

Моя кожа ощутила его щетину, выросшую всего за одну ночь, я почувствовал его запах и его

любовь. Я крепко обнял его, и он ответил мне тем же.

Они все ушли, а я остался лежать, не выключив настольной лампы. Я боялся снова заснуть и, взяв книгу, приготовился читать лежа. Я решил, что не засну, а буду читать до утра, может быть — до обеда, когда по телевизору начнут показывать матч с Филадельфией. Думая об этом, я заснул и проснулся на следующее утро. Рядом со мной лежала нераскрытая книга.

8. Первые перемены

Я скажу вам, что бы сделал,
если б деньги завелись.

Я б купил себе Меркурий
и катался вверх и вниз, —
вверх и вниз по улице
на своем Меркурии.

Я думал, что Эрни появится в ту субботу, и поэтому тщательно прибрался вокруг дома — подмел газон, вычистил гараж, даже вымыл все три машины. Моя мать с изумлением наблюдала за этими небывалыми стараниями, а после ленча заметила, что ночные кошмары идут мне на пользу.

Я не хотел звонить Эрни домой, потому что хорошо помнил, чем закончился прошлый визит туда, но, когда по телевизору началось шоу перед игрой, все-таки набрался храбрости и позвонил.

Ответила Регина, и, хотя она ни словом не обмолвилась о том происшествии, мне показалось, что в ее голосе появились новые, гораздо более холодные нотки. Я сразу погрузился. Ее сына обольстила потасканная старая шлюха по имени Кристина, а старому другу Дэннису приходилось быть сообщником. Может, даже сводником. Регина сказала, что Эрни нет дома. Он поехал в гараж Дарнелла. Он отправился туда в девять часов утра.

— Вот как? — неуверенно удивился я. — Извините, я не знал.

Это прозвучало как ложь. Больше того, в этом чувствовалась ложь.

— Не знал? — совсем холодно переспросила Регина. — До свидания, Дэннис.

Телефонная трубка умерла в моей руке. Некоторое время я смотрел на нее, а потом повесил на рычаг.

Папа в своих лиловых бермудах и тапочках на босу ногу сидел перед телевизором. У Филадельфии был хороший день — Атланта явно терпела поражение. Мама ушла на встречу с приятельницами по писательским курсам. Эллани с утра пропадала в своей компании. В доме было тихо и спокойно; за окном солнце играло в прятки с несколькими безупречно белыми облачками. Папа предложил мне пива, что делал лишь в исключительно благодушном настроении.

Но суббота была безнадежно испорчена. Не глядя на телевизор и не притрагиваясь к банке «Строха», я думал об Эрни, копавшемся в маслянистой тени гаража Уилла Дарнелла и заигрывавшем с этой опустошенной ржавой консервной банкой, покуда вокруг него суетились и кричали люди, лязгали инструменты, трещали сварочные аппараты и визжали электродрели. Я слышал скрипучий голос Уилла Дарнелла и его астматический кашель.

Черт побери, неужели я ревновал? Могло ли это быть?

Когда мяч подали в седьмой раз, я встал и пошел к дверям.

— Ты куда собрался? — спросил отец. И в самом деле, куда я собрался? Туда? Хлопотать вокруг него и выслушивать издевки Уилла Дарнелла? Напрашиваться на новые унижения? Ну нет. На фиг.

Эрни был уже большим мальчиком.

— Никуда, — сказал я. В ящике для хлеба я нашел пакет хрустящего картофеля и распечатал, хотя знал, что случится с Эллани, когда она обнаружит пропажу во время субботнего рок-концерта. — Вообще никуда.

Я вернулся в общую комнату и стал пить пиво, заедая картофелем. Мы с отцом досмотрели матч, в котором Филадельфия наголову разбила Атланту (даже сейчас слышу счастливый голос отца: «Они сделали их, Дэннис. Они все-таки утерли им нос.»), и я уже совсем не думал об Эрни Каннингейме. Почти совсем.

Он появился на следующий день, когда мы с Эллани играли в крокет на лужайке позади дома.

Эллани то и дело раздражалась и обвиняла меня в жульничестве. Она всегда принимала сердитый вид, когда у нее были «периоды». Она очень гордилась ими. За четырнадцать месяцев только один проходил у нее нормально.

— Эй — крикнул Эрни, показавшись из-за угла дома. — Вот так сцена! Злодей из Черной Лагуны и Невеста Франкенштейна, или Дэннис и Эллани отдыхают.

— Не понял, ты о чем? — спросил я. — Бери молоток.

— Я не играю, — сказала Эллани, отбрасывая свой молоток. — Он жульничает еще больше, чем ты. Она ушла, не глядя на нас. У Эрни было хорошее настроение, но он не хотел играть в крокет, и мы уселись в садовые кресла, стоявшие на краю лужайки. Из-под дома вылез наш кот, Джей Хоукинс, преемник Капитана Бифхарта, вероятно, охотившийся на какого-нибудь небольшого бурундучка. Его янтарно-зеленые глаза блестели даже при пасмурном полуполуденном свете.

— Я думал, ты придешь на вчерашнюю игру, — сказал я. — Матч был неплох.

— Я был у Дарнелла, — ответил он. — Но все равно слушал по радио. — Он повысил голос и довольно хорошо симитировал интонации моего отца:

— Они сделали их, Дэннис. Они утерли им нос.

Я улыбнулся и кивнул. В тот день он выглядел как-то иначе, чем прежде. Мне он показался усталым — под глазами были круги, — но довольным собой. Я заметил, что цветение на его лице несколько поубавилось. На работе он почти все время находился на солнце и поэтому пил слишком много кока-колы, хотя знал, что ему это противопоказано. Проблемы с его кожей не возникали периодически, как у большинства подростков, а носили постоянный характер, потому что ее состояние было или плохим, или очень плохим.

А может быть, во всем был виноват тусклый свет того пасмурного дня.

— Много успел сделать? — спросил я.

— Не очень. Сменил масло. Еще раз посмотрел поршни. Они в порядке, Дэннис. Просто Лебэй или кто-то другой не поставил втулку на место, вот и все. Поэтому выливалось масло. Хорошо еще, что цилиндры не лопнули, когда я в пятницу ехал на ней.

— Ты оплатил стоянку в гараже? По-моему, тебе нужно сразу отложить деньги на нее.

Он посмотрел в сторону.

— С этим не будет проблем, — сказал он, но в его голосе прозвучала какая-то неуверенность. — Я выполню два-три поручения для мистера Дарнелла.

Я открыл рот, чтобы спросить, какие именно поручения дал ему Дарнелл, но потом решил, что не хочу о них слышать. Могло быть, что эти поручения были не опасней, чем просьба сбежать в

магазинчик Шриммера и принести кофе для завсегдатаев Уилла или подготовить старые запчасти к продаже. И во всяком случае, я не желал впутываться в отношения Эрни с Кристиной, а они включали и то, как он устроился в гараже Дарнелла.

Было еще кое-что — чувство оставленности. Тогда я не мог или не хотел осознавать его. Сейчас бы я сказал, что точно так же вы себя ощущаете, когда ваш друг влюбляется и женится на какой-нибудь порядочной стерве. Вы ее не переносите, и в девяноста девяти случаях из ста она не переносит вас, поэтому вы просто закрываете дверь в эту комнату вашей дружбы. Когда дело сделано, то либо вы оставляете эту тему... либо ваш друг оставляет вас — не без одобрения его стервы.

— Пошли в кино, — вдруг предложил Эрни.

— А что там идет?

— Какой-то боевик о мастерах кунг-фу — помнишь, как они? Хиин-йя! — Он притворился, что хочет продемонстрировать смертельный прием каратэ на Джее Хоукинсе, и тот бросился бежать, как от выстрела.

— Очень похоже. С Брюсом Ли?

— Не, там какой-то другой парень.

— А как называется?

— Не помню. То ли «Бешеный кулак», то ли «Рука смерти». А может, «Яростные гениталии». Не помню. Ну так как? Потом мы расскажем о нем Элли, и ее стошнит.

— Ладно, — сказал я, — если билет будет стоить не дороже доллара.

— До трех часов не будет.

— Тогда пошли.

Мы пошли. Фильм оказался совсем недурным, с Чаком Норрисом в главной роли. А в понедельник мы опять работали на строительстве шоссе между штатами. Я забыл о своем сне. Мало-помалу я заметил, что стал реже видеться с Эрни; это походило на новые взаимоотношения с другом, который только что женился. Кроме того, именно тогда я познакомился с одной жизнерадостной особой. Мои дела шли так хорошо, что однажды вечером я привел ее домой, от внутренней приподнятости едва передвигая ноги.

А тем временем Эрни почти все вечера проводил у Дарнелла.

9. Бадди Реппертон

Моя крошка купила большой Кадиллак.

У него есть две выхлопные трубы,

У него есть огромный бензобак.

Он трубит так, что хочется плакать.

Нашей последней полной рабочей неделей была неделя перед Днем труда. В ее первое утро я подъехал к дому Эрни, чтобы забрать его, и он вышел с большим темно-лиловым синяком под глазом и красной царапиной на лбу.

— Что с тобой?

— Не хочу говорить, — угрюмо ответил он. — Мне пришлось объясниться с родителями, и я чуть не сдох. — Он швырнул пакет с ленчем на заднее сиденье и погрузился в тяжелое молчание, которое продолжалось всю дорогу на стройку. Там некоторые ребята посмеивались над его синяком, но он только пожимал плечами.

По пути домой я ничего не выпытывал, а просто слушал радио и предавался своим мыслям. И я мог бы вообще не знать этой истории, если бы перед поворотом на Мэйн-стрит меня не подстерег тот жирный ирландский эмигрантишка по имени Джино.

В ту пору Джино всегда подстерегал меня — он мог проникнуть в машину даже через закрытое окно и спустя несколько секунд затащить в свое заведение. «Лучшая итальянская пицца» (так оно называлось) находилась на углу Мэйн-стрит и Бэйзн-драйв, и, едва завидя вывеску с трилистником вместо точки над «i», я чувствовал, что нападение совершается снова. В тот вечер моя мама собиралась пойти на свои курсы, и, значит, горячего ужина дома могло не быть. Подобная перспектива меня не радовала. Ни я, ни мой отец не умели готовить, а Элли скорее согласилась бы застрелиться, чем подойти к плите.

— Давай купим пиццу, — сказал я, заруливая на стоянку Джино. — Что ты на это скажешь? Большую, жирную и с запахом, как из подмышек.

— Ради Иисуса! Только не это, Дэннис!

— Из чистых подмышек, — поправился я. — Ну давай.

— У меня мало денег, — умоляюще проговорил Эрни.

— Я куплю. Могу даже прибавить анчоусов на твою долю.

— Дэннис, я не...

— И пепси, — сказал я.

— Пепси мне вредно. Ты знаешь.

— Ну знаю. Большую пепси, Эрни. Его серые глаза вспыхнули в первый раз за этот день.

— Большую пепси, — повторил он как эхо. — Подумай, о чем ты говоришь. Ты злодей, Дэннис.

Правда.

— Две, если хочешь, — продолжал я. Мне нравилось чувствовать себя злодеем.

— Две! — воскликнул он и хлопнул меня по плечу. — Две пепси, Дэннис! — Он застучал ногами по полу и закричал во все горло:

— Две! Быстро! Две пепси!

Я так расхохотался, что чуть не врезался в борт угольного ящика, а когда мы вылезали из машины, мне пришла в голову мысль купить ему пару содовых. «Почему бы нет?» — подумал я. Он явно воздерживался от них в последнее время. Небольшое улучшение его кожи, которое я заметил в то пасмурное воскресенье две недели назад, теперь стало очевидным при любом свете. Конечно, у него было еще много прыщей и нарывов, но они — простите, я должен это сказать — уже не сочлились гноем. Он и в других отношениях выглядел гораздо лучше. От работы под палящим летним солнцем он загорел и был в такой физической форме, какой не знал никогда прежде. Поэтому я решил, что он заслужил свою пепси. Победителя украшают награды.

У Джино всем заправлял неплохой малый, итальянец по имени Пэт Донахью. Он суетился вокруг кассового аппарата с отчетливой наклейкой «Ирландская мафия», колдовал над патефоном-автоматом, разносил зеленое пиво в День Святого Патрика (семнадцатого марта вы не могли даже близко подойти к Джино, потому что у него беспрерывно крутилась пластинка с записью «Когда смеются глаза у ирландцев» в исполнении Розмари Клуни) и носил черный котелок, который обычно напяливал на самый затылок.

Этот патефон, хрипатый от рождения «Бурлитцер», достался Пэту в наследство от сороковых годов,

и все диски были доисторического образца. Вероятно, в Америке не нашлось бы второй такой рухляди. В те редкие дни, когда я накуривался какой-нибудь дряни, меня посещали видения, будто я заказываю у Джина три-четыре пиццы, велю Пэту Донахью принести кварту пепси и, сидя за стаканом, слушаю патефон-автомат, из рупора которого доносятся хиты «Бич бойз» или «Роллинг стоунз».

Мы устроились в углу и попросили приготовить три пиццы. Дожидаясь их, я стал рассматривать людей, то и дело заходивших в пиццерию.

— Дэннис, ты знаешь Бадди Реппертона? — вдруг спросил меня Эрни. Как раз принесли пиццу.

— Бадди, как ты говоришь?

— Реппертон.

Имя и фамилия были мне известны. Усердно работая над пиццей, я стал примерять к ним всевозможные лица. Одно из них оказалось впору. Оно мне напоминало о школьной вечеринке, состоявшейся приблизительно полгода назад. У музыкантов был перерыв, и я стал в очередь за прохладительными напитками. Реппертон толкнул меня и сказал, что моя содовая может подождать, пока не освежились старшеклассники. Он был второгодником, здоровым бугаем с квадратной челюстью, комком слипшихся черных волос и маленькими глазками, посаженными слишком близко друг от друга. Эти глазки были не совсем тупыми: в них таилась малопривлекательная сообразительность. Он был одним из тех парней, которые большую часть школьного времени проводили в местах для курения.

Я высказал еретическое мнение о том, что разница между старшим и средним классами не имеет никакого отношения к очереди за прохладительными напитками. Реппертон пригласил меня выйти вместе с ним. Очередь сразу же перестроилась и образовала несколько настороженных кружков, которые так часто предшествуют всеобщей свалке.

Один из преподавателей подошел к нам и предотвратил ее. Реппертон обещал подловить меня позже, но так и не сдержал своего слова. Больше я с ним не сталкивался, если не считать почти ежедневных встреч с его фамилией в списках остающихся после уроков, которые перед последним занятием вывешивались в холле. Кажется, его пару раз выгоняли из школы, и, как я полагаю, подобное внимание к его персоне было верным признаком того, что этот парень не состоял в Лиге Молодых Христиан.

Я рассказал Эрни о своем знакомстве с Реппертоном, и он уныло кивнул головой. Затем он потрогал синяк, который уже приобрел отвратительный лимонный оттенок. Он был в горячке.

— Реппертон разукрасил тебе лицо?

— Угу. Эрни сказал мне, что знал Реппертона по обучению в автомеханических мастерских. Такая уж была ирония несчастной школьной судьбы моего друга, что интересы и способности Эрни вовлекали его в непосредственный контакт с людьми, которые находили свое призвание в том, чтобы выдавливать внутренности из человека по имени Эрни Каннингем. Когда Эрни ходил на начальные автокурсы, известные как «Основы механики для детей», один ребенок, которого звали Роджер Гилман, сполна заставил его умыться кровавым дерьмом. Это звучит довольно вульгарно, но ничего изящного о той истории не скажешь. Гилман именно заставил его умыться кровавым дерьмом. Эрни не ходил в школу несколько дней, а Гилман получил двухнедельные каникулы, которыми весь инцидент элегантно завершился. Сейчас Гилман сидел в тюрьме по обвинению в бандитизме. Бадди

Реппертон был в кругу друзей Роджера Гилмана и более или менее заменял его на месте вожака команды. Для Эрни посещение занятий в механических мастерских было вроде визитов в демилитаризованную зону. Если до семи часов он оставался целым и невредимым, то опрометью выскакивал оттуда и с шахматной доской под мышкой бежал в шахматную секцию, размещавшуюся в другой части школы. Конечно, не все сокурсники старались извести его, среди них было много неплохих ребят, но все они держались своих разрозненных групп и старались не замечать того, что творилось вокруг. В эти группы обычно попадали пареньки из бедных кварталов Либертивилла, настолько серьезные и невозмутимые, что вы по ошибке могли посчитать их дебилами. Большинство из них носили длинные волосы, заплетенные в косичку, потертые джинсы и майки с короткими рукавами и выглядели как безнадежные рудименты 1968 года, но в 1978-м никто из этих ребят не хотел свергать правительство, все они хотели вырасти в преуспевающих дельцов.

Механические мастерские были последним пристанищем отъявленных изгоев, которые не столько посещали школу, сколько отбывали в ней наказание. И теперь, когда Эрни произнес слово «Реппертон», я подумал о дюжине парней, вращавшихся вокруг него как планеты Солнечной системы. Почти всем им было под двадцать лет, и они все еще не могли выбраться из школы. Трех я знал это были Ванденберг, Сэнди Галтон и Шатун Уэлч. У Шатуна на самом деле было имя Питер, но его звали Шатуном, потому что его можно было видеть на всех рок-концертах Питсбурга, шатающегося снаружи и выискивающего жертву, располагающую избытком наличных денег. Бадди Реппертон купил по символической цене голубой «камаро» 1975 года выпуска, который два раза перевернулся возле Скуантик-Хиллз-Стейт-парк, а Эрни сказал, что покупка не обошлась без участия одного из картежников Дарнелла. Двигатель машины был в порядке, но кузов после аварии походил на смятую яичную скорлупу. В гараже Бадди появился на две недели позже Эрни, хотя познакомился с Дарнеллом намного раньше.

В первую пару дней Реппертон, казалось, вообще не замечал Эрни, и Эрни, конечно, был просто счастлив, что его не замечают. Он и не нужен был Реппертону, пользуясь хорошими отношениями с Дарнеллом, тот не имел проблем ни с инструментом, ни с консультациями более опытных мастеров. Затем Бадди стал понемногу приглядываться к Эрни. Возвращаясь от автомата с кока-колой или из душевой, он мог задеть ногой переборку с инструментом и разобранными подшипниками, которые стояли возле стоянки номер двадцать. Он умудрялся локтем сбить чашку кофе, стоявшую на полке Эрни, и грохнуть ее об пол. При этом он гнусаво тянул: «Ну извини... меня», — подражая Стиву Мартину с его глумливой ухмылкой. А Дарнелл только следил, чтобы Эрни успел поймать свои инструменты, прежде чем они провалятся в какое-нибудь отверстие в бетонной поверхности гаража. Вскоре Реппертон стал отклоняться от своего пути, чтобы с размаху шлепнуть Эрни по спине и проорать:

— Как поживаешь, Прыщавая Рожа?

Эрни переносил эти милые шутки со стоицизмом человека, который видел их прежде и прошел через них. Вероятно, он надеялся на одно из двух: либо издевательства над ним достигнут какого-то постоянного уровня и не пойдут дальше, либо Бадди Реппертон найдет какую-нибудь другую жертву и перекинется на нее. Была еще и третья возможность, но она была слишком хороша, чтобы надеяться на нее, — она состояла в том, что Бадди всегда мог зарваться на чем-нибудь и уйти со сцены, как его давнишний приятель Роджер Гилман.

Взрыв произошел в субботу после полудня. Эрни прочищал двигатель и подсчитывал в уме, во сколько ему обойдется замена множества деталей и даже узлов, обновления которых требовала его машина. Беззаботно насвистывая, мимо проходил Реппертон, в одной руке у него была кока-кола с пакетом земляных орешков, а в другой — монтировка. Поравнявшись со стоянкой номер двадцать, он взмахнул монтировкой и разбил одну из передних фар Кристины.

— Разбил вдребезги, — сказал мне Эрни, оторвав взгляд от пиццы.

— Ох, Господи, что я наделал! — с преувеличенно трагическим выражением лица воскликнул Бадди Реппертон. — Ну извини и-и-и...

Но продолжить ему не удалось. Нападение на Кристину сделало то, что не смогло бы сделать нападение на самого Эрни, — оно вызвало отпор, Эрни обошел «плимут», стиснул кулаки и слепо ринулся вперед. В какой-нибудь книжке или в фильме он, наверное, ударил бы в челюсть Реппертона при счете раз, а при счете десять уложил бы его на пол.

В жизни подобные штуки не проходят. Эрни не попал в подбородок Реппертона. Вместо этого он угодил в его руку, выбив пакетик с земляными орешками и расплескав кока-колу по лицу и рубашке Бадди.

— Ну ладно, козел вонючий! — вскричал Бадди. Похоже он растерялся, что было довольно забавно.

— Получай! — Сжав монтировку, он двинулся на Эрни.

К ним подбежали несколько человек, один из них велел Реппертону оставить монтировку и драться честно. Бадди отбросил ее в сторону и приступил к расправе.

— Дарнелл не пытался остановить его? — спросил я у Эрни.

— Его там не было, Дэннис. Он исчез минут за пятнадцать до того, как все началось. Будто заранее знал о том, что произойдет.

Эрни сказал, что почти сразу получил большинство своих украшений. Синяк под глазом остался после первого же удара кулаком; царапина на лице (сделанная перстнем, который Реппертон купил года два назад) появилась следом.

— Плюс целый набор других ушибов, — добавил он.

— Каких других ушибов?

Мы сидели за одним из крайних столиков. Эрни огляделся и, убедившись, что на него никто не смотрит, задрал майку. Кошмарная роспись из разноцветных кровоподтеков — желтых, багровых, лиловых и коричневых — покрывала его живот и грудь. Я никак не мог понять, откуда он взял силы выйти на работу после такой жуткой переделки.

— Эй, друг, ты уверен, что у тебя не переломаны ребра? — спросил я.

Мне стало не по себе. Синяк под глазом и царапина выглядели сущим пустяком по сравнению с этим натюрмортом. Я, конечно, видел немало школьных драк и в нескольких сам принимал участие, но на результаты серьезных побоев я смотрел впервые в жизни.

— Уверен, — махнул. — Мне повезло.

— Вижу, как тебе повезло.

Эрни больше ничего не рассказал, но я знал парня по имени Рэнди Тернер, который при этом присутствовал, и, когда начались занятия в школе, он сообщил мне кое-какие подробности происходившего. Он сказал, что Эрни мог бы получить гораздо худшие увечья, если бы с безумным отчаянием не кинулся снова на Реппертона.

По словам Рэнди, Эрни так набросился на Бадди Реппертона, точно дьявол всыпал ему красного перца в задницу. Его руки мелькали в воздухе, его кулаки были сразу всюду. Он орал, матерился и брызгал слюной. Я пробовал себе это представить, но не мог — единственной подходящей картиной было лишь то, как Эрни колотил руками по приборной доске моей машины, так что даже остались выбоины, и кричал, что он заставит их съесть это.

Он загнал Реппертона почти в другой конец гаража, разбил ему нос (скорее случайно, чем умышленно) и угодил кулаком прямо в горло Бадди, отчего тот стал кашлять и задыхаться, потеряв всякий интерес к немедленной расправе над Эрни.

Реппертон отвернулся, держась за горло и собираясь сплевывать, и тогда Эрни влепил стальным мыском своего рабочего ботинка в его обтянутый джинсами зад. Бадди не устоял на ногах и упал, истекая кровью (так говорил Рэнди Тернер), а Эрни все наносил удары, попадавшие то в бок, то в локти, то в голову. Он забил бы насмерть этого сукиного сына, если бы неожиданно не появился Уилл Дарнелл и не закричал, что хватит ему дерьма, хватит дерьма, хватит дерьма.

— Эрни показалось, что драка была задумана заранее, — сказал я Рэнди. — Он говорит, что все было подстроено.

Рэнди пожал плечами.

— Может быть. Очень даже может быть. Во всяком случае, странно, что Дарнелл появился как раз тогда, когда Бадди уже выдыхался.

С десятков парней схватили Эрни и оттащили его. Сначала он вырывался из рук, матерился на них и кричал, что если Реппертон не заплатит за разбитую фару, то он убьет его. Затем он сник, все больше смущаясь и едва ли отдавая себе ясный отчет в том, как могло случиться, что Реппертон лежал на полу, а он все еще стоял на ногах. Наконец Реппертон поднялся, его майка была перепачкана грязью и кровью, еще сочившейся из разбитого носа. Он рыпнулся в сторону Эрни. Рэнди сказал, что это был ничего не значивший рывок, сделанный больше для вида. Несколько человек остановили его и увели в душевую. Дарнелл подошел к Эрни; не повышая своего скрипучего голоса, он велел отдать ключ от ящика с инструментами и убираться вон из гаража.

— Ради Иисуса, Эрни! Почему же ты не позвонил мне в ту субботу?

Он вздохнул.

— Я был слишком подавлен случившимся.

Мы покончили с пищей, и я купил Эрни третью бутылку пепси. Эта штука убийственна для кожи, но незаменима во время депрессии.

— Я не знаю, выгнал ли он меня только на субботу или вообще навсегда, — проговорил Эрни по пути домой. — А ты как думаешь. Дэннис? Он меня выдворил, да?

— Ты же сказал, что он отобрал у тебя ключ от ящика с инструментами.

— Да, ты прав. Меня еще ниоткуда не выдворяли. — Казалось, что он вот-вот заплачет.

— Все равно это гнилое место. Уилл Дарнелл — настоящая задница.

— Думаю, было бы глупо оставаться там, — произнес он. — Даже если Дарнелл разрешит мне вернуться, там будет Реппертон. Мне придется снова драться с ним...

Я хмыкнул и стал насвистывать тему из «Рокки».

— И ты можешь заткнуться, пока мы не въехали в какой-нибудь фонарный столб, — продолжал он. — Я бы снова избил его. Но дело в том, что он может прийти с монтировкой. И не думаю, что в

этом случае Дарнелл остановит его.

Я не ответил, и Эрни, наверное, решил, что я согласен с ним, а я не был согласен. Я не верил, что его старый, проржавевший «плимут-фурия» мог быть главной целью. И если бы Реппертон вдруг почувствовал, что не может самостоятельно уничтожить главную цель, то он бы просто позвал на помощь своих дружков — Дона Ванденберга, Шатуна Уэлча и иже с ними: мальчики, прихватите с собой велосипедные цепи, у нас вечером будет одно дельце.

У меня мелькнула мысль, что они, пожалуй, могли убить его. Не просто извести, а по-настоящему убить. У ребят вроде них такое случается. Просто их развлечения заходят немножко дальше, чем обычно, и один ребенок оказывается мертвым. Иногда вы читаете об этом в газетах.

—..ее?

— А? — Я совсем забыл о присутствии Эрни. — Мы подъезжали к его дому.

— Я спросил — у тебя есть какие-нибудь соображения о том, где бы я мог держать ее?

Машина, машина, машина. Больше он ни о чем не хотел говорить. Мне это начинало напоминать заезженную пластинку. Точно припев какой-то забытой песенки обрывался на полуслове и начинался сначала. Но что там было дальше? Я не мог вспомнить. А Эрни, если знал, то не подавал вида.

— Эрни, — сказал я. — По-моему, тебе следует побеспокоиться о более важных вещах, чем безопасное место для твоей машины. Я хочу знать, где ты собираешься найти безопасное место для себя?

— А? О чем ты говоришь?

— Я спрашиваю, что ты собираешься делать, если Бадди и его дружки решат свести с тобой счеты? Его лицо неожиданно стало мудрым и проницательным — оно так быстро стало мудрым и проницательным, что мне стало страшно. Такие лица я видел по телевизору, когда мне было девять лет — лица с мудрым прищуром глаз, принадлежавшие солдатам, которые утопили в дерьме самую оснащенную и самую вооруженную армию в мире.

— Дэннис, — сказал он, — я сделаю все, что в моих силах.

10. Лебэй уходит

Я машину не купил — вот такое было горе.

Чтоб решить проблему с ней, я подумал о шофере.

Как раз на экраны вышла киноверсия «Подонков», и в тот вечер я повел на нее свою первую подругу. Мне фильм показался глупым. Моей подруге он понравился. Я сидел и смотрел, как совершенно нереальные тинэйджеры пели и танцевали (если уж говорить о чем-то более или менее похожем на реальных тинэйджеров, то я бы назвал несколько фрагментов из «Джунглей на классной доске»), а мои мысли витали довольно далеко. И вдруг меня озарило, как иногда бывает, когда вы не думаете ни о чем определенном.

Я извинился и пошел в фойе, к телефону-автомату. Мне не хотелось ждать до конца сеанса, потому что у меня появилась одна замечательная идея. Эрни должен был одобрить ее.

Он сам снял трубку:

— Алло?

— Эрни, это Дэннис.

— Да, Дэннис.

Его голос был таким ровным, что я даже немного испугался.

— Эрни? С тобой все в порядке?

— Да. Я думал, ты с Розанной пошел в кино.

— Отсюда и звоню.

— Должно быть, ты в восторге от фильма, — сказал Эрни. Его голос был таким же ровным-ровным и мрачным.

— Розанне он кажется бесподобным. Я думал, что услышу его смех, но в трубке было только терпеливое, выжидательное молчание.

— Послушай, — проговорил я. — Я нашел ответ.

— Ответ?

— Он самый, — сказал я. — Лебэй. Лебэй — это ответ.

— Ле... — начал он странным высоким голосом... а затем снова наступило молчание.

Мной начал овладевать страх. Я еще никогда не знал его таким спокойным.

— Ну, да, — пробормотал я. — У Лебэя есть гараж, а у меня появилась идея, что он съест даже сандвич с дохлой крысой, если ему заплатить за это достаточную сумму. Если ты к нему подкатишь и предложишь, скажем, шестнадцать или семнадцать баксов в неделю...

— Очень забавно, Дэннис. — В его голосе звучала холодная ненависть.

— Эрни, ты не...

Послышались короткие гудки.

Некоторое время я стоял, глядя на телефон и гадая, что бы могло случиться с Эрни. Какие-то новые неприятности от его родителей? Или, может, он вернулся к Дарнеллу и нашел новые повреждения у своей машины? Или...

Неожиданная интуитивная догадка — почти уверенность — вывела меня из оцепенения. Повесив трубку на рычаг, я сделал несколько шагов к окошку билетерши и спросил, есть ли у нее сегодняшняя газета. Белокурая девушка наконец выудила ее из сумки с пачками кукурузных хлопьев и стала наблюдать, как я перелистывал те разделы в самом конце, где обычно печатаются некрологи. Полагаю, она хотела убедиться, что я не порву ее на мелкие клочки и не съем их.

Там ничего не было — по крайней мере мне так сначала показалось. Затем я перевернул страницу и увидел заголовок: ВЕТЕРАН ЛИБЕРТИВИЛЛА УМЕР В ВОЗРАСТЕ 71 ГОДА. Под ним была фотография Ролланда Д.Лебэя в армейской униформе, выглядевшего лет на двадцать моложе и значительно жизнерадостнее, чем тогда, когда мы с Эрни познакомились с ним. Далее следовало короткое сообщение. Лебэй умер внезапно, это случилось в субботу после полудня. При кончине присутствовали его брат Джордж и сестра Марся. Похороны были назначены на вторник, на два часа дня.

Внезапно.

В некрологах всегда есть такие слова: «после долгой болезни», «после непродолжительной болезни» или «внезапно». «Внезапно» может означать инфаркт и удар электрическим током в ванной. Я вспомнил, как дал Элли подержать музыкальную шкатулку с сюрпризом, когда сестренке исполнилось годика три. Она была почти младенцем. Я держал ручку от этой шкатулки вроде дирижерской палочки. Раз-два-три... Совсем неплохо, зрители довольны. И вдруг — ха-ха! Выскакивает попрыгунчик с огромным безобразным носом и чуть не ударяет ее в глаз. Элли с

криком убегает к маме, а я остаюсь на месте и смотрю, как улыбающийся болванчик кланяется вперед-назад, зная, что я заслужил свой испуг — я знал, что он испугает ее, выпрыгнув из безмятежной музыки и нарушив ее своей безобразной физиономией.

Я отдал газету обратно и остался стоять на том же месте, безучастно разглядывая афиши с подписью: СМОТРИТЕ В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ.

В субботу после полудня.

Внезапно.

Забавно, как порой складываются дела. Моя гениальная идея состояла в том, что Эрни мог поставить машину туда, откуда взял ее: пожалуй, он мог заплатить Лебэю за стоянку. Но вышло так, что тот умер. И умер в тот же день, когда Эрни схватился с Бадди Реппертоном — в тот же день, когда Бадди разбил переднюю фару Кристины.

Неожиданно я почему-то представил, как Бадди Реппертон с размаху опускает монтировку, и в тот же самый момент Лебэй хватается за окровавленный глаз и умирает, внезапно, очень внезапно...

Не сходи с ума, Дэннис, — упрекнул я себя. — Брось, не сходи...

А затем какой-то голос в глубине моих мыслей, в самом их центре прошептал: «Ну, приятель, давай прокатимся», — и наступила тишина.

Девушка за окошком щелкнула жевательной резинкой и сказала:

— Ты пропустишь концовку фильма. Это его самая лучшая часть.

— Угу, спасибо.

Я двинулся к дверям в зрительный зал, а потом свернул к питьевому фонтанчику. У меня пересохло в горле.

Не успел я напиться, как открылись двери, и оттуда хлынула толпа людей. В темноте, над их качающимися головами плыли титры фильма. Вскоре вышла Розанна, поглядывая вокруг и разыскивая меня глазами. В ее сторону направлялось множество других взглядов, привлеченных ее наружностью и беспокойным поведением.

— Дэн-Дэн, — сказала она, взяв меня за руку. Когда тебя называют Дэн-Дэн, это не совсем плохо — гораздо хуже ослепнуть при пожаре или потерять ногу на войне, — но я редко прихожу в восторг от подобных изобретений. — Где ты был? Ты пропустил концовку. Это...

— Самая лучшая часть, — проговорил я вместе с ней. — Извини. У меня был естественный позыв. Он случился совершенно внезапно.

— Я расскажу тебе ее, если ты прогуляешься со мной по набережной, — сказала она, прижав мою руку к мягкой выпуклости своей майки. — Там все хорошо кончается, — добавила она. — Мне нравится, когда все хорошо кончается, а тебе, Дэннис?

— Мне тоже, — сказал я. Вероятно, мне следовало бы подумать о том, что обещала ее грудь, но я не мог отделаться от мыслей об Эрни.

В ту ночь мне снова приснился сон, только на этот раз Кристина была старой — даже нет, не просто старой, она была древней: такие массивные, неповоротливые механизмы иногда встречаются в музеях. Это Мертвые Машины. Иногда вам кажется, что они старей, чем пирамиды. Двигатель ревел, извергая синие облака выхлопных газов и задыхаясь в собственном дыме.

Она не была пуста. За рулем застыл Ролланд Д.Лебэй. Его стеклянные глаза были открыты, но мертвы. При каждом рывке двигателя, от которых то и дело содрогался проржавевший корпус

Кристины, он покачивался, как тряпичная кукла. Его покрытая струпами голова кланялась в разные стороны.

Затем покрышки издали пронзительный визг, «плимут-фурия» рванулся из гаража прямо на меня, и, когда это случилось, сразу осыпалась вся ржавчина, ветровое стекло прояснилось, хром блеснул первобытной новизной, а старые, облезшие покрышки превратились в новехонькие бешено вращавшиеся черные воронки, каждая глубиной с Большой Каньон.

Она стремительно бросилась на меня, ослепив своими полными ненависти фарами, и, вытянув руки вперед в бесполезном и отчаянном жесте, я успел только подумать: фурия, бесконечная ярость...

Я проснулся.

Я не кричал. В ту ночь я сдержал крик в горле.

Едва сдержал.

Я сидел на постели, холодная лужа лунного света растекалась по складкам простыни, и у меня в голове билась одна-единственная мысль: «Умер внезапно».

В ту ночь мне не скоро удалось заснуть снова.

11. Похороны

Эльдорадо строений одноэтажных,
их одинаковых мраморных плит обилие.

Когда я умру, положите меня в багажник
и отвезите на свалку старых автомобилей.

Зашел к Брэду Джефрису, распределявшему работы на стройке, и спросил, разрешил ли он Эрни уйти после обеда?

— Я отпустил его на два часа. Он сказал, что ему нужно пойти на похороны, — ответил Брэд. Он снял очки и потер пальцами переносицу. — А почему бы тебе не спросить, кто вместо него будет делать его работу? Ведь вы оба уходите отсюда в конце недели.

— Брэд, мне нужно пойти вместе с ним.

— Да что это такое? Кто он, этот парень? Каннингем сказал, что купил у него машину. Господи, вот уж не думал, что на похороны продавца подержанных автомобилей ходит хоть кто-нибудь, не считая родственников.

— Он не был продавцом подержанных автомобилей, он был просто парнем. У Эрни многое связано с ним. Брэд, мне бы следовало пойти вместе с Эрни.

Брэд вздохнул:

— Ладно. Ладно, ладно, ладно. Даю тебе время с часу до трех. Если только в четверг ты будешь работать без обеда и останешься здесь до шести часов.

— Конечно. Спасибо, Брэд.

— Я отмечу вас как обычно, — сказал Брэд. — Но если в фирме узнают об этом, то мне надерут задницу.

— Не узнают.

— Жалко терять вас, ребята, — сказал он. Это прозвучало как похвала на прощание.

— У нас было хорошее лето, Брэд.

— Что ж, я рад, если ты это понял, Дэннис. А теперь убирайся отсюда и дай мне дочитать газету.

Я повиновался.

Ровно в час я поднялся в домик для рабочих, находившийся рядом со строившейся эстакадой. Эрни был внутри. Его желтая каска висела на стене, а сам он одевал чистую сорочку.

Увидев меня, он вздрогнул.

— Дэннис? А ты что здесь собираешься делать?

— Собираться на похороны, — сказал я. — Так же, как и ты.

— Нет, — мгновенно отрезал он, и уже по одному этому слову, а не только по голосам Регины или Майкла, обычно отвечавших на телефонные звонки в субботние и воскресные дни, я понял, что он закрыл для меня свою жизнь и что это случилось точно так же, как умер Лебэй. Внезапно.

— Да, — сказал я. — Эрни, он мне снится, этот парень. Ты меня слышишь? Я вижу его во сне. С тобой или без тебя, но я пойду.

— Ты правда не шутил тогда?

— Когда?

— Когда позвонил мне из кинотеатра. Ты правда не знал, что он умер?

— О Господи! Ты думаешь, что такими вещами шутят?

— Нет, не думаю, — сказал он, но не сразу. Некоторое время у него ушло на то, чтобы все как следует взвесить. Ему казалось, что весь белый свет был против него. Не только Уилл Дарнелл или Бадди Реппертон, но, очевидно, и отец с матерью. Но ведь никто из них не был сам по себе. Сама по себе была только машина.

— Он тебе снится?

— Да.

Он помолчал, о чем-то размышляя.

— В газете написано, что похороны будут на Верхнем кладбище Либертивилла, — наконец не выдержал я. — Ты поедешь со мной или на автобусе?

— Я поеду с тобой.

— Вот и хорошо.

Мы стояли на небольшом холме над местом траурной церемонии, не осмеливаясь и не желая приближаться к горстке людей, собравшихся у могилы. Некоторые из них были одеты в старую, но хорошо сохранившуюся военную форму. Каска Лебэя лежала на флаге, разостланном поперек длинного столика на колесах. Теплый августовский ветер доносил до нас слова проповедника: человек подобен траве, что вырастает, а затем скашивается, человек подобен бутону цветка, что раскрывается весной и увядает осенью, человек есть любовь и любит все преходящее.

Когда служба закончилась, мужчина, которому с виду можно было дать лет шестьдесят с лишним, бросил горсть земли на гроб. Очевидно, он был братом Лебэя: сходство не бросалось в глаза, но все-таки наблюдалось. Мне показалось странным, что я не увидел его сестры: рядом с могилой вообще не было ни одной женщины.

Вскоре все они потянулись к выходу. Я повернулся к Эрни, но его рядом со мной не оказалось. Он стоял невдалеке, по его щекам текли слезы.

— Эрни, с тобой все в порядке? — спросил я.

Мне пришло в голову, что если не ввали мои глаза, то среди прощавшихся ни один не плакал, и если бы Ролланд Д.Лебэй знал, что Эрни Каннингем окажется единственным человеком, кто прольет слезы во время его краткой траурной церемонии на малоизвестном кладбище в Западной

Пенсильвании, то он бы на пятьдесят баксов сбавил цену за свой дерьмовый автомобиль. И даже после этого Эрни пришлось бы заплатить долларов на сто пятьдесят больше, чем он стоил на самом деле. Он вытер слезы руками и хрипло произнес:

— Все прекрасно. Мне нужно подойти к его брату. Брат Лебэя стоял с флагом под мышкой и тихо переговаривался с двумя бывшими военными, с виду походившими на легионеров. Он был одет в костюм человека, давно забывшего о постоянном источнике доходов. Его брюки были вытянуты на коленях, пиджак поблескивал на локтях. Галстук был помят внизу, а на воротнике сорочки красовалась желтая полоса.

Он оглядел нас с головы до ног.

— Извините, пожалуйста. — сказал Эрни. — Если не ошибаюсь, вы брат мистера Лебэя?

— Да, это я. — Он посмотрел на Эрни вопросительно и, как мне показалось, несколько воинственно. Эрни протянул руку.

— Меня зовут Арнольд Каннингем. Я немного знал вашего брата. Не так давно я купил у него автомобиль.

Когда Эрни протянул руку, Лебэй автоматически вытянул свою — к обмену рукопожатием любой американец склонен так же, как проверять, застегнута ли ширинка после посещения комнаты общественного пользования. Но когда Эрни сказал, что купил автомобиль, пятерня точно наткнулась на какое-то невидимое препятствие, оказавшееся на ее пути. Какое-то мгновение мне казалось, что Джордж Лебэй вообще откажется следовать национальной традиции и оставит руку Эрни беспомощно парить в августовском эфире.

Но он все-таки счел нужным соблюсти приличие... по крайней мере отчасти. Он слегка дотронулся до пальцев Эрни и сразу же убрал руку.

— Кристина, — тихо проговорил он. Да, фамильное сходство, несомненно, присутствовало в чертах его лица, хотя они были немного мягче, чем у Ролланда Д.Лебэя. — В своем последнем письме Ролли писал, что продал машину.

О Господи, в его голосе были те же женственные нотки. И — Ролли! Мне было трудно представить, что Лебэй с его псориазным черепом и зловонным корсетом кто-то мог называть Ролли. Хотя в голосе Джорджа я не почувствовал особой любви к брату.

Лебэй продолжал:

— Брат не часто писал мне, в последние годы у него появилась некоторая склонность к мизантропству, мистер Каннингем. Я бы хотел подобрать другое слово, но не уверен, что оно существует. В своем письме Ролли называл вас молокососом и говорил, что учинил вам прием, который, как он выразился, был «выжиманием сока по-королевски».

У меня открылся рот. Я обернулся к Эрни, ожидая увидеть вспышку ярости. Но его лицо ничуть не изменилось.

— Выжимание сока, — миролюбиво сказал он, — это то, что все покупатели приписывают продавцам.

Лебэй улыбнулся... как мне показалось, с некоторой неохотой.

— Это мой друг. Он был со мной в тот день, когда я купил машину.

Я назвал себя и пожал протянутую руку Лебэя. Бывшие солдаты молча повернулись и не спеша пошли прочь. Мы трое, Эрни, Лебэй и я, неловко переглянулись. Лебэй переложил флаг из одной

руки в другую.

— Могу я что-нибудь сделать для вас, мистер Каннингейм? — наконец спросил Лебэй.

Эрни прочистил горло.

— Я хотел спросить насчет гаража. Видите ли, машину нужно немного привести в порядок, чтобы получить официальное разрешение на ее вождение. Мои родители не позволяют мне ремонтировать ее в нашем доме, и я хотел узнать...

— Нет.

—..какая сумма устроила бы...

— Нет, об этом не может быть никакого разговора, это действительно...

— Я бы платил по двадцать долларов в неделю, — сказал Эрни. — Если вы хотите, то двадцать пять. — Я вздрогнул. Он был похож на парня, который провалился в зыбучие пески и решил вытрясти сор из ботинок.

—..невозможно. — Лебэй выглядел все более и более раздраженным.

— Только гараж, — теряя невозмутимость, попросил Эрни. — Гараж, где она раньше была.

— Это невыполнимо, — твердо сказал Лебэй. — Сегодня подписан контракт с фирмой, продающей недвижимость, дом будут показывать покупателям...

— Да, но есть же время...

—..и в нем не должно быть посторонних. — Он немного наклонился к Эрни. — Поймите, я не имею ничего против тинэйджеров. Я почти сорок лет был учителем в одной из школ Огайо, и вы мне кажетесь вполне воспитанным, интеллигентным юношей. Но все, что я сейчас хочу, — это побыстрее продать дом, чтобы ни я, ни моя сестра в Денвере уже не вспоминали о нем. Я не желаю, мистер Каннингейм, возвращаться в него когда-либо. И я не желаю возвращаться в жизнь моего брата.

— Понимаю, — сказал Эрни. — Но я могу присмотреть за домом. Постричь газон. Починить ограду. Сделать какой-нибудь мелкий ремонт. Я могу вам пригодиться.

— У него и вправду золотые руки, — вмешался я. Мне хотелось, чтобы Эрни запомнил, что я был на его стороне... даже если не был. — Я уже нанял парня проследить за этим местом, — сказал Лебэй. — И дал небольшой задаток. — Он говорил убедительно, но я почему-то подумал, что он лжет. И мне показалось, что Эрни тоже так подумал.

— Разговор окончен, джентльмены. — Лебэй, прищурившись, посмотрел на солнце. — Я вынужден оставить вас. Извините, но от этого пекла у меня переворачивается желудок.

Он пошел прочь. Мы молча смотрели ему вслед. Неожиданно он остановился, и лицо Эрни просветлело: он решил, что Лебэй передумал. Тот некоторое время постоял в позе человека, напряженно размышлявшего о чем-то, а потом обернулся к нам.

— Советую вам продать эту машину, — сказал он Эрни. — Продайте ее. Если никто не захочет покупать ее в таком виде, то продайте по частям. Если не продадите по частям, то разбейте. Разбейте быстро и безжалостно. Сделайте это так, как если бы вы были одержимы приступом вандализма. Мне кажется, тогда вы будете намного счастливее.

Он постоял на месте, ожидая, что Эрни скажет что-нибудь, но Эрни не ответил, а только посмотрел ему в глаза. Лебэй прочитал взгляд и кивнул. Он выглядел так, точно ему немного нездоровилось.

— Счастливого дня, джентльмены.

Эрни вздохнул:

— Я так и думал. — Он мрачно посмотрел в спину удалявшегося Лебэя.

— Увы, — сказал я, надеясь, что мой голос прозвучит более удрученным, чем я себя чувствовал. Все это походило на сон. Мне не нравилась идея поставить Кристину обратно в гараж. Все это слишком походило на мой сон.

Не разговаривая, мы двинулись в сторону моей машины. Меня не радовало наше знакомство с Лебэем. Меня не радовало наше знакомство с обоими Лебэями. Внезапно мне в голову пришло одно решение — только Богу известно, как бы все обернулось, если бы я тогда поддался своему порыву.

— Послушай. — сказал я Эрни. — У меня есть небольшое, но важное дело. Я отлучусь на пару минут, ладно?

— Конечно, — пробурчал он, не поднимая глаз. Он шел, засунув руки в карманы и сосредоточенно глядя в землю.

Я пошел туда, где, судя по указанию стрелки и обозначения под ней, должна была находиться комната отдыха. Однако, скрывшись из поля зрения Эрни, я повернул и во весь дух пустился к автомобильной стоянке. Джорджа Лебэя я застал уже склонившимся за рулем крошечной «чеветты».

— Мистер Лебэй! — выдохнул я. — Мистер Лебэй! Он удивленно посмотрел на меня:

— Извините, что снова беспокою вас.

— Ничего. Но я, боюсь, не смогу прибавить ни слова к тому, что сказал вашему другу. Я не отдам гараж под его машину.

— Хорошо, — сказал я.

Его густые брови поползли вверх.

— Дело в «плимуте», — добавил я. — Этот «плимут-фурия», он мне не нравится.

Он продолжал смотреть на меня, не говоря ни слова.

— Мне не нравится, как он возится с ним. С ним он стал совсем другим... не знаю...

— Ревнуешь? — спокойно спросил Джордж. — Он проводит с ней все время, которое раньше проводил с тобой?

— Ну, в общем, да. Мы ведь давние друзья. Но... но я думаю, это не все.

— Не все?

— Не все. — Оглянувшись, я убедился, что Эрни еще не показался в поле зрения. — Почему вы велели разбить его? Почему о нем лучше забыть?

Он ничего не сказал, и я испугался, что ему нечего было сказать, по крайней мере мне. А затем он мягко и чуть слышно спросил:

— Сынок, а ты уверен, что это твое дело?

— Не знаю, — Внезапно мне стало очень важно поймать его взгляд. — Но я не хочу, чтобы с Эрни что-нибудь случилось. Из-за этой машины он уже заработал кучу неприятностей.

— Приходи вечером ко мне в мотель. Вестерн-авеню, поворот с 376-го участка. Сможешь найти?

— Я здесь каждый закоулок изъездил, — сказал я и вытянул вперед ладони. — Аж мозоли натер. Он даже не улыбнулся:

— Мотель «Рэйнбоу». Там их два. Мой тот, который дешевле. Может быть, это дело и не твое, и не мое, и ничье, — проговорил он мягким учительским голосом.

(А это самый лучший запах в мире... не считая запаха гнили.)

— Но кое-что я могу тебе сказать прямо сейчас. Мой брат не был хорошим человеком. Если он вообще что-либо любил в этом мире, то, сдается мне, лишь «плимут-фурию», который купил твой друг. Так что это дело, может, касается только их двоих, и не важно, что я скажу тебе или ты мне. Он улыбнулся. Улыбка была неприятной, и на какое-то мгновение мне почудилось, что на меня взглянули глаза Ролланда Д. Лебэя. Меня передернуло.

— Сынок, ты еще молод и, вероятно, не видишь и признака мудрости ни в чем, кроме своих слов. Но послушай, что я тебе скажу: любовь — это враг. — Он вздохнул. — Да. Поэты постоянно и порой намеренно ошибаются в любви. Любовь — это старая, ослепшая ведьма. Она беспощадна и ненасытна.

— Чем же она питается? — спросил я, не зная, что сказать.

— Дружбой, — сказал Джордж Лебэй. — Она питается дружбой. И я бы тебе посоветовал приготовиться к худшему, Дэннис.

Он хлопнул дверцей своей «чеветты» и включил зажигание. Когда машина отъезжала, я вспомнил о том, что Эрни должен был увидеть меня подходившим к стоянке с другой стороны, и как можно быстрее побежал прочь.

12. Некоторые семейные истории

Разве можешь ты ничего

не услышать отсюда?

Высоковольтная линия,

мачта у края дороги...

Так холодно здесь, в темноте,

Так упоительно здесь...

Мотель «Рэйнбоу» был действительно плох. Он был как раз таким местом, где вы ожидаете встретить престарелого учителя английского языка.

Позже я заметил, что существует особая категория мотелей, в которых останавливаются люди исключительно старше пятидесяти лет — как если бы они слышали о подобных заведениях в программе новостей: «Берите больше старых вещей и приезжайте в старый добрый мотель „Рэйнбоу“. Здесь нет ТВ, но вы хорошо проведете время». На игровой площадке я не увидел ни одного молодого человека, так же как и чего-либо напоминающего спортивный инвентарь. Над входом висел неоновый знак, изображавший радугу. Он жужжал так, словно был наполнен мухами. Лебэй со стаканом в руке сидел перед коттеджем номер четырнадцать. Я подошел и обменялся рукопожатием.

— Выпьешь чего-нибудь не очень крепкого? — спросил он.

— Нет, спасибо, — ответил я и сел в садовое кресло, стоявшее рядом.

— Тогда я расскажу тебе, что смогу, — сказал он мягким учительским голосом. — Я на двенадцать лет моложе Ролли, и я все еще человек, который учится старости.

Я неловко поерзал в кресле, но так ничего и не сказал.

— Нас было четверо, — продолжал он. — Ролли самый старший, а я самый младший. Наш брат Эндрю погиб во Франции в 1944 году. Он и Ролли оба служили в армии. Выросли мы здесь, в Либертивилле. Тогда он был просто маленьким поселком. Но достаточно обжитым, чтобы в нем были лучшие и худшие. Мы были худшими. Бедными из бедных. — Он хихикнул и налил вина в

стакан. — О детстве Ролли я, пожалуй, могу сказать только одну вещь — все-таки у нас была большая разница в возрасте. Но кое-что я запомнил, потому что эта черта присутствовала в нем постоянно.

— Какая черта?

— Его злость, — сказал Лебэй. — Ролли всегда на что-нибудь злился. Он злился на то, что ему приходилось ходить в школу в заштопанной одежде, на то, что его отец был пьяницей и не имел постоянной работы, что мать не могла заставить его бросить пить. Он злился на Эндрю, Марсию и меня за то, что мы делали нищету совсем невыносимой.

Он засучил рукав и показал мне свою старческую руку с узловатыми сухожилиями, выступавшими из-под тонкой, дряблой кожи. От локтя к запястью тянулся шрам.

— Это подарок от Ролли, — сказал он. — Он мне достался, когда ему было четырнадцать лет. Я возился с цветными кубиками, которые должны были изображать машинки, а он как раз выскочил из дома, чтобы бежать в школу. Наверное, я оказался на его пути. Он оттолкнул меня, сделал еще несколько шагов, а затем вернулся и толкнул меня с порога. Я упал на колья ограды, окружавшей несколько подсолнухов, которые мама почему-то называла — наш сад. Я был весь в крови, и меня все жалели. Все — кроме Ролли. Он кричал:

«Не попадайся мне на дороге, паршивый сопляк! Не лезь мне под ноги, слышишь?»

Я еще раз взглянул на старый зарубцевавшийся шрам и удивился его размеру. В 1921 году он изуродовал ручку трехлетнего мальчика, из которой, должно быть, тогда вылилось немало крови. Потом рана затянулась, но шрам... он явно стал больше.

Я содрогнулся. Мне вспомнился Эрни, стучавший кулаками по приборной доске моей машины и кричавший, что заставит их съесть это, съесть это, съесть это.

Джордж Лебэй внимательно посмотрел на меня. Не знаю, что он увидел на моем лице, но стал медленно опускать рукав, и это было похоже на то, как занавес постепенно закрывает вид невыносимого прошлого.

Он отхлебнул из стакана.

— Когда отец узнал, что сделал Ролли, то жестоко избил его. Однако Ролли не раскаивался в своем поступке. Он плакал, но не раскаивался. — Лебэй снова хихикнул:

— Мама испугалась, что отец прибьет его, и вступилась за сына, а он все кричал: «Пусть не мешается под ногами! В следующий раз ему еще больше достанется, и ты меня не остановишь, старый пьянчуга!» Тогда отец ударил его по лицу и разбил нос — Ролли упал, закрылся обеими руками, сквозь пальцы потекла кровь. Мама кричала, Марсия плакала, Дрю забился в угол, а Ролли все повторял: «Ему еще больше достанется, ты, старый проклятый пьянчуга!»

На небе уже отчетливо проступили звезды. Пожилая женщина вышла из коттеджа, спустилась по дорожке и, достав чемодан из багажника белого «форда», вернулась с ним обратно.

Где-то играло радио. Оно не было настроено на УКВ-104, где обычно передавали программы рок-музыки.

— Его бесконечная ярость, вот что мне запомнилось больше всего, — мягко продолжал Лебэй. — В школе Ролли затевал драки со всеми, кто смеялся над его одеждой и плохо постриженными волосами, он дрался даже с теми, кого только подозревал в насмешках над ним. В конце концов он бросил школу и вступил в армию.

— Двадцатые годы были не самым лучшим временем для службы в армии. Он кочевал с базы на базу, сначала на Юге, потом на Юго-Западе. Приблизительно раз в три месяца мы получали от него письмо. Он был таким же злым, как и прежде. Его злили те, кого он называл «говнюками». Они мешали ему продвигаться по службе, не давали отпусков и придирались к нему по любому поводу. Иногда они отправляли его в гарнизонную тюрьму. В армии его держали только потому, что он был превосходным механиком — он мог поддерживать в рабочем состоянии всю ту старую и никудышную технику, которую конгресс выделял армии.

Неожиданно для себя я подумал об Эрни, у которого тоже были золотые руки.

Лебэй немного наклонился вперед:

— Но талант лишь увеличивал его злость.

— В каком смысле?

Лебэй еще раз хихикнул:

— В армии он ремонтировал грузовики, тягачи, бульдозеры и легковые машины. Однажды, когда какой-то конгрессмен посетил Форт Арнольд в западном Техасе и задержался в нем из-за поломки автомобиля, командир Ролли решил выслужиться и заставил его целые сутки возиться с шикарным «бентли» конгрессмена, для которого в армии, конечно, не было никаких запасных деталей. О да, мы получили от Ролли письмо, где четыре с половиной страницы были посвящены этому «говнюку» — странно, что они не сгорели от злобы и ненависти, наполнявших каждое слово.

У самого же Ролли до конца второй мировой войны не было собственного автомобиля. И даже тогда он смог позволить себе обзавестись лишь стареньким ржавым «шевроле». В двадцатых и тридцатых деньги не валялись на дороге, а во время войны он был занят тем, что старался остаться живым.

За те годы он починил тысячи автомобилей, но не смог бы купить ни одного из них. Либертивилл преследовал его повсюду. Потрепанный «шевроле» едва ли отвечал его способностям, так же как и «гудзон-хорнет», который он купил через год после свадьбы.

— Свадьбы?

— Он не говорил об этом, да? — спросил Лебэй. — Впрочем, я бы удивился, если бы ты и твой друг слышали от него хоть слово о Веронике или Рите.

— Кто они такие?

— Вероника была его женой, — сказал Лебэй. — Они поженились в пятьдесят первом, сразу перед тем, как он отправился в Корею. Конечно, он мог остаться в Штатах. Его жена ждала ребенка, ему самому было уже под пятьдесят. Но он сделал выбор.

Лебэй обвел глазами пустую игровую площадку.

— Видишь ли, это было двоеженство. К пятьдесят первому году ему уже исполнилось сорок пять, и он уже был женат. Он был женат на Армии. И на «говнюках».

Он вновь замолчал. Молчание было каким-то неестественным...

— С вами все в порядке? — спросил я наконец.

— Да, — ответил он. — Просто я думал. Думал об умерших. — Он посмотрел на меня. В его глазах было неподдельное страдание. — Знаешь, мне больно вспоминать обо всем этом... Как ты сказал, тебя зовут? Прости, но о некоторых вещах трудно говорить с человеком, которого не можешь назвать по имени.

— Дэннис, — сказал я. — Послушайте, мистер Лебэй...

— Это больней, чем мне казалось. — продолжил он, — но раз уж мы начали, то надо закончить, не правда ли? С Вероникой я встречался всего два раза. Ее родители жили в Западной Виргинии. Она не была писаной красавицей, но Ролли принимал ее такой, какой она была. Она же по-настоящему любила его. По крайней мере до той темной истории с Ритой.

Его письма... да, он слишком рано оставил школу. Эти письма со всеми их корявостями давались моему брату с невероятным трудом. В них он вкладывал великие усилия, они были его великой симфонией. Не знаю, писал ли он их для того, чтобы избавиться от яда, отравляющего его сердце. Может быть, он писал их для того, чтобы распространять его.

Когда появилась Вероника, письма стали приходить к нам все реже. Но я думаю, что Вероника их получала все те два года, в течение которых он находился в Корее.

— Он так и не продвинулся по службе? — спросил я. Мне казалось странным, что столько лет, проведенных в армии, могли не повлиять на благосостояние человека, готового ради нее бросить семью и отправиться в Корею. Лебэй улыбнулся:

— Разве я не сказал тебе, что он зачастую проводил время в гарнизонной тюрьме? Один раз он попал туда за то, что помочился в большую чашу с пуншем, который в форте Дике приготовили для вечеринки в офицерском клубе. За эту выходку он получил всего лишь десять дней — думаю, что ее посчитали всего лишь пьяной шуткой. Вряд ли они представляли, сколько ненависти к ним он изливал в своих письмах.

Я взглянул на часы. Было четверть десятого. Лебэй говорил чуть меньше часа.

— Брат вернулся из Кореи в 1953 году, и только тогда состоялось его знакомство с дочерью. Как я понимаю, он разглядывал ее минуту или две, а потом вручил жене и оставшуюся часть дня провел, возясь с «шевроле»... Я еще не надоел тебе, Дэннис?

— Нет, — честно сказал я.

— Все эти годы Ролли мечтал о хорошей новой машине. Не о «кадиллаке», не о «линкольне» — нет; он не хотел присоединяться к высшему классу — к офицерам, к «говнюкам». Он хотел купить новый «плимут», а может быть, «додж» или «форд».

Вероника писала, что все воскресные дни они проводили в поездках к различным торговцам автомобилями. Она с ребенком сидела в старом «хорнете», а Ролли разговаривал с продавцами о компрессии, о лошадиных силах, об аккумуляторах... Иногда я думаю о маленькой девочке, росшей на фоне металлического лязганья приводов и скрипа подвесок... и я не знаю, плакать мне или смеяться.

Мои мысли опять обратились к Эрни.

— Он был одержимым, да?

— Да. Я бы сказал, он был одержимым. Он стал давать деньги Веронике, чтобы она откладывала их. Ведь Ролли не мог переступить через звание старшего сержанта еще и потому, что имел проблемы с алкоголем. Он не был алкоголиком, но каждые шесть — восемь месяцев у него начинался запой. Когда запой кончался, денег уже не было.

Может быть, он женился на Веронике, потому что она могла положить конец этому. Когда у него начинался запой, она одна могла сохранить деньги. Однажды — тогда у них было накоплено уже восемьсот долларов — Ролли угрожал ей ножом: он приставил нож к ее горлу и потребовал отдать ему сбережения. «Вспомни о машине, дорогой, — сказала она, когда лезвие стало вдавливаться в ее

кожу. — Если ты пропьешь деньги, то уже никогда не купишь машины».

— Должно быть, она любила его, — сказал я.

— Конечно. Только не строй романтического предположения, будто ее любовь хоть в чем-то изменила моего брата. Вода камень точит, но для этого ей нужны сотни лет. Увы, люди смертны. Казалось, Лебэй хотел что-то добавить, но передумал.

— Правда, он ни разу не ударил ее, — сказал он. — Не забывай, что он был пьян, когда приставил нож к ее горлу. Сейчас многие вопят о наркомании в школе, и для этих воплей на самом деле есть все основания, но я до сих пор считаю, что алкоголь — вот наиболее вульгарный и опасный из всех когда-либо изобретенных наркотиков. И он не запрещен законом.

Когда Ролли наконец демобилизовался в 1957 году, у Вероники было отложено немногим более тысячи двухсот долларов. И он получал существенную пенсию, назначенную ему за повреждение спины в армии: он говорил, что дрался с «говнюками» и здорово проучил их.

Итак, деньги были. Они построили дом и обзавелись всем необходимым, но прежде у них появилась машина. Машина была превыше всего. Он долго выбирал и в конце концов остановился на Кристине. В 1958 году «фурия» получила премию как лучшая модель года. Я не помню всех ее технических характеристик и думаю, что они уже не имеют значения. Какая из них может сейчас интересовать кого-то, кроме твоего друга?

— Ее стоимость, — сказал я. Лебэй улыбнулся:

— Ах да, стоимость... Брат мне писал, что продажная цена была три тысячи долларов, но он, по его собственному выражению, «превзошел любого еврея» и сторговался на двух тысячах ста долларах. На следующий год Рита, которой было тогда шесть лет, задохнулась и умерла.

Меня подбросило в кресле так, что оно чуть не перевернулось. Его мягкий учительский голос обладал усыпляющим свойством, а я устал за день; я уже находился в полудреме. Последние слова были как стакан холодной воды, выплеснутой мне в лицо.

— Да, ты не ослышался, — сказал он, взглянув в мои глаза. — В тот день они «выжимали газ». Это выражение он заимствовал из песенок рок-н-ролла, который слушал не переставая. Они каждое воскресенье «выжимали газ», попросту говоря, ехали куда глаза глядят. У них в салоне машины были соломенные корзинки, стоявшие спереди и сзади. Маленькой девочке запрещалось бросать что-либо на пол. И она никогда не сорила в машине... — Он опять ненадолго задумался, а потом заговорил с какой-то новой интонацией:

— Ролли был заядлым курильщиком, но если курил в машине, то не тушил окурки в пепельнице, а бросал в окно. Когда курил кто-то другой, Ролли вытряхивал пепельницу и протирали чистой салфеткой. Дважды в неделю он мыл машину и два раза в год полировал. Он сам возился с ней в местном гараже, где у него была арендована стоянка. Мне стало любопытно, был ли это гараж Дарнелла.

— В то воскресенье они остановились у обочины, чтобы купить домой гамбургеров — как ты понимаешь, тогда еще не было «Макдоналдсов», а были только стоянки у края дороги. И то, что затем случилось... полагаю, это было довольно просто...

Снова наступила тишина, точно он размышлял, следовало ли ему быть до конца откровенным со мной, или старался отделить от домыслов то, что ему было известно.

— Она насмерть задохнулась из-за куска мяса, — наконец сказал он. — Когда она стала раздирать

себе горло, Ролли вытащил ее из машины, но было уже поздно... Моя племянница умерла на обочине дороги. Представляю, какая это отвратительная и страшная смерть.

В его речи снова появилась усыпляющая учительская плавность, но меня уже не клонило ко сну. — Он пытался спасти ее. Я так думаю. Я хочу верить, что она умерла по нелепой случайности. Он долго жил в обстановке жестокости и, наверное, не очень глубоко любил свою дочь, если вообще любил ее. Иногда невозможно выжить, не становясь черствым. Иногда жестокость просто необходима.

— Но не в таких случаях, как тот, — сказал я.

— Он переворачивал ее вниз головой и держал за лодыжки. Он надавливал на живот, надеясь вызвать рвоту. Думаю, если бы он имел хоть малейшее представление о трахеотомии, то произвел бы ее при помощи своего перочинного ножа. Но он, конечно, не знал, как это делается. Она умерла. На похороны приехала Марсия с мужем и детьми. Я тоже. Так наша семья собралась в последний раз. Помню, я думал, что он сразу же продаст машину. Но он не расстался с ней. На ней они приехали в методистскую церковь Либертивилла, и она вся сияла свежей полировкой... и ненавистью. Она горела ненавистью. Он повернулся ко мне:

— Ты веришь мне, Дэннис?

Перед тем как ответить, я сглотнул комок, подступивший к горлу:

— Да, верю.

Лебэй мрачно кивнул головой:

— Вероника сидела рядом с ним, как восковая кукла. В ней больше ничего не было. Раньше у Ролли была машина, а у нее — дочь. Она даже не плакала. Она умерла.

Я сидел и старался представить, что бы я сделал, если бы это случилось со мной. Моя дочь начинает задыхаться и хвататься за горло на заднем сиденье моей машины, а потом умирает у края дороги. Продам ли я машину? Зачем? Разве машина виновата в ее смерти? Точно так же можно было бы обвинять гамбургер, еще не купленный, но уже вставший у нее поперек горла. Так из-за чего продавать машину? Только из-за того непринципиального обстоятельства, что я уже не смог бы смотреть на нее, не смог бы даже думать о ней без боли и ужаса? Но о чем вообще я смог бы тогда думать?

— Вы спросили его об этом?

— Да, когда мы остались вдвоем — он, Марсия и я. Наша семья была в сборе. Я спросил, намеревался ли он продать машину. Она стояла рядом с катафалком, который привез его дочь на кладбище — то же самое, где сегодня похоронили Ролли. У нее была красно-белая расцветка. «Крайслер» в 1958 году не выпускал машин с такой окраской: Ролли покупал ее с обычным цветом. Мы стояли в пятидесяти футах от нее, и я испытывал странное чувство... очень странное побуждение... отойти от нее подальше, точно она могла слышать нас.

— И что же вы сказали?

— Я спросил, собирается ли он продать машину. Ролли посмотрел на меня так же, как в ту секунду, когда замахивался, чтобы швырнуть своего маленького братика на колья ограды. Он сказал: «Я еще не сошел с ума, Джордж. Ей всего один год, она прошла только одиннадцать тысяч миль. Ты ведь знаешь, что машину продают не раньше, чем через три года после покупки».

— Я сказал: «Ты хочешь, чтобы твоя жена каждый день смотрела на нее? Ездила в ней? Побойся

Бога, брат!» Но не думаю, что он слышал меня. Он отвернулся и стал разглядывать свою машину, как будто только вчера купил ее.

Лебэй немного помолчал.

— Марсия говорила ему то же самое. Она всегда боялась Ролли, но в ту минуту выглядела скорее помешанной, чем испуганной, — она переписывалась с Вероникой и знала, как та любила свою маленькую дочурку. И еще она сказала, что когда человек умирает, то люди сжигают матрац, на котором он спал, а одежду отдают в Армию Спасения. Она сказала, что его жена не придет в себя до тех пор, пока машина будет стоять в гараже.

Ролли ухмыльнулся и спросил, не хочет ли она, чтобы он облил машину газOLIном и бросил в нее зажженную спичку только из-за того, что в ней задохнулась его дочь. Моя сестра сначала заплакала, а потом стала кричать, что ничего лучшего невозможно было бы придумать. Мне пришлось увести ее, потому что у нее началась истерика. Больше мы не говорили с Ролли на эту тему. Машина принадлежала ему, и он не желал продавать ее.

Марсия вернулась в Денвер и, насколько мне известно, с тех пор не встречалась с Ролли и не писала ему. Она не приехала даже на похороны Вероники.

Его жена. Сначала ребенок, а потом жена. Я уже предчувствовал нечто подобное. У меня начинали цепенеть ноги и руки.

— Она умерла через шесть месяцев. В январе пятьдесят девятого года.

— Но ее смерть не была связана с машиной, — сказал я. — Ведь так, да?

— Ее смерть была непосредственно связана с машиной, — мягко проговорил он.

Я подумал, что не стану больше ничего слушать. Но конечно, я стал бы слушать. Потому, что мой друг обладал сейчас этой машиной, и потому, что она угрожала не только его жизни.

— После смерти Риты Вероника впала в депрессию. Она так и не пришла в себя. У нее было несколько друзей в Либертивилле, и они пытались помочь ей... но она не была способна принять их помощь.

Во всех остальных отношениях дела их налаживались. Впервые в жизни у моего брата появились деньги. Он получал пенсию по инвалидности, устроился на работу ночным сторожем в шинной мастерской, находившейся на западной окраине города. Сегодня, после похорон, я ездил туда, но не нашел ее на прежнем месте.

— Ее сломали двенадцать лет назад, — сказал я. — Я еще не ходил в школу. Там теперь небольшой китайский ресторанчик.

— Они почти расплатились за дом. И конечно, у них не было маленькой девочки, которая требовала много забот. Но Веронике от этого не становилось лучше.

Она покончила с собой. Если бы существовала книга, обучающая различным способам самоубийств, то ее бы туда включили как пример отклонения от правил. Она пошла в магазин автомобильных принадлежностей — тот самый, где давным-давно я купил свой первый велосипед, — и купила резиновый шланг длиной в двадцать футов. Один его конец она надела на выхлопную трубу Кристины, а другой просунула в одно из задних окон. У нее никогда не было водительских прав, но она знала, как заводить машину. Собственно, это было все, что ей требовалось знать.

Сжав губы, я провел по ним языком и услышал свой голос, который не сразу узнал:

— Кажется, я бы выпил содовой.

— Будь добр, принеси и мне, — сказал он. — Обычно она помогает мне не заснуть, но на эту ночь я все равно не предчувствую скорых сновидений.

Я подозревал, что то же самое относилось и ко мне. Сходя в мотель за содовой водой, я на обратном пути остановился. Он сидел перед своим коттеджем. В темноте, точно два маленьких призрака, белели его носки. Я подумал: может быть, эта машина проклята? Может быть, в этом-то все дело? Вот так бывает в рассказах о привидениях. Идет кто-нибудь, а впереди — указательный знак... следующая остановка — Сумеречная Зона!

Смешно, да?

Конечно, это было смешно. Я пошел дальше. На машины проклятия накладываются не больше, чем на людей; такие дешевки встречаются только в фильмах ужасов, которые вам показывают по воскресеньям.

Я отдал ему бутылку содовой и услышал последнюю часть истории Ролланда Д. Лебэя, которую можно уместить в одной фразе: с тех пор он жил несчастливо. У него остались только небольшой домик у дороги и «плимут» 1958 года. В шестьдесят пятом он бросил работу ночного сторожа и приблизительно в то же время перестал заботиться о Кристине — постепенно она стала приходить в сегодняшнее состояние.

— Вы хотите сказать, с той поры она стояла на открытом воздухе? — спросил я. — С шестьдесят пятого года? Все тринадцать лет?

— Нет, конечно, он ее поставил в гараж, — сказал Лебэй. — Соседи не позволили бы машине гнить на чьем-то газоне. Может быть, где-нибудь и позволили бы, но не в США.

— Но она там была, когда мы...

— Да, я знаю. Его бывшие сослуживцы говорили мне, что он приклеил к ней листок бумаги с надписью «Продается» и поставил ее на газон перед домом. Это было первого мая, четыре месяца назад.

Я хотел что-то сказать, но промолчал. У меня появилась идея, которую можно выразить так: слишком все удачно получилось. Слишком удачно. Кристина долгие годы стояла в том темном гараже. И появилась на улице всего за несколько месяцев до того, как мы с Эрни проезжали по ней. Позже — гораздо позже — я просмотрел подшивки газет Питсбурга и Либертивилла. Там не было ни одного объявления о продаже «плимута-фурии». Лебэй просто выставил машину перед домом и стал ждать покупателя.

Тогда я еще не сделал всех выводов из своей мысли, но осознал ее ровно настолько, чтобы почувствовать холодный и скользкий страх. Лебэй точно знал, что покупатель скоро появится. Не в мае, так в июне. Не в июне, так в июле. Не в июле, так в августе. Скоро.

Нет, мне далеко было до логических умозаключений. Вместо них у меня перед глазами стояла одна тошнотворная картина: ядовитый паук с широко открытыми зелеными челюстями, сидящий в углу паутины и поджидающий жертву.

Настоящее насекомое.

— По его словам, он отказался от машины, потому что не мог пройти медицинской комиссии. — наконец выдавил из себя я. — Люди его возраста раз в два года подтверждают права на вождение автомобиля. Он бы автоматически потерял их.

Джордж Лебэй кивнул.

— Это похоже на Ролли, — сказал он. — Но...

— Но что?

— Не помню, где я читал, что в жизни людей существуют некие «времена». Что когда наступает «время парового двигателя», то сразу десяток человек изобретают паровой двигатель. Может быть, патент получит только один из них, но над идеей работают все десять. Чем это объяснить? Только тем, что наступило «время парового двигателя».

Лебэй выпил немного содовой и взглянул на небо.

— Начинается гражданская война, и тут же наступает «время пулеметов». Потом следуют «время электричества», «время радио» и «время атомной бомбы». Точно все эти идеи происходят не от людей, а от какого-то разума... который находится за пределами человеческого общества.

Он посмотрел на меня.

— Если это так, Дэннис, то, пожалуй, нам есть чего бояться. В этом есть что-то... ну, не христианское, что ли.

— Для вашего брата наступило «время избавления от Кристины», да?

— Вероятно. Экклезиаст говорит, что есть время войны и время мира, время собирать камни и время разбрасывать их. Негативное для всякого позитивного. Если у Ролли было «время Кристины», то могло наступить и время, когда ему стало так же необходимо продать ее.

— Если это так, то он должен был знать об этом. Он не мог не слышать своих инстинктов.

— А может быть, он просто устал от нее, — закончил Лебэй.

Я кивнул как бы в знак согласия, но в основном потому, что мне уже пора было уходить, а не потому, что меня устраивало такое объяснение. Джордж Лебэй не видел «плимут-фурию» в тот день, когда Эрни закричал, чтобы мы вернулись. А я видел. «Плимут» не выглядел как машина, долгие годы хранившаяся в гараже. Он был грязен и поцарапан, его ветровое стекло было разбито, а бампер почти оторван. Он выглядел как труп, вытащенный наружу и оставленный гнить на солнце. Лебэй вздохнул.

— Не знаю, что еще сказать тебе... кроме того, что твой друг был бы более счастлив, если бы вообще не покупал этой машины. Но мне кажется, ты и сам так считаешь. Ведь я прав?

Я задумался. Нет, счастье не было любимой мечтой Эрни. Но когда он купил «плимут», то по крайней мере стал казаться довольным... как если бы обрел некий «модус вивенди». Не самый счастливый, но, во всяком случае, заставляющий действовать.

— Нет, — сказал я. — Вы не правы.

— Вряд ли машина моего брата принесет ему счастье, — проговорил он. И, будто прочитав мои недавние мысли, добавил:

— Знаешь, я не верю в проклятия. Так же, как и в привидения или в посланцев иного мира. Но я верю, что события и чувства обладают неким... довольно долгим резонансом. Я верю, что в некоторых обстоятельствах чувства способны передаваться друг другу... как молоко в открытой коробке перенимает запахи специй или фруктов, если его на некоторый срок оставить в холодильнике. А может, все это лишь мои фантазии и домыслы.

— Мистер Лебэй, вы сказали, что наняли кого-то присматривать за домом вашего брата. Это правда? Он слегка повернулся в кресле:

— Нет. В тот момент я не мог не солгать. Мне не понравилась мысль, что машина вернется в

гараж... как будто нашла дорогу к дому. Если эмоции и чувства живут, то они все еще там. Равно как и в машине.

Возвращаясь домой, я размышлял над тем, что Лебэй рассказал мне. Я думал о том, как отреагировал бы Эрни, если бы я сказал ему, что в его машине произошли два смертельных случая, один из которых был преднамеренным. Я думал о том, что Эрни никак не отреагировал бы: во многом Эрни был таким же одержимым, как Ролланд Д. Лебэй.

Мне вспомнилось, как Джордж Лебэй сказал:

«Мне не понравилась мысль, что машина вернется в гараж... как будто нашла дорогу к дому».

Он также сказал, что его брат ставил куда-то машину, чтобы работать над ней. А единственный гараж самообслуживания в Либертивилле принадлежал Уиллу Дарнеллу. Конечно, в пятидесятых годах могло быть еще какое-нибудь место, но я не верил в это. В душе я был убежден, что Эрни восстанавливал Кристину там же, где над нею работали в прошлом.

Восстанавливал. Пожалуй, это слово могло оказаться довольно точным, потому что после драки с Бадди Реппертоном Эрни боялся оставлять там машину. Так что и эта дорога в прошлое для Кристины была, по-видимому, закрыта.

И разумеется, не существовало никаких проклятий. Даже идея Лебэя о продолжающихся эмоциях выглядела надуманной. Он показал мне старый шрам и сказал что-то о мести. Вот это больше походило на правду. Я не верил ни в какой собачий бред о сверхъестественных силах.

Мне было семнадцать лет, в следующем году я собирался поступать в колледж и не верил ни в проклятия, ни в эмоции, которые продлеваются и расширяются, как во сне — разлитое молоко. Я бы поостерегся говорить вам о том, что сила прошлого может протянуть руки мертвецов в сторону живых.

Но тогда мне было всего семнадцать лет.

13. Тем же вечером, позже

Я газ выжимал по дороге в гору.

Она появилась в Купе де Вилле.

Через мгновение мой Форд дал бы фору

Любому другому автомобилю.

Мать и Эллани уже легли спать, а отец смотрел по телевизору одиннадцатичасовой выпуск новостей.

— Где ты был, Дэннис? — спросил он.

— Играл в шары, — не задумываясь, солгал я. Мне не хотелось, чтобы отец узнал о том, в чем я сам не мог разобраться.

— Эрни звонил, — сказал он. — Просил связаться с ним, если ты придешь не позже половины двенадцатого.

Я взглянул на часы. Они показывали одиннадцать двадцать. Но не слишком ли много было Эрни и его проблем для одного дня?

— Ну?

— Что ну?

— Ты позвонишь ему?

Я вздохнул.

— Конечно, позвоню.

Наскоро перекусив, я набрал номер Эрни. Он снял трубку после второго гудка. У него был взволнованный и счастливый голос.

— Дэннис! Где ты был?

— Играл в шары, — буркнул я.

— Слушай, я сегодня вечером был у Дарнелла! Это просто великолепно, Дэннис, — он выгнал Реппертона! Реппертон ушел, и я могу остаться!

Меня снова кольнуло неопределенное чувство страха.

— Эрни, ты в самом деле считаешь, что тебе следует туда возвращаться?

— Что ты имеешь в виду? Реппертон ушел. Тебе это не нравится?

Я вспомнил о том, как Дарнелл встретил Эрни, когда тот в первый раз появился в его гараже. Я вспомнил красное от стыда лицо Эрни, когда он сказал мне, что Дарнелл вместо платы за стоянку велел ему выполнить — два-три поручения. Мне подумалось, что Уилл Дарнелл мог получать большое удовольствие, унижая его в присутствии своих партнеров по карточному столу: «Эй, Уилл, кто у тебя убирается в туалете?.. Кто? Да есть тут парень по фамилии Каннингем. Его родители преподают в университете, а он здесь проходит курс по вымыванию дерьма из толчков». И все вокруг начинают смеяться. Эрни мог стать низшей кастой в гараже на Хемптон-стрит.

Но ничего подобного я не сказал Эрни. Он сам должен был решать, что ему делать. В конце концов это не могло продолжаться слишком долго — Эрни был достаточно умен. Или так казалось.

— Мне нравится, что Реппертон ушел, — сказал я. — Но я надеялся, что Дарнелл будет только временной мерой. Все равно двадцати долларов в неделю не хватит на детали и инструменты, которые тебе понадобятся.

— Потому-то я и ездил к Дарнеллу! — воскликнул Эрни. — Я предложил ему двадцать пять долларов.

— О Боже! Если бы ты дал объявление в газете, то уверяю тебя...

— Нет, дай мне закончить, — перебил меня Эрни. По голосу чувствовалось, что он еще был взволнован. — Когда я зашел к нему, он сразу стал извиняться за Реппертона. Он сказал, что был несправедлив ко мне.

— Он так сказал? — Я верил словам Эрни, но не доверял Дарнеллу.

— Ну да. И он предложил отработать у него часть платы за стоянку. Раскладывать инструменты, смазывать подъемники, что-нибудь вроде того. Десять, а может, двадцать часов в неделю. Тогда я буду платить десять долларов за место в гараже и половину стоимости инструментов. Что ты на это скажешь?

Я подумал, что это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Побереги задницу, Эрни.

— Что?

— Мой отец говорит, что он плут и мошенник.

— Я этого не заметил. Думаю, это все просто разговоры. Он порядочный грубиян, но не более того.

— Только советую тебе держать ухо востро. — Я переложил телефонную трубку в другую руку. — Смотри в оба и сваливай оттуда, как только увидишь что-нибудь неладное.

— Ты говоришь о чем-то определенном?

Я вспомнил о темной истории с наркотиками.

— Нет, — сказал я. — Просто я не доверяю ему.

— Ну-у... — сомнительно протянул он и, помолчав, вернулся к первоначальной теме — к Кристине. — Я не знаю, что со мной будет, Дэннис, если я не почию ее. Кристина... она действительно вся побита. Кое-что мне удалось сделать для нее, но чем больше я привожу ее в порядок, тем больше нахожу повреждений. Во многих я даже не могу разобраться, но надеюсь, что разберусь в скором времени.

— Угу, — без особого удовольствия произнес я. После разговора с Лебэем мои симпатии к предмету его любви пересекли нулевую отметку и двигались в отрицательную сторону.

— Ей нужно поменять всю переднюю часть и тормозные колодки... рессоры... Я могу попытаться отполировать поршни... Но мне не хватает тех пятидесяти пяти долларов, которые я получил на стройке. Ты меня понимаешь, Дэннис?

Чувствуя, как у меня засосало под ложечкой, я вспомнил одного парня, который раньше ходил в школу вместе с нами. Его звали Фрэдди Дарлингтон. Фрэдди не отличался большим умом, но он был хорошим парнем с хорошим чувством юмора. И вот полгода назад он подцепил какую-то потаскуху из ночного варьете. Она его скрутила в два счета, и у них должен был родиться ребенок. Фрэдди пришлось бросить школу и устроиться на работу посудомойщиком в том же варьете, из которого недавно ушла его подруга. С тех пор Фрэдди стал выглядеть на десять лет старше, и, встречаясь с ним, я был готов заплакать, потому что знал, где его избранница пропадала по вечерам. А ведь он говорил о ней без тех просительных интонаций, которые я слышал в голосе Эрни: «Вам она нравится, да? Правда, она хорошая? Ведь она не совсем большая дрянь? Ведь, может, это просто дурной сон, и я скоро проснусь, правда? Правда? Правда?»

— Конечно, — сказал, я в телефонную трубку. Воспоминания о несчастьях Фрэдди Дарлингтона заняли у меня не больше двух секунд. — Я понимаю тебя, Эрни.

— Хорошо, — облегченно проговорил он.

— Только побереги задницу. Особенно, когда начнутся занятия в школе. Держись подальше от Бадди Реппертона.

— Обещаю.

— Эрни...

— Что?

Я замялся. Мне хотелось спросить, не говорил ли Дарнелл, что Кристина уже стояла в его гараже. Больше того, я хотел рассказать о том, что случилось с миссис Лебэй и ее маленькой дочкой Ритой. Но я не мог. Он бы узнал, где я раздобыл эти сведения. И со своим щепетильным отношением ко всему, что касалось его проклятой машины, подумал бы, что я действовал за его спиной, — разумеется, так оно и было. Но, сказав ему об этом, я рисковал положить конец нашей дружбе.

— Ничего, — произнес я. — Просто хотел сказать, что, по-моему, ты нашел подходящий дом для своей ржавой развалюхи. Поздравляю.

— Дэннис, ты задница.

— Спасибо. Беру пример с тебя.

Эрни засмеялся.

— Тогда заткнись, — сказал он и повесил трубку.

Я вернулся в общую комнату, собираясь пойти спать. У меня было скверное настроение.

Во время телефонного разговора с Эрни я слышал, как выключился телевизор, и решил, что отец пошел наверх. Но я ошибался. Он сидел в кресле, откинувшись назад. Ворот его сорочки был расстегнут. Я с тяжелым чувством заметил, какими седыми стали волосы на его груди и на голове; на затылке просвечивал розовый череп. Мой отец уже не был ребенком. С еще более тяжелым чувством, я подумал, что через пять лет, когда теоретически уже окончу колледж, мой отец будет совсем толстым и лысым — стереотип бухгалтера. Пятьдесят — через пять лет, если не повторится сердечный приступ. Первый был не самым опасным, как однажды он сказал мне. Он не добавил, что второй не будет похож на предыдущий. Я знал это так же, как мама и он сам. Одна Эллани еще считала его неуязвимым — но разве иной раз я не ловил ее вопросительного взгляда? Мне казалось, да.

Внезапно умер.

Я почувствовал, как у меня темнеет в глазах. Внезапно. Выпрямившись за столом и схватившись за грудь. Внезапно. Выронив ракетку на теннисном корте. Не хочется иметь таких мыслей о своем отце, но иногда они приходят. Бог знает какими путями.

— Кое-чего я не мог не подслушать, — сказал он.

— Да? — враждебно.

— Дэннис... Эрни угодил ногой в кучу чего-то липкого и коричневого?

— Я... еще не знаю, — медленно сказал я. Ведь чем я, собственно, располагал? Ничем.

— Ты не хочешь говорить об этом?

— Если можно, то не сейчас. Ладно, пап?

— Хорошо, — произнес он. — Но если... если, как ты сказал по телефону, дело будет плохо, то ради Бога, объяснишь ты мне, что происходит?

— Да.

— Ладно.

Я пошел к лестнице и был уже почти там, когда он остановил меня словами:

— Ты ведь знаешь, я больше пятнадцати лет вел счета и подсчитывал подоходный налог Уилли Дарнелла.

Крайне удивленный, я вернулся.

— Нет. Я этого не знал.

Отец улыбнулся. Такой улыбки я еще не видел у него; полагаю, мама видела ее всего несколько раз, а сестра, вероятно, не видела никогда. Вы бы сначала подумали, что это сонная улыбка, но, приглядевшись, увидели бы, что она не была сонной — в ней были циничность, жестокость и всезнание.

— Дэннис, ты можешь кое-что держать в секрете?

— Да, — сказал я. — Полагаю, да.

— Нет, «полагаю» — мало.

— Да. Могу.

— Это лучше. Я заполнял его счета до семьдесят пятого года, а потом он нанял Билла Апшо из Монроэвилла.

Отец пристально посмотрел на меня.

— Я не скажу, что Билл Апшо мошенник, но в прошлом году он приобрел за триста тысяч долларов

дом в стиле английских Тюдоров.

Он обвел вокруг правой рукой и откинулся на спинку кресла. Он и мама еще до моего рождения приобрели в рассрочку наш дом за шестьдесят две тысячи долларов — сейчас он стоил приблизительно сто пятьдесят тысяч — и только недавно получили все бумаги из банка. Тогда у нас было самое большое семейное торжество из всех, которые я помню.

— Это не стиль английских Тюдоров, да, Дэннис?

— Это хороший стиль.

— Я и Дарнелл вполне ладили друг с другом, — продолжил он, — и не потому, что я лично заботился о нем. Я считал его негодяем.

Я слегка кивнул. Мне понравилось последнее слово отца: оно выражало мои чувства к Уиллу Дарнеллу лучше, чем я сам смог бы передать их.

— Но в этом мире существует огромная разница между личными и деловыми отношениями. Деловым ты либо очень быстро обучаешься, либо сдаешься и начинаешь торговать на улице чем-нибудь с лотка. У нас были хорошие деловые отношения, покуда они шли... но они не зашли достаточно далеко. Вот почему они закончились моим заявлением об уходе.

— Не совсем понимаю.

— Неучтенная наличность, — сказал отец. — Большие суммы наличных денег с нечистым происхождением. В конце концов я выложил ему все начистоту, потому что хотел видеть его карты. Я сказал, что если к нему придут аудиторы из государственной налоговой службы или какого-нибудь частного агентства Пенсильвании, то им придется многое объяснять, и что прежде я собираюсь узнать от него все, о чем не должны знать инспекторы.

— Что же он ответил?

— Он принялся танцевать, — все с той же циничной улыбкой сказал отец. — В моем деле люди лет эдак в тридцать восемь уже знакомы со всеми из этих танцев — если, конечно, разбираются в деле. А я в нем не так плох. Такие танцы обычно начинаются с вопроса, счастлив ли ты на своей работе. Если ты говоришь, что работа тебе нравится, но не так, как хотелось бы, то тебя просят не стесняться и рассказать о том, что не дает тебе покоя: твой дом, твоя машина, образование твоих детей, или вкусы твоей жены требуют немного более модной одежды, чем она может себе позволить... ты меня понимаешь?

— Хотят отделаться от тебя?

— Скорее вовлекают тебя в дело, — сказал он, а затем улыбнулся. — Этот танец еще более замысловат, чем менуэт. Когда у тебя узнают, от каких финансовых затруднений ты хотел бы избавиться, то начинают спрашивать, какие вещи ты хотел бы иметь. «Кадиллак», домик на берегу моря или озера. Или, может быть, катер.

Я немного вздрогнул, потому что знал, как долго отец мечтал купить катер. Когда мы всей семьей отдыхали на море, он приценился ко всем маленьким моторным яхтам и лодкам, которые там продавались. Большие были слишком дороги.

— И ты отказался?

Он пожал плечами.

— Я довольно рано дал понять, что не хочу танцевать. Во-первых, это значило бы перейти с ним на личный уровень, а я, как уже сказал, считал его подлецом. Во-вторых, ребята вроде него безнадежно

тупы во всем, что касается чисел и количеств, — вот почему большинство из них попадают на налоги. Они думают, что могут до бесконечности повышать нелегальный доход. — Он засмеялся. — На самом деле он настолько непрочен, что обязательно обрушивается им на головы. — Это две причины?

— Две из трех. — Он посмотрел мне в глаза. — Я не дерьмовый пройдоха, Дэннис.

Я иногда вспоминаю этот разговор, происходивший в тишине нашего спящего дома. Мне кажется, что тогда я впервые почувствовал отца как реальность, как человека, существовавшего задолго до того, как я появился на сцене, как человека, выпившего свою долю мутной жижи, от которой в жизни никуда не деться. В какой-то момент я бы мог вообразить его занимающимся любовью с моей матерью, — их обоих, потеющих и стонущих, — и от этого не пришел бы в замешательство. Затем он опустил глаза, еще раз усмехнулся и, подражая голосу Никсона — что у него хорошо получалось, — просипел:

— Люди, вы вправе знать, является ли ваш отец пройдохой. Нет, я не пройдоха, я мог взять деньги, но это... хм!., это было бы не правильно.

Я засмеялся — пожалуй, слишком громко, как после долгого нервного напряжения. Мне нужна была разрядка, и я был рад ей. По-моему, отец чувствовал то же самое.

— Тссс, ты разбудишь маму, и она задаст нам хорошую взбучку. Уже поздно.

— Да, извини. Пап, а ты узнал, чем он на самом деле занимается, этот Дарнелл?

— Я не хотел ничего узнавать: я был частью его бизнеса. Кое о чем я догадывался, кое-что слышал. Вероятно, краденые автомобили — не то чтобы они проходили через его гараж на Хемптон-стрит — он не полный тупица, а только идиоты опорожняются там, где едят. Может, нелегальная торговля.

— Оружие? — спросил я немного хрипло.

— Нет, ничего настолько романтического. Думаю, в основном сигареты — сигареты и спиртное, как в старые добрые времена. Контрабанда всякой всячины для фейерверков. Может быть, кражи микроволновых печей или цветных телевизоров, если риск невелик. Словом, что-нибудь в таком роде. — Он нахмурился и посмотрел на меня. — До сих пор ему везло, но когда-нибудь он обязательно попадется. Мне нравится Эрни Каннингем, и я не хочу, чтобы в тот момент он оказался рядом с Уиллом Дарнеллом.

— Эрни нужно починить машину. Он с утра до вечера занят только ею и говорит только о ней.

— Люди, не имеющие определенного опыта, склонны не знать меры, — сказал он. — Иногда это машина, иногда женщина, иногда карьера или нездоровое увлечение — увлечение какой-нибудь знаменитостью. Я ходил в колледж с одним худеньким некрасивым пареньком, которого мы звали Старк. В случае Старка это были игрушечные железные дороги... Он их собирал с третьего класса, и его коллекция была дьявольски близка к восьмому чуду света. Он бросил колледж, когда до выпуска оставалось меньше семестра: наступало время экзаменов и ему нужно было выбирать между колледжем и игрушечными паровозиками. Он выбрал паровозики.

— Что с ним стало?

— Он покончил с собой в шестьдесят первом году, — сказал отец и поднялся. — Мое мнение таково, что люди иногда ослепляются чем-нибудь, и это не их вина. Может быть, Дарнелл забудет о нем — и тогда он будет просто еще одним парнем, возящимся с машиной в его гараже. Но если Дарнелл попытается использовать его, то будь его глазами, Дэннис. Не позволяй ему вступать в этот танец.

— Хорошо. Я постараюсь. Но возможно, не все будет зависеть от меня.

— Увы. Как мне это знакомо. Идешь наверх?

— Да.

Я поднялся наверх и, как ни устал, долго не мог заснуть. День оказался слишком напряженным. Снаружи ночной ветер мягко постукивал какой-то одной веткой по стене дома, и где-то вдалеке я слышал плач маленького ребенка — он был похож на истерический смех обезумевшей от горя женщины.

14. Кристина и Дарнелл

Он сказал, ему приходилось слышать

О счастливой чете, живущей

в стране изобилия, —

Он сказал: давай потолкуем о будущем,

Ведь о прошлом давно забыли...

Днем работая на стройке, а по вечерам над Кристиной, Эрни почти не видел своих родителей.

Отношения между ними стали весьма напряженными. Дом Каннингемов, в прошлом такой уютный и благополучный, теперь напоминал военный лагерь. Думаю, что с подобным положением дел связаны детские воспоминания многих людей: может быть, слишком многих. Ребенок достаточно эгоистичен, чтобы думать, что является первым человеком в мире, открывшим какую-то определенную вещь (обычно это девочки, но не обязательно только они), а родители слишком испуганы, тупы и алчны, чтобы позволить ему выбраться из узды. Грех лежит на обеих сторонах. Иногда это становится мучительно и жестоко — ни одна война так не безжалостна, как гражданская война. И в случае с Эрни она оказалась особенно мучительной, потому что разразилась слишком поздно и его родители чересчур привыкли к своей власти. Не будет преувеличением сказать, что они наперед распланировали его жизнь.

Поэтому когда Майкл и Регина предложили провести четырехдневный уик-энд в их коттедже на берегу одного из озер штата Нью-Йорк, Эрни согласился, хотя всей душой желал посвятить эти четыре дня работе над Кристиной. На стройке он все чаще говорил, что собирается «показать им»; он собирался привести машину в надлежащий вид и «показать им все». Он уже решил, что покрасит ее в первоначальные цвета: красный и слоновую кость.

Он поехал с ними, чтобы не ссориться раньше времени и перед школой отдохнуть вместе с родителями — ради этого у них установилось краткосрочное перемирие. Перед тем как они уехали, я заехал к ним и с облегчением узнал, что они больше не винили меня за покупку Эрни (которую до сих пор не видели). Они явно утвердились в мнении, что это частный случай умопомешательства. Я не стал разубеждать их.

Регина упаковывала багаж. Эрни, Майкл и я водрузили каноэ на крышу их «скаута» и привязали к ней. Когда дело было сделано, Майкл принял вид всемогущего властелина, оказывающего неслыханную почесть двум своим подданным, и спросил, как мы смотрим на то, что его сын сходит в дом и принесет немного пива.

С выражением и интонациями изумленной благодарности Эрни сказал, что это было бы просто классно. Он подмигнул мне и ушел.

Майкл облокотился на «скаут» и зажег сигарету.

— Дэннис, он еще не устал от своей машины?

— Я не знаю, — сказал я.

— Ты окажешь мне одну услугу?

— Конечно, если смогу. — Я был уверен, что он попросит меня подойти к Эрни и отговорить его от этого.

Но вместо этого он сказал:

— Если у тебя будет возможность, съезди к Дарнеллу и посмотри, как продвигаются дела с машиной. Мне интересно.

— Почему так? — спросил я и тут же подумал, что задал чертовски грубый вопрос — но он уже прозвучал.

— Потому что я желаю ему успеха, — просто сказал он и взглянул на меня. — Регина все еще настроена против. Если у него машина, значит, он вырос. А если он вырос, значит... все, что из этого следует, — жалобно закончил он.

Майкл стряхнул пепел с сигареты.

— У него появилось чувство ответственности. Я вижу в нем больше самоуважения, чем раньше. Мне бы хотелось, чтобы он довел свое дело до конца.

Может быть, он заметил что-то на моем лице; он заговорил, точно оправдываясь.

— Я еще не совсем забыл свою юность, — сказал он. — Я знаю, как важна машина для парня его возраста. Регина этого не понимает. В молодости она никого не подвозила на машине: ее подвозили. А я помню, как нужно иметь машину... если ты хочешь, чтобы у тебя были какие-то связи.

Так вот что он думал о машине. В Кристине он видел скорее средство для достижения цели, нежели саму цель. Мне стало любопытно, что бы он сказал, если бы узнал об отсутствии подобных планов у Эрни.

Он бросил сигарету на землю и раздавил ее.

— Так ты посмотришь?

— Да, — сказал я, — если хотите.

— Спасибо.

Из дома вышел Эрни с банками пива.

— За что спасибо? — спросил он у Майкла. Его голос прозвучал вполне беззаботно, но глаза внимательно осмотрели нас. Я снова заметил, что его лицо становилось все чище. В первый раз мысли об Эрни и свиданках не показались мне несовместимыми. Мне даже пришло в голову, что его лицо было почти красивым — не смазливый, но довольно интересным. Розанне он бы не понравился, но...

— За вашу помощь с каноэ, — сказал Майкл.

— О!

Мы выпили по банке пива. Я поехал домой. На следующий день счастливая троица отправилась в Нью-Йорк, настроенная вновь обрести там утраченное за последний месяц единство семьи.

За день до их возвращения я поехал в гараж Дарнелла — больше для удовлетворения собственного любопытства, чем Майкла.

Гараж, вытянувшийся вдоль длинной вереницы искореженных автомобилей, был так же привлекателен при дневном свете, как и в тот вечер, когда мы привезли Кристину, — он обладал

всем очарованием дохлой крысы.

Я припарковал машину на стоянке возле магазина автозапчастей, также принадлежавшего Дарнеллу, и пошел к мастерским, откуда доносились лязганье инструментов, визг сверлильных станков и грохот пневматических молотков. Перед самым входом какой-то щуплый парень в потертой кожаной куртке выправлял руль старого велосипеда. На левой щеке парня чернела широкая грязная полоса. Сзади на спине его куртки был изображен череп, как у Зеленых Беретов с восхитительным девизом: **УБЕЙ ИХ ВСЕХ, И ПУСТЬ ГОСПОДЬ ПРИБЕРЕТ ИХ.**

Он посмотрел на меня налитыми кровью, лунатическими глазами Распутина, затем снова занялся делом. Вокруг него в хирургическом порядке были разложены инструменты, каждый с клеймом **ГАРАЖ ДАРНЕЛЛА.**

Внутри мир был заполнен глухим эхом, разносившим повсюду звучные удары по листовому железу, крики людей и их беспрестанную ругань.

Я огляделся, думая найти Дарнелла, но не увидел его. Никто не обращал на меня особого внимания, поэтому я с невозмутимым видом направился к стоянке номер двадцать, где находилась Кристина. Справа от нее двое толстых ребят в майках теннисной лиги ставили багажник на небольшой автофургон, переживший все свои лучшие дни. Стоянка слева пустовала.

Приближаясь к Кристине, я чувствовал, как ко мне возвращается озноб. Для него не было никаких причин, но я ничего не мог с собой поделать — и даже не совсем осознанно взял немного влево, в сторону пустой стоянки. Мне не хотелось оказаться у нее спереди.

Первой моей мыслью было то, что внешность Эрни улучшилась одновременно с состоянием Кристины. Второй моей мыслью было то, что работы над ней он проводил в какой-то странной, хаотической последовательности... а ведь Эрни обычно был таким методичным.

Старая погнутая антенна была заменена новой, сверкавшей на начищенной круглой подставке. Половина передней решетки «фурии» была обновлена; другая половина была все такой же смятой и проржавевшей. И там было что-то еще...

Нахмурившись, я прошел вдоль ее правого крыла к заднему бамперу.

«Вероятно, это было с другой стороны, вот и все», — подумал я.

Я обошел ее и посмотрел с другой стороны, но там этого тоже не было.

Я стоял у задней стены и, все еще хмурясь, старался вспомнить. Я был почти уверен, что, когда впервые увидел ее, стоявшей на газоне Лебэя, сзади у нее, с левого или правого бока, была глубокая ржавая вмятина.

Я начал думать, что тогда мне просто показалось, затем немного встряхнул головой, пытаюсь привести в порядок свои мысли. Она была там: я это ясно запомнил. Если ее сейчас не было, то это вовсе не значило, что ее не было тогда. Очевидно. Эрни выправил ее и чертовски хорошо поработал, чтобы скрыть повреждение.

Вот только...

Там не было ни малейшего признака того, что он что-нибудь делал. Ни следов грунтовки, ни пятна свежей краски. Только красный и грязно-белый родной цвет Кристины.

Но черт побери, она была раньше! Глубокая вмятина, покрытая ржавчиной по краям.

Но все-таки теперь ее не было.

Я почувствовал себя очень одиноким среди металлического грохота и скрежета, и мне стало очень

страшно. Все это было нелепо и дико. Он заменил антенну радио, тогда как выхлопная труба свешивалась почти до земли. Он поменял одну половину радиаторной решетки, но не притронулся к другой. Он говорил мне о работе над передом машины, но вместо нее поменял старую грязную обивку заднего сиденья на новую, красную. Обивка правого переднего сиденья была распорота от края до края.

Все это мне не нравилось. Все это было дико и не похоже на Эрни.

Какое-то воспоминание мелькнуло у меня в голове, и, прежде чем подумать о чем-то, я немного отодвинулся назад и взглянул на автомобиль целиком — не на одну или другую деталь, но сразу на все. И я получил то, что хотел; это с щелчком встало на свое место, и ко мне вернулся озноб.

Тот вечер, когда мы везли ее сюда. Спустившее колесо. Замена. Я тогда посмотрел на старую покрывку и подумал о том, что она колесила по земле в те дни, когда президент разбирался с кризисом на Кубе.

Я еще раз оглядел машину: на ней были новые антенна, часть воздухозаборной решетки, заднее сиденье и задний бортовой фонарь, но ни одного нового колеса.

Это навело меня на другое, уже совсем давнее воспоминание. В детстве мы с Эрни ходили в летнюю двухнедельную баптистскую школу, и там учительница каждый день начинала рассказывать какую-нибудь библейскую историю, всякий раз оставляя ее незаконченной. Затем она давала каждому из нас по листку белой — магической бумаги. Если вы скребли по ней монеткой или обратным концом карандаша, то на чистой поверхности проступали цветные картинки: голубка, приносящая оливковую ветвь старому Ною, рушащиеся стены Иерихона или какое-нибудь другое маленькое чудо в том же духе. Мы оба, затаив дыхание, наблюдали за тем, как на бумаге постепенно появлялись эти картинки. Сначала одна линия, плавающая в пустоте... затем вторая... затем они объединялись с другими и обнаруживали скрытую взаимосвязь... обнаруживали скрытое значение. Я с возрастающей тревогой снова посмотрел на Кристину, пытаясь избавиться от чувства, что в ней мне виделось что-то ужасающе похожее на те чудесные магические картинки.

Я захотел заглянуть под капот.

Внезапно мне стало очень важно заглянуть под капот.

Я обошел машину (не знаю почему — мне не хотелось находиться впереди нее) и попробовал нащупать кнопку, открывающую капот. Это мне не удалось. Тогда я подумал, что она, вероятно, находится внутри.

Я начал ходить вокруг, а затем увидел кое-что еще, испугавшее меня почти до бесчувствия.

Наверное, я мог ошибаться в отношении вмятины. Я знал, что ошибался, но по крайней мере технически...

Однако это представляло собой нечто совсем иное.

Я должен был признать, что она стала меньше.

Мои мысли кинулись к тому дню месячной давности, когда я забрел в гараж взглянуть на машину Лебэя, пока он и Эрни договаривались в доме о покупке.

Левая часть ветрового стекла целиком была опутана паутиной трещин, которые расходились во все стороны от белой выбоины в центре, оставленной, вероятно, каким-нибудь летевшим камнем.

Теперь эта паутина казалась гораздо меньшей и гораздо менее плотной — вы могли рассмотреть сквозь нее внутреннюю отделку машины, чего раньше не смогли бы сделать, я в этом уверен

(«Просто световой эффект, вот и все», — шепнул мне мой мозг).

И все-таки я должен был ошибаться — потому что это было невозможно. Просто невозможно. Можно было поменять ветровое стекло: это не проблема, если есть деньги. Но заставить трещины затягиваться...

Я засмеялся. Звук получился резким, и один из парней, возившихся с фургоном, удивленно посмотрел на меня. А потом что-то сказал своему напарнику. Смех действительно был глупым, но он был лучше, чем если бы я не издал никакого звука. Конечно, это был световой эффект, и ничего больше. В первый раз я видел машину на закате солнца, а во второй — в темном гараже Лебэя. Теперь ее освещали яркие лампы дневного света, подвешенные под потолком. Три различных источника света, два из которых порождали оптическую иллюзию.

Все же я хотел заглянуть под капот. Больше чем когда-либо.

Я подошел к дверце водителя и подергал за ручку. Она не поддалась. Дверца была заперта. И не только эта: все четыре кнопки на дверцах были опущены. Эрни вряд ли оставил бы машину открытой, чтобы кто-нибудь забрался внутрь и изгадил все вокруг. Может, Бадди Реппертон ушел, но род ползучих вредителей не исчисляется единицами. Я снова рассмеялся — старый глупый Дэннис, — и на этот раз рассмеялся еще более резко и хрипло. Я начинал чувствовать в себе некое раздвоение личности, как на следующее утро после слишком упорных экспериментов с куревом. Запереть двери «фурии» было делом вполне естественным. Вот только если бы, обходя машину в первый раз, я не заметил, что кнопки на дверях были подняты, Я медленно попятился, не сводя глаз с машины. Она стояла на прежнем месте, с виду просто ржавая развалина. У меня не было ни одной мысли — в этом я чертовски уверен, — кроме той, что мне хотелось попасть внутрь и открыть капот. И чтобы помешать мне, она сама закрыла двери?

В этой мысли было немало юмора. Настолько, что я расхохотался (теперь уже несколько человек глазели на меня).

Чья-то большая рука легла на мое плечо и повернула меня на сто восемьдесят градусов. Передо мной стоял Уилл Дарнелл. Из рта у него торчала потухшая сигара. Ее обслюнявленный кончик напоминал головку члена. На носу торчали небольшие очки с полукруглыми стеклами, глаза сквозь них смотрели холодно и задумчиво.

— Что ты здесь делаешь, детка? — спросил он. — Это не твоя собственность.

Парни с фургоном алчно глядели на нас. Один из них толкнул другого локтем и что-то шепнул.

— Она принадлежит моему другу, — сказал я. — Я пригнал ее вместе с ним. Может быть, вы помните меня. У меня на носу был большой резиновый шар, и вы...

— Я не желаю копаться ни в чем дерьме, даже если ты прикатил ее сюда на скейтборде, — сказал он. — Это не твоя собственность. Припрячь свои шутки и исчезни. Испарись.

Мой отец был прав — он был негодяем. И я бы с превеликим удовольствием испарился; у меня на примете были сотни мест, куда бы я с радостью отправился в этот предпоследний день летних каникул. Но мне мешала машина. Множество мелочей, объединившихся в большой зуд, который нельзя было не расчесывать. «Будь его глазами», — говорил мой отец, и его слова звучали неплохо. Проблема была в том, что я не мог верить собственным глазам.

— Меня зовут Дэннис Гилдер, — сказал я. — Мой отец вел ваши книги, да?

Он долго смотрел на меня безо всякого выражения в холодных свиных глазах, и у меня внезапно

появилась уверенность, что он сейчас попросит меня убраться куда подальше вместе с моим отцом и не отрывать от работы занятых людей, каждому из которых нужно починить машину и кормить семью. И так далее...

Затем он улыбнулся, но улыбка ничуть не тронула его глаза.

— Ты мальчик Кенни Гилдера?

— Да, я.

Он похлопал по капоту «плимута» своей белой жирной рукой — на ней были два перстня с блестящими камнями, один из которых выглядел как настоящий бриллиант. Хотя я в них ничего не понимаю.

— Полагаю тогда, ты достаточно прям. Если ты ребенок Кенни.

Двое парней рядом с нами вернулись к работе над фургоном, очевидно, решив, что ничего интересного не произойдет.

— Зайди в мой офис, там мы поговорим, — сказал он и пошел к выходу.

По пути он то и дело останавливался. Одному парню он громко приказал надеть шланг на выхлопную трубу машины, пока не вышвырнул его из гаража; накричал на другого за то, что разбросал банки с «его дерьмовой пепси-колой»; третьему велел убрать инструменты с прохода: «Оглох, что ли?» Уилл Дарнелл явно не имел понятия о том, что моя мама всегда называла — нормальным человеческим голосом.

Немного поколебавшись, я пошел за ним. Поистине любопытство сгубило кошку.

Его офис полностью соответствовал гаражу. На стене висел календарь с обнаженной белокурой богиней, прислонившейся к ограде какой-то загородной виллы. Рядом развешаны нечитабельные проспекты дюжины компаний, продающих автозапчасти. На другой стене висела фотография самого Уилла Дарнелла, в кожаной куртке восседавшего на миниатюрном мотоцикле, который грозил развалиться под его массивной тушей. В помещении стоял запах неубранных окурков и пота. Сейчас Дарнелл сидел в вертящемся кресле с подлокотниками. За его спиной пыхтела маленькая подушечка. Звуки были усталыми, но безропотными. Он достал спичку из пустой головы керамического негртенка и, чиркнув о полоску наждачной бумаги, окаймлявшей края его стола, разжег обслонявленный кончик сигары.

— Хочешь пепси, детка?

— Нет, спасибо, — сказал я и сел в кресло с прямой спинкой, стоявшее напротив него.

Он посмотрел на меня — снова тот же холодный оценивающий взгляд — и кивнул.

— Как папа, Дэннис? Мотор не барахлит?

— У него все в порядке. Когда я ему сказал, что Эрни поставил машину сюда, он сразу вспомнил вас. Он сказал, что сейчас с цифрами занимается Билл Апшо.

— Да. Хороший человек. Хороший человек. Не такой хороший, как твой папа, но хороший.

Я кивнул. Наступило молчание, и я почувствовал себя неловко. Уилл Дарнелл, казалось, неловкости не испытывал, казалось, он вообще ничего не испытывал. У него был все тот же холодный оценивающий взгляд.

— Твой дружок прислал тебя разузнать, ушел ли Реппертон на самом деле? — спросил он так неожиданно, что я подскочил в кресле.

— Нет, — проговорил я. — Вовсе нет.

— Ну скажи ему, что он ушел. — продолжил Дарнелл, проигнорировав мои слова. — Маленькая хитрая задница. Когда они ставят сюда машины, я так говорю: ведите себя прилично или убирайтесь вон. Он работал у меня то тут, то там понемногу и, наверно, стал думать, что получил золотой ключик от своих бабок. Маленький хитрожопый панк.

Он тяжело закашлялся и долго не мог остановиться. Кашель был болезненным. У меня появилось какое-то клаустрофобическое чувство, хотя в комнате было окно, выходившее на гараж.

— Эрни хороший мальчик, — наконец произнес Дарнелл, снова оглядев меня с головы до ног. — Он хорошо делает свое дело.

Какое дело? Я хотел спросить, но не смел. Дарнелл сам рассказал. Его явно тянуло на откровенность. — Подметает пол в конце дня, пересчитывает и сортирует инструмент вместе с Джимми Сайксом. С инструментами здесь надо быть настороже, Дэннис. Стоит только отвернуться, как у них вырастают ноги. — Он засмеялся, и смех перешел в короткий приступ астмы. — И еще готовит запчасти к продаже. У него хорошие руки. Хорошие руки и плохой вкус на машины. Давно не видел худшей рухляди, чем та, пятьдесят восьмого года.

— По-моему, он относится к ней как к хобби, — сказал я.

— Да, только из-за нее готов перегрызть глотку любому панку вроде Реппертона.

— Он же трудится над ней.

— А какие штуковины он с ней вытворяет? — спросил Дарнелл. Он наклонился вперед, его широкие плечи поднялись до уровня макушки. Брови нахмурились, а маленькие глазки превратились в два сверкающих буравчика. — Что за фигня у него на уме? Я всю жизнь занимаюсь этим делом и еще не видел, чтобы хоть один дурак ремонтировал машину так, как он. Это что, шутка? Забава?

— Я не совсем понимаю вас, — сказал я, хотя понимал — и великолепно понимал — его.

— Тогда объясняю, — сказал Дарнелл. — Он пригоняет ее сюда и сначала делает то, что я от него ожидаю. Ведь у него деньги не сыплются из задницы, верно? Если бы сыпались, его бы здесь не было. Он меняет масло. Он меняет фильтр. Однажды я вижу, что он поставил два новых «файрстона» спереди и два новых колеса сзади.

Два сзади? Я удивился, но потом решил, что он купил три новых колеса и поставил вместе с тем, которое я купил по пути сюда.

— Затем я прихожу и вижу, что он заменил щетки на ветровом стекле, — продолжал Дарнелл. — Не так странно, если не учитывать, что машина не будет ездить — под дождем или под солнцем — еще черт знает сколько времени. Затем появляется новая антенна, и я начинаю думать, что он захотел послушать радио и посадить аккумуляторы. Теперь заменил обивку на сиденье и половину решетки. Так что же это? Забава?

— Я не знаю, — признался я. — Новые детали он купил у вас?

— Нет, — помрачнев, сказал Дарнелл. — Я не знаю, где он достает их. Эта решетка — на ней нет не единого пятнышка. Должно быть, он заказал ее. У дилеров «крайслера» в Нью-Джерси или еще у кого-то. Но где вторая половина? Не слышал, чтобы решетки высылали по частям.

— Я не знаю. Правда.

Он раздавил сигару.

— Только не говори мне, что ты не любопытен. Я видел, как ты обхаживал машину.

Я пожал плечами:

— Эрни почти ничего не говорит о ней, — сказал я. — Это его отец попросил меня посмотреть на нее. Правда. Он интересуется, как продвигается дело.

— Немного дерьма на семейном фронте, да? — Правый глаз Дарнелла сморщился во что-то похожее на подмигивание. — Парню достается за то, что он хочет выбраться из пеленок?

— Ну да, знаете.

— Еще бы мне не знать.

Он поднялся и, обойдя стол, хлопнул меня по спине так, что я мгновенно очутился на ногах.

Несмотря на одышку и кашель, он был достаточно силен.

— Хотя и не знал, — проговорил он, провожая меня к двери. Его рука лежала на моем плече, заставляя меня нервничать и вызывая во мне отвращение. — Я скажу, меня еще кое-что волнует, — добавил он. — Мне здесь приходится видеть сотни тысяч автомобилей в год — ну, не так много, но ты понимаешь, что я имею в виду, — и у меня глаз наметан. Знаешь, я могу поклясться, что уже видел ее, когда она не была такой рухлядью. Где он нашел ее?

— У человека по фамилии Лебэй. Ролланд Лебэй, — сказал я, вспомнив, что Джордж Лебэй говорил о работе его брата над Кристиной: ведь тот занимался ею в каком-то гараже самообслуживания.

Дарнелл остановился как вкопанный.

— Лебэй? Ролли Лебэй?

— Да, именно у него.

— Военный? Демобилизованный?

— Да.

— Иисус Христос, ну конечно! Он лет восемь пригонял ее с регулярностью будильника, поставленного на шесть часов, а потом перестал. Давным-давно. Вот уж кто был ублюдком. Если бы ты налил кипящей воды в его ублюдочную глотку, то он выплюнул бы тебе кубики льда. Он не мог ужиться ни с одной живой душой!

Он крепче сжал мое плечо.

— Твой друг Каннингем знает, что жена Лебэя покончила с собой в его машине?

— Что? — спросил я, изобразив удивление — мне не хотелось, чтобы он знал о моей излишней любознательности и о разговоре с братом Лебэя. Я боялся, что Дарнелл поделится полученной информацией с Эрни и сообщит ее источник.

Дарнелл рассказал мне всю историю. Сначала дочь, потом мать.

— Нет, — сказал я, когда он закончил. — Я уверен, что Эрни ничего этого не знает. Вы собираетесь рассказать ему?

Глаза опять оценивающе сузились.

— А ты?

— Нет, — ответил я. — Не вижу причин делать это.

— Я тоже. — Он открыл дверь, и пыльный воздух гаража показался мне почти освежающим после прокуренного помещения. — Будь я проклят, если он не был порядочным сукиным сыном, этот Лебэй. Я надеюсь, сейчас он выворачивается наизнанку в аду. — Его губы на мгновение сжались в злобную ухмылку, а затем он взглянул туда, где на стоянке номер двадцать должна была находиться Кристина, сияющая новой антенной и половиной решетки. — Эта сука вернулась, — сказал он и посмотрел на меня. — Говорят, плохой пенни всегда возвращается, да?

— Да, — сказал я. — Кажется, так.

— Ну, пока, детка, — сказал он, доставая свежую сигару. — Передай от меня привет своему папе.

— Обязательно.

— И скажи Каннингейму, пусть он одним глазом поглядывает за этим панком Реппертоном. По-моему, он из тех, кто долго держит зуб.

— По-моему, тоже, — сказал я.

Идя к дальнему выходу из гаража, я остановился на минуту, чтобы еще раз бросить взгляд на Кристину — но после яркого света она была не более чем тенью среди теней. «Плохой пенни всегда возвращается», — сказал Дарнелл. Эта фраза преследовала меня всю дорогу к дому.

15. Футбольные несчастья

Научиться играть на дудке,
забывать про всех, обрастать щетиной
пить шотландское виски,
продолжать на другие сутки
и умереть за рулем машины...

Начались занятия в школе, и неделю или две ничего особенного не происходило. Эрни не узнал о моем приезде в гараж, и я был доволен. Не думаю, что это была бы радостная для него новость. Дарнелл, как и обещал, держал рот на замке (может быть, по своим причинам). Однажды вечером, когда Эрни был в гараже, я позвонил Майклу и сказал ему, что Эрни кое-что сделал с машиной, но до ее официальной регистрации было еще далеко. Я предположил, что Эрни больше пускал пыль в глаза, чем работал на самом деле. Майкл воспринял это известие с удивлением и облегчением. Он как будто успокоился... но ненадолго.

Эрни изредка появлялся в поле моего зрения. Я мельком видел его в холле, у нас были общие уроки по трем предметам, а иногда он заходил к нам после школы или в уик-энды. Временами мне казалось, что ничего не изменилось. Однако у Дарнелла он бывал намного чаще, чем в моем доме, а по пятницам вместе с Джимми Сайксом ездил в Филли-Плэйнс, где находился парк разбитых автомобилей. Там они по указанию Дарнелла выбирали малолитражки и спортивные машины, такие как «камаро» или «мустанги» с их покореженными корпусами и выбитыми стеклами, и грузили их на трейлер с платформой для скота. На нем они отправлялись в гараж, чтобы на заднем дворе сбросить свежие автомобильные обломки.

Приблизительно тогда же Эрни повредил себе спину. Травма не была серьезной — или он притворялся, — но моя мама сразу заметила, что с ним что-то не так. Он пришел к нам в воскресенье посмотреть матч с участием Филли и застал нас в тот момент, когда мы наливали по третьему стакану мандаринового сока. Мама сидела на диване рядом с отцом, читавшим журнал. Она взглянула на него и, поздоровавшись, сказала:

— Эрни, ты прихрамываешь.

Меня поразило неожиданное выражение, на секунду или две застывшее на лице Эрни, — испуганное, почти виноватое. Может быть, так мне почудилось. Во всяком случае, оно быстро исчезло.

— Наверное, потянул спину позавчера за городом, — сказал он, налив стакан мандаринового сока и протянув его мне. — Мы уже почти погрузили на платформу последний разбитый «мустанг», когда

из-за Джимми Сайкса он чуть не скатился обратно. После этого нам пришлось провозиться два часа, чтобы поставить его на место. Если бы не Сайкс, то все бы обошлось.

Его объяснение показалось мне сложным для простого растяжения мышц, но я снова мог ошибаться.

— Тебе нужно больше заботиться о своей спине, — строго сказала мама. — Господь...

— Мам, мы можем посмотреть игру?

—..дает нам только одну спину, — закончила она.

— Да, миссис Гилдер, — принужденно сказал Эрни.

В комнату не спеша вошла Эллани.

— У нас есть еще сок или вы вдвоем все выпили?

— Слушай, ты можешь не мешать? — взвыл я. В матче была спорная ситуация, и я ее пропустил.

— Не кричи на сестру, Дэннис, — пробормотал отец откуда-то из глубин журнала «Хобби», который сосредоточенно изучал.

— Элли, там еще много осталось, — сказал ей Эрни.

— Иногда, Эрни. — сказала ему Эллани, — в тебе просыпается что-то почти гуманное.

— Почти гуманное! — прошептал мне Эрни, явно готовый пустить слезу благодарности. — Ты слышал, Дэннис? Почти гуманное!

Возможно, это мои домыслы — или даже фантазии, — но я думаю, что его юмор был натянутым и неестественным. Во всяком случае, тема его спины была забыта, а хромота осталась и не исчезала всю осень.

Я сам был довольно занят. Мои отношения с симпатичной болельщицей прервались, но я находил, с кем и куда пойти в субботние вечера... если не слишком уставал после постоянных футбольных тренировок.

Тренер Пуффер не был негодяем, как Уилл Дарнелл, но и подарком тоже не был: как половина школьных тренеров в небольших городках Америки, он в своей педагогической практике следовал методике Винса Ломбарди, главное наставление которого заключалось в том, что если победа не была всем, то она была единственной стоящей вещью. Вы бы удивились, узнав, как много людей верят в подобную чушь.

За лето, проведенное в работе на «Карсон бразерс», я не потерял спортивной формы и, думаю, мог быть неплохим капитаном команды — если бы был выигрышный сезон. Но к концу третьей школьной недели — когда мы с Эрни оказались рядом с местом для курения за магазином и попали в безобразную стычку с Бадди Реппертоном — мне было достаточно ясно, что сезон не будет выигрышным. Тренер Пуффер никак не хотел уживаться с такой перспективой, потому что за десять лет пребывания в тренерской лиге он не имел ни одного проигранного сезона. В тот год тренеру Пуфферу предстояло познать горечь смирения. Этот урок дался ему тяжело... и в такой же мере он был нелегок для нас.

Первый матч, в котором мы играли против «Лунебургских тигров», состоялся девятого сентября. Лунебург с его крохотной средней школой находится на самой западной окраине нашего округа, и каждый выход его команды на поле неизменно сопровождался дружным скандированием: У-КОГО-ИЗ-ВАС-РЕБЯТКИ-БЫЧИЙ-БЛИН-ВИСИТ-НА-ПЯТКЕ? За которым следовало еще более громкое и саркастическое: БЛЕСНИ, ЛУНЕБУ-УУРГ!

Лунебург двадцать лет проигрывал Либертивиллу, но в этом году матч закончился со счетом 30:10 в

пользу «Тигров». Их фанатики были в исступлении; они разломали ворота, точно в финале регионального чемпионата, и на руках вынесли своих игроков с поля.

Наши болельщики, приехавшие на встречу в специально нанятых автобусах, молча сидели на трибунах и смотрели на нас невидящими глазами. В раздевалке тренер Пуффер, ошеломленный и бледный, предложил нам встать на колени и помолиться о том, чтобы разум и воля вернулись к нам. Потные, грязные и не желавшие ничего, кроме душа, который смыл бы с нас отвратительный запах поражения, мы повалились на колени и стояли до тех пор, пока тренер Пуффер не объяснил ситуацию Богу и не пообещал, что мы выполним свою роль, если Он выполнит Свою.

Всю следующую неделю мы тренировались по три часа в день (вместо обычных девяноста минут), изнемогая от усталости и палящего солнца. По вечерам я падал в постель и, засыпая, слышал его надрывающийся крик: «Бей по мячу! Бей! Бей!»

Я носился по полю как угорелый, покуда не почувствовал, что у меня начали непроизвольно дергаться ноги (и стало появляться какое-то жжение в легких). Ленни Бэйронг, один из наших защитников, получил солнечный удар. В результате оставшуюся часть недели мы оба отдыхали. Так я повидался с Эрни, он заходил к нам два или три раза и обедал со мной, моими родителями и Элли, но потом я долго не встречался с ним. Я был слишком занят своими собственными проблемами.

Следующими нашими противниками были «Медведи Ридж-Рока». Сейчас Ридж-Рок — небольшой шахтерский городок, но если ребенок ходит в среднюю школу Риджа, то он отнюдь не простодушный провинциал. Он злобный и жестокий, хотя и провинциал. За год до того Либертивилл лишил «Медведей» звания регионального чемпиона, и один из спортивных комментаторов сказал, что Либертивилл добился успеха только благодаря живучести своих игроков.

Однако этот год был годом «Медведей». Они смели нас в лепешку. В конце первого периода Фрэд Данн вышел из игры с сотрясением мозга. Во втором периоде Нормана Алеппо увезли с переломанной рукой в городскую больницу Либертивилла. А в третьем периоде «Медведи» один за другим провели три гола, выбивая мяч из рук. Окончательный счет был 40:6. Оставив ложную скромность, скажу: я забил шесть мячей. Но, не оставляя скромности вместе с истиной, я должен добавить: мне везло.

И вот... еще одна дьявольская неделя на тренировочном поле. Еще одну неделю тренер орал: «Бей по мячу!» Однажды мы потели под солнцем больше четырех часов, и, когда Ленни высказал мнение, что неплохо бы оставить немного времени на домашнюю работу, Пуффер — клянусь! — готов был привязать его к футбольной дыне. Мне кажется, что человеческий характер больше проявляется в поражениях, чем в победах. Пуффер, который за всю свою тренерскую карьеру ни разу не имел счета 0:2, реагировал на них с бессмысленной, бестолковой яростью бенгальского тигра, запертого в клетке и терзаемого маленькими детьми.

В следующую пятницу, двадцать второго сентября, мы ушли с поля, даже не доиграв матча. Не помню, чтобы кто-нибудь из игроков возражал против этого: нам было все равно. В тот же вечер тренер Пуффер повел нас на двухчасовой спортивный фильм, в котором были засняты наши встречи с «Тиграми» и «Медведями». Мы смотрели со стороны на наш позор и унижение, но не загорались жадной мести, а приходили во все большее уныние.

В ночь перед нашей третьей игрой на своем поле мне приснился необычный сон. Он не был ночным

кошмаром вроде того, после которого я с криком проснулся и перебудил весь дом, но он был... каким-то неприятным. Мы играли с «Драконами Филадельфии», и дул сильный ветер. Крики болельщиков, гвалт вокруг поля, металлический голос Чабби Маккарти, объявлявшего через громкоговоритель забитые мячи и распоряжения судьи, даже удары игроков друг о друга, — все эти звуки отдавались эхом и подхватывались ровным, неутихающим ветром.

Лица на трибунах казались желтыми и раскрашенными, как китайские маски. Девочки из нашей школы пританцовывали и дергались, как заводные куклы. Небо было затянуто серыми, быстро плывущими облаками. Тренер Пуффер во все горло орал на игроков, но никто не слышал его. «Драконы» убегали от нас. Мяч все время находился у них. Ленни Бэйронг то и дело корчился, как от боли; углы его рта были опущены вниз, как у трагической маски.

Меня сбили с ног, и я покатился по земле. Очутившись за пределами игровой площадки, я лежал и старался перевести дыхание. Потом я поднял глаза и в проходе между трибунами, за чьими-то головами увидел Кристину. Она опять сияла новизной, как будто всего час назад съехала с демонстрационного стенда.

Эрни, скрестив ноги, как Будда, сидел на ее крыше и без всякого выражения смотрел на меня. Его губы шевелились, но слов нельзя было разобрать из-за ветра. Мне показалось, что он говорил: «Не волнуйся, Дэннис. Мы позаботимся обо всем. Так что не волнуйся. Все в порядке».

Позаботимся о чем? Эта мысль не давала мне покоя, пока я лежал на игровом поле (которое мой сон почему-то превратил в каменистую лунную поверхность), стараясь перевести дыхание и преодолевая режущую боль в паху. Позаботимся о чем?

О чем?

Безмолвие. Только ослепительно сияющие передние фары Кристины и Эрни, застывший на холодном ветру.

На следующий день мы снова сражались за старую добрую среднюю школу Либертивилла. Игра была не так безнадежна, как в моем сне, — в ту субботу никто не получил травму, и к середине третьего периода у нас даже были неплохие шансы на победу, но в конце матча полузащитник Филадельфии провел пару счастливых мячей (как все начинается, так и кончается), и мы снова потерпели поражение.

После игры тренер Пуффер просто сидел на лавке. Он не смотрел ни на кого из нас. Впереди еще оставалось одиннадцать игр на нашем поле, но он был уже полностью разбитым человеком.

16. Входит Ли, выходит Бадди

Я не хвастаюсь, крошка, и скажу не тая:

«В этом городе лучшая тачка — моя»,

Если кто-то подходит ко мне, то ему невдомек,
что на крыльях летает она.

Я бы мог улететь с тобою, расправив крылья,
на своем двухместном автомобиле...

Я уверен, что был первый вторник после нашей неудачи с «Драконами Филадельфии», когда дела снова пришли в движение. Должно быть, это случилось двадцать шестого сентября.

У нас с Эрни было три совместных урока, один из которых относился к истории Америки. Первые девять недель ее преподавал мистер Томпсон, заведовавший всем курсом. Тему своих занятий он

назвал «Двести Лет Шума и Гама». Эрни переименовал ее в «Уроки Чуинггама», потому что сразу после них начинался ленч, и, предвкушая его, мы все разминались жевательной резинкой.

После «Чуинггама» в тот день к Эрни подошла одна девочка и спросила, есть ли у него задание по английскому. У него оно было. Он аккуратно вынул его из тетради, и, пока он это делал, девочка внимательно смотрела на него своими темно-синими глазами, ни разу не оторвав их от его лица. Ее темно-белокурые, цвета свежего меда волосы были зачесаны назад и скреплены широким голубым обручем, который очень шел к ее глазам. Глядя на нее, я почувствовал, как у меня что-то радостно екнуло в животе. Эрни смотрел на нее, пока она переписывала задание.

Конечно, я не в первый раз видел Ли Кэйбот; три недели назад она переехала в Либертивилл из Массачусетса и успела со многими познакомиться. Кто-то мне говорил, что ее отец работал в фирме «ЗМ», производящей шотландское виски.

Приметил я ее тоже не в первый раз, потому что, говоря без лишних сложностей, Ли Кэйбот была очень красива. В книгах, я давно обратил внимание на это, писатели всегда изображают своих героинь с какими-нибудь пусть небольшими, но недостатками; может быть, они думают, что настоящая красота является стереотипом, или им кажется, что тот или иной маленький порок делает леди более реалистичной. Дескать, она была бы красавицей, если бы не слишком выступающая нижняя губа, или не слишком острый нос, или, допустим, плоскогрудие. Что-нибудь такое всегда есть.

Но Ли Кэйбот была просто прекрасна без оговорок. У нее были чудесная гладкая кожа естественного цвета, великолепная фигура, упругая и высокая грудь, тонкая талия, красивые бедра и отличные ноги. Она была очаровательна и женственна — без всяких слишком выступающих нижних губ или слишком острых носов.

Несколько ребят пробовали к ней подступиться, но возвратились ни с чем. Почему-то все решили, что у нее была связь с каким-то парнем в Массачусетсе и что она вовремя уехала оттуда. На двух из трех общих с Эрни уроках я видел и Ли; я только ждал подходящего случая, чтобы сделать свои собственные шаги.

Теперь, безучастно наблюдая за тем, как Эрни доставал домашнее задание, а она его аккуратно переписывала, я подумывал, не поздно ли мне попытаться использовать свой шанс. Затем я усмехнулся про себя. Эрни Каннингем, Пицца с Ушами, и Ли Кэйбот Это было просто смехотворно. Это было...

Затем я перестал усмехаться про себя. В третий — оставшийся у меня в памяти раз — я заметил, что Эрни с ошеломляющей быстротой избавлялся от забот, которые ему раньше доставляла его кожа. Нарывы исчезли. Кое-где от них остались маленькие точечные шрамы, но сейчас у этого парня было почти чистое, сильное лицо — одно из тех, для которых шрамы не имеют большого значения.

Ли и Эрни исподтишка изучали друг друга, а я исподтишка изучал Эрни, не понимая, когда именно и каким образом произошло это чудо. Из окон падал яркий солнечный свет, отчетливо выделявший черты его лица. Он выглядел... старше. Как если бы вывел многочисленные нарывы и язвочки, не только регулярно умываясь и втирая специальные кремы, но и каким-то удивительным способом переведя стрелки часов на три года вперед. Он изменил прическу — она стала короче — и сбрил пух над верхней губой, который у него начал расти месяцев восемь назад.

Я мысленно вернулся к тому пасмурному дню, когда мы пошли смотреть фильм с Чаком Норрисом.

Тогда мне впервые показалось, что у Эрни стало улучшаться состояние кожи. Как раз в то время он купил автомобиль. Может быть, в том-то и было дело. Подростки всего мира, ликуйте! Ваши проблемы с прыщами решены навсегда. Покупайте старый автомобиль, и он...

Я снова усмехнулся про себя.

Купить старый автомобиль, и что? Сменить голову, образ мыслей и весь обмен веществ? Освободить внутреннее «я»? Мне почти послышался голос Стаки Джеймса, нашего учителя математики:

«Если мы до конца будем следовать этому пути, леди и джентльмены, то куда он нас приведет?»

Действительно, куда?

— Спасибо, Эрни, — сказала Ли своим мягким чистым голосом. Она вложила домашнее задание в тетрадь.

— Не за что, — ответил он.

Их глаза встретились и замерли ненадолго.

— Увидимся на шестой перемене, — сказала она и пошла к дверям.

— Что у тебя с ней на шестой перемене? — спросил я, когда она скрылась из виду.

— Задание по математике, — проговорил он каким-то сонным голосом, не похожим на тот, к которому я привык. Он оглядел меня с ног до головы, и его брови сдвинулись к переносице. —

Дэннис, ты над чем смеешься?

— Зад-а-не... что?

Он сделал вид, что хочет ударить меня.

— Осторожнее болтай языком, Гилдер, — сказал он.

— А если нет?

— Тогда твоя хреновая футбольная команда уже никогда не выберется из дерьма.

Случилось так, что как раз в этот момент мимо нас проходил наш учитель грамматики, мистер Ходдер. Нахмурившись, он бросил взгляд на Эрни.

— Следи за своим языком в школе, — произнес он и, переложив портфель в другую руку, пошел дальше.

Эрни покраснел как рак; он всегда краснел, когда разговаривал с учителями (и поэтому его часто наказывали совершенно незаслуженно, только потому, что он выглядел виноватым). Думаю, здесь играло роль то, как Регина и Майкл воспитали его: у меня все в порядке, у тебя все в порядке, я личность, ты личность, мы уважаем друг друга, и если кто-то что-то сделал, то ты не можешь оставаться в стороне и на все отвечаешь аллергической реакцией вины. Полагаю, так в Америке растят либералов.

— Следи за своим языком, Каннингем, — сказал я. — Учителям стыдно за тебя.

Тогда он тоже рассмеялся. Я расхохотался еще громче. Вокруг нас было много народу, некоторые ребята жевали бутерброды и наблюдали за нами.

— У тебя есть ленч? — спросил я.

— Да, внизу.

— Прихвати его с собой. Поедим на трибунах.

— Ладно, там и встретимся.

Он направился к выходу, а я за своими четырьмя сэндвичами, принесенными для старта. С тех пор как тренер Пуффер начал наш футбольный марафон, у меня не проходило чувство голода.

Спускаясь вниз, я размышлял о Ли Кэйбот и о том, как было бы неплохо, если бы она стала подружкой Эрни. Средняя школа — это довольно консервативное заведение, и ни одна из наших девочек не обращала внимания на Эрни, потому что раньше с его лицом нельзя было показаться ни в одной приличной компании. Теперь он изменился, но его все видели по памяти. Все, кроме Ли Кэйбот. Она недавно приехала в Либертивилл и не знала, как он выглядел в первые три года обучения в нашей средней школе.

Я вышел на улицу с большим пакетом ленча в одной руке и пошел через стоянку машин к длинному зданию магазина. Оно было почти таким же длинным, как гараж Дарнелла, но гораздо уже. Там находились отдел мебели, автосалон и выставка-продажа картин. Место для курения размещалось с задней стороны, но в погожие дни, особенно во время перерыва на ленч, многочисленные покупатели с мотоциклетными шлемами собирались у обеих сторон здания, дымя сигаретами и разговаривая с подружками. Или щупая их.

В тот день с правой стороны магазина никого не было, и это должно было сказать мне кое о чем, но не сказало. Я был погружен в мысли об Эрни и Ли и о консерватизме американских средних школ. Футбольное поле было в пятидесяти или шестидесяти ярдах за магазином.

Недалеко от места для курения стояли двадцать или тридцать человек, образовавших довольно тесный крут. Подобная геометрическая фигура обычно означает драку внутри, одну из тех, что Эрни любил называть «тяни-толкай» — потасовку двоих ребят, которые еще не настолько сошли с ума, чтобы пытаться изувечить друг друга, а просто толкающихся руками и плечами, чтобы поддержать собственный авторитет.

Я взглянул в ту сторону, но не испытал никакого интереса к происходившему. Мне не хотелось смотреть на драку; я желал побыстрее приступить к ленчу и услышать о том, что Ли и Эрни собирались делать на шестой перемене. Если у них намечалось что-то в будущем, то это могло выбить из его головы излишнюю тягу к Кристине. Ли Кэйбот не была похожа на любительницу ржавой рухляди.

Затем какая-то девчонка истошно завопила, и кто-то крикнул:

— Эй, нет! Оставь это, парень!

Крик прозвучал очень нехорошо. Я свернул к ним, чтобы посмотреть на случившееся.

Я пробрался сквозь толпу и в центре круга увидел Эрни, замершего с немного вытянутыми вперед руками. Он выглядел бледным, испуганным, но не паникующим. Слева от него лежал измятый пакет с ленчем. На пакете был отпечатан след ботинка. Напротив Эрни, в джинсах и белой майке, плотно облегавшей каждый мускул на груди, стоял Бадди Реппертон. В правой руке у него был нож с выбрасывающимся лезвием, и Бадди водил им перед своим лицом, точно совершая какое-то магическое действие.

Он был высок и широкоплеч. У него были длинные черные волосы. Он носил их зачесанными назад и собранными в конский хвост, перехваченный узким ремешком из сыромятной кожи. У него было тяжелое, тупое и злобное лицо. Он чуть заметно улыбался. У него был не просто тупой и злобный вид; он выглядел сумасшедшим.

— Я говорил, что достану тебя, парень, — мягко сказал он Эрни.

Он наклонил нож и тыкнул им в воздух перед собой. Эрни немного отпрянул. У ножа была рукоятка из слоновой кости с небольшой хромированной кнопкой для выброса лезвия. Длина лезвия достигала

едва ли не восьми дюймов — это был даже не нож, а настоящий кинжал.

— Эй, Бадди, поставь ему свою роспись! — радостно загоготал Дон Ванденберг, и я почувствовал, как у меня пересохло во рту.

Я бросил взгляд на какого-то незнакомого мне новичка, стоявшего рядом. Казалось, он был загипнотизирован происходившим.

— Эй, — сказал я, а когда он не отозвался, толкнул его локтем. — Эй!

Он отскочил и с ужасом посмотрел на меня.

— Сходи за мистером Кейси. Он остается на ленч в мебельном магазине. Быстро приведи его сюда.

Реппертон посмотрел на меня, а потом на Эрни.

— Ну, давай, Каннинггейм, — проговорил он. — Или ты не будешь драться?

— Брось нож, говнюк, и я буду, — ответил Эрни. Его голос был совершенно спокоен.

«Говнюк» — где я уже слышал это слово? Может быть, от Джорджа Лебэя? Конечно. Это было слово его брата.

Слово Ролланда Д. Лебэя явно не понравилось Реппертону. Он побагровел и шагнул к Эрни. Эрни отступил назад. Что-то должно было случиться очень быстро...

— Быстро приведи мистера Кейси, — повторил я загипнотизированному новичку, и тот пошел к магазину. Мне подумалось, что мистер Кейси появится здесь не раньше санитаров... если я сам не попробую приостановить развитие событий.

— Брось нож, Реппертон, — сказал я. Он снова взглянул в мою сторону.

— Кого я вижу! — улыбнувшись, произнес он. — К нам пришел друг Прыщавой Рожи! Ты хочешь, чтобы я бросил эту штуку?

— У тебя в руке нож, а у него нет, — сказал я. — Таких, как ты, в книгах для первоклассников называют собачьим дерьмом.

Он еще больше побагровел. Теперь его внимание было рассеяно. Он посмотрел на Эрни и снова перевел взгляд на меня. Эрни благодарно улыбнулся мне и немного приблизился к Бадди. Его движение не вызвало во мне никакого удовольствия.

— Брось! — крикнул кто-то Реппертону. Крик подхватили другие голоса.

Реппертону это тоже не понравилось. Он любил находиться в центре внимания, но в данном случае оно было не того сорта. Его глаза заматались между мной, Эрни и остальными. Прядь волос упала ему на лоб, и он откинул ее назад.

Когда он еще раз взглянул на меня, я притворился, будто собираюсь кинуться к нему. Нож повернулся в мою сторону, и Эрни сделал быстрый выпад вперед — такой быстрый, какого я не ожидал от него. Его ладонь мелькнула в воздухе. Удар пришелся по запястью Реппертона, и тот выронил нож, упавший с металлическим звоном и костяным стуком. Реппертон нагнулся. Когда его рука коснулась асфальта, Эрни резко наступил на нее каблуком. И надавил всем телом. Реппертон взвыл.

Дон Ванденберг подскочил к Эрни и, оттащив, бросил на землю. Еще не понимая, что собираюсь делать, я вступил в круг и со всей силой, на которую был способен, ударил ногой в зад Ванденберга — не оттолкнул подошвой, а двинул мыском снизу вверх; я ударил его так, как если бы бил по футбольному мячу.

Высокий и худой Ванденберг — ему тогда было лет девятнадцать или двадцать — завопил от боли и

стал пританцовывать на месте, держась за ягодицы. Он уже не помнил о том, что шел на выручку Бадди; он выбыл из игры. Что до меня, то я удивляюсь, как вообще не парализовал его. Мой удар заслуживал одобрения даже у тренера Пуффера, который всегда ставил меня правым крайним. Вслед за тем чей-то локоть сдавил мне горло, а другая рука просунулась между ног. Я слишком поздно осознал происходящее и не успел ничего предпринять. От дикой боли в сдавленной мошонке у меня потемнело в глазах, а руки и ноги отказались слушаться настолько, что, когда локоть отпустил мое горло, я просто рухнул в лужу возле курительной площадки.

— Ну, как тебе это понравилось, дружок? — спросил у меня квадратный парень с плохими зубами. Он носил маленькие и довольно изящные очки в тонкой оправе, которые выглядели абсурдно на его широком, глыбистом лице. Это был Шатун Уэлч, другой приятель Бадди Реппертона.

Внезапно круг наблюдателей стал таять, и я услышал громкий мужской голос:

— Прекратите! Прекратите немедленно! Дети, дайте пройти! Дайте пройти, черт возьми!

Появился мистер Кейси. Наконец-то мистер Кейси.

Бадди Реппертон поднял нож с асфальта. Одним движением он убрал лезвие внутрь и сунул свое оружие в задний карман джинсов. Окровавленная кисть его правой руки выглядела так, точно собиралась распухнуть. Я очень надеялся, что скоро она станет похожей на лапу Дональда Дака в диснеевских фильмах.

Шатун Уэлч оглянулся на звук голоса мистера Кейси, а затем потрогал большим пальцем угол своего рта.

— Позже, дружок, — проговорил он. Дон Ванденберг пританцовывал уже медленнее, но все еще потирал ушибленную часть тела. По лицу Дона текли слезы.

Затем ко мне подошел Эрни и, протянув руку, помог мне подняться на ноги. Его рубашка была выпачкана в грязи. К джинсам прилипло несколько окурков.

— Ты в порядке, Дэннис? Что он тебе сделал?

— Поздоровался, стиснув яйца. Ничего, я буду в порядке.

Я надеялся, что буду. Если ты мужчина, то знаешь, что это такое, когда тебя хватанули за самое незащищенное место. Если женщина, то не знаешь — не можешь знать. Тут с агонии все только начинается; она угасает и сменяется тупым, пульсирующим ощущением тяжести под животом. Это ощущение как будто говорит: «Привет, вот и я! Хорошо, что я сижу здесь, под твоим животом, и заставляю тебя чувствовать так, точно собираешься одновременно обделаться и сблевать. Полагаю, неплохо бы мне еще немного повисеть здесь, да? Как насчет получасика или около того?

Прекрасно!» Когда тебя хватают промеж ног, то ты не испытываешь великого удовольствия от жизни.

Мистер Кейси пробрался сквозь толпу зрителей и быстро уяснил себе ситуацию. Он не был таким здоровяком, как тренер Пуффер, но не боялся ребят, как многие наши учителя.

— Исчезните, — коротко приказал он немногим оставшимся наблюдателям.

Они стали расходиться. Шатун Уэлч решил попробовать и пошел вместе с ними.

— Не ты, Питер, — сказал мистер Кейси.

— А, мистер Кейси? Я ничего не делаю.

— Я тоже, мистер Кейси, — сказал Дон Ванденберг.

— Трое на двоих? — удивился мистер Кейси. — Вот как ты решаешь свои проблемы, Бадди?

Бадди опустил глаза.

— Они первыми начали, — проговорил он.

— Это не правда, — начал Эрни.

— Заткнись, Прыщавый, — сказал Бадди. Он хотел что-то добавить, но мистер Кейси схватил его обеими руками и, резко рванув в сторону, припер к стене магазина. Как раз в том месте, где висел жестяной знак с надписью: КУРИТЬ ТОЛЬКО ЗДЕСЬ. Он несколько раз ударил Реппертона спиной об стену, и всякий раз знак дребезжал, будто отмеряя драматические паузы. Он обращался с Реппертоном так, как вы или я обращались бы с тряпичной куклой.

— Заткни свой большой рот, — произнес он, в последний раз стукнув Бадди об стену. — Я не желаю, чтобы ты выражался в моем присутствии.

Он выпустил майку Реппертона. Она вылезла из джинсов, открыв белый, незагоревший живот Бадди. Мистер Кейси обернулся к Эрни.

— Что ты говоришь?

— Я шел через курилку на трибуны, чтобы там съесть свой ленч, — сказал Эрни. — Реппертон с друзьями курил здесь. Он подошел и выбил пакет с ленчем из моей руки. Он раздавил его. — Кажется, он хотел еще что-то сказать, но передумал. — Так началась драка.

Но я не собирался оставлять все на этой точке. Реппертон был слишком опасен, чтобы соблюдать дурацкие кодексы школьной чести.

— Мистер Кейси, — сказал я.

Он взглянул на меня. За ним глаза Реппертона угрожающе блеснули — предупреждение. Держи рот закрытым, это между нами двоими. Еще год назад я бы мог подчиниться ложному чувству собственного достоинства и принять игру Бадди. Но не сейчас.

— Что, Дэннис?

— Он с лета подстерегал Эрни. У него нож, и он хотел воспользоваться им.

Эрни бросил на меня непроницаемый взгляд. Я вспомнил, как он обозвал Реппертона говнюком — словом Лебзя, — и почувствовал, как у меня мурашки пробежали по спине.

— Ты врешь, сука! — драматически вскричал Реппертон. — У меня нет никакого ножа!

Кейси молча посмотрел на него. Ванденберг и Уэлч выглядели немного испуганными — они не ожидали такого поворота событий.

Мне нужно было кое-что добавить. Я думал об этом. У меня не хватало решимости. Но дело касалось Эрни, а Эрни был моим другом. И я не только думал о том, что он хотел пырнуть Эрни лезвием своего ножа, но я знал это. И я произнес пять слов:

— Это нож с выбрасывающимся лезвием.

Теперь глаза Реппертона не просто блестели, они горели, обещая адский огонь, проклятие и долгие муки.

— Он врет, — прохрипел он. — Он все врет, мистер Кейси. Клянусь Богом.

Мистер Кейси еще ничего не сказал. Он медленно перевел взгляд на Эрни.

— Каннингем, — наконец проговорил он. — Реппертон нападал на тебя с ножом?

Эрни долго не отвечал. Затем чуть слышно выдавил:

— Да.

Теперь взгляд Реппертона горел для нас обоих.

Кейси настороженно посмотрел на него.

— Выверни карманы, Бадди, — произнес он.

— Какого хрена? — повысил голос Бадди. — Ты меня не заставишь!

— Если ты имеешь в виду, что у меня нет права, то ты ошибаешься, — сказал мистер Кейси. — Если же то, что я не смогу при надобности сам вывернуть твои карманы, то ты снова ошибаешься. Но...

— Только попробуй! — взорвался Бадди. — Я тебя по стене размажу, лысое дерьмо!

У меня упало сердце. Я ненавидел подобные отвратительные сцены, а эта была наихудшей из всех, в которых я принимал участие.

Но мистер Кейси контролировал ситуацию и ни разу не отклонился от избранного курса.

— Но я не собираюсь делать этого, — закончил он. — Ты сам вывернешь свои карманы.

— Еще чего, козел! — бросил Бадди. Он стоял у стены магазина, повернувшись так, чтобы не показывать оттопыренного заднего кармана джинсов. Его глаза метались то туда, то сюда, как у затравленного зверя.

Мистер Кейси посмотрел на Шатуна и Дона Ванденберга.

— Вы двое ступайте в мой офис и оставайтесь там, пока я не приду, — сказал он. — Больше никуда не ходите, у вас и так уже достаточно проблем.

Они стали медленно уходить. Шатун один раз оглянулся. В главном здании прозвенел звонок. Люди стали втягиваться внутрь, бросая на нас любопытные взгляды. Мы пропустили ленч. Мне было все равно. Я больше не чувствовал голода.

Мистер Кейси снова обратил все внимание на Бадди.

— Ты находишься на территории школы, — сказал он. — Поблагодари Бога за это, потому что если у тебя, Бадди, на самом деле есть нож и если ты вытаскивал его, то тебя обвинят за применение холодного оружия. Тебя посадят в тюрьму.

— Сначала докажи! Докажи! — закричал Реппертон. У него пылали щеки, и он тяжело дышал.

— Если ты прямо сейчас не вывернешь карманы, то я напишу распоряжение о твоём освобождении от занятий. Затем я вызову полицейских, и в тот момент, когда ты выйдешь из главных ворот, они схватят тебя. Ты понимаешь, в какую историю влип? — Он мрачно посмотрел на Бадди. — Здесь мы смотрим за порядком, — добавил он. — Но если я освобожу тебя от занятий, то твоя задница будет принадлежать им. Конечно, если у тебя нет ножа, то все обойдется. Но если он у тебя есть, и они найдут его...

Ненадолго наступила тишина. Мы четверо застыли, как на картине. Я не думал, что он сделает это; он мог получить освобождение, а потом где-нибудь быстро закопать нож. Но он, наверное, решил, что полицейские будут искать его и, возможно, найдут, поэтому вытащил нож из заднего кармана и бросил на асфальт. Тот упал на хромированную кнопку. Лезвие резко открылось и блеснуло на солнце восемью дюймами заостренной стали.

Эрни посмотрел на нож и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Ступай в офис, Бадди, — спокойно сказал мистер Кейси. — Жди там, пока я не приду.

— К черту офис! — закричал Бадди тонким, истерическим и злым голосом. Волосы снова упали ему на лоб, и он откинул их назад. — Я уматываю отсюда.

— Ладно, — проговорил Кейси таким тоном, каким предлагал бы Реппертону выпить чашку кофе в своем кабинете.

Я знал, что со средней школой Либертивилла для Бадди все было кончено.

Бадди взглянул на меня и Эрни — и улыбнулся.

— Я еще достану вас, — произнес он. — Вы еще пожалеете, что родились на свет, ублюдки. — Он отшвырнул ногой нож и пошел прочь, поскрипывая мотоциклетными бутсами.

Затем мы пошли в комнату мистера Кейси, и он написал нам освобождение от следующего урока, который в тот день оказался одним из наших общих с Эрни — начальная физика. Направляясь в физическую лабораторию, народ с любопытством поглядывал на нас, и кое-кто перешептывался за нашими спинами.

На шестой перемене в холле повесили список отсутствовавших после полудня. Я просмотрел список и нашел имена Реппертона, Ванденберга и Уэлча. Напротив каждого стояла буква «Д». Я думал, что ответственный за дисциплину мистер Лофрор вызовет нас с Эрни и попросит рассказать о случившемся. Но он нас не вызвал.

Я рассчитывал, что после уроков встречу с Эрни и по дороге домой поговорю с ним, но и здесь ошибся. Он уже уехал в гараж Дарнелла, чтобы работать над Кристиной.

17. Кристина снова на улице

У меня есть «Мустанг». Я его купил.

В нем 380 лошадиных сил.

Он слишком силен, чтобы ползать
по этим шоссе между штатами.

До самого конца следующего субботнего матча у меня не было случая поговорить с Эрни. В тот день он впервые вывел Кристину из гаража Дарнелла.

Наша поездка на школьном автобусе в Хидден-Хиллз, находящийся в шестнадцати милях от Либертивилла, была самой молчаливой из всех, которые я помню. С таким же успехом мы могли бы ехать на гильотину.

Никого не радовал даже тот факт, что их разница побед и поражений — 1:2 — была немногим лучше нашей. Тренер Пуффер сидел позади водителя, бледный и молчаливый, точно страдал от похмелья. Обычно поездка на игру была чем-то между балаганом и цирком. За автобусом с командой следовал автобус с болельщиками, школьной рок-группой и всеми теми, кто просто хотел хорошо провести время. Их сопровождал кортеж из пятнадцати или двадцати автомобилей, заполненных большей частью подростками в футболках с эмблемами нашей команды, с фляжками и дудками, в которые они дули почти без перерыва и создавали неимоверный гвалт, сопровождавший нас всю дорогу.

Однако на этот раз за нами ехали только полупустой автобус и три или четыре легковые машины. Я сидел рядом с Ленни Бэйронгом, мысленно рисовал мрачные картины сегодняшнего матча и не знал, что в числе нескольких автомобилей, следовавших за нами, была Кристина.

Я увидел ее, когда мы вышли из автобуса на стоянке средней школы Хидден-Хиллз. Их музыканты были уже на поле, звучные удары басового барабана глухо отдавались под низким, облачным небом. Это была первая суббота, вполне подходившая для футбола, — прохладная, пасмурная и невезучая. Вид Кристины, стоявшей рядом с оркестром, явился для меня достаточным сюрпризом, но когда с одной ее стороны вылез Эрни, а с другой выбралась Ли Кэйбот, я был ошеломлен... и больше чем отчасти охвачен ревностью. На Ли были коричневые шерстяные слаксы и белый вязаный пуловер, ее белокурые волосы великолепными волнистыми локонами падали на плечи.

— Эрни! — воскликнул я. — Ты!

— Привет, Дэннис, — немного смущенно проговорил он.

Я был уверен, что игроки выходят из автобуса и тоже замирают, не веря своим глазам: перед ними стоял Каннингейм, Пицца с Ушами, и с ним была прекрасная странница из Массачусетса. Во имя Бога, как это могло случиться?

— Как ты?

— Хорошо, — сказал он. — Ты знаком с Ли Кэйбот?

— По школе, — ответил я. — Привет, Ли.

— Привет, Дэннис. Вы сегодня выиграете?

— Постараемся, но я не знаю.

— Мы будем болеть за вас, — проговорил Эрни. — Я уже вижу заголовки в завтрашних газетах: «Гилдер бьет рекорды и становится чемпионом всех времен».

— Скорее: «Гилдер с проломленным черепом попадает в больницу», — сказал я. — Сколько ребят с вами? Десять? Пятнадцать?

— Больше места на трибунах для тех, кто приехал, — уклончиво ответила Ли.

Она взяла Эрни за руку; думаю, его удивил и обрадовал ее жест. Мне она уже нравилась.

— Как твоя тачка? — спросил я, направляясь к машине.

— Недурна. — Он пошел следом.

Работа была проделана немалая, и теперь у «фурии» был не такой сумасшедший, сумбурный вид, как раньше. Вторая ржавая половина передней решетки оказалась замененной на новую, и полностью исчезла паутина трещин на ветровом стекле.

— Ты заменил ветровое стекло, — сказал я. Эрни кивнул.

— И капот.

Капот был чистым; и, что контрастировало с обшарпанными боками, он сиял новизной. Он был покрашен в ярко-красный цвет. Эрни бережно коснулся его, и касание перешло в ласковое поглаживание.

— Да. Я сам поставил его.

Что-то в его словах задело меня. Он ведь должен был все сделать сам, разве нет?

— Ты говорил, что собираешься превратить ее в выставочную модель, — сказал я. — Кажется, я начинаю верить тебе.

Я подошел к месту водителя. Пол и обивка были потертыми и грязными, но передние и задние сиденья горели свежей багрово-красной кожей.

— Она будет чудесна, — сказала Ли, но в ее голосе была какая-то вялая интонация — совсем не так она говорила о футболе, — которая заставила меня взглянуть на нее.

Я сразу понял. Она не любила Кристину. Я понял это так ясно, как если бы ее мысли передались мне по воздуху. Она хотела ее полюбить, потому что ей нравился Эрни. Но... она не собиралась по-настоящему полюбить ее.

— Так, значит, ты получил официальное разрешение на нее? — спросил я.

— Ну... — Эрни замялся. — Нет. Не совсем.

— Что ты имеешь в виду?

— Сирена не работает, иногда отключаются задние огни, когда я нажимаю на тормоз. Думаю, где-то

короткое замыкание, но я еще не настолько разобрался в ней.

Я посмотрел на ветровое стекло — на нем была новая наклейка о техническом осмотре. Эрни проследил за моим взглядом... и умудрился показаться замешкавшимся и рассвирепевшим одновременно.

— Уилл дал мне свою наклейку.

— А это не опасно? — спросила Ли, обращая свой вопрос куда-то между мной и Эрни.

— Нет, — ответил я. — Когда за рулем Эрни, то считай, что ты находишься рядом с Иисусом Христом. — Я вновь почувствовал приступ ревности. В свои семнадцать лет она была великолепна, неотразима и открыта для жизни.

Когда я впервые захотел ее? Когда я впервые захотел девушку моего лучшего друга? Да, думаю, что именно тогда. Но клянусь, я бы не приблизился к ней, если бы все так не изменилось. Или я просто должен так чувствовать.

— Пойдем, Эрни, а то нам не достанется ни одного свободного места на трибунах, — по-женски саркастично заметила Ли.

Эрни улыбнулся. Ли все еще держала его ладонь; он был бы не против, если бы она обняла его. Почему нет? Будь я на его месте, с моим первым опытом общения с живой девочкой, я бы — три против четырех — уже занимался любовью с ней. Я не желал ему ничего, кроме удачи с ней. Если кто-то заслуживал немного счастья, то это был Эрни.

Тренер Пуффер окликнул меня, и я вместе со всей командой пошел в раздевалку, а Эрни и Ли направились к трибунам. На полпути я остановился и решил вернуться к Кристине. Приближаясь к ней, я описал довольно большой полукруг: у меня все еще было предубеждение, что лучше не находиться у нее спереди.

Над задним бампером я увидел металлическую пластинку на пружинах, изображавшую знак торгового агента Пенсильвании. Откинув ее, я прочитал надпись с обратной стороны: СОБСТВЕННОСТЬ ГАРАЖА ДАРНЕЛЛА, ЛИБЕРТИВИЛЛ, ПЕНС., США.

Я поставил пластинку на место и нахмурился. Дарнелл дал ему наклейку на ветровое стекло, потому что машина была еще очень далека от официального разрешения на эксплуатацию; Дарнелл одолжил ему знак торгового агента, чтобы он мог привезти Ли на матч. Дарнелл так же перестал быть «Дарнеллом» для Эрни; сегодня он был «Уиллом». Интересно, но не очень приятно.

Что за отношения сложились между Эрни и Дарнеллом? Я не хотел задумываться над этим вопросом. Я знал только то, что Эрни очень изменился за последние несколько недель.

Мы сами немало изумились, когда выиграли этот матч, — как оказалось позже, он был одним из двух, выигранных нами в том сезоне... но не то чтобы я был с командой до его конца.

У нас не было никакого права на победу; на поле мы вышли готовыми к поражению и проиграли жеребьевку. В первой половине игры «Горцы» (дурацкое название для команды) пробивали нашу оборону, как будто ими выстреливали из пушки. Но затем нападающий потерял мяч, который подхватил Гэри Тардифф и с мрачной улыбкой вел все шестьдесят ярдов. Тот мяч переломил ход встречи. Когда в конце матча тренер Пуффер заменил меня Брайаном Макнелли — он должен был стать капитаном команды на следующий год, а стал им гораздо раньше, — и я, умывшись и переодевшись, вышел к трибунам, счет был 27:18 в нашу пользу, а до конца игры оставалось две минуты.

На парковочной стоянке было полно машин, но ни одного человека. С поля доносились дикие вопли фанатиков из Хидден-Хиллз, побуждавших «Горцев» сделать невозможное в оставшиеся две минуты.

Я медленно побрел в сторону Кристины.

Она стояла на прежнем месте, со своими изъеденными ржавчиной боками, новым капотом и чуть ли не тысячами плавниками. Динозавр из темных далеких пятидесятих, когда все нефтяные миллионеры были из Техаса, и американский доллар вышибал дух из японской иены, а не наоборот. Из тех дней, когда Джони Хорбон пел о танцах всю ночь на дубовом полу, а величайшим кумиром молодых янки был Эд «Куки» Бирнз.

Я прикоснулся к Кристине. Я попробовал погладить ее, как это делал Эрни, полюбить ее ради Эрни, как это пробовала сделать Ли. На самом деле если кто-то должен был стараться полюбить ее, то это был я. Ли знала Эрни всего лишь месяц. Я знал его всю свою жизнь.

Я провел рукой по шершавой, ржавой поверхности, думая о Джордже Лебэе, о Веронике и Рите Лебэй, и внезапно моя кисть сама собой сложилась в кулак, которым я довольно сильно ударил по боку Кристины — настолько сильно, чтобы отбить руку, издать смущенный смешок и удивиться, какого дьявола я это сделал.

Шорох осыпающейся ржавчины.

Глухой стук басового барабана на поле, похожий на удары сердца.

Стук моего собственного сердца.

Я подергал переднюю дверь.

Она была заперта.

Я поджал губы и понял, что испугался.

Все было почти так, как если бы — да, очень забавно и очень весело, — как если бы эта машина не любила меня, подозревала меня в желании встать между ней и Эрни, и мне не нравилось ходить впереди нее именно потому, что...

Я снова засмеялся, а потом вспомнил свой сон и осекся. Все было слишком похоже на него, чтобы ощущать комфорт.

Конечно, в Хидден-Хиллз не было Чабби Маккарти, ревушего над простором, но остальное порождало неприятное чувство дежа вю — крики ободрения, звуки сталкивающихся тел, ветер, шелестящий в деревьях под пасмурным небом.

Зарычит двигатель. Машина начнет делать рывки вперед и назад, вперед и назад. А затем взвизгнут покрышки, и она ринется на меня...

Я тряхнул головой. Пора было бросить потворство этой старой уродине. Пора было — давно пора — остановить свои нелепые фантазии. Передо мной стояла машина 1958 года выпуска, сошедшая с конвейера в Детройте вместе с почти четырьмястами тысячами других. Чтобы доказать себе, как мало ее боюсь, я опустился на колени и взглянул под днище. То, что я увидел, было еще более диким, чем, если бы каким-то образом машина вдруг перевернулась вверх колесами. На них были три новехонькие покрышки фирмы «Плэжаризер», но четвертая казалась такой темной и заляпанной маслом, точно не менялась никогда. Выхлопная труба блестела серебристой сталью, но у глушителя был прямо-таки средневековый вид, а передняя труба находилась в плачевном состоянии. Посмотрев на эту трубу, я подумал, что дым из нее может проникнуть в салон, и снова вспомнил о Веронике

Лебэй. Потому что выхлопные газы могут убить. Они...

— Дэннис, что ты здесь делаешь?

Полагаю, мне стало еще больше не по себе, чем подумалось, потому что я стоял на коленях, как приговоренный к казни, и сердце билось у меня не в груди, а, скорее, в горле.

Надо мной был Эрни. Он был холоден и зол.

Потому что я разглядывал его машину? Почему это так взбесило его? Хороший вопрос. Но он и в самом деле выглядел взбешенным.

— Разглядываю твою недоделанную тачку, — сказал я, стараясь придать голосу беззаботный тон. — Где Ли?

— Пошла в дамскую комнату, — сказал он, не спуская глаз с моего лица. — Дэннис, ты самый лучший друг из всех, какие у меня были. Ты помог мне не попасть в больницу, когда Реппертон угрожал мне ножом, и я это знаю. Но не делай ничего за моей спиной, Дэннис. Никогда не делай.

— Эрни, я не понимаю, о чем ты говоришь, — сказал я, но почувствовал себя виноватым. Я был виноват в том, что рассматривал Ли и немного хотел ее — хотел девушку, которую он сам так явно хотел. Но... что-нибудь делать за его спиной? Разве могло мне прийти в голову такое?

Полагаю, что он мог видеть все в таком свете. Я знал его иррациональный — интерес или одержимость... считайте, как вам нравится — взгляд на его машину; она была запертой комнатой в доме нашей дружбы, и я не мог попасть в нее без каких-либо сложностей для себя. И если он не уличил меня в попытке взломать дверь, то застал в момент, когда я подглядывал в замочную скважину.

— Думаю, ты прекрасно знаешь, о чем я говорю, — произнес он, и я, к своему немалому отчаянию, увидел, что он был не просто взбешен, он был разъярен. — Ты вместе с моими отцом и матерью шпионишь за мной «ради моей же пользы», так это называется? Ведь они посылали тебя разнюхать что-нибудь в гараже Дарнелла, да?

— Эрни, постой...

— Мальчик, ты думаешь, я ничего не знаю? Я ничего не говорил потому, что мы друзья. Но с меня довольно, Дэннис. Этому должен быть предел, и я положу его. Почему бы тебе не оставить мою машину в покое и не трогать то, что тебе не принадлежит?

— Во-первых, — вырвалось у меня, — я не шпионю вместе с твоим отцом и матерью. Твой отец попросил меня посмотреть, что ты делаешь с машиной. Я согласился. Мне самому было интересно. Твой папа никогда не делал мне ничего плохого. Что же я должен был сказать?

— Ты должен был отказаться.

— Ты не понял. Он на твоей стороне. Твоя мать все еще надеется, что это дело ничем не закончится — так мне показалось, — но Майкл желает, чтобы оно у тебя получилось. Он так сказал.

— Еще бы, так он и должен был подойти к тебе. — Он почти ухмылялся. — На самом деле он хочет только того, чтобы у меня было побольше препятствий. Это все, чего они оба желают мне. Они не желают, чтобы я вырос, потому что не хотят видеть, как становятся старыми.

— Ну, ты загнул, парень. Что-то уж очень мудрено.

— Может быть, тебе так кажется. Может быть, у тебя с семьей все слишком нормально, и поэтому у тебя размягчение мозгов, Дэннис. Они предложили мне новый автомобиль за окончание школы, ты этого не знал? От меня требовалось отказаться от Кристины, получить только отличные баллы и

согласиться на учебу в университете... где они могли бы управлять мной еще четыре года.

Я не знал, что сказать. Конечно, все было уж очень мудрено.

— Так что, не суйся куда не надо, Дэннис. Это все, что я хочу тебе сказать. Нам обоим будет лучше.

— Как бы то ни было, я ничего не сказал ему, — медленно проговорил я. — Только объяснил, что ты кое-где что-то сделал. Мне показалось, что он успокоился.

— Я думаю.

— Мне хотелось посмотреть, насколько она близка к официальной регистрации. Она далека от нее. Например, трубопровод никуда не годится. Я надеюсь, что ты едешь с открытыми окнами.

— Не учи меня, как мне ездить на ней! Я знаю о машинах больше, чем ты когда-либо узнаешь!

Внезапно мне стало наплевать на него и его проблемы. Все это не нравилось мне — я не хотел ссориться с Эрни, особенно сейчас, когда Ли вот-вот должна была присоединиться к нам, — но я чувствовал, как кто-то нажимал на красные кнопки моих мыслей.

— Наверно, это действительно так, — сказал я, следя за своим голосом. — Но я не уверен, что ты так же хорошо разбираешься в людях. Уилл Дарнелл дал тебе негодную наклейку — если бы тебя остановили, то он потерял бы сертификат государственной инспекции. Он дал тебе табличку торгового агента. Почему он это сделал, Эрни?

В первый раз Эрни показался немного смущенным.

— Я скажу тебе. Он видит, что я делаю работу.

— Не будь тупоголовым. Этот парень лишний раз и пальцем не шевельнет, если не имеет какого-то своего расчета.

— Дэннис, ради Бога, ты можешь не лезть не в свое дело?

— Парень, — сказал я, придвигаясь к нему, — мне до лампочки, есть у тебя машина или нет. Я только не хочу, чтобы с ней были связаны какие-нибудь твои неприятности. Это я искренне говорю. Он неуверенно посмотрел на меня.

— Я не понимаю, из-за чего мы орем друг на друга. Из-за того, что я заглянул под твою машину и увидел, что выхлопная труба болтается, как на соплях?

Правда, мои действия на этом не заканчивались. И я знал, что мы оба знали это.

На поле гулко выстрелила пушка: там происходило награждение победителей. Начал моросить мелкий дождик, и стало холодать. Мы обернулись на звук выстрела и увидели Ли, приближавшуюся к нам. Я почувствовал, как у меня стало улучшаться настроение.

— Какой счет? — спросил Эрни.

— Двадцать семь — восемнадцать, — ответила она и весело добавила:

— Мы уничтожили их. Где вы оба были?

— Подошли к машине поговорить, — сказал я. Эрни бросил на меня изумленный взгляд и вдруг расхохотался. Его хохот был так заразителен, что я тоже не мог остаться серьезным. — Поговорить с машиной? — шутливо переспросила Ли и засмеялась вместе с нами двоими. У нас был звонкий и радостный смех.

18. На трибунах

О Господи, купи мне «Мерседес»!

Мои друзья катаются на «Поршах»,
и «Мерседес» мне нужен позарез,

чтоб быть не хуже их...

Минули две недели октября. Я не видел Кристины с того дня, когда мы победили команду из Хидден-Хиллз. Она явно вернулась в гараж Дарнелла для продолжения работы над ней, — может быть, на таком условии Дарнелл дал Эрни незаконную наклейку и табличку торгового агента. Я не видел «фурию», но часто видел Эрни и Ли... и многое слышал о них. Они были горячей темой школьных сплетен. Девочки, взывая к небу, хотели выяснить, что она нашла в нем; мальчики, как всегда, более практичные и прозаичные, хотели только знать, сумел ли мой юный друг залезть к ней в трусики. Ни то, ни другое меня не волновало, но время от времени мне было любопытно, что Регина и Майкл думали о таком экстраординарном событии, как первая любовь их сына.

В один из октябрьских понедельников мы с Эрни уплетали ленч на трибунах возле футбольного поля, как планировали в день встречи с Реппертоном — его и вправду исключили из школы за то, что он хотел пустить в дело нож. Шатун и Дон оба получили трехдневные каникулы. Сейчас они вели себя паиньками. Наша команда успела проиграть еще раз, и тренер Пуффер погрузился в скорбное молчание.

Мы ели вареные яйца и сидели рядом, а я думал о том, как отдалялся от Эрни: у меня были футбол, студенческие консультации, новая подруга, с которой были связаны определенные надежды. На большее я не надеялся; она была слишком увлечена собой. И все же было забавно попробовать. Что бы ни происходило, я упускал Эрни. Сначала была Кристина, теперь были Ли и Кристина. Я надеялся, что именно в таком порядке.

— А где сегодня Ли? — как бы невзначай поинтересовался я.

— Болеет, — ответил он. — У нее месячные, а она их плохо переносит.

Я мысленно поднял брови. Если она обсуждала с ним свои женские проблемы, то они действительно далеко зашли.

— Как тебе удалось упросить ее поехать на футбольный матч? — спросил я. — В тот день, когда мы играли с Хидден-Хиллз?

Он улыбнулся.

— Единственная футбольная игра, на которой я присутствовал с начала этого года. Мы принесли тебе удачу, Дэннис.

— Просто позвонил и попросил приехать?

— Почти не просил. Это было мое первое свидание. — Он застенчиво взглянул на меня. — Не думаю, что в предыдущую ночь я спал больше двух часов. Когда я позвонил и она согласилась, я до смерти испугался, что покажу себя полным кретином, или появится Бадди Реппертон и захочет драться, или еще что-нибудь случится.

— Ты прекрасно держался.

— Да? — Он казался польщенным. — Ну, это хорошо. Но я испугался. До той поры мы разговаривали в холле, она вступила в шахматный клуб, хотя не очень-то разбирается в шахматах... но она делает некоторые успехи. Я учу ее.

«Не сомневаюсь, сукин ты сын», — подумал я. Мне вспомнилось, как он «отчитал» меня в тот самый день в Хидден-Хиллз.

— Немного погодя я начал думать, что она, возможно, интересуется мной, — продолжил Эрни. — Наверно, до меня это дошло не так быстро, как если бы на моем месте был какой-нибудь другой

парень — вроде тебя, Дэннис.

— Еще бы, я ведь секс-машина, — сказал я. — То, что Джеймс Браун называл секс-машиной.

— Нет, ты не секс-машина, но ты знаешь о девочках, — серьезно проговорил он. — Ты понимаешь их. А я всегда их боялся. Не знал, что сказать. Думаю, сейчас тоже не знаю. Просто Ли не похожа на остальных. — Он помолчал, а потом добавил:

— Я боялся попросить ее... Она красивая, очень красивая. Тебе так не кажется, Дэннис?

— Кажется. Насколько я могу судить, она лучшая из всех в нашей школе.

Он удовлетворенно улыбнулся:

— Мне тоже так кажется... но я думал, это потому, что я люблю ее.

Я взглянул на своего друга, надеясь, что он не собирался взвалить на себя больше проблем, чем ему было по плечу. Тогда я еще не знал, что такое настоящие проблемы.

— Однажды в химической лаборатории я услышал разговор Ленни Бэйронга и Нэда Строгмена. Нэд рассказывал Ленни, как предложил Ли пойти погулять и она отказалась, но так нерешительно... словно если бы он попросил еще раз, то могла бы согласиться. Я представил, как она с готовностью берет Нэда под руку, и чуть не сошел с ума от ревности. Смешно, да? Смешно, что она отказала ему, а я стал ревновать?

Я улыбнулся и кивнул. На поле болельщики нашей команды разучивали какой-то новый концертный номер. Я не думал, что они могли помочь нам, но смотреть на них было приятно. Их фигуры отбрасывали четкие тени на зеленую траву.

— Еще меня беспокоило то, что Нэд выглядел каким-то подавленным... или пристыженным, не знаю. Он попросил о свидании и получил от ворот поворот, вот и все. Поэтому я решил, что тоже могу попробовать, но когда позвонил, то у меня рубашка была мокрой от пота. Мне было плохо, Дэннис. Я все время воображал себе, как она рассмеется и скажет что-нибудь вроде: «Мне пойти с тобой, маленький уродец? У тебя что, бред? Я еще не свихнулась».

— Да, — заметил я. — Странно, что она так не сказала.

Он ударил меня по животу.

— Дэннис!

— Что? — спросил я и добавил:

— Что было дальше?

Он пожал плечами:

— Ничего особенного. К телефону подошла ее мама, и я попросил позвать Ли. Я услышал, как она положила трубку на стол, и уже готов был разъединиться. — Эрни щелкнул пальцами. — Я уже почти повесил трубку. Я чуть не обделался от страха.

— Понимаю тебя, — сказал я.

Мне было знакомо такое чувство — оно не зависит от того, ходишь ли ты в майке капитана футбольной команды или носишь очки с толстыми стеклами, — но я не думаю, что мог понять степень, с которой Эрни переживал его. То, что он сделал, потребовало поистине героической храбрости. На такой пустяк, как свидание, в нашем обществе смотрят как на нечто совсем неординарное — я подозреваю, что в нашей школе были ребята, у которых за все четыре года ни разу не хватило смелости назначить какой-нибудь девочке свидание. И было очень много грустных девочек, которых ни разу не просили о свидании. Я едва ли мог вообразить, какой ледяной ужас

должен был испытывать Эрни, ожидая, пока Ли шла к телефону; он знал, что будет звать с собой не просто любую девочку, но самую красивую девочку в школе.

— Она ответила, — продолжал Эрни. — Она сказала «Алло?», а я сразу забыл все слова. Потом она сказала «Алло, кто это?» — я поздоровался и замолчал. Я вдруг сообразил, что не имею понятия, куда бы мог предложить ей пойти со мной. Первым, что пришло мне на память, был субботний футбольный матч. Я что-то промямлил про него, а она сразу согласилась, как будто ждала, что я попрошу ее, понимаешь?

— Вероятно, она и в самом деле ждала.

— Да? Может быть. — Эрни поражение устался на меня.

Прозвучал звонок. До конца пятой перемены оставалось пять минут. Эрни и я поднялись.

Болельщики потянулись к выходу с поля.

Мы спустились с трибун, бросили пакеты из-под ленча в мусорный ящик и пошли в сторону школы.

Эрни все еще улыбался, вспоминая, как в первый раз попросил Ли о свидании.

— Позвать ее на игру было довольно рискованным предложением.

— Спасибо, — сказал я. — Вот и все, что я получаю, когда выкладываюсь во время игры.

— Ты знаешь, что я имею в виду. После того как она согласилась, меня ужаснула одна маленькая мыслишка, и я позвонил тебе. Помнишь?

Внезапно я вспомнил. Он позвонил мне, спросил, на чьем поле будет игра, и казался абсолютно ошеломленным тем, что она должна была состояться в Хидден-Хиллз.

— Ситуация была и в самом деле не из лучших. Я добился свидания у самой красивой девочки в школе, я без ума от нее, и оказывается, что игра будет выездной, а моя машина стоит в гараже Уилла.

— Ты мог поехать на автобусе.

— Теперь-то я это знаю, но тогда так не думал. Обычно все места в автобусе были заняты за неделю до игры. Я не знал, как много людей перестают ходить на матч, когда команда проигрывает.

— Не напоминай мне об этом, — сказал я.

— Поэтому я пошел к Дарнеллу. Я был уверен в Кристине, но у нее не было официального разрешения на езду по улицам. Я был в отчаянии.

«В отчаянии от чего?» — внезапно и холодно подумал я.

— Он выслушал меня. Сказал, что понимает, как это для меня важно, и если... — Эрни замаялся; казалось, он о чем-то размышлял. — Ну вот и вся история о первом свидании.

И если...

Но это было не мое дело.

«Будь его глазами», — сказал мой отец.

Но я отмел и его слова.

Мы проходили мимо места для курения, где сейчас почти никого не было, если не считать троих ребят и двух девочек, торопливо тушивших сигареты. На асфальте валялось множество окурков.

— Где-нибудь видел Бадди Реппертона?

— Нет, — ответил он. — И не хотел видеть. А ты? Я видел его однажды, стоявшего возле небольшой заправочной станции в Монроэвилле. Эта станция принадлежала отцу Дона Ванденберга. Бадди не видел меня; я просто проезжал мимо.

— Видел, но не говорил.

— Думаешь, он умеет говорить? — бросил Эрни с презрением, которое было несвойственно ему. — Что за говнюк!

Я вздрогнул. Опять это слово. Я вспомнил кое-что о нем и спросил Эрни, где он нашел такой термин. Он задумчиво посмотрел на меня. Вдруг из здания донесся второй звонок. Мы могли опоздать в класс, но в тот момент меня волновало совсем другое.

— Помнишь тот день, когда я купил машину? — ответил он. — Не тот, когда оставил залог, а тот, когда действительно купил ее?

— Конечно.

— Я пошел к Лебэю, а ты остался снаружи. У него была такая крохотная кухонька с красной скатертью на столе. Мы сели, и он предложил пива. Я не отказался, потому что очень хотел купить машину и боялся обидеть его. Поэтому я выпил пива вместе с ним, и он начал нести всякую... как бы ты это назвал? Наверное, ты бы сказал «околесицу». Всякую чушь о том, как все говнюки были против него. Так вот, это его слово, Дэннис. Говнюки. Он говорил, что если бы не они, то он бы не продал машины.

— Что он имел в виду?

— Наверное, то, что был слишком стар для вождения машины, но он так не сказал. Это они во всем были виноваты. Говнюки. Говнюки хотели, чтобы он проходил медицинское обследование каждый год, и без заключения окулистов не продлевали его водительских прав. Еще он сказал, что они не хотели разрешать ему ездить по улице — никто не разрешал. И кто-то бросил камень в его машину. Все это я понимаю. Но я не понимаю, почему... — Эрни остановился у самой двери, когда мы опаздывали в класс. Он засунул руки в задние карманы джинсов и нахмурился. — Я не понимаю, почему он позволил Кристине дойти до такого состояния, Дэннис. До такого состояния, в котором я купил ее. Он говорил о ней так, как будто действительно любил ее. Я знаю, ты думаешь, что он просто набивал ей цену, но ты ошибаешься. А потом, когда он стал пересчитывать деньги, то неожиданно разворчался: «Эта дерьмовая машина, пусть меня вздрючат, если я знаю, зачем она нужна тебе. Это пиковый туз». Я спросил его, что он этим хотел сказать, а он ответил: «Все, что хотел сказать, и даже больше того. Остальное пусть объяснят говнюки».

Мы вошли в школу. Мистер Леруа, учитель французского языка, спешно убегал вверх по лестнице. Оглянувшись, он торопливо бросил нам: «Мальчики, вы опаздываете», — чем напомнил белого кролика из «Алисы в Стране чудес». Мы ускорили шаг, а когда он скрылся из виду, снова пошли медленно.

Эрни произнес:

— Когда Бадди Реппертон хотел пустить в дело свой нож, я здорово перепугался. — Он понизил голос и проговорил серьезно, хотя и улыбнулся:

— Я почти наложил в штаны, если хочешь знать правду... Во всяком случае, я употребил слово Лебэя, даже не задумываясь о нем. Реппертону оно подходит, тебе не кажется?

— Вполне подходит.

— Мне нужно идти, — сказал Эрни. — Дифференциальные исчисления, потом автомеханические курсы, третья степень. По-моему, я его за два месяца изучил на Кристине.

Он поспешил в класс, а я на минуту задержался в холле, глядя ему вслед. У меня было назначено свидание с моей новой подругой, и я думал, что смогу незаметно проскочить в одну из комнат в

дальнем крыле... я уже раз проводил там время уроков. В старших классах это было не самым большим преступлением, если уж иногда дела грозили обернуться убийством, как я быстро понял. Я стоял там и старался избавиться от страха, который уже не был таким смутным и неопределенным, как прежде. Что-то было не так, что-то было не на месте, не как обычно. Был какой-то холод, и это был не октябрьский ветер, дувший в школьные окна, как я хотел думать. Все было почти так же, как и раньше, но все было готово измениться — я это чувствовал.

Я стоял, пытаюсь собраться с мыслями и убедить себя в том, что мне было не по себе из-за страха перед собственным будущим. Может быть, отчасти все так и было. Но только отчасти. Эта дерьмовая машина, пусть меня вздрючат, если я знаю, зачем она нужна тебе. Я увидел мистера Леруа, спускавшегося по лестнице, и поспешил отойти в другую сторону.

Я думаю, у каждого или у каждой есть что-то вроде навозной лопаты, которой в моменты стрессов и неприятностей вы начинаете копаться в себе, в своих мыслях и чувствах. Избавьтесь от нее. Сожгите ее. Иначе вырытая вами яма достигнет глубин подсознания, и тогда по ночам из нее будут выходить мертвецы. Я вновь и вновь видел во сне Кристину, Эрни, сидевшего за ее рулем, полуразложившийся труп Лебэя, подсакивавшего на пассажирском сиденье в тот момент, когда машина с ревом вылетала из гаража и мчалась на меня, пронзая яростными лучами своих передних фар.

Я просыпался с зажатой подушкой в зубах, и она приглушала мои вопли.

19. Несчастный случай

Помолчи, дружок, помолчи,
пора бы тебе заткнуться.

После того ленча я вплоть до Дня Благодарения не говорил — по-настоящему не говорил — с Эрни, потому что в следующую субботу получил травму. В тот день мы вновь встречались с «Медведями Ридж-Рока» и проиграли с поистине зрелищным счетом 46:3. Однако конца матча я не застал. На седьмой минуте третьей четверти я оказался открытым, получил пас и уже приготовился бежать, когда был сбит с ног сразу тремя защитниками «Медведей». Было мгновение ужасной боли — яркая вспышка, как будто надо мной разорвался ядерный заряд. Затем наступила кромешная темнота. Во тьме все оставалось довольно долго, хотя мне так не казалось. Я не приходил в сознание почти пятьдесят часов, а когда очнулся в понедельник двадцать третьего октября, то находился в городской больнице Либертивилла. Рядом были мои папа и мама. Вместе с ними была Элли, выглядевшая бледной и напряженной. Помню, что меня особенно тронули темные круги под ее глазами; я даже не заметил, что плакали все трое. Эрни с ними не было, но вскоре он присоединился к моей семье; он и Ли встречали моих родителей в приемной. В тот вечер к нам приехали мои тетя и дядя, и в течение всей недели не кончался парад родственников и друзей — меня навестила вся футбольная команда, включая тренера Пуффера, который выглядел постаревшим на двадцать лет. По-моему, он понял, что есть вещи похуже, чем проигрышный сезон. Тренер был первым, кто сказал мне, что я уже никогда не буду снова играть в футбол. Не знаю, чего он ожидал от меня — слез счастья или истерики, — такое у него было напряженное, натянутое выражение лица. Но я вообще никак не прореагировал на это известие. Я радовался тому, что остался жив, и знал, что постепенно начну ходить.

Если бы меня ударили только один раз, то я, вероятно, смог бы поправиться и вернуться к тренировкам. Но человеческое тело не создано для того, чтобы его превращали в кашу одновременно с трех сторон. Обе мои ноги были переломаны, левая в двух местах. Правая рука оказалась

вывернутой из сустава. Но все это было только лишь верхушкой айсберга. Я получил травму черепа и то, что мой врач назвал «слабым повреждением спинного мозга», а это означало, что в момент падения я был в сантиметре от того, чтобы всю оставшуюся жизнь провести в паралитическом состоянии.

У меня было много гостей, много цветов и много открыток и писем.

Но еще у меня было много бессонных ночей, когда я не мог заснуть от боли. Мои загипсованные и перебинтованные рука и ноги лежали на специальных подвешенных шинах, а на пояс был положен гипсовый слепок, который все время давил на живот и спину. Еще я, конечно, получил перспективу длительного пребывания в больнице и бесконечных поездок в комнату ужасов, невинно именуемую Отделением Терапии.

Ох, и еще одна вещь — я получил много времени.

Я читал газеты, я задавал вопросы своим посетителям, и очень часто, когда события стали развиваться дальше и у меня начали складываться кое-какие подозрения, я спрашивал себя, не мог ли я потерять рассудок.

В больнице я находился вплоть до Рождества, и к тому времени, когда вновь очутился дома, мои подозрения почти обрели свою окончательную форму. Мне было все труднее отрицать их чудовищный смысл, и я дьявольски хорошо понимал, что не потерял рассудок. В некоторых отношениях мне было бы гораздо лучше — гораздо спокойнее и удобнее, — если бы я мог поверить в это. К тому времени я был больше чем испуган и больше чем влюблен в девушку моего лучшего друга.

У меня было время, чтобы думать... слишком много времени.

Времени, чтобы найти себе сотни имен за то, что думал о Ли. Времени смотреть в потолок моей комнаты и желать, чтобы я никогда в жизни не слышал об Эрни Каннингейме... или о Ли Кэйбот... или о Кристине.

Часть 2. Эрни — Песенки тинэйджеров о любви

20. Вторая ссора

Торговый агент мне сказал:

«Парень, продай свой „Форд“.

Я тебе дам взамен

автомобиль — первый сорт.

Только скажи, какой

хочешь, и он будет твой

не позже, чем через час».

Эрни Каннингейм получил официальное разрешение на эксплуатацию «плимута-фурии» в полдень 1 ноября 1978 года. Так закончился процесс, который на самом деле начался в вечер, когда Дэннис Гилдер помог Эрни заменить спустившее колесо автомобиля. Эрни уплатил акцизный сбор, налог на городские дороги и пошлину за регистрацию. В Бюро транспортных средств Монроэвилла ему выдали номерной знак NY-6241-J.

Из Монроэвилла он вернулся на машине, которую ему одолжил Уилл Дарнелл, а из гаража выехал за рулем Кристины. Он вел ее домой.

Его отец и мать вернулись из университета на один час позже. Ссора произошла почти сразу.

— Вы ее видели? — спросил Эрни, обращаясь больше к отцу, чем к матери. — Сегодня я зарегистрировал ее.

Он гордился собой; у него были причины гордиться собой. Кристина была тщательно вымыта и сияла в лучах осеннего солнца. На ней еще оставалось довольно много ржавчины, но она выглядела в тысячу раз лучше, чем в день, когда Эрни купил ее. Крылья, капот и заднее сиденье были новехонькими. Салон был вычищен до блеска. Стекла и хромированные детали сверкали так, будто их натерли несколько дней подряд.

— Да, я... — начал Майкл.

— Разумеется, мы ее видели, — перебила его Регина. Она яростно взбалтывала коктейль, плескавшийся в ручном миксере. — Мы чуть не наехали на нее. Я не хочу, чтобы она стояла здесь. Наш участок выглядит, как место для подержанных автомобилей.

— Мам! — вырвалось у ошеломленного и уязвленного Эрни.

Он посмотрел на Майкла, но Майкл встал и пошел в другую комнату — возможно, он решил, что ему тоже нужно выпить.

— Она нам не подходит, — сказала Регина Каннингем. Ее лицо было бледнее обычного; пятна на щеках делали его похожим на клоунский грим. Она налила в стакан половину порции джина с тоником, отпила и сморщилась так, будто приняла горькое лекарство. — Отвези ее туда, где взял. Мне она не нравится, и я не хочу, чтобы она стояла здесь. Все.

— Отвезти назад? — переспросил Эрни, теперь уже обозленный. — Там она стоит мне двадцать баксов в неделю!

— Она обходится тебе гораздо дороже, — сказала Регина. Она допила коктейль и поставила стакан на стол. — На днях я заглянула в твою банковскую книжку...

— Что ты сделала? — У Эрни глаза полезли на лоб.

Она немного покраснела, но взгляда не отвела. Вернулся Майкл и с несчастным видом остановился в дверях.

— Я хотела знать, сколько ты потратил на эту проклятую машину. Что здесь такого странного? В следующем году тебе нужно поступать в колледж. Насколько я знаю, в Пенсильвании не так просто получить бесплатное образование.

— Поэтому ты пошла в мою комнату и рылась в моих вещах до тех пор, пока не нашла банковскую книжку? — тихо проговорил Эрни. Его серые глаза горели злостью. — Может, еще ты искала наркотики. Или порнографические журналы. А может быть, проверяла подтеки на простыне. У Регины раскрылся рот. Она ожидала от него злости, но не ярости.

— Эрни! — заорал Майкл.

— А что, почему бы и нет? — в ответ закричал Эрни. — Я думал, что это мое дело. Сколько раз вы твердили, что я несу ответственность за него?

Регина перевела дыхание.

— Я очень разочарована твоим поведением, Арнольд. Ты ведешь себя, как...

— Не говори мне, как я себя веду! Что еще я должен чувствовать? Два с половиной месяца я работал над ней, а когда привез домой, то слышу, что должен отвезти обратно! Мне, наверно, следует плакать от счастья?

— Это не повод, чтобы разговаривать с матерью в таком тоне, — сказал Майкл. — И употреблять

такие слова.

Регина протянула стакан мужу:

— Сделай мне еще что-нибудь выпить. Свежая бутылка джина стоит в шкафу.

Майкл Каннингем посмотрел на жену, на сына, снова на жену. В обоих он увидел непоколебимую решимость. Захватив пустой стакан, он вышел из кухни.

Регина мрачно оглядела сына. Она не хотела упускать шанса выбить тот клин, который с самого лета засел в их отношениях.

— В июле у тебя в банке лежало почти четыре тысячи долларов, — сказала она. — Приблизительно три четверти ты должен был потратить...

— О, так ты давно все подсчитала? — перебил ее Эрни. Он сел на стул, не спуская глаз с матери. В его голосе послышались презрительные нотки. — Мам, а почему ты просто не перевела эти деньги на свой счет?

— Потому что до недавних пор ты сам знал, для чего предназначались эти деньги. Но в последние два месяца твоя голова была занята только машиной, а теперь еще и девочками. Ты как будто свихнулся на том и на другом.

— Благодарю. Это самое объективное мнение о моем образе жизни.

— В июле у тебя было почти четыре тысячи долларов. На твое образование, Эрни. На твое образование. Сейчас у тебя осталось две тысячи восемьсот. За два месяца ты потратил тысячу двести. Вот почему я не хочу видеть твоей машины. Ты должен меня понять. По-моему...

— Послушай...

—...ты не знаешь цену денег.

— Могу я сказать тебе пару вещей?

— Нет, не можешь, Эрни, — решительно отрезала она. — Я не хочу ничего слушать.

Майкл вернулся со стаканом, наполовину наполненным джином. Он достал из бара тоник, добавил в стакан и протянул Регине. Она выпила и снова поморщилась. Эрни сидел на стуле рядом с телевизором и задумчиво смотрел на нее.

— Ты учишь студентов? — спросил он. — Ты учишь студентов, и это твоя позиция?

— Я сказала. Остальные могут заткнуться.

— Великолепно. Мне жаль твоих студентов.

— Следи за собой, Эрни, — проговорила она, указывая на него пальцем. — Следи за собой.

— Могу я сказать тебе пару вещей или нет?

— Выкладывай. Но они не будут иметь никакого значения.

Майкл откашлялся.

— Я думаю, Эрни прав. Это едва ли конструктивная пози...

Она резко повернулась к нему:

— Ни слова от тебя, слышишь?

Майкл потупился.

— Первое, — сказал Эрни, — если бы ты внимательней посмотрела в мою банковскую книжку, то заметила бы, что в первую неделю сентября я потратил две тысячи двести долларов. Мне нужно было купить новую переднюю часть для Кристины.

— Ты говоришь так, как будто гордишься собой.

— Да, я горжусь собой. — Он спокойно выдержал ее взгляд. — Я сам поставил ее, мне никто не помогал. И я хорошо сделал свою работу — она с виду ничем не отличается от заводской. Но с тех пор мой счет увеличился на шестьсот долларов. Уиллу Дарнеллу понравилось, как я работаю, и он платит мне по шестьсот долларов в месяц. Если к этим сбережениям прибавить деньги, которые он платит мне за ремонт старых автомобилей, то к концу учебного года у меня будет уже четыре тысячи шестьсот долларов. А если я буду работать и следующим летом, то ко времени поступления в колледж накоплю почти семь тысяч долларов.

— Они тебе не помогут, если ты плохо окончишь школу, — возразила она, решив перевести разговор на другую тему. — Ты стал получать неважные отметки.

— Это не имеет значения.

— То есть как «не имеет значения»? У тебя отставание по дифференциальному исчислению! На прошлой неделе мы получили красную карточку! Красные карточки высылались родителям детей, чья успеваемость на студенческих курсах была ниже допустимой.

— Это результат одного-единственного экзамена. Вы знаете, что в целом у меня вполне приличная успеваемость...

— Она снизится! — резко сказала она и шагнула к нему. — Красная карточка — это только начало, можешь поверить мне и твоему отцу.

Эрни встал со стула и улыбнулся; Регина враждебно посмотрела на него.

— Хорошо, — сказал он. — Пусть она стоит здесь до конца экзаменов. Если я не наберу нужного количества баллов, то продам ее Дарнеллу. Он с удовольствием купит машину, потому что сейчас она в хорошем состоянии. Со временем она будет только улучшаться. — Эрни задумался. — Я даже больше скажу. Я избавлюсь от машины в том случае, если в течение всего семестра не буду иметь примерной успеваемости по исчислению.

— Нет, — незамедлительно ответила Регина. Она бросила на мужа предупреждающий взгляд. Тот хотел было открыть рот, но промолчал.

— Почему нет? — мягко спросил Эрни.

— Потому что это уловки, и ты сам прекрасно знаешь, что это уловки! — внезапно закричала на него Регина, охваченная приступом неконтролируемой ярости. — И я не собираюсь выслушивать твои дерзости! Я твоя мать, я... я меняла твои грязные пеленки! Я сказала, что она не будет стоять здесь, и ты сделаешь так, чтобы я ее больше не видела! Все! Хватит!

— Пап, как ты себя чувствуешь? — спросил Эрни, переведя взгляд.

Майкл снова открыл рот и хотел что-то сказать.

— Он себя чувствует так же, как и я, — проговорила Регина.

Эрни опять посмотрел на нее. Их одинаково серые глаза встретились.

— То, что я говорю, не имеет значения, да?

— Думаю, дело зашло слишком да...

Она хотела повернуться и уйти, но Эрни схватил ее за локоть.

— Не имеет значения, да? Да? Когда ты что-то решила, то уже ничего не видишь, не слышишь и ни о чем не думаешь.

— Эрни, остановись! — закричал на него Майкл. Эрни и Регина смотрели друг на друга ледяными глазами.

— Я скажу, почему ты не хочешь меня слушать, — произнес Эрни все тем же мягким голосом. — Не из-за денег, потому что автомобиль помогает мне зарабатывать их. И не из-за отметок, потому что они не хуже, чем прежде. Ты это и сама знаешь. Ты выходишь из себя, но не из-за этого, ты не выносишь того, что не можешь держать меня под каблуком, как своих студентов, как его, — он ткнул пальцем в сторону Майкла, — и как меня держала все время. — Эрни покраснел. Его руки были сжаты в кулаки, которые он упер в бока. — У тебя на языке только дерьмовые либеральные разглагольствования о том, как семья вместе решает проблемы, вместе обсуждает дела, вместе находит ответы. Но на самом деле ты одна решала, что мне одевать в школу, какие школьные ботинки я должен был носить, с кем я мог играть, а с кем не мог, ты решала, куда нам поехать на каникулы, ты говорила ему, когда продать машину и какую купить взамен. Теперь эти дела тебе не удаются, и поэтому тебе так дерьмово, разве нет?

Она наотмашь ударила его по лицу. Звук пощечины раздался, как пистолетный выстрел в общей комнате. На улице уже почти стемнело. Кристина стояла на асфальтовой дорожке Каннингемов, повернутая передними фарами к дому, — она холодно смотрела на эту безобразную семейную сцену. Неожиданно Регина заплакала. Подобный феномен, сравнимый с дождем в пустыне, Эрни наблюдал всего пять или шесть раз в жизни — и ни разу не был причиной слез.

Ее слезы испугали Эрни — так позже говорил он Дэннису — уже тем, что появились. Но еще больше он испугался оттого, что она сразу стала выглядеть очень постаревшей и усталой, точно за несколько секунд успела прожить не меньше двадцати лет. Ее серые глаза внезапно выцвели, по щекам поплыла размытая косметика.

Она проковыляла к камину, чтобы выпить остатки джина с тоником, но стакан выскользнул из ее пальцев. Он упал на пол и вдребезги разбился. Все трое смотрели на осколки и молчали, пораженные тем, что дело зашло так далеко.

Затем она поговорила слабым голосом:

— Я не хочу, чтобы она стояла в нашем гараже или на дорожке, Арнольд. Он холодно ответил:

— Я ее не оставлю здесь.

Он пошел к выходу. Остановившись на полпути, он повернулся и оглядел их обоих:

— Спасибо. Спасибо за то, что вы меня так понимаете. Большое спасибо вам обоим.

Он ушел.

21. Эрни и Майкл

С тех пор, как тебя потерял навеки,

Я вновь и вновь вытираю веки,

Но знаю, что буду в полном порядке,

Как только протру влажной тряпкой

Ветровое стекло на своей машине.

Майкл догнал Эрни на асфальтовой дорожке, когда тот уже подходил к Кристине. Он положил руку на плечо Эрни. Эрни стряхнул ее и пошел дальше, вынимая ключи от машины.

— Эрни. Пожалуйста.

Эрни резко обернулся. Одно мгновение показалось, что он вот-вот ударит своего отца. Затем он расслабился и оперся левой рукой на крыло машины, точно хотел, чтобы ему передалась часть ее силы.

— Ладно, — сказал он. — Что тебе нужно?

Майкл открыл рот, но не знал, как продолжить. На его лице застыло беспомощное выражение — оно было бы смешным, если бы не было таким жалким. Как и Регина, он выглядел постаревшим на несколько лет.

— Эрни, — с трудом выдавил он. — Эрни, прости меня.

— Ах, вот оно что. — Эрни вновь повернулся и открыл дверцу водителя. Оттуда повеяло приятным запахом хорошо ухоженной машины. — Тебе проще попросить прощения, чем заступиться за меня.

— Пожалуйста, — повторил Майкл. — Для меня это было действительно трудно. Труднее, чем ты думаешь.

Что-то в его голосе заставило Эрни обернуться еще раз. В глазах его отца замерли мольба и отчаяние.

— Я не говорил, что хотел заступиться за тебя, — сказал Майкл. — Я понимаю ее так же, как и тебя. Ты толкнул ее, ты решил добиться своего любой ценой....

У Эрни вырвался хриплый смешок:

— Иными словами, так же, как и она.

— У твоей матери сейчас происходит изменение в жизни, — спокойно произнес Майкл. — Оно крайне сложно для нее.

Эрни уставился на него, подумав, что ослышался. Он не понял, каким образом слова его отца могли относиться к их разговору.

— Ч-что?

— Изменение. Она боится, она слишком много пьет, а иногда ей физически больно. Не часто, — сказал он, встретив встревоженный взгляд Эрни, — врачи говорят, что это из-за эмоционального напряжения. Ты ее единственный сын, и сейчас для нее самое главное, чтобы у тебя все было нормально — не важно, какой ценой.

— Она хочет все делать по-своему. И в этом нет ничего нового. Она всегда хотела все делать по-своему.

— Она бы ничего не сказала, если бы ты не захотел все делать по-своему, — заметил Майкл. — Почему ты думаешь, что ты другой? Или лучше нее? Ты сейчас старался подражать ей, она это видела. И я это видел.

— Она первая начала...

— Нет, начал ты, когда привез машину домой. Ты же знал, как она будет себя чувствовать. И она права в другом. Ты изменился. Это началось в тот день, когда ты пришел с Дэннисом и сказал, что купил машину. Ты думаешь, что тогда не расстроил ее?

— Но, пап...

— Мы не видим тебя, ты либо работаешь с машиной, либо уходишь с Ли.

— Ты начинаешь говорить, как она. Майкл внезапно усмехнулся — но его усмешка была грустной.

— Ты ошибаешься, как всегда. Это она говорит, как она, и ты говоришь, как она, а я пытаюсь сохранять между вами нейтралитет, как миротворческие силы ООН.

Эрни хмыкнул; его рука пощупала поверхность машины и стала ее поглаживать.

— Хорошо, — сказал он. — Я понимаю, что ты имеешь в виду. Я не понимаю, почему ты позволяешь так обращаться с собой.

Грустная усмешка на лице Майкла стала еще грустнее — он стал похожим на собаку, у которой отняли любимую игрушку.

— Вероятно, некоторые вещи со временем становятся образом жизни. И может быть, существуют другие вещи, которых ты не понимаешь, а я не могу объяснить. Я... я ведь люблю ее.

Эрни пожал плечами.

— Ну... так что?

— Мы можем проехаться? Эрни сначала удивился, потом показался польщенным.

— Конечно. Садись, куда держим путь?

— В аэропорт.

У Эрни поднялись брови.

— В аэропорт? Зачем?

— По дороге объясню.

Эрни управлял машиной уверенно и легко. Новые передние фары Кристины разрезали темноту двумя длинными яркими лучами света. Он проехал мимо дома Гилдера, свернул на Элли-стрит и вырулил на Кеннеди-драйв. Вскоре они мчались по шоссе 1-278, ведущему в аэропорт. Движение на дороге было слабым. Глухо рокотал двигатель — старые выхлопные трубы были заменены новыми. Циферблаты на приборной доске горели мифическим зеленым светом.

Эрни включил радиоприемник и поймал WDIL, средневолновую питсбургскую станцию, которая передавала в эфир только старые записи. Звучала песня «Герцог Эрл» в исполнении Джина Чандлера.

— Ходкая штукавина, — удивленно проговорил Майкл.

— Благодарю, — улыбнувшись, сказал Эрни.

Майкл вдохнул:

— Пахнет, как новая.

— Почти так и есть. Эта обивка сидений обошлась мне в восемьдесят баксов. Часть денег, из-за которых так вопила Регина, я потратил на публичную библиотеку и постарался кое-что узнать из книг и журналов. Но это оказалось не так просто.

— Почему?

— Ну, во-первых, «плимут-фурия» 58-го года не был задуман как классический автомобиль, и поэтому о нем никто много не писал, даже в ретроспективных изданиях — таких как «Америкен кар». «Америкен классике» или «Автомобили 1950-х».

— Я не знал, что ты так интересуешься старыми автомобилями, Эрни. Давно ты стал изучать литературу о них?

Он неожиданно пожал плечами:

— Как бы то ни было, проблема заключалась в том, что Лебэй изменил вид машины. Детройт не выпускал «фурию» с красно-белой расцветкой, — а я хотел сделать ее такой, какой она была у своего владельца. Поэтому я должен был кое-что узнать о ремонте старых автомобилей.

— Почему ты хотел переделать ее так, как переделывал Лебэй?

Вновь неопределенное движение плечами.

— Не знаю. Просто мне казалось, что так будет лучше.

— Ну, по-моему, ты проделал адскую работу.

— Спасибо.

Его отец наклонился вперед, глядя на приборную панель.

— Будь я проклят! — воскликнул Майкл. — Никогда не видел такого.

— Что? — Эрни взглянул вниз. — А! Милеометр.

— Он крутится в обратную сторону, да? Счетчик и в самом деле крутился в обратную сторону.

Вечером первого ноября он показывал 79,500 и еще несколько миль. Пока Майкл наблюдал за ним, правая цифра 2 на индикаторе сменилась цифрой 1, потом — нулем. Когда появилась цифра 9, число пройденных миль уменьшилось на единицу. Майкл улыбнулся:

— Вот одна вещь, которую ты упустил из виду, сынок.

Эрни тоже улыбнулся.

— Верно, — сказал он. — Уилл говорит, что в электропроводке где-то перепутана полярность.

— Он хоть значения точно отмеряет?

— А?

— Ну, если ты проедешь от нашего дома до главной площади, то он вычтет необходимые пять миль из первоначального числа?

— Я понял тебя, — сказал Эрни. — Нет, он совсем не точен. После каждой пройденной мили целое число миль уменьшается на две или три единицы. Иногда больше. Рано или поздно оборвется проводка спидометра, и я заменю ее. Я сам сумею все исправить.

Майкл, у которого два или три раза были неприятности со спидометром, тревожно взглянул на его стрелку. Однако та почти неподвижно застыла возле отметки «40». Казалось, что спидометр был в порядке; неисправен был только милеометр. Неужели Эрни на самом деле думал, что спидометр и милеометр питаются от одной и той же проводки? Конечно, нет.

Он улыбнулся и проговорил:

— Это сверхъестественно, сынок.

— Так почему аэропорт? — спросил Эрни.

— Я покажу тебе место для парковки, — сказал Майкл. — Пять долларов. Дешевле, чем в гараже Дарнелла. И ты в любое время можешь добраться до нее на автобусе. Правда, аэропорт находится в самом конце маршрута.

— О Господи, ничего более безумного я еще не слышал! — вскричал Эрни. Он свернул на боковую дорогу. — Я должен ехать двадцать миль до аэропорта, чтобы добраться до своей машины? Это уже кое-что из «Уловки-22»! Нет! Ни за что!

Он хотел что-то добавить, но вдруг почувствовал, что его схватили за шею.

— Послушай меня, — проговорил Майкл. — Я твой отец, так что послушай меня. Твоя мать права, Эрни. Ты потерял голову. Последние два месяца ты ведешь себя безрассудно.

— Пусти меня, — сказал Эрни, пытаясь сбросить руку отца.

Майкл не отпустил его, но ослабил объятие.

— Послушай меня, — еще раз повторил он. — Да, до аэропорта добираться долго, но не намного дольше, чем до гаража Дарнелла. Некоторые стоянки расположены ближе, но в городе слишком участились кражи автомобилей и случаи вандализма. В аэропорту же все будет безопасно.

— Ни одна общественная стоянка не безопасна.

— Во-вторых, там дешевле, чем в городских гаражах, и намного дешевле, чем в гараже Дарнелла.

— Это не довод, и ты это знаешь!

— Может быть. — Майкл помолчал, пристально вглядываясь в сына. Когда он снова заговорил, его голос звучал не громче, чем музыка на его магнитофоне. — Но я не знал, куда пропало твое чувство перспективы. Тебе почти восемнадцать лет, ты последний год ходишь в общественную школу. По-моему, ты решил не поступать в университет. Я видел у тебя брошюры из колледжа...

— Да, я не буду поступать в университет, — почти спокойно произнес Эрни. — После всего этого я не могу поступить туда. Ты даже не знаешь, как мне хочется наплевать на все. А может, понимаешь.

— Понимаю, Эрни. И думаю, что это будет лучше, чем постоянные прения между тобой и твоей матерью. Только я прошу тебя пока ничего не говорить ей. Пока.

Эрни пожал плечами и пообещал ничего не говорить заранее.

— Но вот о чем ты не подумал, — продолжил Майкл. — Ты, наверное, хочешь ездить на автомобиле в колледж?

— Конечно.

— А если в твоём колледже не разрешают новичкам ставить машины на стоянку?

Эрни удивленно посмотрел на отца. О такой возможности он и в самом деле не подумал.

— Я не буду ходить в колледж, запрещающий мне садиться за руль, — сказал он. В его голосе прозвучала терпеливая настойчивость воспитателя, ведущего урок в классе для умственно отсталых детей.

— Вот видишь? — спросил Майкл. — Она права. Выбирать колледж на основе его отношения к автомобилям учеников — это верх безрассудства. Ты одержим своей машиной.

— Я не ждал, что ты поймешь меня.

— Как бы то ни было, в аэропорту ты сэкономишь деньги. Твоя мать будет рада своей маленькой победе. — На лице Майкла снова появилась грустная усмешка. — Она не думает, что ты транжиришь доллары. Она думает, что ты хочешь отдалиться от нее... от нас обоих.

Он помолчал и посмотрел на сына. Эрни был задумчив.

— Ты сможешь по воскресеньям ставить машину дома. Регина будет счастлива видеть тебя и не станет обращать внимания на нее. Дьявол! Она будет помогать тебе мыть ее и натирать «Тартлваксом»! Десять месяцев. Затем все будет позади. У нас в семье снова будет мир. Ну давай! Эрни, я прошу тебя.

Эрни снова вырулил на шоссе, ведущее к аэропорту.

— Она застрахована? — внезапно спросил Майкл. Эрни засмеялся:

— Если у тебя нет страховочного обязательства в нашем штате и ты попал в аварию, то полицейские съедят тебя живьем. Без обязательства ты будешь виноват, даже если другой автомобиль свалится с неба и упадет тебе на крышу. На дорогах Пенсильвании эти говнюки никого не хотят слушать.

— Только обязательство?

Они проехали под ярко блеснувшим знаком с надписью ЛЕВАЯ ПОЛОСА К АЭРОПОРТУ. Эрни выключил дальний свет и занял другую полосу. Майкл облегченно откинулся на спинку сиденья.

— Страховку все равно не будут рассматривать, пока мне не исполнится двадцать один год. Все страховочные компании богаты, как Крезы, но никогда не хотят расставаться с деньгами. — В голосе Эрни послышались какие-то горькие и в то же время грубые нотки, каких Майкл раньше не знал за сыном. Их знал Дэннис Гилдер, но не он и не Регина.

Впереди засияли огни аэропорта, по бокам дороги появились светящиеся неоновые линии.

— Если кто-нибудь спросит меня, какой человек больше всех похож на дерьмо, — добавил Эрни, — то я скажу: страховой агент.

— Ты успел разобраться в этом вопросе? — рассеяно спросил Майкл. Он воздержался от дальнейших комментариев, потому что чувствовал: Эрни вот-вот сорвется.

— Я был в пяти различных компаниях. Вопреки словам мамы, я вовсе не желаю бросать деньги на ветер.

— И не нашел ничего лучшего, чем страховочное обязательство?

— Да, оно мне подходит больше — всего шестьсот пятьдесят долларов в год.

Майкл присвистнул.

Сверкнул еще один дорожный знак, указывавший, что две левые полосы вели к парковочной стоянке, а правая — к местам посадки. Перед въездом на стоянку дорога снова раздваивалась. Правая вела к автоматическим воротам, где можно было купить талон на краткосрочную парковку. Слева стояла большая стеклянная будка, в которой сидел сторож, куривший сигарету и смотревший черно-белый телевизор.

Эрни вздохнул:

— Может, ты и прав. Может, это и в самом деле лучшее решение всех проблем.

— Конечно, так оно и есть, — оживился Майкл. Эрни опять стал похож на самого себя. — Десять месяцев, и все.

— Разумеется.

Он подрулил к будке, и сторож, молодой парень в черно-оранжевом свитере выпускника средней школы, открыл небольшое стеклянное окошко:

— Могу чем-нибудь помочь?

— Мне нужен билет на тридцать дней, — сказал Эрни, вынимая бумажник.

Внезапно Кристина заглохла. За мгновение до этого двигатель работал безукоризненно. Теперь он был нем и неподвижен; на приборной панели зажглись лампочки индикаторов масла и силы тока.

Майкл удивленно поднял брови:

— Что это?

— Не знаю, — нахмурившись, проговорил Эрни. — Раньше с ней этого не случалось.

Он повернул ключ, и двигатель сразу заработал.

— По-моему, ничего, — констатировал Майкл.

— На неделе придется проверить синхронность зажигания, — пробормотал Эрни. Он нажал на педаль газа и внимательно прислушался.

В эту секунду Майкл подумал, что Эрни сейчас был совсем не похож на его сына. Он выглядел старше и упрямее. У Майкла что-то екнуло в груди.

— Эй, вы будете покупать билет или будете всю ночь разговаривать о зажигании? — спросил сторож. Он показался смутно знакомым Эрни, как человек, изредка встречавшийся в коридорах школы, но больше ничем не связанный с ним.

— Ах, да. Извините. — Эрни протянул ему пятидолларовую бумажку, и сторож дал ему временный билет.

— В конце стоянки, — сказал сторож. — Не забудь оплатить ее за пять дней до начала следующего

месяца, если хочешь, чтобы она осталась на том же месте.

— Ладно.

Он зарулил в дальний конец стоянки, нашел свободное место и припарковал Кристину. Выключив двигатель, он поморщился и засунул руку за спину.

— Тебя что-нибудь беспокоит? — спросил Майкл.

— Так, немного, — ответил Эрни. — У меня уже все прошло, но вчера снова началось. Наверно, поднял что-нибудь тяжелое. Не забудь запереть свою дверь.

Они выбрались из автомобиля, и Майкл почувствовал, что ему стало легче — как будто сын сразу стал ближе и понятнее ему. Он почему-то подумал, что в машине ночь была ощутимее, чем снаружи.

— Посмотрим, сколько времени у меня будет уходить на автобус, — сказал Эрни, и они направились к выходу со стоянки.

По пути в аэропорт Майкл составил свое мнение о Кристине. На него произвела впечатление работа, которую проделал над ней Эрни, — но сама машина ему очень не понравилась. Он мысленно посмеялся над своими чувствами к неодушевленному предмету, но неприязнь от этого не прошла, а, наоборот, увеличилась.

От источника этой неприязни невозможно было избавиться. Машина принесла множество огорчений в семью, и он думал, что они были главной причиной его чувства... главной, но не единственной.

Ему не понравилось, как Эрни выглядел за рулем «плимута»: в нем было что-то высокомерное и — в то же время — обидчивое. Эта бессильная озлобленность, с которой он прошелся о страховании... его отвратительное, мерзкое слово «говнюки»... даже то, как он поглаживал машину.

И запах. Он был не сразу заметен, но он присутствовал в ней. Нет, не запах новой обивки, тот был достаточно приятен; это был какой-то скрытый, неясный душок. Это был какой-то очень застарелый душок. «Но ведь автомобиль-то старый, — подумал Майкл, — почему ты хочешь, чтобы от него пахло новизной?» И все-таки он не мог избавиться от своего ощущения. Несмотря на фантастическую работу, которую проделал Эрни, «фурии» был двадцать один год. Этот горький, затхлый душок — он мог исходить от старого покрытия на полу, от старой циновки, возможно, от старой набивки под новыми, яркими покрытиями сидений. Просто запах старости.

Но этот смутный, тошнотворный запах не переставал беспокоить его. Он как будто накатывал медленными волнами, порой очень внятными. Казалось, у него не было никакого определенного источника. Иногда он ощущался, как трупный запах какого-нибудь маленького зверька: кошки, бурундука, а может, белки, — который затем уходил под багажник или развеивался под потолком. Майкл очень гордился успехами своего сына... и очень радовался тому, что выбрался из его машины.

22. Сэнди

Сначала я проходил мимо,
затем я проезжал мимо,
и проезжать мне было
так хорошо и мило,
слушая радио...

Сторожем на стоянке в тот вечер, как и в каждый вечер с шести до десяти часов, работал молодой человек по имени Сэнди Галтон, единственный из закадычных дружков Бадди Реппертона, не

присутствовавший на площадке для курения в день, когда Бадди исключили из школы. Эрни не узнал его, но Галтон узнал Эрни.

Бадди Реппертон, исключенный из школы и не проявлявший интереса к достаточно длительным процедурам восстановления в ней, пошел работать на бензозаправочную станцию, принадлежавшую отцу Дона Ванденберга. Проработав там несколько недель, он полностью освоил весь набор нехитрых уловок, практикуемых не самыми добросовестными представителями его профессии, — обсчитывал тех излишне торопливых клиентов станции, у которых не было времени пересчитать сдачу с крупных купюр, устанавливал на их машины изношенные детали вместо новых, что составляло основную часть его нелегального бизнеса, и продавал наклейки дорожной инспекции школьникам из окрестностей Питсбурга, не имевшим возможности получить их официальным путем.

Станция была открыта двадцать четыре часа в сутки, и Бадди работал на ней в ночную смену, с девяти вечера до пяти утра. Приблизительно в одиннадцать часов обычно подъезжал потрепанный «мустанг» Сэнди Галтона, привозившего с собой Шатуна Уэлча; Ричи Трелани появлялся на своем «файрберде»; и, конечно, Дон Ванденберг почти всегда находился поблизости — когда не валял дурака в школе. По уик-эндам к ним присоединялись еще пять-шесть парней, и все вместе они до утра пили пиво, мешая его с виски и разговаривая о чем-нибудь.

В начале ноября во время одного из таких собраний Сэнди Галтон невзначай упомянул о том, что Эрни Каннингем поставил свою машину на долгосрочную стоянку в аэропорту. Он сказал, что тот купил билет на тридцать дней.

Бадди, который обычно на станции вел себя, как сонная муха на оконном стекле, резко вскочил со своего пластикового конторского кресла, отчего оно опрокинулось, и со стуком поставил на стол недопитую бутылку виски.

— Что ты сказал? — спросил он. — Каннингем? Прыщавая Рожа?

— Ну да, — удивленно и немного смущенно проговорил Сэнди. — Это он.

— Ты уверен? Тот парень, из-за которого меня вытурили из школы?

Сэнди с нарастающей тревогой смотрел на него.

— Да. А что?

— И он купил билет на тридцать дней? То есть он припарковался в долгосрочном терминале?

— Да. Может, его родители не хотят, чтобы он дома ставил...

Сэнди запнулся. На лице Бадди появилась улыбка. Она была не из приятных, эта улыбка, потому что из-за нее можно было видеть, насколько подгнили его зубы.

Бадди перевел взгляд сначала на Шатуна Уэлча, а потом на Дона Ванденберга. Они уставились на него заинтересованно и немного испуганно.

— Прыщавая Рожа, — протянул он тихим изумленным голосом. — Прыщавая Рожа починил машину, и его трусливые мама и папа заставили поставить ее в аэропорту.

Он засмеялся.

Шатун и Дон недоумевающе переглянулись.

Бадди наклонился к ним, опершись локтями на стол.

— Слушайте, — сказал он.

23. Эрни и Ли

Проезжая в автомобиле
каждые две-три мили,
я у крошки своей, она была рядом,
похищал поцелуй. Приемник играл
Куда же мы ехали?

Вот и я не знал.

В машине звучало радио WDIL, передававшее «Ухаживая за Сью» в исполнении Диона, но они его не слушали.

Его рука скользила под ее блузкой, поглаживала мягкие груди с их упругими, выпирающими сосками. Она дышала прерывисто и возбужденно. И впервые ее рука проникла туда, куда ему хотелось, где она была нужна, в его лоно, в области которого она работала без опыта, но со старанием, достаточным для успеха.

Он поцеловал ее, она приоткрыла губы, подставив ему язык, и он наслаждался поцелуем чистым, как аромат леса во время дождя. Он ощущал ее возбуждение, жаркий призыв, исходивший от нее.

Он наклонился к ней, потянулся к ней и на какое-то мгновение почувствовал, что она отвечает ему чистой, незамутненной страстью.

Затем она ушла.

Эрни сидел немного справа от руля, оглушенный и сбитый с толку, когда зажглось внутреннее освещение Кристины. Оно горело недолго; щелкнула закрывавшаяся пассажирская дверца, и свет снова погас.

Он посидел еще несколько секунд, не понимая, что случилось, и в первое мгновение даже не совсем осознавая, где находился. У него бешено колотилось сердце, мучительно болело горло. В напряженной плоти пульсировала кровь, распространяя по жилам тугие волны адреналина.

Он сжал кулак и с силой ударил по колену. Затем подвинулся к дверце, открыл и выбрался из машины.

Ли стояла на самом краю дороги и смотрела в темноту. Посередине этой темноты, в ярком прямоугольнике света маячило изображение Сильвестра Сталлоне, одетого в костюм молодого рабочего лидера тридцатых годов. У Эрни снова появилось чувство пребывания в каком-то непредсказуемом сне, который в любой момент мог превратиться в ночной кошмар... возможно, это сейчас и происходило.

Она стояла слишком близко к краю обрыва — он взял ее за локоть и осторожно отвел назад.

Почва здесь состояла из крошащихся комков глины. Не было ни ограды, ни парапета. Если бы земля осыпалась, то Ли упала бы вниз; ее бы нашли у подножия Либерти-Хилл, по склону которой проходило шоссе.

Был поздний вечер четвертого ноября, и шел мелкий дождь со снегом, начавшийся еще засветло.

Эрни повлек ее обратно в машину, думая, что на ее щеках были капли дождя. И только при смутном зеленоватом свечении приборной панели увидел, что она плакала.

— Что случилось? — спросил он. — Что не так? Она замотала головой и заплакала еще сильнее.

— Я... ты делала то, что тебе не хотелось? — Он сглотнул и заставил себя произнести. — ...Трогала меня, так?

Она снова замотала головой, но он не понял, что это могло значить. Он обнял ее, встревоженно и

неуклюже. У него неожиданно промелькнула мысль о том, что им придется возвращаться по заснеженной дороге, а у Кристины еще не было снеговых покрывшек.

— Я не делала этого ни одному мальчику, — проговорила она, уткнувшись в его плечо. — Я в первый раз так трогала... ты же знаешь. Я делала это потому, что хотела. Потому что хотела, вот и все.

— Тогда что же?

— Я не могу здесь. — Эти слова дались ей мучительно, и она произнесла их неохотно.

— Рядом с обрывом? — Эрни начал тупо осматриваться по сторонам, не зная, на чем остановить взгляд.

— В этой машине! — внезапно закричала она. — Я не могу заниматься любовью с тобой в этой машине!

— А? — Эрни ошеломленно уставился на нее. — О чем ты говоришь? Почему не можешь?

— Потому что... я... я не знаю! — Она силилась сказать что-то еще, но вдруг разрыдалась с новой силой.

Эрни прижимал ее к себе до тех пор, пока она не успокоилась.

— Просто я не знаю, кого ты любишь больше, — проговорила Ли, немного придя в себя.

— Но ведь... — Эрни помолчал, затем встряхнул головой и улыбнулся. — Ли, это какое-то безумие.

— Да? — спросила она, изучая его лицо. — С кем из нас ты проводишь больше времени? Со мной или с ней?

— С кем «с ней»? С Кристиной? — Он огляделся вокруг себя с улыбкой недоумения, которую она могла бы посчитать либо приятной и любящей, либо отвратительной и ненавидящей — или той и другой одновременно.

— Да, — почти беззвучно проговорила она. — С ней. — Она посмотрела на свои руки, безжизненно лежавшие на ее голубых шерстяных слаксах. — Наверное, я глупая?

— С тобой я провожу гораздо больше времени, — сказал Эрни. Он опять тряхнул головой. — Это безумие. А может, мне так кажется — потому что до сих пор у меня не было девочки.

Он протянул руку и коснулся ее локон, лежавшего на плече. Соски, выпиравшие под майкой с надписью ЛИБЕРТИВИЛЛ ИЛИ СМЕРТЬ, придавали ей сексуальный вид, который возбуждал желания Эрни.

— Я думал, что девочки ревнуют только к другим девочкам. Не к машинам. Ли усмехнулась:

— Ты прав. Наверное, это потому, что у тебя раньше не было девочек. Машины это и есть девочки. Ты не знал?

— О Господи! Ну давай...

— А иначе почему ты не назвал ее — Кристофер? — И она вдруг хлопнула ладонью по сиденью.

Эрни вздрогнул.

— Ли! Не надо.

— Не нравится, когда я ударяю твою девочку? — неожиданно ядовито спросила она. Затем увидела боль в его глазах. — Прости, Эрни.

Он без всякого выражения посмотрел на нее.

— Кажется, моя машина не нравится никому — ни тебе, ни моему папе, ни моей маме, ни даже Дэннису. Я на нее потратил три месяца жизни, но это никому не нужно. — Его страстное желание

уже прошло. Ему было холодно и немного муторно в животе. — Слушай, наверное, нам лучше поехать. У меня нет покрышек на снег.

Он развернул машину и медленно повел ее по заснеженной, скользкой дороге, спускавшейся к городу. Огни Либертивилла и Монроэвилла постепенно приближались к ним. Ли смотрела на них с некоторой грустью, чувствуя, что лучшая часть потенциально прекрасного вечера куда-то ускользнула и больше не вернется. Она была раздражена и недовольна собой — не удовлетворена, как ей подумалось. Она ощущала тупую, ноющую боль в груди. Она не знала, позволила ли бы ему то, что эвфемистически называется «пройти всю дорогу», или нет, но сожалела о том, что все произошло не так, как ей хотелось... и не могла винить в этом никого, кроме себя самой.

Ее тело было неподатливым и усталым, такими же были и ее мысли. Вновь и вновь она уже раскрывала рот, чтобы объяснить, что чувствовала... а затем закрывала его, боясь быть не правильно понятой; она и сама не вполне понимала то, что чувствовала.

Она не ощущала ревности к Кристине... и все-таки ощущала. Эрни сказал не правду. Ей было хорошо известно, сколько времени он возился с машиной, но было ли это так плохо? Эрни знал свое дело, любил его, и машина работала как часы... не считая этой забавной неполадки с милеометром, крутившимся в обратную сторону.

«Машины — это и есть девочки», — сказала она. Она не думала, о чем говорила, просто сболтнула то, что было у нее на языке. Конечно, ее слова были слишком поспешны, она вовсе не считала, что их семейный седан обладал каким-то определенным полом, это был просто «форд».

Однако...

Забывать, избавиться от всех этих фокусов-покусов и самообманов. Ведь правда была гораздо более безумна и чудовищна, не так ли? Она не могла заниматься любовью с ним, не могла трогать его настолько интимно, а тем более думать о том, чтобы привести его к оргазму таким способом (или даже другим, настоящим — мысленно решала она, лежа в своей узкой постели и чувствуя новое, почти восхитительное возбуждение, владевшее ею), — не могла делать это в машине.

В его машине.

Ибо самым безумным было ее чувство, что Кристина наблюдала за ними. Чувство ревности, а может быть — ненависти к ней. Ибо несколько раз (как сегодня, когда Эрни плавно и бережно вел «фурию» вниз по скользкой дороге) она чувствовала, что двое из них — Эрни и Кристина — разыгрывали грубую, непристойную пародию на акт любви. Ибо Ли не ощущала, что ехала с Кристиной: когда она добиралась куда-нибудь с Эрни, то ощущала себя поглощенной Кристиной. И целовать его, заниматься любовью с ним казалось еще худшим извращением, чем эксгибиционизм, — это было как заниматься любовью в теле соперницы.

И самым по-настоящему безумным было то, что она ненавидела Кристину.

Ненавидела и боялась. В последнее время она не любила ходить перед ее новой радиаторной решеткой или слишком близко к заднему бамперу; у нее появились смутные мысли о том, что рычаг тормоза по каким-то причинам может оказаться в нейтральном положении. У нее никогда не было таких мыслей об их семейном седане.

Но самым главным было то, что она не хотела иметь ничего общего с этой машиной... не хотела никуда ездить на ней — даже с Эрни. За ее рулем он казался совсем другим человеком, и она его по-настоящему почти не знала. Ей нравилось ощущать руки Эрни у себя на теле — на груди, на бедрах

(она еще не позволяла ему проникать в более сокровенное место, но подспудно желала, чтобы его руки проникли туда). Его ласки возбуждали ее. Но в машине они казались грубыми... может быть, в ней Эрни выглядел менее страстным и более похотливым, чем был на самом деле.

Когда они свернули на ее улицу, она снова раскрыла рот, чтобы объяснить ему хотя бы часть своих чувств, но снова ничего не сказала. Зачем? Что конкретно она могла объяснить? Ничего. У нее было только это раздраженное настроение, и все. То есть... нет, была одна конкретная вещь. Но она не могла говорить о ней. Он был бы слишком задет ее словами. Она не хотела так задевать его, потому что, как ей казалось, начинала по-настоящему любить его.

Но вещь все-таки была.

Конкретная вещь — запах. Запах гнили, пробивавшийся из-под новой обивки сидений и из-под начищенного коврика на полу. Он был, и он был очень неприятен. Почти тошнотворен.

Как будто однажды что-то забралось в машину и умерло в ней.

Он прикоснулся губами к ее щеке. Мелкие снежинки серебрились в конусе желтого света, падавшего из-под козырька над входной дверью. Он хотел поцеловать Ли по-настоящему, но его смущал факт присутствия ее родителей за стеной дома.

— Прости меня, — сказала она. — Я глупо вела себя.

— Нет, — проговорил Эрни, явно подразумевая «да».

— Да. — Она не хотела лгать и не решалась быть полностью искренней. — Я хочу, чтобы мы были вместе, но боюсь, что не все можно делать в машине. В любой машине. Ты меня понимаешь?

— Да, — сказал он.

Тогда, в машине, он очень разозлился на нее... ну, если быть честным, то едва сдержался, чтобы не совершить чего-нибудь. Но теперь, стоя на ступеньках дома, он думал, что понимал ее, и удивлялся тому, что мог желать чего-то, нежеланного для нее. «Я знаю, что ты имеешь в виду».

Она прильнула к нему, ее руки сплелись на его шее. Ее пальто было все еще распахнуто, и он чувствовал мягкую, пьянящую тяжесть ее груди.

— Я люблю тебя, — впервые сказала она и скользнула за дверь, оставив его, ошеломленного и разгоряченного, стоять на запорошенном снегом крыльце.

Из оцепенения его вывела мысль о том, что Кэйботы могли посмотреть в окно и увидеть одинокую человеческую фигуру, замершую перед их домом. Он повернулся и пошел к дороге, улыбаясь и потирая озябшие пальцы.

В том месте, где протоптанная тропинка пересекалась с тротуаром, он остановился, и улыбка сползла с его лица. Кристина стояла у обочины, на стенках поблескивали растаявшие снежинки, освещенные красными огнями изнутри. Он оставил Кристину с включенным двигателем, и она заглохла. Уже во второй раз.

— Мокрая проводка, — пробормотал он. — Вот и все. — Он недавно перебирал...

«С кем из нас ты проводишь больше времени? Со мной... или с ней?»

Улыбка вернулась, но теперь она была немного виноватой. Ну конечно, он проводил больше времени с машинами — вообще с машинами. В том-то и состояла его работа у Уилла. Но ведь смешно думать, что...

Ты солгал ей. Вот в чем правда, не так ли?

«Нет, — нерешительно сказал он себе. — Нет, ты не можешь думать, что на самом деле солгал ей».

Или?..

Да, солгал. Он больше времени проводил с Кристиной.

И это было...

Было...

— Не то, — процедил он сквозь зубы.

Он стоял на тротуаре, а перед ним стоял его заглохший автомобиль, чудесным образом воскресший путешественник во времени, пришедший из эпохи Бадди Холли, Хрущева и космических собачек, и он внезапно возненавидел его. Он что-то сделал ему, что-то непонятное. Что-то.

Он открыл дверцу водителя, скользнул за руль и снова захлопнул дверцу. Он закрыл глаза.

Умиротворенность наполнила его, все вещи встали на свои места. Да, он лгал ей, но ложь была невелика. Просто небольшой обман. Нет — не имеющий никакого значения обман.

Не открывая глаз, по потрогал кожаный квадратик, висевший на ключах — на его старой, потертой поверхности были выжжены инициалы «Р.Д.Л.». Он не собирался искать ни нового кольца для ключей, ни нового куска кожи, чтобы выдать на нем собственные инициалы.

Но с этим кожаным брелоком на ключах произошло что-то особенное, разве нет? Да. В самом деле произошло.

Когда он отсчитывал деньги в кухне Лебэя, кожаный квадратик, лежавший на красно-белой скатерти, был потертым и совсем почерневшим от времени, так что инициалы на нем были почти незаметны. Теперь их буквы вновь проступили, свежие и чистые. Они обновились.

Но, как и ложь, это было совершенно не важно. Сидя в металлическом панцире корпуса Кристины, он ясно чувствовал, что именно это и было правдой.

Он знал — все было совершенно не важно.

Он повернул ключ. Стартер зажужжал, но зажигания не было.

— Ну, давай, — прошептал Эрни. — Давай, Кристина. Давай!

Он погладил руль и снова повернул ключ. Зеленые кошачьи глаза на приборной доске мгновенно зажглись, и двигатель заработал ровно и мощно.

Ли не могла понять его. Ее не было здесь раньше. Она не видела его прыщей, не слышала криков: «Эй, Пицца с Ушами!» Она не знала его бессилия. Ему казалось, она не могла понять даже того простого факта, что, не будь Кристины, он никогда не набрался бы храбрости позвонить ей по телефону — даже если бы она отпечатала на майке Я ХОЧУ ПОЙТИ НА СВИДАНИЕ С ЭРНИ КАННИНГЕЙМОМ и ходила бы в ней по городу. Она не могла понять, что порой он чувствовал себя на тридцать или даже на пятьдесят лет старше — вовсе не мальчиком, а каким-то безнадежно изувеченным ветераном, вернувшимся с какой-то необъявленной войны.

Его рука потянулась к радиоприемнику и включила его. Ди Ди Шарп пела «Время картофельного пюре», музыкальный сумбур, накатывавший по волнам ночного эфира.

Он снял машину с тормоза и повел ее в аэропорт, откуда думал добраться до дома одиннадцатичасовым автобусом. Однако вместо него он вернулся к родителям полуночным рейсом и, уже лежа в постели и вспоминая жаркие поцелуи Ли, вдруг осознал, что в минувший вечер потерял целый час и не знал, где мог провести его. Этот час пропал где-то по дороге от дома Кэйботов к аэропорту. Эрни почувствовал себя, как человек, переворачивающий весь дом и ищущий какую-то понадобившуюся вещь, которая на самом деле находится в другой его руке. Ощущение

было явственное... и немного пугающее.

Где он был?

Он отчетливо помнил, как отъехал от обочины у дома Ли, а затем... просто катался.

Да. Катался. Вот и все. Ничего особенного.

Ему показалось, что во время поездки он переключил приемник на другую волну, но вместо УКВ-104 и рок-уик-энда он опять поймал радио WDIL, и программу вел какой-то сумасшедший диск-жокей вроде Алана Фреда, который хрипло передразнивал Джея Хоукинса: «Тебе не уйти от моих ча-а-а-р-р... потому что ты мо-о-о-й-й!...»

И еще ему показалось, что он приехал в аэропорт с мерно пульсировавшими — будто повторявшими удары сердца — передними фарами, а когда вылез из машины, то облегченно вздохнул.

И вот он лежал в постели и не мог заснуть. Что-то было не так.

Что-то началось, что-то происходило. Он не мог солгать самому себе и сказать, что ничего не происходило. Слишком много людей хвалили его за отличный ремонт машины. Он приезжал на ней в школу, и ребята из автомагазина залезали под днище, чтобы посмотреть на новые выхлопные трубы, глушитель и кузов. Они заглядывали в двигательный отсек, проверяли радиатор, чудесным образом избавившийся от коррозии и многолетних натеков антифриза; исследовали генератор и блестящие свечи, плотно сидевшие в своих гнездах. Даже очиститель воздуха с номером 318 на раструбе, поворачивавшийся в зависимости от скорости, был новым.

Да, он выглядел настоящим героем в глазах завсегдатаев в автомагазине и с улыбкой превосходства принимал адресованные ему комплименты. Но даже тогда — разве не был он смущен в глубине души? Конечно, был.

Ибо он не мог вспомнить, что делал с Кристиной и чего не делал.

Время, проведенное в гараже Дарнелла, когда он работал над ней, было таким же белым пятном, как и сегодняшняя поездка в аэропорт. Он помнил, как начал удалять ржавые пятна на кузове Кристины, но не мог вспомнить, когда и как закончил эту кропотливую возню с ними. Он не знал, когда и где разделался с перекрашиванием капота. Он помнил только то, что подолгу сидел за рулем, отупев от счастья... чувствуя себя так, как сегодня, когда Ли прошептала: «Я люблю тебя» — и скрылась за дверью своего дома. Что оставался за рулем даже тогда, когда большинство парней из гаража запирали свои машины и уходили ужинать. Что сидел за рулем и иногда слушал старые песенки, которые передавало радио WDIL.

Может быть, хуже всего обстояло дело с ветровым стеклом.

Он был уверен, что не покупал нового ветрового стекла для Кристины. Если бы покупал, то его банковская книжка пострадала бы гораздо больше и он узнал бы об этом (сам или от Регины — все равно).

Тогда, в Хидден-Хиллз, Деннису показалось, что трещины на стекле стали меньше, чем были. А затем... затем они и вовсе исчезли.

Но когда это случилось? Как это случилось?

Он не знал.

Он долго ворочался в постели и не заметил, когда заснул. Его сон был так же тяжел, как грузные снеговые облака за окном.

24. Увиденное ночью

Давай покатаемся на машине,
давай покатаемся на машине.
Давай покатаемся,
давай покатаемся,
давай покатаемся на машине.

«Это было сном и не могло быть ничем, кроме сна», — так она думала почти до самого его конца. В этом сне она очнулась от сна, в котором занималась любовью с Эрни, но не в машине, а в какой-то холодной и пустой комнате с голубыми стенами и широкими подушками, лежавшими на толстом голубом ковре... от того, второго сна она проснулась в своей комнате и увидела, что уже наступило воскресное утро.

Ей послышался рокот автомобиля, доносившийся с улицы. Она встала и подошла к окну.

У обочины дороги стояла Кристина. Ее двигатель работал — из выхлопных труб вырывались струйки сизого дыма, — но внутри никого не было.

Во сне она подумала, что Эрни, должно быть, стоял у двери, хотя оттуда не доносилось ни звука. Ей нужно было срочно бежать вниз. Если бы ее отец проснулся и в пять часов утра застал здесь Эрни, то пришел бы в ярость.

Но она даже не пошевелилась. Она смотрела на машину и думала о том, как ненавидела ее — и боялась ее.

И та тоже ненавидела ее.

«Соперницы», — подумала она, и в ее мысли — в том сне — были не злоба и жаркая ревность, а, скорее, отчаяние и испуг. Та стояла у обочины ее дома и поджидала ее. Поджидала Ли. «Ну давай. Давай, дорогая. Мы покатаемся, поговорим о том, кому он нужнее и кто ему нужнее в долгом пути. Давай... ты не боишься, нет?»

Ею овладел ужас.

Это нечестно, она старше и знает множество всяких уловок, она обманет его...

— Убирайся, — медленно прошептала Ли в том сне и прикоснулась ладонью к стеклу. Ее пальцы ощутили его холод; она могла видеть их влажные отпечатки, оставшиеся на замерзшей прозрачной поверхности. Удивительно, какими реалистичными иногда бывают сны.

Но это могло быть только сном. Потому что машина услышала ее. Едва она произнесла свои слова, как щетки на ветровом стекле пришли в движение и двумя полукругами расчистили налипший снег. А затем Кристина мягко отъехала от обочины и направилась вдоль по улице...

Без водителя.

Когда она проезжала мимо. Ли сумела разглядеть через боковое не запорошенное снегом стекло, что внутри никого не было. Конечно, такое могло быть только во сне.

Она снова легла в постель и попробовала представить себе, какой была Кристина лет пятнадцать назад. Сейчас та выглядела года на четыре, не больше. А тогда ее мама еще работала в одном из больших супермаркетов Бостона...

Она положила голову на подушку и заснула (во сне) с открытыми глазами, а затем — во сне все может случиться — увидела отдел игрушек в бостонском супермаркете.

Они хотели найти что-нибудь для Брюса, единственного племянника мамы и папы. Из громкоговорителя слышался хохот Санта-Клауса, но его смех был не веселым, а зловещим, как у

маньяка, который пришел ночью не с подарками, а с топором.

Она протягивала руку к витрине и просила маму, чтобы Санта-Клаус принес ей вот это.

Нет, дорогая, Санта не может принести тебе этого. Это игрушка для мальчиков.

Но я хочу! Санта принесет тебе какую-нибудь хорошую куколку. Может быть, Барби...

Я хочу! Это для мальчиков. Хорошие девочки играют в хороших куколок.

Я не хочу КУКОЛОК! Я не хочу БАРБИ! Я хочу...

ЭТО.

Если ты собираешься канючить, то мы пойдем домой, Ли. Понятно?

Она подчинилась, и мама купила Барби, но еще долго хотелось смотреть на маленький красный автомобильчик, без всякого шнура или провода разъезжавший по игрушечным дорогам, горам и мостам. Создавалась магическая иллюзия, что он катился сам по себе. Она, конечно, знала, что его движением управлял служащий магазина, стоявший справа от прилавка и нажимавший на кнопки пульта. Мама ей объяснила принцип действия игрушки, и, разумеется, так все и было, но ее глаза отрицали это.

Ее сердце отрицало это.

Она стояла как зачарованная и не отводила взгляд от витрины с маленьким красным чудом, пока мама не повела ее домой.

Они пошли прочь, и им вслед прозвучал раскатистый, усиленный громкоговорителем зловещий хохот Санта-Клауса из отдела игрушек.

Потом Ли заснула крепче и больше не видела сновидений, а в это время за окном уже пробивались первые лучи холодного ноябрьского солнца, постепенно осветившего безлюдные и тихие улицы. Наступило воскресенье, и на припорошенной снегом дороге еще не было ничьих следов, если не считать двух параллельных черных полос от автомобильных шин, каждая из которых заканчивалась то ли вытянутой, кривой восьмеркой, то ли математическим знаком бесконечности, начертанным у обочины дороги возле дома семьи Кэйбот.

В одиннадцать часов снег начал таять, и к полудню следы исчезли.

25. Бадди посещает аэропорт

Мы их за пояс заткнем,

и они у нас заткнутся.

Десять дней спустя, когда в окнах подготовительной школы уже начали появляться картонные индейки и скрученные из бумаги рога изобилия, голубой «камаро», перегруженный так, что почти чиркал носом по дороге, подъехал вечером к долгосрочному парковочному терминалу аэропорта. Сэнди Галтон, нервничая, быстро распахнул окошко своей стеклянной будки. С водительского сиденья «камаро» ему улыбался Бадди Реппертон.

— Привет, Сэнди, — весело проговорил Реппертон. — Что случилось? У тебя такой вид, как будто ты наложил в штаны.

Из «камаро» раздался дружный хохот. Вместе с Бадди были Дон Ванденберг, Шатун Уэлч и Ричи Трелани; несколько бутылок «Техасского драйвера», три из которых были полупустыми, естественно, дополняли компанию.

— Слушай, если вас поймут, то я потеряю работу, — запинаясь, проговорил Сэнди. Он уже сожалел о том, что упомянул об Эрни Каннингейме и его машине, стоявшей в терминале. Мысль о

том, что он мог попасть в тюрьму, тоже не улучшала его настроения.

— Иисус, что за ребенок, — приняв огорченный вид, сказал Бадди. — Никогда не думал, что ты такой ребенок, Сэнди. Честно.

Сэнди покраснел.

— Ладно, мне все равно, — произнес он. — Только будьте осторожны.

— Мы будем осторожны, друг, — искренне пообещал Бадди. Он вытащил из-под сиденья бутылку «Техасского драйвера» и протянул ее в окно. — Вот. Чтобы не скучал.

Сэнди взял бутылку и стал смотреть, как «камаро» будет заезжать на стоянку. Сначала красные габаритные огни медленно удалялись в темноту, а затем Бадди потушил их. Еще позже перестал доноситься рокот двигателя.

Сэнди отхлебнул немного «Техасского драйвера». Он знал, что если попадется кому-нибудь пьяным, то скорее всего лишится работы. Но ему было все равно. Быть пьяным было лучше, чем высматривать, не появилась ли на дороге серая машина службы безопасности аэропорта.

Он пил и прислушивался.

Звон разбитого стекла, приглушенный смех, скрежет металла.

Опять звон разбитого стекла.

Тишина.

Приглушенные голоса, затем громкое приказание Бадди:

— Вот сюда!

Какое-то бормотание. Снова Бадди:

— Плевать! Вот сюда, на приборную доску, я сказал!

Возня, ругань, смех.

Сэнди еще выпил и почувствовал себя немного лучше — по крайней мере немного пьяным.

Бутылка была наполовину пуста, когда голубой «камаро» выехал из дальних ворот терминала и спустился по пандусу. Сэнди стало не по себе.

— Ну вот и все, — сказал Бадди, когда машина поравнялась со стеклянной будкой сторожа.

— Хорошо, — проговорил Сэнди и попробовал улыбнуться. Он заметил, что глаза Бадди были налиты кровожадной злобой. Они его испугали, и, чтобы скрыть страх, он еще раз приложился к горлышку бутылки. Когда он выпил и перевел дыхание, то увидел, что Бадди все еще смотрит на него.

— Если тебя будут спрашивать в полиции, — сказал Реппертон, — то ты ничего не знаешь и ничего не видел: как будто все произошло до твоей смены.

— Конечно, Бадди.

— У нас были перчатки. Мы не оставили следов.

— Конечно.

— Успокойся, Сэнди, — смягчившимся голосом произнес Бадди.

— Да, ладно.

Когда «камаро» отъехал и исчез из виду, Сэнди вылил в окно остатки «Техасского драйвера». Он больше не хотел его пить.

26. Кристина в упадке

Послушай, послушай меня дружок.

У меня в груди барахлит движок.

Перелей ему новую кровь, дружок.

На следующий день Эрни и Ли после школы поехали в аэропорт, чтобы забрать Кристину. Они предполагали вместе совершить небольшое путешествие в Питсбург и сделать кое-какие покупки к Рождеству — они казались себе ужасно взрослыми. В автобусе у Эрни было хорошее настроение, он выдумывал всевозможные забавные истории об их попутчиках и заставлял ее смеяться, несмотря на то, что у нее был один из «периодов», которые она обычно переносила тяжело и почти всегда болезненно. Толстая леди в мужских рабочих ботинках была падшей монахиней. Мальчик в ковбойке оказывался карточным шулером. И так далее, и так далее. Она пробовала подхватывать игру, но у нее это выходило не так удачно, как у него. Она восхищалась тем, как он преобразился в последнее время... как он расцвел. Лучшего слова она просто не могла найти. Она чувствовала в себе самодовольную гордость золотоискателя, который по нескольким признакам определил драгоценные залежи под землей и был прав. Она любила его, и она не ошиблась в нем.

На последней остановке они вылезли из автобуса и, взявшись за руки, направились к парковочному терминалу.

— Неплохо, — сказала Ли. Она впервые приехала с ним за Кристиной. — Всего двадцать минут от школы.

— Да, здорово, — согласился Эрни. — Но главное, что в семье стало спокойнее. Говорю тебе, когда мама в тот вечер пришла домой и увидела Кристину рядом с гаражом, у нее случился нервный припадок.

Ли рассмеялась и подставила лицо ветру. После ночного заморозка температура повысилась градусов до пяти, но все еще было прохладно. Такая погода ее радовала. Что же за рождественские покупки без холодного воздуха? И внезапно она стала радоваться всему, всей своей жизни. И любви. Она подумала о том, как любила его. У нее уже были увлечения, и однажды в Массачусетсе ей даже казалось, что она могла полюбить, но этот парень был просто шик. Иногда он доставлял ей неприятности — его одержимость машинами была способна вывести из себя кого угодно, — но даже эти нечастые огорчения играли большую роль в ее чувстве, богаче которого она не знала. И отчасти оно даже ей самой представлялось довольно эгоистичным — через несколько недель она должна была начать завоевывать его... и победить его.

Они пробирались между рядами машин, тянувшихся до самого конца стоянки. Им навстречу, ревя двигателем, выехал американский спортивный автомобиль. Эрни начал говорить что-то о Дне Благодарения, но после первых же слов его голос был заглушен слаженным рычанием восьми цилиндров, гулко разносившимся под сводами терминала, — и она повернулась к нему, удивленно следя за беззвучно шевелящимися губами.

Внезапно его губы перестали шевелиться. Он замер на месте. Его глаза широко раскрылись... а затем, казалось, медленно поползли из орбит. Губы неожиданно скривились, а рука, державшая Ли, до боли стиснула ее суставы.

— Эрни...

Рев спортивного автомобиля затих где-то вдали, но он ничего не замечал. Его лицо словно окаменело. Она подумала: «У него сердечный приступ... удар... что-нибудь такое».

На один невыносимый момент его рука с такой силой сдавила ее кисть, что Ли показалось, ее кости

не выдержат и сломаются. Его щеки были смертельно бледными.

Он выговорил только одно слово: «Кристина!» — и неожиданно выпустил ее руку. Затем он рванулся вперед, задел ногой за бампер «кадиллака», чуть не упал, но удержался и побежал вперед. Наконец она поняла, что случилась какая-то неприятность с машиной — машина, машина, опять эта проклятая машина, — и почувствовала злость, смешанную с отчаянием. В первый раз у нее мелькнула мысль о том, возможно ли было полюбить его, мог ли Эрни позволить любить себя. Ее злоба угасла в тот момент, когда она посмотрела... и увидела.

Эрни побежал к тому, что осталось от его машины, и застыл в оцепенении, вытянув руки вперед и отклонив назад голову, в классической позе жертвы перед развязкой трагедии.

Несколько секунд он стоял так, как будто хотел остановить машину или весь мир. Затем опустил руки. Его кадык перекатился вверх и вниз, когда он проглотил что-то — стон или плач, — и горло напряглось, отчетливо вырисовывая каждую вспухшую артерию и вену. У него было горло человека, пытающегося поднять пианино.

Ли медленно двинулась к нему. Ее рука все еще болела и назавтра должна была онеметь, но сейчас она не обращала на нее никакого внимания. В порыве сочувствия ей казалось, что она могла разделить его горе и помочь ему. Лишь гораздо позже она осознала, как мало в тот день он нуждался в ней и как много ненависти скрывал от нее.

— Эрни, кто это сделал? — спросила она дрогнувшим голосом.

Да, она не любила эту машину, но, увидев ее в таком состоянии, представила, что творилось в душе у Эрни, и сумела забыть о своей неприязни — или только думала так. Эрни не ответил. Он горящими глазами смотрел на Кристину.

Ветровое стекло было расколото на две части, мелкие кристаллики безопасного стекла густо усеивали распоротую обивку сидений. Передний бампер был наполовину оторван и одним концом упирался в бетонный пол, на котором, как щупальца осьминога, валялись спутанные черные провода. Три из четырех боковых окон также были разбиты. На уровне пояса в кузове виднелись рваные дыры, волнистыми линиями тянувшиеся вдоль всего корпуса. Казалось, что их нанесли каким-то тяжелым и острым инструментом — ломом или монтировкой. Пассажирская дверца висела на одной петле, и, заглянув в салон, она увидела, что стекла на приборной панели были тоже разбиты вдребезги. Всюду были раскиданы клочки и куски ваты. Стрелка спидометра лежала на полу возле места водителя.

Эрни молча обошел вокруг машины. Ли дважды пробовала заговорить с ним, но он по-прежнему не отвечал ей. Он поднял с пола одно из щупалец осьминога, и она увидела, что это была распределительная коробка — однажды отец показывал ей такую же на своем «форде».

Несколько секунд он разглядывал ее, как какое-то ископаемое, а потом с силой швырнул на пол. Из-под его ног во все стороны брызнули осколки разбитого стекла. Она опять попробовала заговорить с ним. Он снова не ответил, и теперь она почувствовала не только жалость к нему, но и страх. Позже она рассказывала Дэннису о том, как боялась, что он потерял рассудок.

Затем он отбросил ногой какую-то хромированную деталь, лежавшую у него на пути. Она звонко ударилась в бетонный парапет терминала и, отскочив, закружилась возле его основания.

— Эрни, — попробовала она еще раз. Он замер, глядя на разбитое окно водительской дверцы. Какой-то невнятный и дикий звук раздался из его груди. Она посмотрела через его плечо, и внезапно ей

стало не по себе. На приборной доске... вначале она не заметила этого, посреди всеобщего разрушения она не заметила того, что было на приборной доске. И с чувством тошноты, подступившей к горлу, она попыталась вообразить, кто мог быть настолько низок и настолько гадок, чтобы сделать такую вещь, чтобы так...

— Говнюки! — заорал Эрни не своим голосом. Ли отпрянула и, чтобы удержаться на ногах, ухватила за крыло машины, стоявшей рядом с Кристиной.

— Будьте вы прокляты, говнюки! — простонал Эрни. — Но я доберусь до вас, доберусь! Мать вашу, я доберусь до вас, чего бы мне это ни стоило!

Ли снова отпрянула и в этот жуткий момент пожалела, что когда-либо встретила с Эрни Каннинггеймом.

27. Эрни и регина

Ты хочешь покататься

на Бьюике 59-го?

Нет, ты хочешь покататься

на Бьюике 59-го?

У него два карбюратора

и один нагнетатель.

Дома он появился в половине двенадцатого ночи. Одежда, в которой он собирался ехать в Питсбург, была пропитана грязью и потом. Руки были выпачканы еще больше, а с левой стороны спины краснел зигзагообразный порез. Лицо казалось совершенно изможденным. Под глазами были темные круги.

Его мать сидела за столом, перед книгой с головоломками. Она и ждала, и боялась его возвращения.

Ли позвонила ей и рассказала о случившемся. Голос этой симпатичной (но казавшейся Регине не совсем подходящей для Эрни) девочки звучал так, как будто она плакала.

Повесив трубку, встревоженная Регина тотчас же набрала номер гаража Дарнелла. Ли сказала ей, что Эрни вызвал грузовик с платформой и поехал туда вместе с водителем. Ее он почти насильно усадил в такси. В телефоне слышались два гудка, а затем грубый, скрипучий голос ответил:

«Слушаю. Гараж Дарнелла».

Она поняла, что подзывать сейчас Эрни было бы ошибкой, и нажала на рычаг отбоя. Она решила подождать, пока он приедет домой, и тогда, глядя ему в глаза, сказать то, что она должна была сказать ему.

И вот она сказала:

— Эрни, я виновата.

Было бы лучше, если бы Майкл мог быть рядом. Но он находился в Канзас-Сити на конференции по торговле и свободному предпринимательству в средние века. Он должен был вернуться в воскресенье утром, но она уже подумывала о том, что его присутствие дома могло понадобиться гораздо раньше. Она признавала — не без некоторого раскаяния, — что ситуация была достаточно серьезной.

— Виновата, — безжизненным эхом откликнулся Эрни.

— Я, то есть мы...

Она не смогла продолжить. Было что-то жуткое в его мертвенном голосе. Его глаза были

совершенно пусты. Она почувствовала, что у нее начало щипать в носу и к горлу подступили слезы. Выросшая в строгой католической семье простого рабочего, она вместе со своими семью братьями и одной сестрой была вынуждена самостоятельно прокладывать дорогу в жизни и на этом пути сполна хлебнула горьких и мучительных рыданий. И если собственная семья порой считала ее слишком непреклонной, то лишь потому, что не понимала: пройдя через ад, легче пройти сквозь огонь и воду. Она просто хотела видеть своего сына волевым и закаленным человеком.

— Знаешь что? — спросил Эрни. Она покачала головой, все еще чувствуя привкус слез во рту.

— Если бы я не так устал, то рассмеялся бы. Ты могла быть там, вместе с теми ребятами, которые сделали это. Сейчас ты, наверное, даже счастливее, чем они.

— Эрни, ты несправедлив ко мне!

— Нет, справедлив! — внезапно заорал он на нее, и его глаза вспыхнули гневом. Впервые в жизни она испугалась сына. — Ты захотела убрать ее отсюда! Он захотел поставить ее в аэропорту! Кого же мне винить, как не вас обоих? Ты думаешь, это случилось бы, если бы она стояла здесь? Да? Он сжал кулаки и шагнул к ней. Она едва не отпрянула и не упала со стула.

— Эрни, мы не можем даже поговорить об этом? — спросила она. — Как два разумных человека?

— Один из них наложил кучу дерьма на приборную доску, — холодно сказал он. — Как это, с точки зрения разумного человека?

Она была уверена, что владеет собой и сумеет сдержать слезы. Однако они неожиданно хлынули из ее глаз. Она заплакала. Она горько заплакала от того, что увидел ее сын. И не только от этого.

Всю свою материнскую жизнь она втайне чувствовала свое превосходство над женщинами, которые окружали ее и у которых были сыновья старше, чем Эрни. Когда ему был всего один годик, эти другие женщины скорбно покачивали головами и говорили, что ей нужно подождать до пяти лет — вот тогда начинаются неприятности, вот тогда мальчики начинают произносить слово «дерьмо» в присутствии родителей и играть со спичками, когда остаются одни. Однако и в пять лет Арнольд был таким же золотым ребенком, что и в один год. Тогда эти другие женщины делали большие глаза и просили подождать до десяти лет, затем до пятнадцати — а Эрни все-таки не был похож ни на кого из своих сверстников. Он не курил наркотиков, не пропадал по вечерам на рок-концертах и не тратил родительские деньги на своих сверстниц.

Однако теперь он стоял перед ней, бледный, изможденный, по локоть выпачканный в грязи и охваченный той же испепеляющей ненавистью, какая всю жизнь полыхала в его деде, и даже внешне похожий на него. Все разлетелось к черту, на куски.

— Эрни, мы завтра утром поговорим, что нам делать, — сказала она, пытаясь взять себя в руки и не давать волю слезам. — Завтра утром поговорим.

— Тебе придется встать очень рано, — произнес он, потеряв интерес к разговору. — Я пойду прилягу часа на четыре, а потом опять поеду в гараж.

— Зачем?

Он хрипло рассмеялся:

— А ты как думаешь зачем? Мне предстоит много работы! Намного больше, чем ты можешь представить!

— Нет, тебе завтра нужно в школу... Я... я запрещаю тебе, Эрни, я категорически...

Он бросил на нее взгляд, от которого она вздрогнула. Все это было похоже на жуткий ночной

кошмар, который собирался продолжаться и продолжаться.

— Я пойду в школу, — проговорил он. — Я возьму с собой чистую одежду и даже приму душ, чтобы от меня не разлило потом в классе. После школы я снова поеду к Дарнеллу. Там предстоит большая работа, но я смогу сделать ее... Я знаю, что смогу, правда, на это уйдут все мои сбережения. Плюс то, что я получу за труды у Дарнелла.

— Но домашние задания... твоя учеба!

— Ах, учеба, — он натянуто улыбнулся. — Она, конечно, пострадает. Увы, я не могу тебя порадовать. Я уже не могу пообещать тебе примерной успеваемости. Придется довольствоваться средней.

— Нет! Тебе нужно думать о колледже! Он, заметно прихрамывая, подошел к столу и оперся на него обеими руками, а потом медленно наклонился к ней. Она подумала: Чужой... мой сын для меня чужой. Чем я это заслужила? Чем? Тем, что хотела ему добра? Может ли такое быть?

Пожалуйста, Боже, сделай так., чтобы я очнулась от этого кошмарного сна, и пусть на моих щеках будут слезы, потому что он был так реален.

— С этих пор, — проговорил он, глядя ей в глаза, — я забочусь только о Кристине, о Ли и о том, как не испортить отношений с Дарнеллом, чтобы я мог привести машину в порядок. Мне начхать на колледж. А если до тебя это все не дойдет, то я брошу школу. Может быть, тогда ты заткнешься.

— Ты этого не сделаешь, — выдержав его взгляд, негромко сказала она. — Ты сам это знаешь, Арнольд. Возможно, я заслужила твое... твою жестокость... но я не допущу, чтобы ты разрушал собственную жизнь. Так что больше не говори об уходе из школы.

— Но я в самом деле ее брошу, — ответил он. — Не утешай себя, думая, что я этого не сделаю. В феврале мне будет восемнадцать, и я смогу сам распорядиться собой, если вы не перестанете мешать мне. Ты меня понимаешь?

— Иди спать, — проговорила она сквозь слезы. — Иди спать, ты разбиваешь мне сердце.

— Неужели? — Он неожиданно рассмеялся. — И тебе больно, да? Вот не знал.

Он повернулся и пошел к двери, припадая на левую ногу. Вскоре она услышала тяжелое шарканье его ботинок о ступени лестницы — звук, ужасно напоминающий ее детство, когда она думала про себя: Вот людоед идет спать.

Она судорожно зарыдала и, неуклюже поднявшись из-за стола, пошла на улицу, чтобы поплакать в полном одиночестве. Она обхватила себя руками — не лучшее из объятий, но лучше, чем ничего, — и посмотрела на луну, расплывшуюся в пелене ее слез. Все изменилось, и это произошло со скоростью налетевшей бури. Ее сын ненавидел ее; она видела в его глазах ненависть — не вспышку гнева, не раздражение, свойственное переходному возрасту. Он ненавидел ее, и ничего подобного она никогда не могла бы предугадать в своем добром мальчике.

Ничего подобного.

Она стояла на крыльце и плакала до тех пор, пока не продрогла и ее губы, вздрагивавшие от всхлипов, не начали дрожать от холода. Тогда она вернулась в дом и поднялась наверх. Она почти минуту стояла перед дверью комнаты Эрни, перед тем как войти к нему.

Он спал на покрывале постели. Его брюки были на нем. Сам он больше напоминал лежащего без сознания, чем спящего, его лицо выглядело ужасающе старым. В слабом луче света, падавшем из холла через ее плечо, его волосы казались седыми, а приоткрытый во сне рот — почти беззубым. Она

вздрагнула от страха и вошла в комнату.

Ее тень упала на постель, и она увидела, что перед ней лежал ее Эрни, впечатление старости было всего лишь игрой света и ее собственного усталого воображения.

Будильник-радио был поставлен на 4.30 утра. Она подумала о том, чтобы переставить его на более позднее время, и уже протянула руку к нему, но в последний момент передумала.

Вместо этого она спустилась в свою спальню, уселась перед столиком с телефоном и сняла трубку. Какое-то время она подержала ее, размышляя. Если она среди ночи позвонит Майклу, то он подумает...

Что произошло нечто ужасное? Она вздохнула. А разве не так? Конечно, произошло. И продолжало происходить.

Она набрала номер отеля «Рамада» в Канзас-Сити, где остановился ее муж.

28. Ли наносит визит

Не хочу вызывать кривотолки,
но автобус хочу купить.

Буду ездить на нем к своей крошке,
разве можно мне запретить?

Заплачу за него сколько нужно...

— Этот автобус не продается...

Почти всю эту историю она рассказала спокойным голосом, сидя с плотно сжатыми ногами и скрещенными лодыжками в одном из двух кресел для посетителей, одетая в разноцветное шерстяное платье, поверх которого была накинута коричневая вельветовая кофта. И, уже замолчав, расплакалась и никак не могла найти свой носовой платок. Дэннис Гилдер подал ей коробку с салфетками, стоявшую на столике у изголовья его постели.

— Что мне делать? — спросила она, когда вытерла слезы. — Что бы ты сделал на моем месте?

— Не знаю, — ответил Дэннис. — Наверное, нужно подождать. Что еще остается делать?

— Но это труднее всего, — ответила она, теребя пальцами салфетку. — Мои родители хотят, чтобы я перестала видеться с ним — чтобы бросила его. Они боятся... что Бадди Реппертон и его ребята сделают что-нибудь еще.

— Ты уверена, что это были Реппертон и его друзья, да?

— Да. Мистер Каннингем позвонил в полицию, хотя Эрни не просил его. Он сказал, что сам разберется с ними, и это испугало его родителей.

Я тоже испугалась. Полицейские забрали Бадди Реппертона и одного из его друзей, которого все называют Шатун... ты знаешь, о ком я говорю?

— Да.

— И парня, который по ночам работает на стоянке в аэропорту, его тоже забрали. Его фамилия Галтон, а имя...

— Сэнди.

— Они подумали, что он тоже был замешан... что это он впустил их.

— Да, он из их компании, — сказал Дэннис, — но не такой дегенерат, как остальные. Вот что, Ли, ты уже говорила с кем-нибудь?

— Сначала с миссис Каннингем, а потом с его отцом. По-моему, они не сказали друг другу, что

собираются поговорить со мной. Они...

— Расстроены, — подсказал Дэннис. Она покачала головой.

— Хуже. Они оба выглядят так... как будто их обокрали или что-то вроде того. Я не могу по-настоящему пожалеть ее — думаю, она просто хочет во что бы то ни стало добиться своего, — но мне до слез жалко мистера Каннингейма. Он мне кажется таким... — Она запнулась, а потом вздохнула. — Когда я вчера вечером зашла к ним, миссис Каннингейм — она просила называть ее Региной, но я не могу себя заставить...

Дэннис усмехнулся.

— А ты можешь называть ее так? — спросила Ли.

— Ну да — но у меня большая практика. В первый раз за время своего визита она улыбнулась.

— Это могло бы сыграть роль. Во всяком случае, когда я пришла, она была там, а мистер Каннингейм был еще в школе... то есть в университете.

— Понятно.

— Она сказала, что взяла отпуск на всю неделю — на оставшуюся часть.

— Как она выглядит?

— У нее подавленный вид, — проговорила Ли и потянулась за новой салфеткой. — И она показалась мне постаревшей на десять лет с тех пор, как я видела ее месяц назад.

— А он? Майкл?

— Тоже как будто постарел, но старается держаться... в нем появилась какая-то внутренняя сила.

Дэннис промолчал. Он почти тринадцать лет знал Майкла Каннингейма, но ни разу не видел в нем внутренней силы, и не нашелся что сказать. Внутренняя сила была только у Регины, Майкл покорно следовал у нее в кильватере и готовил коктейли, когда Каннингеймы принимали гостей. Он слушал свой магнитофон, был меланхоличен... но никакая прихоть воображения не позволила бы Дэннису сказать, что у Майкла была «внутренняя сила».

В семь лет он однажды услышал, как его отец в разговоре с матерью назвал Майкла Каннингейма «слюнтяем». Уже тогда он прекрасно знал, что означает слово «слюнтяй», но не понимал, почему его отец назвал этим словом Майкла Каннингейма. Ему было грустно за отца своего друга... однако то же самое он чувствовал на протяжении всех тринадцати лет, вплоть до настоящего времени.

— Он пришел, когда она уже закончила свою историю, — продолжила Ли. — Они предложили мне остаться на ужин — Эрни теперь питается у Дарнелла. — но я сказала, что мне пора возвращаться. Тогда мистер Каннингейм спросил разрешения и отвез меня домой.

— Они заняли разные стороны?

— Нет, но... К примеру, мистер Каннингейм один пошел встречать полицейских. Эрни не хотел идти, а миссис Каннингейм — Регина — не могла решиться.

Дэннис осторожно спросил:

— Он и в самом деле пытается восстановить «плимут»?

— Да, — прошептала она, а потом вдруг пронзительно закричала:

— Но это не все! Он слишком тесно связался с тем парнем, с Дарнеллом — я ведь знаю! Вчера на третьей перемене он сказал мне, что собирается поставить новую переднюю часть на нее — на свою машину — сегодня днем или вечером, — и я спросила, не будет ли это чересчур дорого, а он ответил: «Не волнуйся. Ли, у меня кредит в полном порядке».

— Помедленней.

Она снова заплакала:

— У него кредит в полном порядке, потому что он и парень по имени Джимми Сайкс выполняют какие-то поручения Уилла Дарнелла. Он так сказал. Но... я не думаю, что поручения этого сукиного сына не запрещены законом.

— Что он сказал полицейским, когда они расспрашивали о Кристине?

— Он рассказал о том, как нашел ее в таком состоянии. Они спросили, не знает ли он, кто мог это сделать, и Эрни сказал, что не знает. Они спросили, правда ли, что у него была драка с Бадди Реппертоном и что Реппертон вытащил нож и хотел пустить его в дело. Эрни сказал, что Реппертон выбил у него из рук пакет с ленчем и раздавил на асфальте, а потом к ним подошел мистер Кейси и остановил Реппертона. Они спросили, не говорил ли Реппертон, что доберется до него, и Эрни ответил, что тот мог сказать и такое, но разговор был несерьезным.

Дэннис молчал, глядя на серое ноябрьское небо в окне и размышляя над словами Ли. Если она ему верно передала суть официального интервью с полицейскими, то Эрни не солгал им... но в то же время изобразил дело так, будто на площадке для курения произошла просто небольшая потасовка. Дэннису это показалось зловещим.

— Ты не знаешь, что могло понадобиться Дарнеллу от Эрни? — спросила Ли.

— Нет, — ответил Дэннис, но у него были кое-какие идеи. Он помнил, какими словами его отец отзывался о Дарнелле.

Он взглянул в бледное лицо Ли. Она цеплялась за Эрни, цеплялась изо всех сил. Возможно, она училась чему-то такому, чему не научилась бы в ближайшие десять лет. Но эти уроки давались ей нелегко, и вовсе не обязательно, что они были нужны ей. Внезапно — почти наугад — он подумал о том, что заметил первые улучшения на лице Эрни не раньше, чем за месяц до его встречи с Ли... но после его встречи с Кристиной.

— Я поговорю с ним, — пообещал он.

— Хорошо, — сказала она и встала с кресла. — Я... я не хочу, чтобы все было так, как прежде, Дэннис. И я знаю, что ничего не будет, как прежде. Но я все еще люблю его... я хочу, чтобы ты передал ему это.

— Да, ладно.

Они оба смутились, и в какой-то долгий, долгий момент никто из них не мог ничего сказать. Дэннис подумал о том, что Эрни Каннингем зря считал его своим лучшим другом и что сам он не совсем желал бы сейчас появления Эрни. Его влекло к ней, как, может быть, давно не влекло к другим девочкам. Давно, а может быть, никогда. Пусть бы Эрни продолжал поджигать фейерверки, ходить в шахматный клуб и возиться со своей проклятой машиной. Тем временем он и Ли могли бы понять друг друга. Известно, как такое бывает.

И у него было чувство, что именно в этот неловкий момент — после ее признания в любви к Эрни он мог кое-чего добиться — она была уязвлена. Возможно, она училась быть стойкой, но стойкость ее не та школа, в которую идут добровольно. Он мог сказать что-нибудь — что-нибудь верное, а может быть, всего лишь: «Подойди сюда», — и она бы подошла, села на край постели, они бы стали говорить о каких-нибудь приятных вещах, и он, может быть, поцеловал бы ее. У нее были красивые сексуальные губы, созданные для поцелуев. Сначала он поцеловал бы для того, чтобы утешить,

потом по-дружески. А там — Бог любит троицу. Да, он инстинктивно чувствовал, что мог многого добиться.

Однако он не сказал ничего, что могло бы начать все это, и то же самое сделала Ли. Между ними был Эрни. Если бы не весь ужас подобной нелепости, он бы рассмеялся.

— Когда тебя выпишут? — спросила она.

— Врачи говорят, пробуду здесь до января, но я надую их. В Рождество хочу быть дома. Хватит и этих мучений в комнате пыток.

— В комнате пыток?

— В физической терапии. Моя спина уже в полном порядке. Остальные кости тоже заживают — зуд иногда просто ужасен. Но доктор Арроуэй говорит, что это хорошо. И тренер Пуффер так говорит.

— Он часто приходит? Тренер?

— Да, часто, — Дэннис помолчал. — Конечно, я уже не буду играть в футбол. Какое-то время мне придется ходить на костылях, потом — если повезет — с тростью. Добрый доктор Арроуэй говорит, что в лучшем случае я буду хромать года два. А может быть, всегда.

— Мне очень жаль, — негромко произнесла она. — Мне жаль, что это произошло с таким чудесным парнем, как ты, Дэннис, но в тебе есть немного эгоизма. Я просто подумала, случилась ли бы эта ужасная история с Эрни, если бы он был рядом.

— Правильно, — трагически округлив глаза, сказал Дэннис. — Вيني во всем меня. Однако она не улыбнулась.

— Знаешь, меня начал беспокоить его рассудок. Это единственная вещь, о которой я не говорила ни с его, ни с моими родителями. Но мне кажется, что его мать... Я не знаю, что он сказал ей в тот вечер, когда увидел разбитую машину, но... Я думаю, что они по-настоящему сцепились друг с другом.

Дэннис кивнул.

— Но это все... так безумно! Его родители предложили ему взамен Кристины хороший подержанный автомобиль, и он отказался. Когда мы ехали домой, мистер Каннингейм сказал мне, что обещал Эрни даже купить новую машину... у него есть какие-то сбережения. Но Эрни ему ответил, что не может принять такой дорогой подарок. Тогда мистер Каннингейм... Дэннис, ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да, — откликнулся Дэннис. — Ему не нужна просто любая машина. Ему нужна именно эта машина, Кристина.

— Но, по-моему, он ведет себя как одержимый. Нашел себе одно дело и зациклился на нем. Если это не одержимость, то что? Я боюсь, я иногда чувствую ненависть... но я не его боюсь. И ненавижу не его. Все дело в этой консервной банке — нет, в этой чертовой машине. В этой суке, в Кристине. Ее щеки покраснелись, глаза сузились. Углы губ изогнулись вниз. Ее лицо внезапно потеряло всю красоту, теперь оно не было даже привлекательным, оно светилось безжалостностью, готовой превратиться во что-то столь же уродливое, сколь неотразимое, неистовое.

— Я скажу тебе, чего я желаю, — произнесла Ли. — Я желаю, чтобы кто-нибудь по ошибке отвез эту драгоценную чертову Кристину на то место в Филли-Плэйнс, откуда они выбирают обломки автомобилей. — Ее глаза ядовито сверкнули. — И я желаю, чтобы на следующий день приехал кран с большим крюком и перенес бы ее под пресс. А потом — чтобы кто-нибудь нажал на кнопку и

чтобы от нее остался только металлический куб три на три метра. Ведь тогда все будет кончено, да? Дэннис не ответил, и через какое-то время лицо Ли приняло свое обычное выражение. У нее задрожали плечи.

— Наверное, я говорю ужасные вещи, да? Как если бы пожелала, чтобы те мерзавцы доделали свою работу до конца.

— Я понимаю твои чувства.

— Неужели? — усмехнулась она.

Дэннис вспомнил, каким было лицо Эрни, когда тот барабанил по приборной доске его автомобиля. Вспомнил о маниакальных мыслях, которые посещали его самого, когда он проходил мимо нее. Он подумал о тех видениях, которые представлялись ему, когда он сидел за ее рулем в гараже Лебэя. Наконец он вспомнил о своем сне: о лучах автомобильных фар, пронизывавших его насквозь, и о визге резины, похожем на крик иступленной женщины.

— Да, — сказал он. — Думаю, что понимаю. Они внимательно посмотрели друг на друга.

29. День Благодарения

Два-три часа прошли мимо нас.

Правой ногой нажимаю на газ
или на то, что осталось от газа.

Крошка, я выверну руль до отказа, —
ты не желаешь вернуться домой?

Поздно, чтоб мчаться вперед по прямой...

Праздничный обед в больнице развозили с одиннадцати утра до часу дня. В четверть первого Дэннис получил поднос со следующими блюдами: три аккуратных кусочка белой отварной индейки, политых аккуратной порцией коричневого соуса, тарелка вареных картофелин, формой и размером напоминающих бейсбольные мячи, тарелочка тыквенного пюре ядовито-оранжевого цвета и небольшой пластиковый стаканчик клюквенного желе. В углу подноса лежала голубая карточка. Успевший познакомиться с больничными правилами — они усваиваются быстрее, чем любой другой жизненный опыт, — Дэннис спросил у медсестры, какие обеды в День Благодарения предназначались желтым и красным карточкам. Оказалось, что желтые карточки получили по два куска индейки без соуса, картофеля и пюре и молочное желе на десерт, а красные — одну порцию отварного мяса и картофель. Для многих большего и не требовалось.

Дэннису стало тоскливо. Слишком просто было представить, как через два-три часа его мама внесет в обеденную комнату большое дымящееся блюдо с печеной индейкой, отец примется точить нож с деревянной рукояткой, а сестра, пунцовая от удовольствия, будет наливать родителям красное вино. Слишком просто было вообразить приятный аромат, исходящий от праздничного обеда, и их смех, когда они усядутся за стол.

Все это можно было представить... и ошибиться.

У него был самый тоскливый День Благодарения в жизни. Он лежал в полудреме (в этот полдень отделение физической терапии не работало) и слушал, как в коридоре ходили медсестры, переговариваясь между собой.

Его мать, отец и сестра утром заглянули к нему на один час, и в первый раз за все время он почувствовал, что Элли желает побыстрее уйти. Они были приглашены на ленч к Каллисонсам, один

из трех сыновей которых — Луи Каллисонс — был ей довольно симпатичен.

Он дремал почти два часа. В больнице было необычно тихо и спокойно. В соседней комнате бормотал телевизор. Медсестра, пришедшая за его подносом, улыбнулась и сказала, что он наверняка оценил сегодняшний «особый» обед, Дэннис не разубеждал ее. Все-таки у нее тоже был День Благодарения.

Потом он заснул более крепким сном, а когда проснулся, рядом с ним находился Эрни Каннингем, сидевший в том же пластиковом кресле, в котором день назад сидела его подруга.

Дэннис ничуть не удивился его появлению; он просто заключил, что увидел какой-то новый сон.

— Привет, Эрни, — сказал он. — Как дела?

— Дела в порядке, — ответил Эрни, — но, по-моему, ты еще спишь. Я кое-что принес тебе. Может быть, это тебя разбудит.

У его ног стояла коричневая сумка, и Дэннис сонно подумал: «Наверное, тот самый ленч. Может быть, Реппертон раздавил его не так сильно, как нам тогда показалось». Он попытался привстать, почувствовал боль в спине и воспользовался кнопкой на пульте, с помощью которой часть кровати приподнималась и позволяла принять почти сидячее положение. Зажужжал мотор.

— Иисус, это и вправду ты!

— А ты ожидал увидеть гидру или какого-нибудь трехголового монстра? — улыбнулся Эрни.

— Я думал, что сплю. — Дэннис осторожно встряхнул головой и показал на коричневую сумку. — Что это?

— Я опустошил холодильник и стол, когда мы расправились с дичью, — проговорил Эрни. — Мама и папа поехали к своим университетским друзьям и вернутся не раньше восьми часов.

Разговаривая, он вынимал из сумки ее содержимое. Два оловянных подсвечника. Две свечи. Эрни вставил свечи в подсвечники, зажег их спичкой, которую достал из коробки с рекламой гаража Дарнелла, и выключил верхний свет. Затем выложил на стол сэндвичи, завернутые в вощеную бумагу.

— Я всегда говорил. — продолжал улыбаться Эрни, — что сэндвичи в четверг вечером еще лучше, чем праздничный обед. Потому что еще больше хочется есть.

— Да, — мечтательно сказал Дэннис. — Устроиться бы с сэндвичами перед телевизором — и чтобы шел какой-нибудь старый фильм. — Потом он спохватился:

— Но, Эрни, тебе вовсе не нужно было...

— Дерьмо! Я не видел тебя почти три недели! Хорошо еще, застал тебя во сне, а то бы ты выставил меня за дверь. — Он развернул два сэндвича для Дэнниса. — По-моему, твои любимые. Белое мясо с майонезом на сдобном хлебе.

Дэннис захихикал, потом засмеялся и наконец захохотал во все горло. Эрни видел, что у него от смеха заболела спина, но ничего не мог поделать.

В детстве сдобный хлеб был их общим секретом. Матери обоих были очень серьезны насчет хлеба.

Регина покупала диетические булочки, изредка заменяя их ржаными, из муки крупного помола.

Мама Дэнниса придерживалась итальянской кухни и пышных пшеничных лепешек. Эрни и Дэвис послушно съедали то, что им давали, — но втайне от родителей на карманные деньги покупали по батону сдобного хлеба и, запасшись банкой французской горчицы, отправлялись в гараж к Эрни или под деревья возле дома Дэнниса.

Эрни тоже не удержался от смеха, и для Дэнниса эта минута была лучшей частью Дня Благодарения. Эрни плотнее прикрыл дверь и извлек на свет упаковку из шести банок пива.

— Нас не так поймут, — сказал Дэннис и еще раз улыбнулся.

— Нет, — возразил Эрни. — Не так поймут, если мы кому-нибудь расскажем. Но мы не будем так глупы. — Он поднял одну из банок над столиком со свечами. — Прозит.

— За долгую жизнь, — ответил Дэннис. Они выпили и немножко помолчали.

— Вчера приходила Ли, — наконец произнес Дэннис. — Рассказала о Кристине. Мне очень жаль. Правда.

Эрни взглянул на него и внезапно просиял. Дэннис не мог поверить своим глазам.

— Да, она была плоха. Но я уже многое поправил. Дэннис! Если бы ты знал, в каком состоянии я нашел ее в аэропорту, то не подумал бы, что я успею так много сделать! Хуже всего были стекла. И конечно, покрышки. Они их сплошь исполосовали.

— А двигатель?

— Даже не добрались. — быстро проговорил Эрни, и это была его первая ложь. Увы, они добрались до двигателя. Когда Эрни и Ли пришли за Кристиной, распределительная коробка валялась на полу. Ли узнала ее и рассказала об этом. Дэннису было интересно, что еще под капотом вышло из строя. Радиатор? Если кто-то воспользовался железным прутом, чтобы пробить дыры в кузове, то почему бы он не мог тем же инструментом разнести на части радиатор? А как насчет свечей? Регулятора напряжения? Карбюратора? Эрни, почему ты лжешь мне?

— Ну а чем ты сейчас занимаешься? — спросил Дэннис.

— Трачу на нее деньги, что мне еще делать? — ответил Эрни и засмеялся. Его смех был почти неподделен, но Дэннису показалось, что в начале разговора его друг веселился чуть более естественно. — Новые стекла, новые шины. Осталось немного поработать с кузовом, и она будет как новая.

Как новая. Но Ли сказала, что в тот день кузов на три четверти состоял из пробоин.

Почему ты лжешь?

В какой-то момент у него мелькнула безрадостная мысль, что Эрни слегка тронулся рассудком, — но нет, тот не производил такого впечатления. Скорее был похож на человека, скрывающего что-то. А вернее, готовящего почву для... для чего? На что? На случай спонтанной регенерации? Он снова подумал, что Эрни немного сошел с ума.

Как же иначе объяснить эти слова?

Возможно, только такое объяснение и осталось бы Дэннису, если бы он не помнил, как затягивались трещины на ветровом стекле — делались меньше от встречи к встрече с машиной.

Просто световой эффект. Так ты решил тогда — и был прав.

Однако световым эффектом нельзя было объяснить ни странный метод работы над Кристиной, к которому прибегнул Эрни, беспорядочно заменяя старые детали на новые, ни дьявольское наваждение, которое Дэннис испытал в гараже Лебэя.

И ничем нельзя было объяснить ложь Эрни... и прищуренный взгляд, которым он смотрел на Дэнниса, будто хотел убедиться в том, что его слова приняты на веру. Поэтому он улыбнулся... широко и облегченно:

— Ну вот и прекрасно. — Прищуренный, оценивающий взгляд Эрни задержался на нем еще

немного. — Повезло, — сказал он. — Если бы они не были такими кретинами, то бросили бы сахар в бензобак или мелассу в карбюратор. Мне с ними повезло.

— С Реппертоном и его веселой командой? — спокойно спросил Дэннис.

Подозрительное выражение, такое необычное для Эрни, снова мелькнуло на его лице. Теперь у него был какой-то жуткий, зловещий вид. Эрни хотел что-то сказать, но вместо этого вздохнул.

— Да, — произнес он. — С кем же еще?

— Но ты не сказал об этом.

— Мой папа сказал.

— Не папа, а Ли.

— Вот как? Что же еще она тебе сказала? — резко спросил Эрни.

— Ничего, а я не настаивал, — произнес Дэннис, протягивая руку — Это твое дело, Эрни. Мир.

— Конечно, — Он усмехнулся и провел рукой по лицу. — Никак не могу забыть всего этого. Черт. Наверное, никогда не смогу забыть, Дэннис. Прийти вместе с Ли на стоянку, чувствовать себя на вершине счастья и увидеть...

— Если ты ее починишь, то не сделают ли они то же самое?

Лицо Эрни стало ледяным.

— Они ничего не сделают, — сказал он.

Его глаза вдруг превратились в две маленькие серые льдинки, и Дэннис внезапно подумал, что он не хотел бы оказаться на месте Бадди Реппертона.

— Что ты имеешь в виду?

— Поставлю ее дома, вот что я имею в виду, — ответил он, и его лицо вновь расплылось в той же широкой, радостной и неестественной улыбке. — А ты что подумал?

— Ничего, — произнес Дэннис. Ощущение льда не исчезло. Теперь это было чувство тонкой ледяной корки, треснувшей под его ногой. Внизу была темная холодная вода. — Но я не понимаю, Эрни. Ты почему-то дьявольски уверен, что Бадди Реппертон не захочет все повторить.

— Я полагаю, он уже сделал все, что хотел, — негромко сказал Эрни. — Из-за нас его выгнали из школы...

— Его выгнали из-за него самого! — горячо прервал его Дэннис. — Он вытащил нож — о черт, да у него был не нож, а настоящий кинжал!

— Я просто говорю о том, как мне все видится, — сказал Эрни, а потом рассмеялся и тоже протянул руку. — Мир.

— Ладно уж.

— Его выгнали из-за нас — а точнее, из-за меня, — и он со своими друзьями отыгрался на Кристине. Все. Конец.

— Да, если ему так видится.

— Полагаю, именно так все и будет, — проговорил Эрни. — Полицейские допрашивали его, Шатуна Уэлча и Ричи Трелани. Напугали их и почти заставили сознаться Сэнди Галтона. Этого недоношенного сосунка.

Эрни был так не похож на себя — на прежнего Эрни, — что Дэннис резко приподнялся на постели, но, почувствовав острую боль в спине, снова упал на подушку.

— О Боже! Парень, ты думаешь, он успокоится?

— Меня не волнует, что будет делать он или любой из тех говнюков, — сказал Эрни и добавил каким-то странно безапелляционным голосом:

— Это уже не важно.

Дэннис вздохнул:

— Эрни, с тобой все в порядке?

Внезапно на лице Эрни промелькнуло выражение какой-то отчаянной тоски — больше чем тоски. Может быть, какой-то осознанной обреченности. (Позже Дэннис подумал, что такое же лицо было бы у какого-нибудь изгоя, затравленного до такой степени, что он уже устал бороться за свою жизнь и едва ли понимает, зачем это нужно.)

— Конечно, — ответил он. — В полном порядке. Если только не считать, что не ты один можешь повредить спину. Помнишь, я надорвался в Филли-Плэйнс?

Дэннис кивнул.

— Тогда смотри. — Он поднялся и выправил рубашку из брюк. В его глазах что-то заплесало. Что-то трепещущее и извивающееся в темной глубине. Он поднял рубашку. Двенадцатидюймовый пояс под ней не был таким, как у Лебэя; он был и чище, и аккуратнее. «Однако бандаж есть бандаж», — подумал Дэннис. Ему стало не по себе.

— Второй раз я повредил ее, когда перевозил Кристину к Дарнеллу, — сказал Эрни. — Я уже не помню, как это случилось, настолько был расстроен. Должно быть, когда грузил ее на платформу. Сначала я ничего не заметил, а вечером... Дэннис, что с тобой?

Сделав над собой то, что ему показалось фантастическим усилием, Дэннис постарался придать своему лицу выражение более или менее заинтересованного любопытства... и все-таки в глазах Эрни что-то заплесало с новой силой.

— Он у тебя сползет, — тихо проговорил Дэннис.

— Конечно, сползет, — согласился Эрни, снова заправляя рубашку в брюки. — Он предназначен только для того, чтобы я не забывал, что мне можно поднимать, а что — нельзя.

Он улыбнулся Дэннису.

— Если бы сейчас был призыв, то я бы получил освобождение от армии, — сказал он.

И еще раз Дэннис удержал себя от движения, которое могло быть интерпретировано как удивление, — вместо него он засунул обе ладони под верхний матрац постели. При виде пояса для спины, так похожего на бандаж Лебэя, он почувствовал, что его руки покрылись гусиной кожей.

Глаза Эрни превратились в черную воду, бурлящую под серым мартовским льдом. В черную воду, в глубине которой продолжался веселый танец, похожий на извивание и кружение утонувшего человека.

— Слушай, — оживился Эрни. — Мне пора. Надеюсь, ты не думал, что я останусь здесь на всю ночь?

— Такой уж ты есть, всегда в делах, — проговорил Дэннис. — А если серьезно, то спасибо, друг. Без тебя у меня был бы довольно мрачный день.

Он уже хотел попрощаться с Эрни, когда ему в голову пришла одна странная идея. Он постучал пальцем по гипсу на ноге.

— Эрни, распишись, а?

— Но ведь я уже расписывался, разве нет?

— Да, но там уже все стерлось. Распишешься снова?

Эрни пожал плечами.

— Если у тебя есть авторучка. Дэннис дал ему шариковую ручку, лежавшую в ящике ночного столика. Усмехнувшись, Эрни склонился над гипсовым слепком, который держался на подвесе в ногах постели, нашел свободное место между десятками имен и лозунгов, а потом написал:

«Дэннису Гилдеру, самому большому благодетелю в мире от Эрни Каннингейма».

Он похлопал по гипсу, когда закончил работу, и отдал авторучку Дэннису:

— Так сойдет?

— Да, — сказал Дэннис. — Спасибо, Эрни.

— Счастливого Дня Благодарения.

— Тебе того же самого.

— Ладно.

Он ушел. Немного подождав, Дэннис вызвал сиделку и употребил все свое обаяние, чтобы упротить ее опустить ногу, на гипсе которой только что расписался Эрни. На гипсе правой ноги Эрни расписался в тот день, когда Дэннис очнулся в больнице, — и старая роспись не стерлась — Дэннис тоже солгал, — просто гипс немного съехал в сторону, отчего его должны были поменять через несколько дней.

На правой ноге Эрни оставил не послание, а только роспись. Приложив немало усилий, Дэннис с помощью сиделки сумел расположить обе свои ноги так, чтобы можно было сличить обе подписи. Хриплым голосом, который показался чужим ему самому, спросил у сиделки:

— Как по-вашему, они написаны одной рукой?

— Нет, — ответила сиделка. — Я слышала, что подделывают подписи на чеках, но не на гипсовых слепках. Это шутка?

— Конечно, — произнес Дэннис, чувствуя, как ледяной холод подступал к его горлу. — Это шутка. — Он еще раз посмотрел на две подписи Эрни Каннингейма.

Они были совершенно не похожи одна на другую.

30. Шатун Уэлч

По небу стелился туман темно-синий.

По городу мчался фургон морозильный.

Хлопнула дверь.

Вопль донесся из тьмы.

Вы слышите то, что увидели мы.

В последний вечер ноября, через неделю после Дня Благодарения, в Питсбурге выступал Джексон Браун. Концерт закончился в одиннадцать сорок, а в начале второго часа ночи со стоянки возле концертного зала отъехала машина, водитель которой согласился взять с собой Шатуна Уэлча.

Возвращаясь в Либертивилл, тот с удовольствием думал о тридцати долларах мелочью, оказавшихся у него в карманах после удачно проведенного вечера.

Уэлч высадился на 376-м участке Кеннеди-драйв и решил прогуляться до заправочной станции Ванденберга. У Бадди Реппертона был автомобиль, и Шатун надеялся на то, что Бадди подвезет его к самому дому, который находился в Кингсфилд-Пайк. И у Бадди могла быть бутылка.

Подгоняемый собственной тенью, возникавшей под его ногами всякий раз, когда он проходил мимо

фонарных столбов, Уэлч без остановки прошагал почти четверть мили, а потом увидел машину, стоявшую у обочины дороги. Струйки дыма вырывались из сдвоенных выхлопных труб и медленно растворялись в темноте, относимые в сторону слабым ветром. Сверкающая хромированная решетка с двумя оранжевыми передними огнями была похожа на рот ухмыляющегося идиота. Шатун узнал машину. Это был двухтонный «плимут». Освещенный ночной иллюминацией, тянувшейся вдоль шоссе, двухтонник казался сделанным из слоновой кости и залитым кровью. Это была Кристина. Уэлч остановился, почувствовав какое-то тупое изумление, — он не испугался, по крайней мере в тот момент. Перед ним не могла быть Кристина, это было невозможно — они пробили дюжину дыр в радиаторе машины, принадлежавшей Прыщавой Роже, вылили в карбюратор почти полбутылки «Техасского драйвера», и Шатун сам помогал Бадди, когда тот высыпал пятифунтовую пачку сахара в горловину бензобака. И это было только начало. Бадди проявил немало яростной изобретательности, разрушая машину Прыщавой Рожи; в тот день Шатуну было и весело, и немного не по себе. Как-никак машина была выведена из строя месяцев на шесть, если не навсегда. Поэтому перед ним не могла быть Кристина. Перед ним была какая-нибудь другая «фурия» 58-го года. Если бы это не была Кристина. Он знал, что это была она.

Уэлч стоял на безлюдном тротуаре и выдыхал облачка пара, быстро развеивавшиеся в морозном воздухе.

В машине тихо урчал двигатель. Невозможно было сказать, кто сидел за рулем — если вообще кто-нибудь там находился; она стояла как раз под фонарным столбом, и внутри все было скрыто густой черной тенью.

Уэлч забеспокоился.

Он облизал пересохшие губы и огляделся. Слева от него тянулось Кеннеди-драйв, напоминавшее гладь реки в предутренние часы. Справа был магазин фотопринадлежностей, над ним горела неоновая вывеска: КОДАК.

Он снова посмотрел на машину. Та просто стояла, мотор работал на холостом ходу.

Он открыл рот и не смог издать ни звука. Затем попробовал еще раз и прохрипел:

— Эй, Каннинггейм.

В машине как будто напряглось что-то. Заклубились выхлопные газы. Двигатель вхолостую расходовал высокооктановое топливо.

— Это ты, Каннинггейм?

Он сделал один шаг. Подошва ботинка шаркнула по цементу. Сердце колотилось почти в самом горле. Он снова оглянулся на шоссе; должен был появиться какой-нибудь автомобиль, Кеннеди-драйв не могло быть совершенно пустым даже в половине второго ночи, так? Однако на дороге не было ни одной машины.

Шатун прочистил горло.

— Ты сошел с ума, нет?

Передние фары Кристины внезапно зажглись, пронзив его резким белым светом. Взвизгнув резиновыми покрышками, «фурия» рванулась в его сторону. Она ринулась с места с такой силой, что перед прижался к земле, как у собаки, готовящейся к прыжку — как у собаки или у волка. Левое переднее колесо взлетело на тротуар, подрезало угол, задние занесло навстречу Уэлчу, и вместе с раздавшимся металлическим скрежетом из-под днища посыпались искры.

Уэлч вскрикнул и отшатнулся. Краем заднего бампера Кристина задела его левую икру и вырвала кусок мяса. Теплая влага хлынула вниз по ноге и потекла в ботинок. Почувствовав тепло крови. Шатун почему-то понял, как холодна была ночь.

Он побежал к подъезду фотомагазина. Сзади снова послышался рев двигателя и тот же скрежет металла, раздираемого цементной поверхностью дороги. Уэлч обернулся. Кристина мчалась по водосточному желобу. Когда она пронеслась мимо, он увидел. Увидел.

За рулем никого не было.

Его охватила паника. Уэлч бросился прочь. Он опять выбежал на Кеннеди-драйв, торопясь пересечь его. На той стороне была аллея между мойкой и автомагазином. Слишком узкая для автомобиля.

Он бежал вперед, не чувствуя ни боли, ни ног под собой. В его карманах звенела никелевая мелочь. Услышав рев машины, приближающейся откуда-то сзади, он метнулся в сторону, упал, поднялся и вновь побежал вперед. Он бежал, настигаемый этим воем, как собственной тенью, падавшей на дорогу, когда — всего несколько минут назад — проходил мимо фонарных столбов.

В самый последний момент Уэлч попытался увильнуть влево, но Кристина вильнула вместе с ним, как будто прочитала его отчаянную мысль. Не сбавив скорости, «плимут» сшиб его передним краем капота, размозжил спину и отбросил на тридцать футов в сторону, к кирпичному парапету автомагазина.

Удар был настолько сильным, что он отлетел от парапета обратно на дорогу, оставив на кирпичах размазанные кляксы крови. Утром их фотографии появилось на первой странице «Либертивилл джорнэл стэндард».

Взвизгнув покрывками, Кристина развернулась и снова понеслась вперед. Уэлч силился подняться, но тело его не слушалось.

Яркий белый свет ослепил его.

— Нет, — прошептал он окровавленным ртом. — Не...

Автомобиль промчался над ним. Повсюду разлетелась мелочь. Вторично Уэлч был раздавлен, когда Кристина еще раз проехала по дороге и притормозила. Она стояла, ее двигатель то взывал на холостом ходу, то почти затихал. Она как будто обдумывала что-то.

Затем она опять двинулась вперед, смяла, превратила в бесформенное месиво то, что от него осталось, и вернулась назад.

Снова взвизгнули покрывки.

И назад.

И вперед.

Ее фары сияли. Из выхлопных труб вырывался горячий сизый дым.

Вернувшись в последний раз, машина описала полукруг и помчалась вниз по Кеннеди-драйв, ревя двигателем и сиреной. В соседних домах то там, то здесь зажигались окна.

Одна из передних фар Кристины была разбита. Другая мигала и почти не светила; на ней остались густые пятна крови. Решетка была изогнута внутрь, а на капоте удар по спине Уэлча отразился глубокой вмятиной. Выхлопные газы вырывались с тяжелым, надрывным звуком; один из двух глушителей Кристины был поврежден.

Внутри на приборной панели милеометр продолжал крутиться в обратную сторону, как будто Кристина возвращалась назад во времени, покидая не только сцену наезда, но и сам факт

случившегося.

Первой вещью был глушитель.

Внезапно прерывистый, надрывный звук выровнялся и стал мягче.

Кровь, веером разбрызганная по капоту, потекла вперед, против встречного ветра — как если бы прокручивали назад кинофильм.

Одна фара перестала мигать и засветилась ярче, а через полмили заработала другая. На ней появилось потрескавшееся стекло. Трещины почти сразу исчезли.

Затем с легкими металлическими щелчками выправились вмятины на капоте и решетке между передними фарами. После этого на машине не осталось никаких следов происшедшего. Когда она свернула на Хемптон-стрит и подъехала к дверям гаража с надписью «СИГНАЛИТЬ ДЛЯ ВЪЕЗДА», на ее крыльях не было даже пыли.

Кристина выглядела как новая.

Она остановилась перед широкой дверью молчаливого, безлюдного здания. В машине была маленькая пластиковая коробочка, прикрепленная к солнцезащитному козырьку над сиденьем водителя. Добрый дядя Уилл Дарнелл дал ее Эрни, когда тот начал помогать ему в торговле сигаретами и выпивкой, — возможно, такой версией сам Дарнелл объяснял существование золотого ключика в своей каморке.

Зажужжал электромотор, и дверь гаража послушно поднялась. Ручка дальнего света на руле управления Кристины внезапно сдвинулась, и передние фары погасли. Она въехала внутрь и, шурша шинами по бетонному полу, направилась к стоянке номер двадцать. За ней опустилась железная дверь гаража — таймер электромотора был поставлен на тридцать секунд.

Ключ зажигания Кристины повернулся влево. Двигатель заглох. Кожаный квадратик с инициалами «Р.Д.Л.», висевший на кольце для ключей, покачался из стороны в сторону и замер.

В тишине гаража чуть слышно пощелкивал остывающий двигатель.

31. На следующий день

У меня «Шевроле», неплохая машина.

Этой ночью она поджидает меня
на стоянке, которая у магазина...

На следующий день Эрни Каннингем не пошел в школу. Он сказал, что плохо себя чувствует, однако к вечеру его здоровье позволило ему одеться и собраться ехать в гараж Дарнелла. Регина почти не протестовала: она сомневалась в том, что сможет удержать сына, и не хотела лишний раз подвергать риску свой пошатнувшийся авторитет. Она решила только заметить, что если Эрни еще пару недель провозится с машиной, то либо попадет в больницу, либо его будут принимать за наркомана: такой у него был изможденный вид.

Эрни уже взялся за ручку передней двери, когда она спросила:

— Ты знал парня, который попал под машину на Кеннеди-драйв?

Эрни без выражения посмотрел на нее.

— А что?

— В газете написано, что он ходил в среднюю школу Либертивилла.

— Ах, тот, которого сбила машина... вот о ком ты говоришь.

— Да.

— Когда-то я ходил с ним в один класс, — сказал Эрни. — Нет, мам, я почти не знал его.

— Это хорошо, — она удовлетворенно кивнула. — В статье говорится, что у него были найдены следы наркотиков.

Эрни широко улыбнулся:

— Нет, мам.

— И если у тебя начнет болеть спина — я хочу сказать, если она по-настоящему начнет болеть, — то ты покажешься еще раз врачам? Ты ничего не будешь покупать у... торговцев наркотиками, да?

— Не буду; мам, — пообещал он и вышел из дома.

На занесенной снегом дорожке он увидел отца и хотел пройти, не останавливаясь, но тот окликнул его. Эрни нехотя подошел. Он опаздывал на автобус.

Как и Регина, его отец выглядел не лучшим образом. Ему пришлось приложить немало сил, чтобы возглавить кафедру истории в университете. Новую должность он получил в августе, а в октябре врачи нашли у него флебит — подобное воспаление век чуть не стало роковым для Никсона, оно иногда случается у пожилых людей. Однако Майкл Каннингем полагал, что неприятности с Кристиной тоже могли способствовать его болезни.

— Привет, пап. Слушай, я тороплюсь на... Майкл отбросил садовые грабли на еще зеленую опавшую листву, которую только что сгреб в большую кучу, и взглянул на сына. Его лицо было таким осунувшимся, что Эрни даже отпрянул немного.

— Арнольд, — проговорил он. — Где ты был прошлой ночью?

— Что? — Эрни ошалел от неожиданности. — Здесь, а в чем дело? Ты же знаешь, я был здесь.

— Всю ночь?

— Конечно. Лег спать в десять часов и не вставал до утра. Я был просто вымотан. А что?

— То, что мне сегодня звонили из полиции, — сказал Майкл. — И спрашивали о том парне, который ночью попал под машину на Кеннеди-драйв.

— Шатун Уэлч, — проговорил Эрни. Он спокойным взглядом посмотрел на отца. Тот, в свою очередь, поразился изможденному виду сына — Майклу вдруг показалось, что такие темные круги под глазами, какие были у Эрни, больше подходили бы к пустым глазницам высушенного черепа, чем к живому человеческому лицу.

— Да, его фамилия была Уэлч.

— Они должны были позвонить. Мама не знает, что он был одним из тех парней, которые разломали Кристину?

— Если знает, то не от меня.

— Я тоже не сказал. По-моему, ей лучше ничего не знать, — негромко произнес Эрни.

— Может, ей станет все известно откуда-нибудь еще, — сказал Майкл. — Скорее всего так и будет. Она очень умная женщина — и, во всяком случае, умнее, чем ты думаешь. Но если ей что-нибудь станет известно, то не от меня.

Эрни ухмыльнулся:

— Мама спрашивала, не сижу ли я на игле. Может быть, ты тоже думаешь, что у меня появились наркотики? — Он сделал такое движение, как будто хотел засучить рукав. — Могу показать руки.

— Мне не нужно проверять твои руки. — Майкл нахмурился. — Насколько я понимаю, у тебя появилась одна вещь. Твоя проклятая машина.

Эрни повернулся, собираясь уйти, но Майкл схватил его за плечо.

— Отпусти.

Майкл убрал руку.

— Хочу, чтобы ты знал, — сказал он. — Я не думаю, что ты способен убить кого-нибудь, как не думаю, что ты можешь пройти пешком по воде в плавательном бассейне. Но полицейские будут задавать тебе вопросы...

— Почему? Потому что какой-то пьяный переехал этого говнюка Уэлча?

— Не совсем так, — поправил Майкл. — Я довольно много вытянул из Дженкинса, из того полицейского, который звонил мне. Кто бы ни сбил Уэлча, он сшиб его, потом вернулся, переехал его снова и снова вернулся...

— Хватит, — сказал Эрни.

Внезапно его вид стал измученным и испуганным, и Майкл почувствовал то же самое, что Дэннис почувствовал в День Благодарения: что в этой усталой безнадежности вдруг промелькнул прежний, настоящий Эрни — промелькнул так близко, что в тот момент его можно было коснуться рукой.

— Это было... невероятно жестоко, — договорил Майкл. — Так сказал Дженкинс. Как видишь, это отнюдь не похоже на несчастный случай. Это больше похоже на убийство.

— Убийство, — ошеломленно повторил Эрни. — Нет, я ни за что...

— Что? — резко спросил Майкл. Он снова схватил Эрни за локоть. — Что ты сказал?

Эрни посмотрел на отца. Его лицо опять стало похожим на маску.

— Я ни за что не подумал бы, что такое может случиться, — сказал он. — Вот и все, что я собирался сказать.

— Я только хочу, чтобы ты знал, — проговорил Майкл. — Они будут искать какой-нибудь мотив преступления. Пусть даже сомнительный. Они знают, что случилось с твоей машиной, и паренек Уэлч мог принимать участие в том деле — или что ты мог подумать, что он принимал участие. Дженкинс может прийти для разговора с тобой.

— Мне нечего скрывать, — Ну конечно, — Майкл вздохнул. — Ты опоздаешь на автобус.

— Да, — сказал Эрни. — Мне пора.

Однако он задержался еще немного. Его глаза внимательно смотрели на отца.

Майклу сделалось немного жарко. Он облизал пересохшие губы и проговорил:

— Продай ее, Эрни. Почему бы тебе не продать ее? Когда она будет полностью готова? Ты сможешь выручить много денег. Пару тысяч, может быть, три.

Казалось, Эрни снова чего-то испугался; впрочем, Майкл мог и ошибаться. Последние лучи солнца скрылись за горизонтом, и небольшой сад начал погружаться в темноту.

— Нет, пап, я не могу продать ее, — произнес Эрни мягко, точно разговаривал с ребенком. — Сейчас не могу. Я слишком много вложил в нее. Слишком много.

С этими словами он повернулся и пошел через сад к пешеходной дорожке. Вскоре звуки его шагов затихли в темноте за оградой.

Слишком много вложил в нее? Так ли? И что именно? Что именно ты вложил в нее, Эрни?

Майкл посмотрел на кучу пожухлых листьев, а потом обвел глазами весь сад. Почти везде лежали белые пятна снега, отчетливо проступавшие в сумерках и ожидавшие скорого пополнения.

Ожидавшие зимы.

32. Регина и Майкл

Она так чудесна, она как живая,
модель 409 четырехскоростная.

Регина устала — с недавних пор она стала очень быстро уставать, — и они пошли в спальню задолго до прихода Эрни. Там они вяло и безрадостно позанимались любовью (в последнее время они почти всегда занимались любовью вяло и безрадостно, и у Майкла стало появляться неприятное чувство, что его супруга использовала половой орган мужа, как некую разновидность снотворного), а когда после лежали на своей двуспальной кровати, Майкл невзначай спросил:

— Как ты спала прошлой ночью?

— Неплохо. — ответила Регина. — А что?

— Я вставал часов в одиннадцать, и Эрни еще не спал.

— По-моему, я в час поднималась наверх, — проговорила Регина и поспешно добавила:

— Только для того, чтобы зайти в ванную комнату. И по пути заглянула к нему. — Она улыбнулась какой-то виноватой улыбкой. — Старые привычки долго не умирают, да?

— Пожалуй, — согласился Майкл.

— Он крепко спал. Зря он не одевает пижаму в холодное время.

— Он был в нижнем белье?

— Да.

Он замолчал, устыдившись себя. Вряд ли Регина могла ошибиться во времени — электронные часы, стоявшие на ее бюро, показывали часы и минуты так ярко, что принять одну цифру за другую было практически невозможно. Его сын находился здесь в час ночи, а Уэлч попал под машину в половине второго. За полчаса Эрни не мог одеться, выйти из дома, добраться до гаража Дарнелла и оттуда приехать на Кеннеди-драйв. Физически не мог.

Да он и не верил в это. Просто к нему в сердце закрался какой-то червячок сомнения, и, избавившись от него, Майкл мог спокойно заснуть.

Регина, лежавшая рядом с ним, заснуть не могла. Она прислушивалась к тишине и ждала, когда внизу хлопнет входная дверь, и это будет означать, что ее сын вернулся из внешнего мира.

Когда откроется и закроется дверь... когда на лестнице послышатся шаги ее сына... тогда она сможет заснуть.

Может быть.

33. Дженкинс

Эй, крошка, стой! Подвезу куда надо...

Ты что-то сказала?..

И все же: молчать или делом заняться?

Но, крошка, ведь именно ты — мое дело!

Да, ты — мое дело, хорррошее дело!

А я обожаю хорошее дело!

В какой я, по-твоему, еду машине?

Да будет известно тебе — в «Кадиллаке»!

Скажу тебе, крошка — вот это машина!

Вперед, Джозефина!..

Вперед, Джозефина!..

Дженкинс появился у Дарнелла приблизительно без четверти восемь того же вечера. Эрни как раз закончил работу над Кристиной. Он заменил антенну, сломанную Реппертоном, на новую и последние пятнадцать минут просто сидел за рулем, слушая программу «Золотая кавалькада по пятницам», которую передавало радио WDIL. Эдди Кокран пел «Давайте все вместе!». Перед ним были «Я победил закон» Бобби Фоллера, «Кричи!» Бадди Холли и другие старые некоммерческие песенки.

Эрни медленно постукивал пальцами по приборной доске и рассеянно смотрел на ветровое стекло. Оно было совершенно новым, хотя он не покупал его (и не заменял), как не покупал (и тоже не заменял) обивку на сиденьях, распоротых Бадди и его друзьями. Под капот он заглянул только один раз и сразу захлопнул крышку, ужаснувшись тому, что они сделали с двигателем.

Однако сейчас радиатор был целехонек, распределительная коробка стояла на месте, и свечи исправно подавали искру. Машина работала как новая.

Но были сны.

Ему снился Лебэй за рулем Кристины, Лебэй в армейской форме, перепачканной серо-голубой кладбищенской глиной. Кожа Лебэя почти истлела, и из-под нее высовывались белые кости. В глазницах черепа было пусто и темно (но что-то извивалось внутри — да, там что-то было). А затем зажигались передние фары Кристины и пронзали кого-то насквозь, как насекомое на белом квадрате почтовой бумаги. Кого-то знакомого.

Шатуна Уэлча?

Может быть. Но Эрни казалось, что лицо человека меняло черты с той же стремительностью, с какой Кристина приближалась к нему: то было лицо Реппертона, то Сэнди Галтона, то заплывшая физиономия Уилла Дарнелла.

Кто бы там ни был, он отпрыгивал в сторону, но Лебэй переключал Крестину на задний ход, двигая рычаг скоростей черными полусгнившими пальцами — на одном из них блесело обручальное кольцо, — а потом еще раз направлял машину на фигурку человека, бежавшего по улице. И когда Кристина снова настигала его, он в ужасе поворачивал голову, и Эрни узнавал лицо своей матери... лицо Дэнниса Гилдера... лицо Ли, опутанное растрепанными темно-белокурыми волосами... и наконец свое собственное лицо с губами, перекошенными криком: «Нет! Нет! Нет!»

И, перекрывая все звуки, даже рев выхлопных труб (все-таки что-то было повреждено под днищем), раздавался торжествующий, пронзительный крик, вместе с черными брызгами вырывавшийся из сгнившей глотки Лебэя:

Вот ты где, говнюк! Ну как тебе это понравится?!

От тяжелого смертельного удара — такого сильного, что очки крутятся улетами куда-то в темноту, — Эрни просыпался в своей комнате и с облегчением ощущал себя живым. Он был жив, Лебэй был мертв, а Кристина была в полной сохранности. Три вещи, имевшие значение в окружающем их мире. Но, Эрни, как ты повредил свою спину?

Какой-то ехидный, коварный внутренний голос задавал ему вопрос — и он боялся ответить.

Я поранил ее в Филли-Плэйнс, рассказывал он каждому. Один из разбитых автомобилей чуть не скатился с платформы, и мне пришлось поднимать его обратно, — ничего страшного, бывает и хуже. Так он говорил. И один автомобиль действительно чуть не скатился с платформы, и он

действительно вталкивал его обратно, но разве так он поранил себе спину? Нет, не так.

В ту ночь, после того, как он и Ли нашли на стоянке Кристину, разбитую ко всем чертям, осевшую на спущенных шинах... в ту ночь, когда в гараже Дарнелла уже никого не было... он включил радио в офисе Уилла и поймал волну WDIL... Уилл доверял ему, почему бы и нет? Он помогал переправлять сигареты в другие штаты и два раза отвозил какие-то свертки в автомагазин, где парень в старом «челленджере-додже» менял их на почти такие же, немного меньшие. Эрни предполагал, что дело было связано с кокаином, но не был уверен.

В этих поездках Эрни пользовался автомобилем Уилла Дарнелла, «империалом» 1966 года. В его багажнике было двойное дно. Эрни оно не волновало.

Более важным ему казалось то, что теперь у него были ключи от гаража. Он мог прийти, когда все уже ушли. Как в ту ночь. Тогда он включил WDIL... и потом... потом...

Каким-то образом поранил себе спину.

Что он делал, когда поранил ее?

Действительно ли он хотел знать об этом? Скорее, нет. Пожалуй, иногда он вообще не хотел возиться со своей машиной. Иногда он чувствовал, что ему лучше... ну, отвезти ее на свалку. Не то чтобы он мог так поступить. Просто иной раз (например, проснувшись вчера ночью) он чувствовал, что если бы избавился от нее, то был бы... счастливее.

Радиоприемник начал ловить какие-то помехи, но волна не ушла. «Марвелетс» пели «Сделайте одолжение, мистер почтальон».

А затем чей-то голос сказал ему на ухо:

— Арнольд Каннингем?

Он выключил радио и повернул голову. Невысокий щеголеватый человек наклонился к окну Кристины. У него были темно-карие глаза и чистая белая кожа — пришел с холода, догадался Эрни.

— Да?

— Рудольф Дженкинс. Полиция штата, отдел по расследованиям.

Дженкинс протянул руку в открытое окно. Эрни посмотрел на нее. Итак, его отец был прав.

Он обаятельно улыбнулся, крепко пожал руку и произнес:

— Не стреляйте, шериф, я сдаюсь. Тот улыбнулся в ответ, однако глаза его продолжали изучать машину со скрупулезностью, которая не понравилась Эрни. Совсем не понравилась.

— Вот так штука! В местной полиции мне говорили, что парни, которые поработали над твоей жестянкой, превратили ее в решето. По-моему, она так не выглядит.

Эрни пожал плечами и выбрался из машины. Заканчивалась пятница, гараж уже наполовину опустел, и на двадцатой стоянке они были предоставлены самим себе.

— Она была не так плоха, как выглядела, — сказал он. Эрни подумалось, что этот коротышка полицейский с довольной ухмылкой на лице весьма сообразителен. Он положил руку на крышку Кристины и сразу почувствовал себя лучше. Он справится с полицейским, умен тот или нет. В конце концов, о чем ему было беспокоиться. — У нее не было серьезных повреждений.

— Неужели? Я так понял, что кузов был продырявлен основательно. Должно быть, ты гений жестяных работ, Эрни. — Он обезоруживающе засмеялся, но его взгляд продолжал скользить по машине, изредка переключаясь на лицо Эрни, которому это нравилось все меньше и меньше.

— Увы, нет. Просто мне повезло. Я поискал новые части для кузова «плимута» и нашел их в

Рагглисе. Вот на этом боку я поменял всю заднюю дверцу. Видите, краска немного отличается? — Он похлопал ладонью по дверце.

— Извини, Эрни, — проговорил Дженкинс. — Наверное, с помощью микроскопа я смог бы сказать точнее, но на первый взгляд она ничем не отличается от остальных.

Он тоже похлопал по дверце. Эрни нахмурился.

— Бездна работы, — сказал Дженкинс. Он не спеша обошел машину и остановился возле ее переда. — Бездна работы, Эрни. Тебя нужно поздравить.

— Спасибо. — Он понаблюдал за тем, как Дженкинс рассматривал фары, решетку и капот, пытаясь обнаружить на них какие-нибудь вмятины, а может быть, пятна крови или клочки волос. Эрни внезапно понял, что тот искал следы Шатуна Уэлча. — Что конкретно я могу сделать для вас, детектив Дженкинс?

Дженкинс улыбнулся.

— Парень, не будь так официален! Зови меня Руди, хорошо?

— Конечно. Что я могу сделать для вас, Руди?

— Знаешь, все это довольно забавно. — Дженкинс рассеянно посмотрел на левую переднюю фару Кристины. Присев на корточки, провел пальцем по блестящему металлическому обручу, а потом встал. — У нас есть доклады о том, как была искорежена твоя машина...

— Эй, они вовсе не искорежили ее, — перебил его Эрни. Он начал чувствовать себя так, словно шел по канату, натянутому над пропастью, и снова дотронулся до Кристины. Ее твердость и ее реальность еще раз придали ему уверенности. — Они пытались, да, но у них ничего не получилось.

— Ладно. Наверное, я не совсем владею современной терминологией, — Дженкинс засмеялся. — Во всяком случае, когда я прочитал их, то как ты думаешь, что я сказал? Где фотографии? Вот что я сказал. Я решил, что их попросту забыли приложить, и позвонил в Либертивилл. И тогда оказалось, что фотографий не было.

— Еще бы, — сказал Эрни. — У ребят моего возраста, как вы знаете, никогда не бывает полноценной страховки. Она слишком дорого стоит. Если бы у меня была страховка от повреждений, я бы наснимал сколько угодно фотографий. Но без нее — зачем? Для семейного альбома?

— Конечно, они тебе ни к чему, — согласился Дженкинс, рассматривая крылья машины. — Но знаешь, что мне кажется еще более забавным? Ты даже не сообщил о преступлении. — Он поднял на Эрни вопросительный взгляд и пристально уставился на него — а затем натянуто рассмеялся:

— Даже не сообщил! «Вот так сукин сын, — сказал я. — Кто же тогда сообщил?» Отец парня, так мне сказали.

Дженкинс покачал головой.

— Эрни, я ничего не понимаю и не возражаю, если ты мне кое-что объяснишь. Парень из кожи лезет вон, чтобы починить старый автомобиль, потом, когда его цена возрастает до двух или пяти тысяч долларов, приходят другие ребята и разбивают его ко всем чертям...

— Я же сказал...

Руди Дженкинс поднял руку и обезоруживающе улыбнулся. В какую-то долю секунды Эрни думал, что он собирается сказать: «Мир», — как делал Дэннис, когда ситуация становилась слишком тяжелой.

— Повреждают. Извини.

— Ничего, — сказал Эрни.

— Во всяком случае, по словам твоей подружки, один из преступников... ну, испачкал приборную панель. Я бы полагал, что ты должен был бы сойти с ума от ярости. Или хотя бы сообщить об этом. Улыбка вдруг сползла с его лица, и теперь он смотрел на Эрни строгим, даже суровым взглядом. Холодные серые глаза Эрни встретились с его карими глазами.

— Мистер Руди, — наконец сказал он. — Могу я сказать вам одну вещь?

— Конечно, сынок.

— Когда мне было полтора года, я расцарапал вилкой антикварное бюро, в котором моя мама держала деньги. Разумеется, я этого не помню, но моя мама говорит, что тогда у нее было желание продержать меня в пеленках еще года два. — Эрни усмехнулся. — Правда, она не совсем точно исполнила свое намерение...

Дженкинс зажег сигарету.

— Я что-то упустил. Эрни? Не понимаю, куда ты клонишь.

— Ей было проще держать меня в пеленках, чем ремонтировать дорогую мебель. Видите ли, дерьмо можно убрать.

— Как Шатуна Уэлча? — спросил Дженкинс.

— Об этом я ничего не знаю.

— Нет?

— Нет.

— Честное слово?

Эрни посмотрел в дальний конец гаража, где какой-то парень собирал инструменты, разбросанные возле его машины.

— Честное слово, — сказал он. — Послушайте, у вас, конечно, такая работа...

— Да, у меня такая работа, — мягко согласился Дженкинс. — Парня переехали несколько раз в одну и другую сторону. От него осталось жидкое месиво. Его соскребали лопатой с дороги.

— Ну давайте, — с трудом выговорил Эрни. У него что-то медленно переворачивалось в желудке.

— А что? По-твоему, разве не так поступают с дерьмом? Разве не соскребают лопатой?

— Я тут ни при чем! — заорал Эрни, и парень в другом конце гаража, выпрямившись, уставился на него.

— Извините. Мне бы хотелось, чтобы вы меня оставили в покое. Вы прекрасно знаете, что я тут ни при чем. Если бы Кристина столько раз и так сильно ударила Уэлча, то она была бы вся измята. Так много я знаю только потому, что смотрю телевизор. — Эрни проглотил комок в горле и почувствовал, как оно пересохло.

— Да, — сказал Дженкинс. — Твоя машина выглядит нормально. Но не ты, детка. Ты выглядишь, как лунатик. У тебя абсолютно вздрюченный вид. Пардон за мой французский, — он отшвырнул сигарету. — Знаешь что, Эрни?

— Что?

— Ты лжешь быстрее, чем соображаешь, что тебе говорят. Я не думаю, что ты солгал об убийстве Уэлча. Но я думаю, что ты не сказал правду о том, что они сделали с твоей машиной. Твоя девушка плакала, когда рассказывала мне о том, что видела. Она говорила, что все было усеяно разбитым

стеклом... Между прочим, где ты покупал стекла?

— У Макконнела, — с готовностью произнес Эрни. — В Берге.

— Чек остался?

— Я его выбросил.

— Но они вспомнят тебя. Такой большой заказ!

— Могут и вспомнить, — проговорил Эрни. — Но я бы не полагался на них, Руди. Между Нью-Йорком и Чикаго они самые известные специалисты по автомобильным стеклам. Их магазин занимает очень большую площадь. Они делают свое дело и обслуживают очень много старых автомобилей.

— И все-таки они ведут учет.

— Я платил наличными.

— Но твое имя обнаружится в накладных бумагах.

— Нет. — сказал Эрни и холодно улыбнулся. — У Дарнелла гараж с самообслуживанием. На этом я получил десять процентов скидки.

— У тебя все концы спущены в воду, да?

— Лейтенант Дженкинс...

— Ты лжешь о стекле, но будь я проклят, если понимаю зачем.

— Я тоже не все понимаю, лейтенант. С каких пор стало преступлением заменять разбитые стекла? Или платить наличными? Или получать скидку?

— Ни с каких, — сказал Дженкинс.

— Тогда оставьте меня в покое.

— Важнее другое. По-моему, ты лжешь о том, что ничего не знаешь о происшедшем с Шатуном Уэлчем. Ты что-то знаешь. Я хочу знать, что именно.

— Я ничего не знаю, — сказал Эрни.

— А как насчет...

— Больше мне нечего сказать вам, — перебил его Эрни. — Извините.

— Ладно, — произнес Дженкинс, сдавшись так быстро, что Эрни подозрительно посмотрел на него. Он полез во внутренний карман пиджака и вынул бумажник. Эрни увидел, что под мышкой у Дженкинса висела кобура с пистолетом, и подумал, что тот хотел показать ее. Достав из бумажника визитную карточку, полицейский протянул ее Эрни. — Меня можно найти по одному из этих телефонов. Если вдруг пожелаешь поговорить о чем-нибудь. Все равно о чем.

Эрни положил карточку во внутренний карман. Дженкинс еще раз не спеша обошел вокруг Кристины.

— Бездна восстановительной работы, — повторил он. Затем пристально взглянул на Эрни. — Почему ты не сообщил?

Эрни глубоко вздохнул.

— Потому что думал: тогда на этом все закончится. — Помолчав, он добавил:

— Я думал, что если не сообщу, то они отвяжутся от меня.

— Да, — сказал Дженкинс. — Я думал о такой возможности. Спокойной ночи, сынок.

— Спокойной ночи.

Дженкинс начал поворачиваться, чтобы уйти, но остановился вполоборота к Эрни.

— Подумай обо всем как следует, — проговорил он. — Ты неважно выглядишь — понимаешь, что я имею в виду? У тебя хорошенькая девушка. Она беспокоится о тебе и о том, что случилось с машиной. Твой папа тоже волнуется. Я разобрал это даже по телефону. Подумай как следует и позвони мне, сынок. Ты будешь лучше спать.

Эрни почувствовал, как у него задрожало что-то под языком — что-то жгучее и соленое, как слезы. На него смотрели добрые глаза Дженкинса. Он открыл рот — Бог знает что могло вырваться из него, — когда острая игла чудовищной боли пронзила его спину, заставив его мгновенно выпрямиться. Кроме того, она произвела эффект электрического шока во время истерики. Он почувствовал себя отрезвленным.

— Спокойной ночи. — повторил он. — Спокойной ночи, Руди!

Дженкинс в нерешительности посмотрел на него, а потом ушел.

Эрни стало трясти с ног до головы. Дрожь началась с ладоней и вскоре распространилась по всему телу. Ничего не видя, он на ощупь нашел дверную ручку Кристины, рванул на себя и повалился в дурманящие запахи автомобиля и свежей обивки. Трясущимися руками он включил радиоприемник. Открыв глаза, он увидел кожаный брелок с выжженными инициалами «Р.Д.Л.», и его сон обрушился на него с новой силой: гниющий труп на том же месте, где он сейчас сидел, пустые глазницы, глядящие сквозь ветровое стекло, костяшки пальцев, вцепившиеся в руль, зияющая ухмылка черепа, когда Кристина наезжала на Шатуна Уэлча, а радио, настроенное на волну WDIL, играло «Последний поцелуй» в исполнении Фрэнка Уилсона и «Кавалере».

Внезапно его замутило, мучительные спазмы сдавили горло. Эрни выскочил из машины и едва успел добежать до туалета. Его выворачивало вновь и вновь, пока изо рта не потекла розовая пена. Перед глазами замелькали огоньки. В ушах шумело, а мускулы живота устало пульсировали.

Он посмотрел на свое бледное и худое лицо в зеркале. Под глазами были темные круги, волосы спутанными прядями падали на лоб. Дженкинс был прав. У него был чертовски неважный вид.

Неожиданно для себя он решил, что ему нужно поговорить с Ли.

Телефон Кэйботов он помнил наизусть, но в пустом и гулком офисе Уилла дважды ошибся номером, потому что у него дрожали пальцы. Ли ответила сама, но ее голос звучал довольно сонно.

— Эрни?

— У меня есть разговор. Ли. Мне нужно увидеть тебя.

— Эрни, уже почти десять часов. Я только что приняла душ... я засыпаю...

— Пожалуйста, — сказал он и закрыл глаза.

— Завтра, — проговорила она. — Родители не выпустят меня так поздно.

— Еще только десять часов. И сегодня пятница.

— Они не хотят, чтобы я часто встречалась с тобой, Эрни. — На том конце провода наступило долгое молчание... — По-моему, ты тоже, — наконец произнесла Ли.

— Значит ли это, что ты больше не хочешь меня видеть?

У него болел желудок. Болела спина. Болело все.

— Нет. — В ее голосе послышался слабый упрек. — Насколько мне стало ясно, это ты не хочешь меня видеть... ни в школе, ни по вечерам, когда ты пропадаешь в своем гараже... со своей машиной.

— Теперь все кончено, — через силу выговорил он. И — с еще большим напряжением:

— С машиной я решил — а, дьявол! — Он схватился за спину, пораженный новым приступом боли,

но рука ощутила только шершавую поверхность банджа.

— Эрни? — Она встревожилась. — Ты в порядке?

— Да. У меня стрельнуло в спине.

— Ты что-то хотел сказать?

— Завтра, — произнес он. — Мы поедем в Баскин-Роббинс, может сделаем покупки к Рождеству — и в семь часов ты будешь дома. Тебе не будет скучно, я обещаю.

Она негромко рассмеялась, и Эрни почувствовал себя гораздо лучше.

— Все-таки ты чересчур самонадеян.

— Так, значит, да?

— Значит, да. — Ли помолчала и мягко добавила:

— Я сказала, мои родители не хотят, чтобы я часто встречалась с тобой. Но о себе я этого не говорила.

— Спасибо. — У него дрожал голос. — Спасибо и на этом.

— Что за разговор у тебя ко мне?

Кристина. Я хочу поговорить с тобой о ней и о моих снах. И о том, почему у меня такой чертовски плохой вид. И почему я теперь все время хочу слушать радио WDIL, и что я делал в ту ночь, когда все ушли... когда я поранил спину. Ли, я хочу...

Снова острая боль, вцепившаяся в спину, как кошачьи лапы.

— По-моему, он только что состоялся.

— А... — Короткая пауза. — Ну, хорошо.

— Я люблю тебя.

— До свидания, Эрни.

Скажи мне то же самое, — захотелось ему закричать. — Скажи мне то же самое, мне это нужно!

Но в телефонной трубке уже звучали короткие гудки.

Эрни встал и медленно подошел к двери. Она не хотела успокаивать его, да? Но завтра они встретятся, это важнее. Они сделают покупки к Рождеству, как намеревались в день, когда те говнюки разломали Кристину, они будут гулять и разговаривать, они хорошо проведут время. Она скажет, что она любит его.

— Она скажет это, — пробормотал он и, замерев на пороге, посмотрел в левый дальний угол гаража. Ее перед, оскаленный хромированной решеткой, как будто был нацелен на кого-то.

И голос из его нижнего подсознания ехидно прошептал: Как ты поранил спину? Как ты поранил спину, Эрни?

От этого вопроса он съежился. Он боялся ответа.

34. Ли и Кристина

Малютка моя приехала в Кадиллаке
и позвала меня: «Папа, пойдя сюда,
я уезжаю от тебя навсегда».

Малютка моя послушай меня, послушай!

Вернись, дорогая малютка моя, вернись!

Она мне сказала: «Напейся от счастья, папа
я не вернусь к тебе никогда!»

Она бы наверняка умерла, если бы не хитчхайкер,[1] голосовавший на дороге. Они хорошо провели время, сделали кое-какие покупки к Рождеству и возвращались уже в сумерках. Колеса Кристины исправно прокладывали путь в четырехдюймовом слое снега.

Эрни заказал ранний завтрак в «Бритиш лайон стик-хауз», лучшем ресторане Либертивилла, но они туда не успевали и решили перекусить в «Макдоналдсе» на Кеннеди-драйв. У Кэйботов вечером намечалось небольшое застолье, и Ли обещала маме быть дома не позже половины девятого.

— Ну хорошо, пусть будет «Макдоналдс», — сказал Эрни. — Это даже ближе, а я чертовски проголодался.

В пяти милях от Либертивилла передние фары выхватили из темноты одинокую фигуру хитчхайкера, стоявшего на пересечении 17-го шоссе и Кеннеди-драйв. Его длинные черные волосы были запорошены снегом, у ног лежала холщовая сумка.

Когда они подъезжали к нему, хитчхайкер поднял широкую табличку, на которой значилось: ЛИБЕРТИВИЛЛ, ПЕНСИЛЬВАНИЯ. Когда они совсем приблизились, он перевернул табличку на другую сторону. Там было написано: НЕ ПСИХОПАТ, А СТУДЕНТ КОЛЛЕДЖА.

Ли прыснула со смеху:

— Эрни, давай подвезем его. Эрни недовольно произнес:

— Если объявляют об отсутствии психопатии, то надо быть настороже. Но ладно. — Он подрулил. У него было желание исполнять все, что ни попросила бы Ли.

Немного скользя шинами, Кристина мягко подкатила к краю дороги. Однако когда она остановилась, в радиоприемнике слышались помехи: впрочем, эфир почти сразу очистился. Вот только Билли Джоэл, певший «Может быть, ты права», куда-то исчез, а вместо него появились Биг Боппер и «Кофе с ликером».

— Что случилось с рок-уик-эндом — спросила Ли, пока хитчхайкер шел к ним.

— Не знаю, — ответил Эрни, но он знал. Такое случалось раньше. Иногда радио Кристины ловило только WDIL. Это не зависело от того, какую нажимать кнопку и сколько возиться с УКВ конвертером, расположенным под приборной панелью; звучало либо WDIL, либо ничего.

Внезапно он почувствовал, что сделал ошибку, остановившись возле хитчхайкера.

Однако думать задним умом было уже поздно, парень открыл дверцу Кристины, бросил на пол холщовую сумку и полез следом. Вместе с ним ворвался холодный воздух, в котором клубились снежинки.

— Ох, ребята, спасибо. — он вздохнул. — У меня пальцы на руках и ногах отпросились в Майами-Бич минут двадцать назад. Должно быть, они где-то ходят, потому что я их совсем не чувствую.

— Благодарю мою леди, — бросил Эрни.

— Благодарю, мадам, — галантно проговорил хитчхайкер.

— Не стоит, — улыбнулась Ли. — Веселого Рождества.

— И тебе того же. — произнес парень, — хотя о нем не думаешь, когда вечером стоишь у дороги и пытаешься остановить кого-нибудь. Все улыбаются и проезжают мимо. — Он оценивающе посмотрел вокруг. — Хорошая машина, ребята. Чертовски хорошая машина.

— Спасибо, — проговорил Эрни.

— Сам ее восстанавливал?

— Да.

Ли недоумевающе взглянула на Эрни. Его прежнее словоохотливое настроение сменилось немногословностью, которая была не в его характере. «Биг Боппер» допели свою песенку, и из радиоприемника зазвучала «Куколка» в исполнении Ричи Валенса.

Хитчхайкер покачал головой и засмеялся.

— Сначала «Биг Боппер», потом Ричи Валенс. Верно, на радио наступила ночь смерти. Старое доброе WDIL.

— О чем ты?

Эрни выключил приемник.

— Они погибли в авиакатастрофе. Вместе с Бадди Холли.

— А, — тихо произнесла Ли.

Вероятно, парень тоже заметил перемену в настроении Эрни; он погрузился в молчание, размышляя о чем-то на заднем сиденье. Снаружи снег повалил гуще и быстрее. Приближалась первая настоящая зимняя буря.

Наконец среди снегопада тускло засветилась красно-золотая арка.

— Эрни, зайдешь вместе со мной? — спросила Ли.

Эрни был спокоен, как камень.

— Я схожу один, — сказал он, подруливая к бордюру. — Что тебе хочется?

— Только гамбургер и французские пирожки, пожалуйста. — Сначала она думала о полном наборе: биг-мак, пирожные и фруктовый коктейль, — но у нее пропал аппетит.

Эрни припарковался. В желтоватом свете, падавшем из окон соседнего дома, его лицо казалось особенно болезненным. Он обернулся назад:

— Тебе прихватить чего-нибудь?

— Нет, спасибо, — сказал хитчхайкер. — Родители ждут к ужину. Не могу разочаровывать мою маму. Она не...

Звук хлопнувшей двери прервал его на полуслове. Эрни уже бежал к входной двери, от его ботинок отлетали комья снега.

— Он всегда такой крутой? — спросил парень. — Или у него приступ суровости?

— Он очень добрый, — твердо произнесла Ли. Внезапно она стала нервничать. Эрни вынул из машины ключ зажигания и оставил ее наедине с этим незнакомцем. Она видела его в зеркале заднего обзора, и он не внушал ей доверия.

— Где ты учишься? — спросила она. Ее пальцы перебирали складки на слаксах, и она заставила их лежать спокойно.

— В Питсбурге, — кратко ответил хитчхайкер. Его глаза встретились с ее глазами в зеркале, и она опустила взгляд. Красно-клюквенные слаксы. Она надела их из-за Эрни: однажды он сказал, что они ему нравятся — может быть, потому, что плотно облегли ее бедра. Плотнее, чем «Левайсы». Она почему-то пожалела, что не выбрала что-нибудь менее вызывающее. Или не сшила себе какое-нибудь рубище. Она попыталась улыбнуться — идея была довольно забавной, но у нее ничего не вышло. Она не могла не признаться себе самой: Эрни оставил ее наедине с незнакомым человеком (наказание? Это она предложила подобрать его), и теперь ей было страшно.

— Плохие вибрации, — неожиданно сказал хитчхайкер, и у нее перехватило дыхание. Его слова были обдуманно и решительно. Она могла увидеть Эрни через витринное окно, стоявшего в очереди

шестым по счету. До кассы ему было еще довольно далеко. Она поймала себя на мысли о том, как перчатки незнакомца хватают ее за горло. Конечно, она успевала дотянуться до гудка... но прозвучит ли он? Она поняла, что без всяких видимых причин сомневалась в этом. Она подумала, что могла девяносто девять раз бить по нему и не добиться результата. Но если так, то на сотый раз была бы задушена этим хитчхайкером, на чью милость была оставлена, а гудок все равно не сработал бы. Потому что... потому что Кристина не любила ее. Больше того, ей казалось, что та внутренне ненавидит ее. Вот так все было просто. Безумно, но просто.

— И-извините? — Она взглянула в зеркало и, к своему безмерному облегчению, увидела, что хитчхайкер вовсе не смотрел на нее; он рассматривал машину. Кончиками пальцев он провел по обшивке сидений.

— Плохие вибрации, — повторил он и покачал головой. — В этой машине — не знаю почему, но я улавливаю плохие вибрации.

— В самом деле? — спросила она, надеясь, что ее голос прозвучит не слишком эмоционально.

— Да. Когда я был ребенком, я застрял в лифте. С тех пор у меня бывают приступы клаустрофобии. В машине у меня их еще не было, но сейчас я чувствую именно такой приступ. По-моему, о мой язык можно зажечь кухонную спичку — так пересохло у меня во рту.

Она засмеялась коротким, принужденным смехом.

— Если бы не так поздно, я бы вылез из машины и пошел пешком, — враждебно добавил он, и, когда Ли глянула в зеркало, его глаза показались ей совсем не дикими, а просто беспокойными. Он не был похож на Чарли Мэнсона и явно не шутил насчет клаустрофобии. Ли удивилась тому насколько была глупой... хотя знала почему. Прекрасно знала.

Дело было в машине. Просто свою неприязнь к Кристине она перенесла на хитчхайкера, потому что... ну, потому что было почти естественно испугаться незнакомца патлатого парня, случайно подобранного на дороге, но совершенно неестественным было чувство страха перед машиной, неодушевленной конструкцией из стали, стекла, пластика и хрома. Последнее было даже не эксцентрично, а абсолютно безумно.

— Ты никакого запаха не чувствуешь, нет? — спросил он вдруг.

— Какого-нибудь запаха?

— Да, плохого запаха.

— Нет, не чувствую. — Теперь ее пальцы перебирали нижний край свитера, вытягивая из него пучки ангоры. В груди гулко стучало сердце. — Наверное, это твоя клаустрофобия.

— Наверное.

Но она чувствовала его. Под приятным, щекочущим ноздри ароматом свежих кожаных покрытий и новой обивки был какой-то слабый запах: едва заметный запах чего-то старого. Просто душок... застоявшийся душок.

— Послушай, можно, я немного опущу окно?

— Если хочешь, — сказала Ли, пытаясь говорить непринужденным голосом. Перед ее мысленным взором предстала фотография из вчерашней утренней газеты, на которой был изображен Шатун Уэлч. Под ней была подпись: ПИТЕР УЭЛЧ, ЖЕРТВА ФАТАЛЬНОГО ДОРОЖНОГО ИНЦИДЕНТА. ПОЛИЦИЯ СЧИТАЕТ ВОЗМОЖНЫМ ПРЕДНАМЕРЕННОЕ УБИЙСТВО.

Хитчхайкер открутил окно на три дюйма, и ворвавшаяся струя холодного воздуха разогнала

неприятный запах. Внутри «Макдоналдса» Эрни подошел к кассе и делал заказ. Глядя на него, Ли испытала такое головокружительно двойственное чувство любви и страха, что ее стало мутить от этой тошнотворной смеси — во второй или в третий раз за последнее время она пожалела, что не остановила свой выбор на Дэннисе. На Дэннисе, который казался таким надежным и благоразумным...

Она прогнала прочь эти мысли.

— Только скажи, если будет холодно, — произнес хитчхайкер извиняющимся тоном. — Я знаю, что выгляжу немного странным. — Он вздохнул. — Иногда меня принимают за наркомана.

Появился Эрни с белой сумкой, слегка запорошенный снегом, и сел за руль.

— Здесь холодно, как в морозильнике, — бросил он.

— Извини, друг, — сказал на заднем сиденье хитчхайкер и закрыл окно. Ли ожидала, что запах вернется, но не почувствовала его.

— Это тебе. Ли.

Эрни отдал ей гамбургер, пирожки и маленькую бутылку кока-колы. Себе он взял биг-мак.

— Хочу еще раз поблагодарить тебя, друг, — сказал хитчхайкер. — Можешь высадить меня на углу Кеннеди-драйв и Центрального, если это тебе подходит.

— Прекрасно, — коротко ответил Эрни и тронул машину с места.

Снег летел все быстрее и быстрее, ветер начал завывать между домами. Ли впервые почувствовала, что Кристину стало заносить на дороге, которая была почти пуста. Они были не больше чем в пятнадцати минутах от дома.

Запах улетучился, и к Ли вернулся аппетит. Она жадно набросилась на гамбургер, отпила глоток кока-колы и вытерла губы тыльной стороной ладони. Слева показался военный мемориал, стоявший на пересечении Кеннеди-драйв и Центрального шоссе, и Эрни притормозил, нажимая на педаль осторожно, чтобы Кристина не скользила.

— Приятного уик-энда, — сказал Эрни. Его голос прозвучал почти как обычно. Ли с удивлением подумала, что, может быть, для этого ему нужно было просто утолить голод.

— Того же и вам обоим, — ответил хитчхайкер. — И веселого Рождества.

— Тебе тоже, — сказала Ли. Она откусила еще один кусок гамбургера, прожевала, проглотила... и почувствовала, что он застрял у нее посреди горла. Внезапно она не смогла дышать.

Хитчхайкер выбирался наружу. Громко и долго открывалась дверь. Щелчок замка прозвучал, как удар упавшей водосточной трубы. Звук ветра был похож на фабричный гудок.

(Я знаю, что глупо, но я не могу дышать)

«Я задыхаюсь!» — хотела она крикнуть, но смогла издать только слабый, свистящий звук и поняла, что шум ветра заглушил его. Она схватилась за горло и почувствовала, как оно судорожно забилось в ее руках. Ни стоны, ни дыхания

(Эрни, я не могу)

не было, и она могла ощутить его — теплый, липкий комок теста и мяса. Она попробовала избавиться от него кашлем, но кашель не получался. Огни приборной панели, зеленые, круглые (как у кошки, кошачьи глаза, о Господи, я не могу ДЫШАТЬ)

смотрели на нее...

(Господи, я не могу ДЫШАТЬ, не могу ДЫШАТЬ, не могу)

Ее грудная клетка начала лихорадочно сжиматься и разжиматься, тщетно пытаясь вобрать воздух. Она снова попробовала кашлянуть, но у нее ничего не вышло. Теперь шум ветра был больше, чем весь мир, громче, чем любой звук, который она когда-либо слышала. И Эрни наконец начал отворачиваться от хитчхайкера, чтобы посмотреть на нее; он медленно поворачивался, его глаза почти комически расширились; и даже его голос казался слишком громким, похожим на гром, на голос Зевса, обращающегося к смертному с нависшего над ним грозового облака:

— ЛИ... ТЫ КАК... ЧТО ЗА ЧЕРТ? ОНА ЗАДЫХАЕТСЯ! О БОЖЕ, ОНА...

Он медленно потянулся к ней, а потом отдернул руки назад, парализованный паникой.

(Ох, помоги мне, помоги мне ради Бога, сделай что-нибудь, я умираю, я задыхаюсь из-за «Макдоналдса» и гамбургера, почему ты НЕ ПОМОЖЕШЬ МНЕ?)

И, конечно, она знала почему: он отступил потому, что Кристина не хотела, чтобы он помогал ей, таким способом Кристина избавлялась от нее, таким способом Кристина избавлялась и от других женщин, ее соперниц, и сейчас огни на приборной панели на самом деле были глазами, огромными круглыми безжалостными глазами, смотревшими, как она задыхается, глазами, которые она могла видеть только через мутную пелену, все плотней застилавшую ей глаза, пока

(мама, мамочка, вот так я умираю, и ОНА ВИДИТ МЕНЯ. ОНА ЖИВАЯ. ЖИВАЯ, ЖИВАЯ. О МАМА. ГОСПОДИ. КРИСТИНА ЖИВАЯ)

Эрни снова тянулся к ней. Она скорчилась на сиденье, ее грудь судорожно сжималась, а руки намертво вцепились в горло. Ее глаза вылезали из орбит. Ее губы посинели. Эрни безуспешно колотил ее по спине и что-то орал. Он схватил ее за плечо, явно намереваясь вытолкнуть из машины, а потом внезапно содрогнулся и замер, держась за поясницу.

Ли крутилась и корчилась. Ком в ее горле вырастал и вырастал. Она снова попыталась откашляться, уже слабее. Ком не сдвинулся с места. Теперь свист ветра начинал стихать, ее потребность в воздухе уже не была такой необходимой, как раньше. Может быть, она умирала, но ей вдруг это показалось не таким страшным. Ничего не было так страшно, как те зеленые глаза, смотревшие на нее с приборной панели. Они сияли ненавистью и торжествовали победу.

(О мой Бог, я всем сердцем жалею, что тебя обидела, что обидела, это мое, мое)

Эрни дотянулся до нее с водительского сиденья. Внезапно дверца рядом с Ли распахнулась, и она повалилась в колючий холод. Воздух придал ей немного сил, заставил поверить в то, как важно было бороться за дыхание, но препятствие не сдвигалось... просто не сдвигалось.

Откуда-то издалека прогремел голос Эрни, голос Зевса: «ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ? УБЕРИ РУКИ ОТ НЕЕ!»

Она в чьих-то руках. В сильных руках. Ветер. Снег кружащийся перед глазами.

(О мой Бог, услышь меня, грешницу; это мое раскаяние, я всем сердцем сожалею, что оскорбила тебя! ОХ! ААА! что ты делаешь, ты ломаешь мне ребра, что ты делаешь, что?)

И вдруг пара чьих-то сильных рук соединилась у нее под грудью, как раз в выемке солнечного сплетения. И вдруг один большой палец, большой палец хитчхайкера, сигнализирующего на дороге, только один большой палец резко и больно надавил на ее грудную кость. В то же время руки грубо и сильно сжали ее. Ей показалось, будто ее схватили

(Ох-х-х-х-х ты ломаешь мне РЕБРА!)

гигантские медвежьи лапы. Диафрагма точно взорвалась, и что-то с силой снаряда вылетело у нее

изо рта. Оно упало в снег: мокрый комок теста и мяса.

— Отпусти ее! — прокричал Эрни и метнулся к заднему крылу, возле которого хитчхайкер держал тело Ли, обмякшее и похожее на марионетку величиной в человеческий рост. — Отпусти, ты убьешь ее!

Ли стала мучительно вздыхать. Вместе с холодным чудесным воздухом в ее горло и легкие хлынули потоки огня. Она смутно понимала, что рыдает.

Грубое медвежье объятие ослабло, и руки отпустили ее.

— Ты в порядке, девочка? Ты в...

Очутившись позади нее, Эрни схватил хитчхайкера. Тот, с развевающимися на ветру черными длинными волосами, повернулся к нему, и Эрни ударил его в лицо. Хитчхайкер пошатнулся, не устоял на ногах и упал спиной на снег.

Эрни наступал на него со сжатыми кулаками.

Она еще раз судорожно вздохнула — как будто нож вонзился в ее грудь — и простионала:

— Что ты делаешь, Эрни? Остановись!

Он оторопело повернулся к ней:

— А? Ли?

— Он спас мне жизнь, зачем ты бьешь его?

Усилие было слишком большим, и перед ее глазами снова закружились черные точки.

Она могла опереться на машину, но не хотела подходить к ней близко, не желала прикасаться к ней.

Приборная панель. Что-то недавно происходило с приборными стеклами на панели. Что-то неладное, (глаза... они превратились в глаза)

о чем она не хотела думать.

Вместо этого она проковыляла к фонарному столбу и обхватила его, как пьяная, прислонившись к нему щекой. Ласковая рука обняла ее талию.

— Ли... дорогая, ты в порядке?

Она с трудом повернула голову и увидела его жалкое, испуганное лицо. Она разразилась слезами.

Хитчхайкер неуверенными шагами подошел к ним, вытирая рукавом окровавленный рот.

— Спасибо тебе, — всхлипывая, мучительно выдавила из себя она. Боль постепенно начала утихать, холодный ветер остужал разгоряченное лицо Ли. — Я задыхалась. Наверное... наверное, я бы умерла, если бы ты не...

Слишком много усилий. Снова черные точки, снова жуткое завывание ветра, поглотившего все остальные звуки. Она уронила голову на грудь, переживая.

— Это метод Хаймлиша, — сказал хитчхайкер. — Ему обучают всех, кто работает в кафетерии. В школе. Заставляют тренироваться на резиновой кукле. И ты тренируешься, но не имеешь никакого понятия, подействует он на живом человеке или нет. — Его голос дрожал, то и дело перескакивая на фальцет, как у подростка в переходном возрасте. Он как будто готов был расплакаться или рассмеяться — непонятно, что было ближе — и даже в рассеянном свете и в густом снегопаде Ли могла видеть, каким бледным было его лицо. — Я никогда не думал, что мне придется воспользоваться им. Оказывается, действует. Видела, как вылетел этот проклятый кусок мяса? — Хитчхайкер вытер губы рукой и глянул на узкую полоску крови, оставшуюся на ладони.

— Извини, я ударил тебя, — сказал Эрни. Он был готов расплакаться. — Я просто... просто...

— Конечно, друг, я понимаю. — Парень похлопал его по плечу. — Я не обижаюсь. Девочка, ты в порядке?

— Да, — проговорила Ли. Только сейчас к ней вернулось дыхание. Гулко стучало сердце. Ноги почти не слушались; они были как ватные. «Мой Бог, — подумала она. — Я могла быть уже мертвой. Если бы мы не подобрали этого парня, а мы едва не...»

У нее мелькнула мысль, что ей повезло. Она снова начала терять силы, а из глаз хлынули новые потоки слез. Когда Эрни повел ее обратно к машине, она пошла, опустив голову ему на плечо.

— Ну, — неуверенно произнес хитчхайкер, — мне пора.

— Подожди, — сказала Ли. — Как тебя зовут? Ты спас мне жизнь, я хочу знать, как тебя зовут.

— Барри Готфрид, — сказал хитчхайкер. — К вашим услугам. — Правой рукой он приподнял воображаемую шляпу.

— Ли Кэйбот, — проговорила она. — А он — Эрни Каннингем. Спасибо тебе еще раз.

— От меня тоже, — добавил Эрни, но она не услышала в его голосе настоящей благодарности — только замешательство. Он усадил ее в машину, и внезапно на Ли обрушился запах: на этот раз не просто душок, не запах откуда-то снизу. Ли обуяло запахом гнили и разложения, едким и ядовитым. Она всем телом ощутила страх и подумала:

«Вот он, запах ее ярости».

Весь мир начал рассыпаться перед ее глазами. Она перегнулась через порог машины и повалилась в снег.

Затем все стало серым.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке? — в который раз спрашивал ее Эрни.

К своему облегчению. Ли подумала, что это был один из последних его вопросов. Она чувствовала себя очень, очень уставшей. У нее не затихала тупая боль в груди и в висках.

— Да, в полном порядке.

— Хорошо. Хорошо.

Он сделал нерешительное движение, как будто собирался уйти, но не был уверен, что это будет правильно. Они стояли перед домом Кэйботов. Продолговатые пятна желтого света из окон падали на свежий снег. Кристина застыла у обочины, с включенными красными огнями и мотором, работающим на холостом ходу.

— Как ты меня испугала, когда так побледнела. — сказал Эрни.

— Я не побледнела... я просто умирала.

— Да, испугала меня. Ты ведь знаешь, я люблю тебя.

Она мрачно посмотрела на него.

— Это правда?

— Конечно, правда! Ли, ты ведь знаешь!

Она вобрала в легкие побольше воздуха. У нее не было сил, но нужно было кое-что сказать — сказать прямо сейчас. Если она не скажет сейчас, то утром ее слова покажутся смехотворными, а может быть, более чем смехотворными: утром ее мысли могут выглядеть просто безумными. Запах, который возникает и исчезает, как смердящее зловоние в готических романах? Приборы на панели, превращающиеся в глаза? Или самая бредовая затея — идея о том, что машина пыталась убить ее? К завтрашнему дню у нее останется только тупая боль в груди и смутное воспоминание о том, что

она чуть-чуть не задохнулась. Чуть-чуть... ведь в конце концов ничего не случилось.

Не считая того, что все это было на самом деле и Эрни это знал — да, знал какой-то частью своего сознания — и об этом нужно было говорить сейчас.

— Да, я думаю, ты любишь меня, — медленно проговорила она. Затем в упор взглянула на него. — Но в твоей машине я больше никуда не поеду. И если ты вправду любишь меня, то избавишься от нее.

Изумленное выражение на его лице было так неподдельно, что ей захотелось ударить его.

— Что — о чем ты говоришь, Ли?

Но от чего так внезапно появилось у него это выражение — от изумления ли? Или от понимания своей вины?

— Ты слышал. Я не думаю, что ты избавишься от нее — не знаю, можешь ли ты вообще что-нибудь, — но если ты, Эрни, захочешь куда-нибудь поехать со мной, то мы поедem на автобусе. Или потопаем пешком. Или полетим. Но я уже никогда не сяду в твою машину. Этот трюк смертелен. Все. Она сказала.

Изумленное выражение на его лице начало превращаться в озлобленное — к его необузданной, слепой злобе она уже почти привыкла. В последнее время он выходил из себя по любому пустяку — женщина ли переходила через проезжую часть на желтый свет, полицейский ли перекрывал движение как раз перед ним, — но сейчас она вдруг со всей ясностью поняла, что его злоба, такая яростная и несвойственная характеру Эрни, всегда ассоциировалась у нее с машиной. С Кристиной.

— Если любишь меня, то избавишься от нее, — повторил он. — Знаешь, кто так говорит?

— Нет, Эрни.

— Моя мать, вот кто так говорит.

— Извини меня.

Она не поддалась; ей хотелось ответить какой-нибудь резкостью, и ей хотелось прекратить разговор, уйдя домой. Она могла сделать и то и другое, если бы не испытывала никаких чувств к нему. Но ее первоначальное впечатление — что под внешней застенчивостью Эрни Каннингем был отзывчив и добр (как, может быть, и сексуален) — не претерпело больших изменений. Дело было в машине, вот и все. Вот что производило изменения. Такие же, как у сильного и умного человека, попавшего под воздействие сильного и опасного наркотика.

Эрни провел ладонью по волосам, что бывало, когда он впадал в ярость.

— В машине у тебя был приступ удушья, и я понимаю, что он тебя не привел в восторг. Но это был всего лишь гамбургер, Ли, и ничего больше. Или то, что ты, может быть, попыталась заговорить, когда жевала, или кусок попал не в то горло. С таким же успехом ты можешь обвинять Рональда Макдоналда. Каждый человек может подавиться во время еды. При чем здесь моя машина?

Да, все это звучало очень убедительно. Так все и было. Не считая того, что что-то происходило за серыми глазами Эрни. Он не лгал, но... не был ли он чересчур рассудителен? Не мог ли он сознательно избегать всей правды?

— Эрни, — проговорила она. — Я устала, у меня болит грудь, у меня раскалывается голова, и, кажется, сил у меня хватит только на то, чтобы сказать тебе одну вещь. Ты будешь слушать?

— Если это касается Кристины, то ты зря сотрясаешь воздух, — сказал он, и на его лице появилось выражение ослиного упрямства. — Сумасшествие — обвинять ее, ведь ты сама знаешь.

— Да, знаю, что это сумасшествие и что я даром сотрясаю воздух, — сказала Ли. — Но все-таки прошу тебя выслушать.

— Я слушаю.

Она глубоко вздохнула, не обращая внимания на боль в груди. Ее взгляд остановился на Кристине, из выхлопных труб которой струился чуть заметный дымок, смешивавшийся с хлопьями снега.

— Когда я подавилась... когда давилась... приборная панель... на ней изменились огни. Они изменились. Они... нет, я всего не скажу, но они были похожи на глаза.

Он холодно рассмеялся. В окне дома отдернулись занавески, кто-то выглянул, и занавеска опустилась на прежнее место.

— Если бы не этот хитчхайкер... Готфрид... если бы его там не было, я бы умерла, Эрни. Я бы умерла. Она пристально посмотрела в его глаза и решилась на все. — Один раз. — сказала она себе. — Только один раз я должна сказать это. — Ты говорил, что первые три школьных года работал в кафетерии. Там на двери в кухню я видела плакат, объясняющий метод Хаймлиша. Наверняка ты его тоже видел. Но ты не попробовал этот метод на мне, Эрни. Ты собирался хлопать меня по спине. Таким способом спасти человека невозможно. В Массачусетсе я подрабатывала в ресторане, и первой вещью, которой меня научили, еще до метода Хаймлиша, была та, что хлопать жертву удушья по спине бесполезно.

— Что ты говоришь? — слабым голосом спросил он.

Она не ответила: только посмотрела на него. Он на мгновение встретил ее взгляд, а затем его глаза — злые, сконфуженные, почти затравленные — метнулись в сторону.

— Ли, люди не всегда все помнят. Ты права, я должен был воспользоваться этим методом. Но если ты прошла курсы в ресторане, то знаешь, что могла сама прибегнуть к нему. Вот так. — Эрни сложил обе ладони в один кулак и, вытянув большой палец, надавил на свою диафрагму. — Я просто хочу сказать, что в моменты стресса люди забывают...

— Да, люди многое забывают. И кажется, ты почти, все забываешь в своей машине. Например, как быть Эрни Каннинггеймом.

Эрни покачал головой.

— Тебе нужно время, чтобы все обдумать. Ли. Тебе нужно...

— Вот в чем я совершенно не нуждаюсь, Эрни! — произнесла она в тихой ярости, которой не ожидала от себя, измученной и уставшей. — Я еще никогда не встречалась со сверхъестественными силами — я верила в их существование, — но сейчас я начинаю задумываться о том, что происходит, и о том, что случилось с тобой. Эрни, они, они смотрели на меня. А потом... после всего... там был запах. Кошмарный гнилой запах.

Он отпрянул.

— Ты знаешь, о чем я говорю.

— Нет. Не имею ни малейшего понятия.

— Ты только что подскочил так, будто дьявол ущипнул тебя за ухо.

— У тебя фантазии! — воскликнул Эрни. — Это все твоё воображение!

— Там был запах. И много других вещей. Иногда твоё радио не принимает ничего, кроме той станции со старыми записями...

В глазах Эрни вновь что-то дрогнуло, а губы чуть заметно сжались.

— А иногда — когда мы вместе — она как нарочно глохнет. Как будто эта машина не любит меня.

— Ты не в себе, — с угрожающим спокойствием проговорил он.

— Да, я не в себе, — сказала она, стараясь не заплакать. — А ты?

Тут слезы медленно потекли по ее щекам.

— Думаю, у нас все кончено, Эрни, — я любила тебя, но теперь думаю, что все кончено. Я правда так думаю, и поэтому мне так тоскливо и одиноко. Твои отношения с родителями превратились в настоящую войну, для этого жирного борова Дарнелла ты переправляешь Бог весть что в Нью-Йорк и Вермонт, а твоя машина... машина...

Больше она не могла говорить. Голос изменил ей. Она выронила пакет с покупками и, согнувшись, непослушными руками начала собирать вываливавшиеся подарки к Рождеству. Измученная и плачущая, она только еще больше разбросала их. Он наклонился, чтобы помочь ей, и она грубо оттолкнула его.

— Оставь их! Я сама их подберу! Побледнев, он выпрямился.

— Ладно, — сказал он, и голос его задрожал от слез. — Хорошо. Присоединяйся к ним всем, если хочешь. Будь заодно со всеми этими говнюками. Всюду дерьмо. — Он судорожно глотнул воздуха и закусил губу, чтобы не расплакаться.

Потом он повернулся и пошел к машине; дойдя до нее, остановился и оглянулся.

— Только знай, что ты сумасшедшая! Так что валяй, играй в свои игры! Ты не нужна мне! Никто из вас мне не нужен! — Его голос сорвался на вопль, чудовищно гармонизировавший с завыванием ветра: — Обойдусь без тебя, сука!

Эрни ездил по городу до глубокой ночи, но позже не мог вспомнить об этом. Снег завалил все-все улицы; они были пустынные и призрачны. Такие ночи не предназначены для великой американской страсти все время проводить в автомобилях. Тем не менее Кристина мчалась по дорогам, и на ее колесах не было даже покрышек против снега.

Играло радио. Станция WDIL передавала новости. На конференции АФТ-КПП Эйзенхауэр предсказывал, что труд и управление производством будут совместно прокладывать дорогу в будущее. Дайв Бэк отрицал, что профсоюз водителей готовился к забастовке. Звезда рок-н-ролла Эдди Кокран разбился в авиакатастрофе, произошедшей неподалеку от лондонского аэропорта Хитроу: доставленный в больницу, он умер через три часа безуспешных попыток спасти его жизнь. Русские наращивали выпуск баллистических межконтинентальных ракет. По будням на волне WDIL звучали только полузабытые песенки, но в уик-энды они чередовались с речью диктора. Он читал новости пятидесятых. Это была

(ничего подобного не слышал прежде)

довольно ловкая идея. Это было

(полное сумасшествие)

довольно ловко.

Погода обещала еще больше снега.

Снова музыка: Бобби Дэйрин пел «Плюх-плюх», Эрни До пел «Мачеху», близнецы Кэйлин пели «Когда». Щетки на стекле отбивали ритм.

Он посмотрел направо: Ролланд Д. Лебэй смотрел в ветровое стекло.

На Ролланде Д. Лебэе были брюки цвета хаки и вылинявшая армейская рубашка. В одной из его

черных глазниц ползала муха.

«Ты должен заставить их заплатить за все, — сказал Ролланд Д. Лебэй. — Ты должен заставить заплатить этих говнюков, Каннингем. Всех до единого».

— Да, — прошептал Эрни. Кристина мчалась в ночи, разбрасывая снег своими новыми крышками. — Да, это так.

И щетки качнулись туда и обратно.

35. Бадди и Кристина

Это поблизости, неподалеку.

Может быть, сзади. А может быть, сбоку.

Чувствую кожей, оно где-то рядом,

и замираю с невидящим взглядом.

Но различит даже дурень кривой,

что-то плохое случится со мной.

В четверг двенадцатого декабря баскетбольная команда «Терьеры» (в которую перешли почти все футболисты средней школы Либертивилла) проиграла матч, проходивший в ее гимнастическом зале.

Болельщики «Терьеров» выходили на улицу не слишком разочарованными: спортивные комментаторы из окрестностей Питсбурга заранее предсказывали поражение их команде.

Поклонники баскетбола в Либертивилле могли гордиться только Ленни Бэйронгом: он принес команде 34 очка из 54 добытых ею на той встрече. Однако Бадди Реппертон был весьма расстроен. И поэтому очень расстроенными выглядели Ричи Трелани и Бобби Стэнтон, сидевший на заднем сиденье «камаро».

Сам Бадди казался очень повзрослевшим. Такой вид ему отчасти придавала борода, которую он отращивал со времени ухода из школы.

Кроме того, в последние недели он много пил. Иногда ему снились такие жуткие сны, что он едва мог запомнить их. Он просыпался в холодном поту и боялся заснуть снова.

Свои кошмары он объяснял тем, что работал по ночам, а спал утром или днем.

Он опустил окно обшарпанного «камаро» и выбросил на дорогу пустую бутылку. Затем, не поворачивая головы, протянул руку назад и произнес:

— Еще один коктейль Молотова, месье.

— Правильно, Бадди, — уважительно проговорил Бобби Стэнтон и вложил в ладонь Реппертона новую бутылку «Техасского драйвера».

Бадди сделал несколько глотков, звучно рыгнул и передал бутылку Ричи. Лучи передних фар «камаро» скользили по 46-му шоссе — прямому, как струна, протянутая на северо-восток, в сельские районы Пенсильвании. Справа и слева от него лежали занесенные снегом поля. В вечернем зимнем небе ярко горели звезды. Где-то впереди были Скуантик-Хиллз, куда они направлялись, — там можно было хорошо и беззаботно отдохнуть.

Трелани возвратил бутылку Стэнтону, и тот отпил довольно много, хотя не выносил вкуса «Техасского драйвера». Он хотел побыстрее напиться, чтобы вообще не замечать его вкуса. Назавтра у него могла болеть голова, но до завтра была еще уйма времени, Бобби был новичком в этой компании и не мог позволить себе отставать от такого парня, как Бадди Реппертон.

— Проклятые клоуны, — мрачно произнес Бадди. — Это не баскетбольная команда, а сборище

клоунов.

— Все как один, — согласился Ричи. — Кроме Бэйронга. Все-таки тридцать четыре мяча, не так плохо!

— Ненавижу этого проклятого негра. — Реппертон смерил соседа нетрезвым взглядом. — Тебе нравится эта обезьяна?

— Ни в коем случае, Бадди, — с готовностью сказал Ричи.

«Камаро» мчался со скоростью 65 миль в час по неширокой дороге в две полосы. Вот она пошла немного в гору: приближались холмы Скуантик-Хиллз.

— Анекдот, — с заднего сиденья подал голос Бобби. — Какую новость вы хотите услышать первой — плохую или хорошую?

— Плохую, — ответил Бадди. Он выпил уже три бутылки «Драйвера»; ему было тяжело сознавать, что эти задницы из школьной команды могли так подвести его. — Плохие новости всегда первые.

— Ну, плохая новость — та, что в Нью-Йорке приземлились марсиане, — сказал Бобби. — А теперь хотите услышать хорошую?

— Хороших новостей не существует, — мрачно вставил Бадди.

Ричи хотел было сказать Стэнтону, что ему лучше не стараться развеселить Реппертона: в последнее время шутки только еще больше злили его.

Бадди пребывал в дурном настроении с тех пор, как Шатуна Уэлча сбил какой-то псих на Кеннеди-драйв. После того случая Сэнди Галтон куда-то исчез из города, но Бадди успел поговорить с ним: тот разговор тоже не был приятным событием.

— А хорошая новость — та, что они едят негров и мочатся газOLIном, — сказал Бобби и разразился хохотом.

Он хохотал довольно долго, прежде чем заметил, что смеялся в одиночестве. Бадди смотрел на него в зеркало заднего обзора, его взгляд не предвещал ничего доброго. Стэнтон съежился и попытался замолчать.

Сзади, приблизительно в трех милях от них, изредка вспыхивали две желтые искорки — крохотные, почти неразличимые в ночи.

— Ты думаешь, это смешно? — спросил Бадди. — Ты рассказал дерьмовый расистский анекдот и думаешь, что это смешно? Знаешь, кто ты? Ты просто поганый фанатик.

У Бобби открылся рот:

— Но ты сказал...

— Я сказал, мне не нравится Бэйронг. К остальным неграм я отношусь так же, как к белым. — Бадди задумался. — Ну, почти так же.

— Ох, — произнес Бобби испуганно. — Извини.

— Дай мне бутылку и больше не разевай своего поганого рта.

Бобби поспешно подал бутылку «Драйвера». У него тряслись руки.

Бадди прикончил бутылку. Они проехали знак с надписью: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАРК СКУАНТИК-ХИЛЛЗ 3 МИЛИ.

С ноября по апрель парк был закрыт, но Бадди знал объездной путь, который вел к парковым дорогам. Он любил колесить по ним в зимней темноте, потягивая виски или пиво.

Позади них две искорки выросли в желтые круги — передние фары на расстоянии не больше одной

мили.

— Дай мне еще один коктейль Молотова, поганый расист.

Благоразумно промолчав, Бобби вручил ему новую бутылку «Драйвера».

Бадди отхлебнул, рыгнул и передал бутылку Ричи.

— Нет, спасибо.

— Ты будешь пить или она будет торчать у тебя в заднице, как клизма.

Ричи выпил.

«Камаро» мчался вперед, разрезая фарами темноту.

Бадди взглянул в зеркало и увидел вторую машину. Должно быть, она делала не меньше семидесяти миль в час. Бадди что-то почувствовал — что-то удивительно напоминающее его сон, который он не мог вспомнить. Как будто чей-то холодный палец прикоснулся к его сердцу.

Впереди дорога раздваивалась: 46-е шоссе уходило к Нью-Стайшн, а другая часть развилки вела в Государственный парк Скуантик-Хиллз. Большой оранжевый знак предупреждал: ЗАКРЫТО НА ЗИМНИЕ МЕСЯЦЫ.

Немного сбавив ход, Бадди свернул на дорогу, поднимавшуюся в гору, и через некоторое время вновь покосился на зеркальце, ожидая, что второй автомобиль проедет дальше по 46-му шоссе — редкий водитель поехал бы вслед за ним, потому что впереди не было выездов на какую-нибудь магистраль, — но вместо этого он появился сзади так быстро, что Бадди не мог не удивиться скорости, с которой тот сделал поворот на заснеженной дороге. Его фары горели всего в четверти мили от них и освещали салон «камаро».

Бобби и Ричи оглянулись.

Но Бадди знал. Внезапно ему стало ясно. Сзади был автомобиль, который сбил Шатуна Уэлча. Это был он. Псих, который размазал по асфальту Шатуна, был за рулем машины, преследовавшей их. Он нажал на газ, и «камаро» полетел вперед. Стрелка спидометра передвинулась к отметке 70, а потом медленно поползла к восьмидесяти милям. Силуэты деревьев стали сливаться в одну сплошную темную полосу. Огни сзади не отстали; наоборот, они увеличились. Фары превратились в огромные белые глаза.

— Эй, помедленней! — воскликнул Ричи. Он схватился за пристежные ремни, у него был явно испуганный вид. — Если мы не перевернемся на такой скорости...

Бадди не ответил. Он прижался к рулю, попеременно поглядывая то на дорогу, то в боковое зеркальце, в котором все вырастали и вырастали те огни.

— Впереди крутой поворот, — хрипло проговорил Бобби. И через несколько секунд закричал:

— Бадди, поворот! Поворот!

Бадди перевел рычаг скоростей на вторую передачу, и «камаро» взревел в знак протеста. Выстрелы газа прогремели под ним, как пулеметный огонь. Бадди резко крутанул руль, и перед машины рванулся вправо. Задние колеса заскользили к краю дороги. В самый последний момент автомобиль выровнялся и с нажатым до отказа акселератором помчался вперед, вписавшись в изгиб трассы.

— Ради Иисуса, Бадди! Сбавь обороты! — завопил Ричи.

Бадди повис на руле, глядя в зеркало налитыми кровью глазами. Бутылка из-под «Драйвера» перекатывалась под его ногами.

— Ну! Ну же, сука, убийца! Посмотрим, как ты сделаешь это, не перевернувшись!

Мгновением позже фары снова появились — ближе, чем прежде. Бадди почувствовал, как у него задрожали колени. Страх — настоящий страх — охватил его.

Бобби видел, как задняя машина вписалась в поворот, и повернулся к ним бледный и растерянный.

— Ее даже не занесло, — проговорил он. — Но это невозможно! Это...

— Бадди, кто это? — спросил Ричи.

Он хотел дотронуться до локтя Бадди, но его рука была отброшена с такой силой, что костяшки пальцев ударились о стекло окна.

— Не трогай меня, — прошипел Бадди. Перед ним была опасная замеченная снегом дорога.

«Камаро» летел по ней со скоростью девяносто миль в час, дрожа крышей и антенной на правом крыле. — Не трогай меня. Не сейчас.

— Это... — Ричи осекся и не смог продолжить. Бадди бросил на него взгляд, и к горлу Ричи подступил ужас — липкий, как горячая смола.

— Да, — сказал Бадди. — Я думаю, да. Вокруг не было ни одного дома: они уже мчались по территории парка. По бокам не было ничего, кроме занесенного снегом обрыва и деревьев.

— Он хочет столкнуть нас! — с заднего сиденья пропищал Бобби. У него был высокий, почти старушечий голос. Под ногами у него в полупустой коробке позвякивали оставшиеся бутылки «Драйвера». — Бадди, он хочет столкнуть нас!

Автомобиль был уже в пяти футах от заднего бампера «камаро». При свете его фар можно было бы читать газету. Он приближался. В следующее мгновение произошел удар. «Камаро» покачнулся, но устоял на дороге, а машину за ним немного отбросило назад; Бадди понял, что они висели на волоске от гибели — от заноса, после которого должны были перевернуться или врезаться в дерево на полном ходу.

Капля пота, горячая и едкая, как слеза, скатилась из его глаз. Он жал на газ.

Стрелка спидометра перевалила за отметку 100.

— О Господи, — бормотал Бобби, — о Господи, пожалуйста, не делай так, чтобы меня убили, о дорогой Господи, о Господи, дерьмо, дерьмо...

«Его не было с нами, когда мы расколошматили машину Прыщавой Рожи, — подумал Бадди. — Он не знает, что сейчас происходит. Несчастный ублюдок». Он не жалел Бобби и понимал, что этот безмозглый новичок был единственным, кого можно было пожалеть. Справа от него сидел Ричи Трелани, бледный и пожиривший глазами его лицо. Ричи знал, за что с ним хотят свести счеты. Хорошо знал.

Автомобиль медленно приближался к ним, его фары сияли в боковом зеркальце.

— Он не может играть с нами! — мысленно завопил Бадди. — Он не может!

Но автомобиль на самом деле играл с ними, и Бадди ощущал весь обессиливающий ужас этой игры.

Его мысли метались, как крысы, запертые в клетке и ищущие выход, которого не было. Бадди проехал мимо той узкой дорожки слева, где можно было объехать ворота парка. Он упускал время.

Последовал еще один мягкий толчок, и снова «камаро» ненадолго повело юзом — теперь уже на скорости сто десять миль в час. «Ты пропал, парень», — промелькнула у Бадди фатальная мысль. Он бросил руль и обеими руками вцепился в пристегивной ремень. Впервые в жизни он защелкнул его в замке.

В ту же секунду Бобби Стэнтон завопил в экстазе страха и отчаяния:

— Бадди, ворота! Иисус, это вор-р-о-о-о... «Камаро» наскочил на крутой холм. Перед самым входом в парк дорога раздваивалась. Под небольшим склоном между двумя ее рукавами стоял небольшой домик — летом в нем сидела леди, взимавшая по доллару с каждой машины, въезжающей в ворота. Этот домик выскочил из темноты, охваченный лучами четырех автомобильных фар. «Камаро» неудержимо заносило в его сторону.

— Твою мать! — взвыл Бадди. — Провались ты, Прыщавая Рожа, со своей дьявольской тачкой! — Он тщетно крутил руль, пытаясь выправить машину.

Ричи Трелани закрыл лицо ладонями, лихорадочно повторяя свою последнюю мысль на Земле:

«Берегись разбитого стекла, берегись разбитого стекла, берегись разбитого стекла».

«Камаро» развернуло задом наперед, и его передние фары на мгновение осветили автомобиль, летевший прямо на него. Бадди снова взвыл, потому что это была машина Прыщавой Рожи, решетку между ее фарами нельзя было спутать ни с какой другой — казалось, что она была шириной в милю, вот только никого не было за рулем. Машина была совершенно пустой.

За секунду до столкновения передние фары Кристины отклонились туда, где теперь для Бадди была левая сторона. «Фурия» вихрем пронеслась по самому краю дороги, сворачивавшей в парк. В темноту полетел деревянный поручень, сбитый ею по пути.

Пролетев несколько футов, «камаро» задом врезался в бетонную ограду домика. Невысокая стена толщиной в восемь дюймов смела все, что находилось под днищем, далеко отшвырнула искореженную выхлопную трубу и глушитель. Вся задняя часть «камаро» была сначала смята в гармошку, а затем раздавлена. Вместе с ней был раздавлен и Бобби Стэнтон. Бадди смутно почувствовал, что в его спину ударилось нечто, похожее на струю теплой воды. Это была кровь Бобби Стэнтон.

«Камаро» перевернулся в воздухе и, перелетев через ограду, грохнулся об землю правым передним крылом. Раздался чудовищный скрежет и звон выбитого стекла. Что-то оглушительно лопнуло, двигатель сместился и своим краем расплющил нижнюю половину Ричи Трелани. Когда исковерканный корпус «камаро» опустился на задние колеса, то вновь громынуло железо, а из поврежденного бензобака вырвались языки пламени.

Бадди был жив. Осколки стекла поранили его в нескольких местах — от левого уха, срезанного с хирургической аккуратностью, осталось только красное отверстие над шеей, — и у него была сломана нога, но он был жив. Его спасли пристегнутые ремни. Он нащупал замок и освободил их. Сзади трещал огонь, и он затылком ощущал его жар.

Он попытался открыть дверь, но ее заклинило.

Хрипло дыша, он потянулся к зияющей дыре на месте ветрового стекла...

...и там была Кристина.

Она стояла в сорока ярдах от него, слегка накренившись на склоне дороги. Передние фары сияли, как глаза, а выхлопные газы стелились по земле, как пар, выдыхаемый каким-то большим зверем.

Бадди плотно сжал губы. Слева в груди пульсировала тупая боль. Там тоже было что-то сломано. Ребра.

Двигатель Кристины ревел то громче, то тише. Смутно, как в каком-то лунатическом бреду, он услышал Элвиса Пресли, певшего «Рок в тюремной камере».

Оранжевые отблески огня на снегу. Гул пламени. Сейчас будет взрыв. Сейчас...

Грянул взрыв. Бензобак отбросило в сторону. Бадди почувствовал грубый толчок в спину и вылетел вперед. Его куртка полыхала огнем. Он покатился по снегу, сбрасывая ее с себя. Затем попытался встать на колени. Позади пылал «камаро», огромный погребальный костер в ночи.

Двигатель Кристины завывал на холостом ходу.

— Послушай, — пролепетал Бадди, едва понимая, что делает. — Эй, послушай...

Двигатель Кристины взревел еще раз, и она, покачиваясь, двинулась на Бадди. Ее покореженный капот открывался и закрывался, как пасть зверя.

Бадди застыл, стоя на четвереньках. В машине никого не было, но она с ускорением приближалась к нему. Человек, обладающий большим воображением, уже сошел бы с ума.

В последнюю секунду он покатился влево, извиваясь и вопя от невыносимой боли в сломанной ноге. Что-то теплое и стремительное пронеслось в нескольких дюймах от него, а затем его обдало струей выхлопных газов.

Кристина промчалась мимо, развернулась и снова двинулась на него.

— Нет! — Бадди стонал. Он почувствовал запах паленой кожи и корчился от боли во всем теле. — Нет! Нет! Н...

Машина затормозила и остановилась, левой передней крышкой почти коснувшись его ботинка. Белый дым вырывался из ее выхлопных труб. В нескольких футах сбоку «камаро» выбрасывал языки пламени в черное небо. Порывы ледяного ветра раздували их.

«Играет со мной, — подумал Бадди. — Играет со мной, вот что она делает. Как кошка с мышкой».

— Пожалуйста, — прохрипел он. Ее фары слепили его глаза. Язык едва шевелился в окровавленном рту. — Пожалуйста... я... я извинюсь перед ним... я подползу к нему на своих поганных коленях, если ему так захочется... только пожалуйста... пожа...

Двигатель взревел. С раздавленной второй ногой он отлетел к откосу у края дороги. Там был его последний шанс, и Бадди, преодолевая боль, на четвереньках пополз к покатым сугробам снега. В следующее мгновение он упал ничком, сбитый бампером Кристины.

Пока она разворачивалась невдалеке, он почти не ощущая боли, успел забраться на новую кучу сугроба, наметенного перед откосом; на скорости, машина врезалась в снег на один фут ниже того места, где находился Бадди. От удара ее капот погнулся еще больше, но Бадди остался не задетым. Она дала задний ход и, осыпав его комьями снега, стала возвращаться на исходную позицию.

Бадди торжествующе заорал и покрутил в воздухе средним пальцем правой руки.

— На! Засунь себе в задницу! На! На! — Из его рта брызнула кровь, смешанная со слюной. С каждым вдохом режущая боль все глубже погружалась в левую сторону груди, парализуя тело.

Кристина взревела и снова помчалась на него.

— Прочь! Прочь отсюда, — закричал Бадди. — Прочь отсюда, сумасшедшая ШЛЮХА!

Ее капот врезался в сугроб, и на него обрушилась большая глыба снега. Тотчас заработали щетки на ветровом стекле.

Она снова дала задний ход, и Бадди понял, что в следующий раз вместе с лавиной снега упадет на ее капот. Он бросился вниз с крутого откоса и, воя от боли, скользил по нему, пока не достиг занесенного снегом дна. Там он замер, лежа на спине и глядя в холодное черное небо. У него начали стучать зубы. По телу пробегала дрожь.

Кристина не появлялась, но он слышал рокот ее двигателя. Она выжидала.

Он посмотрел на край обрыва, нависший над ним. Зарево полыхающего «камаро» немного потускнело. Сколько времени прошло с тех пор, как они перевернулись? Он не знал. Увидит ли кто-нибудь пламя? Спасет ли его кто-нибудь? Этого он тоже не знал.

Внезапно он ясно осознал сразу две вещи: что у него изо рта текла кровь — ее поток был пугающе густым — и что ему было очень холодно. Он замерзнет и умрет, если никто не придет к нему на помощь.

Вновь охваченный страхом, он напряг все силы, чтобы принять сидячее положение. Стараясь определить местонахождение машины, он еще раз взглянул на край обрыва. У него перехватило дыхание.

Там стоял человек.

Только это был не совсем человек, это был труп. Полуразложившийся труп в зеленых брюках. Вместо рубашки на его почерневшем торсе виднелся заляпанный серой глиной бандаж для спины. Сквозь расплывшуюся кожу лица проглядывала белая кость.

— Вот и все, говнюк, — прошептало видение.

Бадди потерял остатки самообладания и начал вопить истерическим голосом. Его глаза вылезли из орбит, кровь хлынула изо рта. Он пытался отползти от крутого откоса, нависшего над ним, но у него ничего не получалось. На верхнем краю этого откоса труп Ролланда Д. Лебэя протягивал ему свои полуистлевшие руки.

На дальнем краю Скуантик-Лэйк, приблизительно в десяти милях от этого места, один молодой человек, возвращавшийся с вечерней лыжной прогулки, остановился и снял с головы спортивную шапочку, закрывавшую его уши.

Внезапно у него по спине пробежали мурашки, хотя он знал, что это было на другой стороне замерзшего озера — в первое мгновение он подумал, что там проснулось какое-то доисторическое животное: огромный волк или саблезубый тигр.

Однако странный звук, похожий на завывание большого зверя, больше не повторялся, и молодой человек продолжил свой путь.

36. Дарнелл размышляет

Крошка, дай мне прокатиться
на твоём автомобиле.

Лишь прокатиться один разок.

Расскажи мне, крошка,

только расскажи,

как ты себя в нём чувствуешь?

В ту ночь, когда в Скуантик-Хиллз Бадди Реппертон и его друзья повстречались с Кристиной, Уилл Дарнелл был в своём гараже. Он вернулся на Хемптон-стрит в половине десятого — приблизительно тогда же Бадди заметил две желтые искорки, появившиеся в зеркале его автомобиля.

Уилл не понимал, почему он разрешил Эрни Каннингейму пользоваться его стоянкой, хотя инстинкт Уилла подсказывал ему, что надо было избавиться от парня и его машины. Что-то происходило с Каннингеймом и отремонтированным «плимутом». Что-то необычное.

Сегодня этого парня не было в гараже: вместе с шахматным клубом средней школы Либертивилла он был в Филадельфии, где проходил трехдневный турнир Северных Штатов. Каннингейм посмеивался

над предстоящей поездкой: он уже не был тем прыщавым большеглазым мальчиком, которого Уилл когда-то называл амебой и маменькиным сынком.

Во-первых, он стал циничным.

Вчера в офисе, затягиваясь сигарой (у этого мальчика обнаружился вкус к крепким сигарам: Дарнелл сомневался, что родителям были известны все пристрастия их сына), он сказал Уиллу, что пропустил много шахматных игр и по существующему порядку мог быть исключен из шахматного клуба.

Слоусон, руководитель секции, терпел его поведение только потому, что впереди был осенний турнир Северных Штатов.

— Значит, ты собираешься поехать в Филли? — спросил тогда Уилл. Он был разочарован: заменить Каннингейма в гараже мог только Джимми Сайкс, а тот не разбирался даже в самых простых делах, связанных с гаражом.

— Конечно. Три дня отдыха мне не помешают, — сказал Эрни. Он увидел унылое выражение на лице Дарнелла и усмехнулся. — Не волнуйтесь. Наступает канун Рождества, и все ваши клиенты покупают игрушки для детей, а не карбюраторы для машин. Это место будет пустовать до следующего года, вы же знаете.

В его словах была правда, но он не нуждался в поучениях сопливого мальчишки.

— После возвращения тебе придется кое-что сделать для меня, — недовольно проговорил Уилл. Эрни внимательно посмотрел на него.

— Что именно?

— Ты возьмешь мой «крайслер» и съездишь к Генри Бакку. У него есть четырнадцать почти не изношенных деталей к машинам, и он хочет избавиться от них. Взгляни на них. Я дам тебе незаполненный чек. Если они будут в порядке, то заплати, сколько нужно. Если нет, то пусть он засунет их себе в задницу.

— А что я повезу с собой?

Уилл долго смотрел на него.

— Испугался, Каннингейм?

— Нет. — Эрни затушил наполовину выкуренную сигару. — Может, я просто чувствую, что с каждым разом оказываюсь все в более невыгодном положении. Это кокаин?

— Ладно. Я попрошу Джимми, — резко сказал Уилл.

— Только скажите мне, и все.

— Двести блоков «Винстона».

— О'кей.

— Ты уверен, что справишься?

Эрни засмеялся:

— Это будет отдыхом после шахмат.

Уилл припарковал «крайслер» на ближайшей к офису стоянке. Затем, тяжело дыша, вылез и захлопнул дверцу.

Джимми Сайкс с апатичным видом водил по полу большой щеткой. Джимми был двадцать один год, но из-за позднего умственного развития он выглядел лет на восемь моложе. Кроме него, в гараже никого не было.

— Сегодня у нас полно народу, да, Джимми? — с присвистом проговорил Уилл. Джимми огляделся.

— Нет, мистер Дарнелл, здесь никого не было с тех пор, как пришел мистер Хэтч и забрал новые камеры.

— Я просто пошутил, — сказал Уилл, еще раз пожалев об отсутствии Каннингейма. С Джимми можно было говорить только на правильном литературном языке — сообщать что-нибудь или получать интересующую информацию. Если только не пригласить на чашку кофе и глоток «Курвуазье». — Послушай, Джимми, что ты скажешь...

Он внезапно осекся, заметив, что двадцатая стоянка была пуста. Кристина исчезла.

— Приходил Эрни?

— Эрни? — заморгав глазами, тупо переспросил Джимми.

— Эрни, Эрни Каннингейм, — нетерпеливо повторил Дарнелл. — Какие еще Эрни тебе известны? Его машина исчезла.

Джимми оглянулся на двадцатую стоянку и нахмурился:

— Ох, да.

Уилл улыбнулся:

— Он вернулся с шахматного турнира, да?

— Разве? — Джимми удивился. — Я не знал. Уилл с трудом удержался от того, чтобы не схватить Джимми и не встряхнуть его хорошенько. Дарнеллу нельзя было волноваться; ему становилось тяжело дышать от излишних эмоций и приходилось пользоваться ингалятором.

— Ну, что он сказал, Джимми? Что он сказал, когда ты увидел его?

Однако у Уилла вдруг возникло убеждение в том, что Джимми не виделся с Эрни.

Наконец Джимми понял, куда клонил Дарнелл.

— Ох, я не видел его. Я только видел, как Кристина выезжала отсюда. Вот уж чудесная машина, да? И он починил ее, как по мановению волшебной палочки.

— Да, — сказал Уилл. — Как по мановению волшебной палочки. — Внезапно ему расхотелось приглашать Джимми на чашку кофе с бренди. Все еще глядя на двадцатую стоянку, он произнес:

— Ты можешь идти домой, Джимми.

— Но, мистер Дарнелл, вы же говорили, что сегодня я смогу поработать шесть часов.

— Я запишу, что ты ушел в десять.

Мутные глаза Джимми раскрылись от удивления:

— Правда?

— Да, правда, правда. Считаю это моим подарком и ступай домой, ладно, Джимми?

— Конечно, — сказал Джимми и подумал о том, что шесть лет работал у этого старого брюзги, но ни разу не замечал в нем рождественского настроения.

Он пошел переодеваться, а Дарнелл поднялся в офис.

Через несколько минут снизу послышался крик Джимми:

— Спокойной ночи, мистер Дарнелл! — Он постоял у выхода, а потом нерешительно добавил:

— Веселого Рождества!

Уилл помахал ему рукой. Джимми ушел. Уилл устроился в кресле и достал из стола бутылку «Курвуазье». Дарнелл мысленно составлял примерную хронологию событий.

Август: Каннингейм привозит ржавые остатки от «плимута» 58-го года и помещает их на стоянке номер двадцать. Машина кажется знакомой; так оно и есть. Это «плимут» Ролли Лебэя. Эрни не

знает — ему не нужно знать, — но изредка Ролли Лебэй тоже ездил в Портсмут, Берлингтон и другие места, выполняя поручения Уилла Дарнелла... только в те смутные времена у Уилла был «кадиллак» 54-го года. В двойном дне лежали всевозможные фейерверки, ракеты, сигареты, выпивка. В те дни Уилл даже не помышлял о кокаине. Он думал, что о нем тогда помышляли только джазовые музыканты в Нью-Йорке.

Конец августа: Реппертон и Каннингейм схватываются друг с другом, и Дарнелл вышибает Реппертона на улицу. Он устал от Реппертона, от его пьянства, мелкого воровства и идиотских выходок, привлекавших нездоровое внимание к гаражу. Кроме того, во времена поездок в Нью-Йорк и Новую Англию он был слишком беззаботен... и слишком опасен.

Уилл встал, налил кофе из термоса и добавил чайную ложку бренди. Подумав, он долил в чашку еще одну ложку «Курвуазье». Затем снова сел в кресло, вытащил из нагрудного кармана сигару и закурил. К черту одышку. Наплевать на легкие.

Дарнелл выпускал изо рта клубы дыма и пристально смотрел в темноту безлюдного гаража.

Сентябрь: парень просит одолжить ему наклейку об инспекции и значок торгового агента, чтобы он мог отвезти свою девочку на футбольный матч. Дарнелл одалживает, — дьявол, в прежние времена он продавал эти наклейки по семь долларов за штуку и даже не смотрел, как выглядит машина. Кроме того, у парня машина выглядит хорошо. Может быть, немного неряшливо, но в целом — чертовски хорошо. Он по-настоящему поработал над ней.

И что чертовски странно, никто не видел его по-настоящему работающим над ней.

Только небольшие исправления. Замена габаритных огней, антенны радиоприемника. Замена резины на колесах. Мальчишка не дурак в том, что касается машин: однажды Уилл сидел вот в этом самом кресле и видел, с какой ловкостью тот поднял обивку на заднем сиденье. Но никто не видел, чтобы он возился с выхлопной системой, которая была полностью разрушена, когда летом машина впервые появилась в гараже. И никто не замечал того, чтобы он работал над кузовом, хотя кузов «фурии», сначала напоминавший огромную ржавую консервную банку, улучшался прямо-таки день ото дня. Дарнелл знал, что думал об этом Джимми Сайкс, — потому что однажды спросил его. Джимми думал, что Эрни всю серьезную работу делал по ночам, когда все уходило.

— Должно быть, у него была бездна ночной работы, — вслух произнес Дарнелл и вдруг почувствовал холодок, от которого ему не помог даже горячий кофе с бренди. Да, бездна ночной работы.

Должно быть, потому что дни и вечера парень проводил, слушал радио WDIL. И бесцельно расхаживая вокруг машины. Внезапно он вспомнил сразу две вещи.

Он знал, что Каннингейм обкатывал машину еще задолго до того, как он получил официальное разрешение на выезд. Это во-первых. Парень просто разъезжал на ней между старыми автомобильными обломками на заднем дворе. Просто катался на ней со скоростью пять миль в час, когда было уже темно и в гараже никою не было. Просто катался вокруг большого крана с электромагнитом и вокруг гидравлического пресса. Как-то раз Дарнелл спросил его об этом, и Эрни ответил, что таким способом хотел проверить балансировку передних колес. Но парень не умел врать. Ведь никто не проверяет балансировку на скорости пять миль в час.

Вот что делал Каннингейм, когда все уходило домой. Вот что было его ночной работой. Рулить вокруг ржавого хлама и покореженных кузовов, освещая их тусклыми фарами своей полусгнившей

Кристины.

Во-вторых, милеометр. Он крутился в обратную сторону. Каннинггейм говорил об этом с какой-то смущенной улыбкой. Он сказал, что отрегулировал милеометр так, чтобы тот с каждой пройденной милей возвращался на пять миль назад. Уилл тогда искренне удивился. Он слышал, что милеометр откручивают в обратную сторону, когда хотят продать подержанный автомобиль — в прошлом он и сам занимался подобными штуками, — но никогда не видел человека, делавшего это таким странным, трудоемким способом. Кроме того, Дарнеллу казалось, что подобный способ был неосуществим технически.

Вот уж чудесная машина, да? И он починил ее как по мановению волшебной палочки.

Уилл не верил ни в Санта-Клауса, ни в волшебные палочки, но был убежден, что в мире существует множество непонятных, загадочных вещей. Как человек практичный, он должен был не закрывать на них глаза, а попытаться извлечь из них какую-нибудь пользу. Один знакомый Уилла, живший в Лос-Анджелесе, перед землетрясением 67-го года видел призрак его умершей жены, и у Дарнелла не было причин сомневаться в искренности своего знакомого (в которую Уилл не поверил бы ни на грош, если бы тот мог как-нибудь нажиться на той истории). Другой его приятель рассказывал, что видел во сне своего давно умершего отца, и тот предсказал ему скорую болезнь. Приятель рассказывал свой сон, лежа в больничной постели.

Уилл не закрывал глаза на такие истории, потому что никто не знал, откуда на земле появились люди и куда они попадают после смерти. И еще он не мог совсем не доверять таким рассказам, потому что сам не мог отличить в них правду от вымысла, — потому что с ним самим никогда не происходило ничего необъяснимого.

Если не считать того, что происходило сейчас.

Ноябрь: Бадди и его дружки разбивают и портят каждую деталь на машине Каннинггейма. Когда ее привозят в гараж, на ней нет ни одного уцелевшего места. Дарнелл осматривает ее и думает: «Она уже никогда не встанет на ход. Вот и все: больше она не проедет ни фута».

А в конце месяца Уэлч погибает на Кеннеди-драйв.

Декабрь: детектив из полиции штата приходит; чтобы разнюхать что-нибудь. Дженкинс. Он приходит и разговаривает с Каннинггеймом; затем появляется, когда Каннинггейма здесь нет, и хочет узнать, зачем парень скрывает, что «плимут» был разбит и искорежен до неузнаваемости. Почему вы спрашиваете об этом у меня, интересуется Дарнелл, выпуская изо рта клубы табачного дыма.

Поговорите с ним, этот проклятый «плимут» принадлежит ему, а не мне. Я слежу только за тем, чтобы работал гараж, чтобы в нем могли работать люди и чтобы каждый мог починить машину и привезти кусок хлеба домой.

Дженкинс терпеливо слушает. Он знает, что у Уилла Дарнелла есть кое-какая работа за стенами гаража, но Дарнелл знает, что он знает. Так что все в порядке.

Дженкинс закуривает сигарету и говорит: «Я разговариваю с вами, потому что уже поговорил с парнем и он мне ничего не сказал. В какую-то минуту мне показалось, что он хотел сказать, но до смерти испугался чего-то. После этого он замкнулся в себе, и больше я не мог вытянуть из него ни слова».

Дарнелл говорит: «Если вы думаете, что Эрни сбил этого Уэлча, то так и скажите».

Дженкинс отвечает: «Я так не думаю. Его родители говорят, что он спал, и я чувствую, что они не

лгут, чтобы выгородить сына. Но Уэлч был среди тех ребят, которые сломали его машину, и я уверен, что Каннинггейм лжет о том, что они не искорежили ее до неузнаваемости. Я не знаю, почему он лжет, и это сводит меня с ума».

«Я вам сочувствую», — без всякой симпатии произносит Дарнелл.

Дженкинс спрашивает: «В каком состоянии она была? Скажите хоть вы, мистер Дарнелл».

И Дарнелл врет — единственный раз за все время беседы с Дженкинсом: «Я и вправду не разглядел».

На самом деле он все досконально рассмотрел и разглядел, и знал, почему Эрни солгал детективу.

Каннинггейм солгал, потому что повреждения были кошмарные, они были хуже, чем этот Пинкертон из полиции штата мог вообразить себе. «Плимут» 58-го года был попросту уничтожен. Каннинггейм лгал, потому что никто не видел его работавшим над Кристиной, хотя через неделю после того, как грузовик привез ее на двадцатую стоянку, машина выглядела прекрасно — и даже лучше, чем до случая в аэропорту.

Каннинггейм солгал полицейскому, потому что произошедшее было невероятно.

— Невероятно, — вслух повторил Дарнелл и допил остатки кофе.

Он посмотрел на телефон, потянулся к нему, а затем убрал руку обратно. Ему нужно было сделать один звонок, но еще больше ему нужно было освоиться с ситуацией, в которой он очутился.

Сидя в своем офисе и глядя в темноту гаража, жуткую и загадочную в предрождественские недели, Уилл думал (уже не в первый раз) о том, что большинство людей поверили бы во что угодно, если бы увидели это собственными глазами. По сути дела, не было ничего ненормального или сверхъестественного: что произошло, то произошло. Произошло, вот и все.

Джимми Сайкс: «Как по мановению волшебной палочки».

Дженкинс: «Он лжет, но будь я проклят, если я знаю зачем».

Уилл выдвинул ящик стола, достал из него записную книжку с надписью «1978 год» и, полистав ее, нашел то, что искал: Каннинггейм. Шахматный турнир. Филли Шаратон, дек. 11–13.

Он выяснил телефон отеля и, позвонив в него, заказал разговор с учеником средней школы Либертивилла, юношей по фамилии Каннинггейм. Может быть, он не был зарегистрирован?

Дарнеллу было любопытно, каким образом Эрни мог находиться в Филадельфии и в то же время... «Алло?»

Молодой голос, несомненно, принадлежал Каннинггейму. Уилл Дарнелл почувствовал, как у него что-то поднялось и опустилось в животе, но ни одним звуком не выразил своего удивления: он был слишком стар для этого.

— Привет Каннинггейм, — сказал он. — Дарнелл.

— Уилл?

— Да.

— Что случилось, Уилл?

— Как у тебя дела, детка?

— Вчера выиграл, а сегодня проиграл. Дерьмовая партия. Никак не мог сосредоточиться. Что случилось?

Да, это был Каннинггейм — он, и никто другой. Уилл, сам немного разбиравшийся в шахматах и понимавший пользу заранее обдуманых запасных ходов, неторопливо проговорил:

— Детка, у тебя есть карандаш?

— Конечно.

— Недалеко от твоего отеля есть небольшой автомагазинчик. Это на Норд Брод-стрит. Ты можешь сходить туда и посмотреть что-нибудь для покрышек?

— Конечно, могу. Завтра утром.

— Прекрасно. Спроси Роя Мастангерра и упомяни мое имя.

— Как по буквам?

Уилл произнес фамилию по буквам.

— Это все?

— Да... не считая того, что я желаю тебе не проиграть в следующий раз.

— Спасибо, — сказал он.

Уилл попрощался с ним и повесил трубку.

Несомненно, это был Каннингейм. Сегодня вечером он был в Филадельфии, находящейся в трехстах милях от Либертивилла.

Кому он мог доверить ключи от своей машины?

Молодому Гилдеру.

Мог бы! Если бы молодой Гилдер не был в больнице.

Своей девочке.

Но у нее нет ни водительских прав, ни даже разрешения. Так говорил сам Эрни.

Кому-нибудь еще.

Кому?! У Эрни больше никого не было, не считая самого Уилла, а Уилл чертовски хорошо знал, что Каннингейм не давал ему ключей.

Невероятно.

Дьявольщина.

Уилл откинулся на спинку кресла и разжег еще одну сигару. И пока она не была докурена, он пробовал найти какое-нибудь объяснение. Ничего не получалось. Каннингейм был в Филадельфии, он уехал туда на школьном автобусе, но его машина исчезла. Джимми Сайкс видел, как она выезжала из гаража, но не видел, кто был за рулем. Что бы это могло значить?

Раздумывая над такими вопросами, Дарнелл не заметил, как заснул.

Через три часа он проснулся; его разбудил гулкий удар закрывшейся главной двери. Затем он увидел лучи мощных двухсотваттных ламп, отсветы которых быстро проскользили по потолку.

Уилл торопливо соскочил с кресла. Не надевая ботинок, валявшихся под столом, поспешил к окну во внутреннее помещение гаража. Кристина медленно проехала к стоянке номер двадцать, развернулась и замерла. Уилл подумал, что еще не проснулся.

Двигатель взревел один и другой раз. Из блестящих новых выхлопных труб вырвались струи голубого дыма.

Затем мотор заглох. Уилл стоял не двигаясь.

Дверь офиса была закрыта, но никогда не выключавшаяся внутренняя селекторная связь позволяла ему слышать каждый звук, раздававшийся на стоянках. Именно поэтому он в августе знал о начавшейся драке между Каннингеймом и Реппертоном. Сейчас из динамика доносилось только потрескивание остывающего двигателя и больше ничего.

Никто не выходил из Кристины, потому что в ней никого не было.

И он только что видел, как принадлежавший Каннингейму «плимут» 58-го года сам по себе проехал через весь гараж и, никем не управляемый, занял свое обычное место. Он видел, как погасли фары, и слушал, как остывает мощный восьмицилиндровый двигатель.

Немного поколебавшись, Уилл открыл дверь офиса. Он переступил через порог, спустился по лестнице и неуверенными шагами направился к двадцатой стоянке. В пустом помещении его шаги отдавались гулким эхом.

Он остановился перед роскошным двухтонным красно-белым корпусом машины. На ее великолепном лаковом покрытии не было ни единого пятнышка грязи или ржавчины. Стекла были чисты и прозрачны.

Теперь он слышал только неторопливую капель таявшего на бампере снега. Уилл потрогал капот. Тот был теплым.

Он попробовал открыть дверцу водителя — та оказалась незапертой и легко поддавалась ему. Изнутри потянуло запахом новой кожи, новой обивки и новых хромированных деталей. Был и еще один слабый запах. Какой-то земляной, не совсем приятный. Уилл глубоко вдохнул воздух, но не смог определить его. Уиллу почему-то вспомнился подвал для овощей в доме его отца, и он наморщил нос.

Он наклонился. Ключей в замке зажигания не было. Милеометр показывал число 52.107.8.

Внезапно пустой замок зажигания повернулся. В то же мгновение взревел, а затем ровно заработал двигатель.

Уилл вздрогнул. У него перехватило дыхание. Быстро захлопнув дверцу, он поспешил обратно в офис. В одном из ящиков стола нашел ингалятор и судорожным движением поднес ко рту. Из его груди вырывались звуки, похожие на свист зимнего ветра, дующего из-под входной двери. Его лицо было цвета восковой свечи. Левая рука обхватила горло.

Двигатель Кристины снова выключился.

Вновь никаких звуков, лишь потрескивание остывающего металла.

Уилл постепенно стал приходить в себя. Он тяжело погрузился в кресло и закрыл лицо руками. Ничего по-настоящему необъяснимого... до сих пор.

Он видел.

Машиной никто не управлял. Она приехала пустая. Если не считать запаха гнилой репы.

И, еще не избавившись от испуга, мысли Дарнелла уже начали крутиться вокруг того, как он мог извлечь выгоду из того, что узнал.

37. Разрыв связей

Мистер, мне нужен автомобиль
с откидывающимся верхом,
четырёхдверный, с автотрансмиссией
и задней подвеской колес.

В нем должен быть телевизор
и должен быть телефон.

Мне нужно болтать с моей крошкой,
когда я сижу за рулем.

В среду остатки сгоревшего «камаро» были найдены служителем парка, которому утром позвонила

одна пожилая леди, жившая в крохотном городке Аппер-Скуантик. Она сказала, что ночью плохо спала и видела отблески пламени возле главных ворот парка.

В четверг фотография обугленной машины появилась на первой полосе «Либертивилл-Кейстон». Над снимком был заголовок, набранный крупным шрифтом: ТРАГЕДИЯ В СКУАНТИК-ХИЛЛЗ. ТРОЕ ПОГИБЛИ В АВТОМОБИЛЬНОЙ КАТАСТРОФЕ. Ниже была помещена статья, где предполагалось, что случившееся, вероятно, было нарушением элементарных дорожных правил, поскольку «в обломках автомобиля были найдены несколько пустых бутылок из-под виски». Новость оживленно обсуждалась в средней школе Либертивилла.

Эрни Каннингем чувствовал себя подавленным этой новостью. Подавленным и испуганным. Сначала Уэлч; теперь Бадди, Ричи Трелани и Бобби Стэнтон. Эрни не верил в версию о злоупотреблении спиртным, ставшим причиной гибели троих подростков, одного из которых он почти не знал.

Он не мог избавиться от ощущения, что оказался замешанным во что-то.

Ли не разговаривала с ним с тех пор, как они поссорились. Эрни не звонил ей — частично из гордости, частично из стыда, частично из желания, чтобы она первой позвонила ему и сделала их отношения такими, какими они были... раньше.

Раньше чего? — шептали его мысли. — Ну того случая, когда она чуть не умерла от удушья в твоей машине. Когда ты хотел избить парня, который спас ей жизнь.

Но она требовала, чтобы он продал Кристину. А это было просто невозможно... разве нет? Как он мог решиться на такое после всех усилий, крови и — да, это правда — слез, отданных ей?

Нет, он не хотел даже думать об этом. Едва дождавшись последнего звонка, он пошел на школьную автостоянку — почти побежал к ней — и плюхнулся в Кристину.

Он сидел за рулем и, переводя дыхание, смотрел на хлопья снега, падавшие на капот. Порывшись в карманах, он нашел ключи и завел Кристину. Мотор тихо заурчал, и Эрни тронул машину с места, слыша, как под шинами заскрипел снег. Ему нужно было купить покрышки на снег, но, по правде говоря, Кристина не нуждалась в них. Ее сцеплению позавидовал бы любой водитель.

Ему захотелось включить радио, и он поймал волну WDIL. Вули пел «Розового людоеда». Наконец-то он улыбнулся.

По городу он катался довольно долго.

Прошло немало времени, прежде чем он неожиданно для себя заметил, что было уже темно. Стрелки часов показывали четверть шестого. По левую сторону дороги проплывал зеленый неоновый трилистник пиццерии Джино. Эрни подрулил к обочине и вышел из машины. Он уже переходил улицу, когда вспомнил, что забыл вынуть ключи из замка зажигания Кристины.

Он вернулся, наклонился над передним сиденьем... и вдруг его оглушил запах, о котором говорила Ли и которого он сам раньше не чувствовал.

Теперь он был — тяжелый, резкий смрад гнилого мяса. У него сразу заслезились глаза и сперло в горле. Эрни выдернул ключи из замка и выпрямился. Потом замер, дрожа всем телом и почти с ужасом глядя на Кристину.

— Эрни, там, был запах. Отвратительный запах гнили... ты знаешь, о чем я говорю.

— Нет, не имею ни малейшего представления... ты все выдумываешь.

Но если почувствовала она, то почувствовал и он. Эрни внезапно повернулся и побежал через улицу,

в пиццерию Джино.

Он заказал пиццу, которую уже не хотел, разменял несколько долларов и пошел к телефонной будке, стоявшей рядом с патефоном-автоматом. Звучала какая-то ритмичная мелодия. Раньше он ее не слышал.

Сначала он позвонил домой. Ответил отец, его голос был ровным и невыразительным — Эрни никогда не слышал у него такого спокойного голоса и почувствовал себя еще более подавленным, чем прежде.

— Привет, пап, — неуверенно произнес он. — Извини, я не заметил, что уже поздно.

— Ничего, — сказал Майкл. Он говорил так монотонно, что подавленность Эрни переросла в нечто, похожее на испуг. — Ты где, в гараже?

— Нет — у Джино. В пиццерии Джино. Пап, у тебя все в порядке? У тебя какой-то странный голос.

— У меня все в порядке, — сказал Майкл. — Я только что выбросил в мусорное ведро твой ужин, твоя мать снова плачет наверху, а ты проводишь время в пиццерии. Да, у меня все в порядке.

Нравится тебе твоя машина, Эрни?

У Эрни комок подступил к горлу.

Проглотив его, он сказал:

— Пап, по-моему, это нечестно.

— А по-моему, мне уже безразлично, что ты считаешь честным, а что — нечестным, — все так же монотонно проговорил Майкл. — Сначала ты решил, что сам будешь судить свои поступки. Я не возражал. Но в последний месяц я вообще перестал понимать тебя и то, что с тобой происходит.

Твоя мать тоже не понимает этого, но многое чувствует и поэтому расстраивается. Я знаю, она тоже виновата, но не думаю, что ей от этого легче.

— Пап, я всего лишь не заметил, что уже стемнело! — воскликнул Эрни. — Прошу тебя, не делай из мухи слона!

— Ты катался по городу?

— Да, но...

— Я так и думал, — сказал Майкл. — Ты сегодня приедешь домой?

— Да, скоро, — ответил Эрни. — Мне только нужно заехать в гараж. Уилл просил меня кое-что разузнать в Филли...

— Извини, это мне тоже безразлично, — перебил его Майкл. Он говорил вежливо и холодно.

— Жаль, — проронил Эрни упавшим голосом. Сейчас он был испуган. Очень испуган.

— Эрни?

— Что? — почти прошептал Эрни.

— Что происходит?

— Не понимаю, о чем ты говоришь?

— Ладно, я объясню. Тот детектив приходил ко мне в офис. У Регины он тоже был. И очень расстроил ее. Вряд ли он этого добивался, но...

— Что у него на этот раз? — взорвался Эрни. — Что нужно этому говнюку?

— Ты его — что?

— Ничего. — Он проглотил что-то, похожее на комок пыли. — Что у него на этот раз?

— Реппертон, — сказал его отец. — И двое других ребят. А ты думал что? Геополитическая

ситуация в Бразилии?

— С Реппертоном произошел несчастный случай, — сказал Эрни. — Во имя Христа, зачем ему надо было говорить с тобой и мамой о каком-то несчастном случае?

— Я не знаю. — Майкл Каннингем помолчал. — А ты?

— Откуда мне знать? — заорал Эрни. — Я был в Филадельфии, откуда мне что-нибудь знать? Я играл в шахматы, и... и... и все! — Он выдохнул.

— Еще раз, — терпеливо произнес Майкл Каннингем. — Что-нибудь происходит, Эрни?

Он подумал о запахе, о смраде гнилого мяса. Ли давилась, посинев и хватаясь за горло. Он пытался помочь ей, хлопая ее по спине, потому что так поступал, когда кто-нибудь давился; такой вещи, как способ Хаймлиша, не существовало, его еще не изобрели, а кроме того, именно так все и должно было кончиться, только не в машине... а у дороги... на его руках...

Он закрыл глаза и почувствовал сильное головокружение.

— Эрни?

— Ничего не происходит, — процедил сквозь стиснутые зубы. — Ничего, кроме того, что все стараются лезть в мои дела, а я хочу хоть что-нибудь делать самостоятельно, без посторонних советчиков и воспитателей.

— Хорошо, — по-прежнему спокойно произнес его отец. — Если захочешь поговорить со мной, то я готов выслушать тебя. Я давно был готов выслушать тебя, хотя не так ясно давал понять об этом, как было бы нужно. Не забудь поцеловать маму, когда вернешься.

— Ладно, не забуду. Послушай...

Гудки.

Некоторое время он стоял, тупо глядя на телефонную трубку, затем свободной рукой полез в карман, вытащил горсть никелевой мелочи и высыпал на небольшую металлическую полочку слева от него. Выбрав одну монету, он выронил ее, взял другую и опустил в автомат. Он чувствовал себя уставшим и опустошенным.

Он на память набрал номер Ли.

Миссис Кэйбот сразу узнала его голос и сразу поставила его в известность о том, что у него был последний шанс с ней и он упустил его.

— Она не хочет встречаться с тобой и не желает разговаривать с тобой, — добавила она.

— Миссис Кэйбот, пожалуйста. Если бы я мог хотя бы...

— По-моему, ты уже сделал достаточно, — холодно сказала миссис Кэйбот. — В тот вечер она пришла в слезах и с тех пор не перестает плакать. Не знаю, что с ней случилось, когда вы в прошлый раз были вместе... но молю Бога, чтобы это было не то, что я думаю. Я...

Эрни почувствовал, что готов разразиться истерическим смехом. Ли подавилась гамбургером и чуть не умерла от удушья, а ее мать думала, что он хотел изнасиловать ее.

— Миссис Кэйбот, мне нужно поговорить с ней.

— Брось, тебе не нужно этого делать. Он попытался придумать что-нибудь такое, что помогло бы ему миновать дракона, сторожившего ворота. Он почувствовал себя каким-то пиратом, старающимся проникнуть в дом, чтобы увидеть его хозяйку. У него отнялся язык. Он был очень неудачливым пиратом. Через несколько мгновений снова должны были зазвучать короткие гудки.

Затем он услышал, как телефонная трубка перешла в другие руки. Миссис Кэйбот проговорила что-

то резкое и протестующее, а Ли сказала что-то в ответ; он не разобрал их приглушенных реплик.

Затем послышался голос Ли:

— Эрни?

— Привет, Ли, — произнес он. — Я только хотел позвонить тебе и сказать, что виноват в...

— Да, — прервала его Ли. — Я знаю, что ты виноват, и принимаю твои извинения. Но я не смогу никуда пойти с тобой. Пока все не переменится.

— Проси о чем-нибудь попроще, — прошептал он.

— Это все, что я... — Ее голос отдалился и зазвучал немного резче. — Мама, пожалуйста, не мешай мне! — Ее мать что-то проворчала, наступила тишина, а потом снова, но уже тише зазвучал голос Ли. — Это все, что я могу сказать, Эрни. Знаю, как безумно это звучит, но мне все еще кажется, что в тот вечер твоя машина пыталась убить меня. Я не знаю, как она могла это сделать, но твердо знаю, что именно так все и было. Я так чувствую. Тебе это кажется диким?

— Ли, прошу прощения, но все, что ты говоришь, дико и глупо. Это машина, понимаешь? МА-ШИ-НА, машина! В ней нет ничего.

— Это ты думаешь, — проговорила она дрожащим голосом. — Ты думаешь, что владеешь ею, а на самом деле она владеет тобой, и, по-моему, никто не сможет освободить тебя, кроме тебя самого. Внезапно его спина очнулась и стала посылать ему импульсы боли, гулким эхом отдававшиеся в голове.

— Разве это не правда, Эрни? Он не ответил — не мог ответить.

— Избавься от нее, — сказала Ли. — Пожалуйста. Сегодня утром я прочитала в газете о Реппертоне и...

— Какое он имеет отношение хоть к чему-нибудь? — простонал Эрни. И, помолчав, проговорил во второй раз за день:

— С ним произошел несчастный случай.

— Не знаю. Может быть — не хочу знать. Но я беспокоюсь не за нас, а за тебя, Эрни. Я боюсь за тебя. Ты должен избавиться от нее.

Эрни прошептал:

— Только скажи, что не бросишь меня. Ее голос задрожал сильнее, — вероятно, она плакала.

— Обещай мне, Эрни. Ты должен дать мне слово и сдержать его. Потом... потом мы сможем видеться. Пообещай мне, что избавишься от этой машины. Я больше ни о чем не прошу тебя.

Он закрыл глаза и увидел Ли, возвращающуюся домой после школы. И Кристину, ожидающую ее кварталом ниже.

Он быстро открыл глаза.

— Нет. Я не могу, — произнес он.

— Значит, нам больше не нужно говорить об этом?

— Нет! Нет, нужно! Мы...

— Значит, не нужно. До завтра, Эрни. Увидимся в школе.

— Ли, подожди!

Гудки.

В этот момент он был близок к ярости. Он захотел ударить по телефону, разбить трубку, разбить стекло и разбить все, что будет попадаться ему под руку. Они все покидали, бросали его! Крысы,

бегущие с тонущего корабля.

Никто не поможет тебе, кроме тебя самого.

Дерьмо! Сами они убегали, как крысы с тонущего корабля. Никто из них не захотел остаться с ним. Они все выдумывают, они хотят загнать меня в ловушку, как те офицеры из гольф-клуба, как будто играют в гольф или какую-нибудь другую игру. Они все говнюки, они все говнюки и думают, что уже справились со мной. Я хочу им показать, чего они стоят. Я покажу им. Я сыграю с ними в их гольф. Я смогу найти выход, найти лазейку, чтобы загнать эти белые шары в их задницы. Я им покажу, как стоять на моем пути. Я им покажу, как мешать мне, мне, мне, мне, МНЕ...

Внезапно Эрни очнулся. Его колотила дрожь, он тяжело дышал. Глаза были широко открыты. Что произошло с ним? Будто на миг он превратился в кого-то другого, в кого-то обезумевшего от ненависти ко всему человечеству...

Нет, не в кого-то. В Лебэя.

Нет! Это не правда!

Голос Ли: Разве это не правда, Эрни?

И вдруг перед его уставшими, дрожащими глазами возникло какое-то видение. И он услышал голос священника: Арнольд, берешь ли ты эту женщину себе в...

Но он был не в церкви; он находился на стоянке подержанных автомобилей, обнесенной яркими разноцветными пластиковыми знаменами, колышущимися на легком ветру. Внутри были расставлены садовые кресла. Он находился на стоянке Уилла Дарнелла, и перед ним стоял сам Дарнелл. Рядом с ним не было никакой женщины; рядом с ним стояла, переливаясь всеми красками на весеннем солнце, Кристина.

Голос его отца: Что-нибудь происходит?

Голос священника: Кто отдает эту женщину этому мужчине?

С одного из кресел, как призрак, восставший из ада, поднялся скелет, обвешанный лохмотьями полуистлевшей кожи и испачканной в глине одежды. Он ухмылялся — и тут Эрни заметил тех, кто окружали его: Бадди Реппертон, Ричи Трепани, Шатун Уэлч. Ричи Трелани был обуглен, его волосы сгорели без следа. По подбородку Бадди Реппертона текла кровь — рубашка на его груди была такой красной, как будто его только что вырвало. Но хуже всех выглядел Уэлч; он был похож на выпотрошенный мешок нестиранного белья. Они улыбались. Они все улыбались.

Я, прохрипел Ролланд Д. Лебэй. Он усмехнулся черным отверстием своего рта, и с его языка соскользнул влажный комок кладбищенской глины. Я отдаю ее, и у него есть документ, подтверждающий это. Она вся принадлежит ему. Эта сука — самый настоящий туз пик... и она вся принадлежит ему.

До Эрни дошло, что он стонал в телефонной будке, прижимая к груди трубку, из которой все еще доносились короткие гудки. Немалым усилием воли он сбросил с себя наваждение — какое-то видение, чем бы оно ни было — и огляделся.

В прошлый раз, вынимая мелочь из кармана, он половину ее просыпал на пол. Подняв одну монетку, он опустил ее в телефон и набрал номер больницы. Дэннис. Там был Дэннис. Дэннис не мог покинуть его. Дэннис должен был помочь ему.

Девушка из приемной ответила, — и Эрни сказал:

— Комнату сорок два, пожалуйста. Связь была установлена. Телефон начал звонить. Он звонил... и

звонил... и звонил. Когда Эрни уже собирался повесить трубку, вдруг раздался щелчок, и резкий женский голос проговорил:

— Второй этаж, крыло Цэ, кто вам нужен?

— Гилдер, — сказал Эрни. — Дэннис Гилдер.

— Мистер Гилдер сейчас в отделении физической терапии, — произнес женский голос. — Вы сможете застать его в восемь часов.

Эрни хотелось сказать, что ему очень важно поговорить с Дэннисом — чрезвычайно важно, — но внезапно ему срочно потребовалось покинуть телефонную будку. Клаустрофобия беспощадной железной рукой сдавила его грудь. Он мог чувствовать запах собственного пота. Запах был кислым и горьким.

— Сэр?

— Да, хорошо. Я перезвоню, — сказал Эрни. Он прервал связь и опрометью бросился прочь из будки, оставив мелочь на полу неподобранной. Несколько людей повернули головы в его сторону и, равнодушно оглядев, снова нагнулись к своим тарелкам.

— Пицца готова, — сказал кассир. Эрни посмотрел на часы и увидел, что пробыл в будке больше двадцати минут. Его лицо было сплошь потным. Руки дрожали. Ноги были как ватные — он их почти не чувствовал.

Он заплатил за пиццу и чуть не выронил бумажник, когда засовывал в него три доллара сдачи.

— С тобой все в порядке? — спросил кассир. — Ты выглядишь немного нездоровым.

— Все в порядке, — проговорил Эрни. Ему казалось, что его вот-вот вытошнит. Он схватил белый пакет с надписью «ДЖИНО», в который была упакована пицца, и выбежал на освежающий ночной холод. Небо расчистилось от последних облаков, и звезды на нем сверкали, как отшлифованные бриллианты. Он немного постоял, глядя сначала на звезды, а потом на Кристину, преданно поджидавшую его на противоположной стороне улицы.

«Она никогда не станет ссориться или жаловаться, — подумал Эрни. — Она никогда не будет ничего требовать. В нее в любое время можно было забраться и отдохнуть на ее мягкой обивке. Она никогда не предаст. Она... она...»

Она любила его.

Да, он ощущал, что это было так. Точно так же, как то, что Лебэй не продал бы ее никому другому ни за двести пятьдесят, ни даже за две тысячи долларов. Она стояла там и поджидала нужного ей водителя. Такого, который...

Который любил бы ее одну, — прошептал ему какой-то внутренний голос.

Да. Это было так. Именно так.

Эрни стоял, забыв о белом пакете в его руках, из которого поднимался белый и ароматный, но не замечаемый им пар. Он не отрываясь смотрел на Кристину. О да, он любил и ненавидел ее, он нуждался в ней и нуждался в том, чтобы бежать от нее, она принадлежала ему, и он принадлежал ей, и...

(я нарекаю вас мужем и женой и соединяю вас, дабы с этого дня вы были вместе, пока смерть не разлучит вас)

Но хуже всего был ужас, леденящий и цепенящий ужас того, что... что...

(как в ту ночь ты поранил себе спину, Эрни? после того, как Бадди Реппертон и его дружки

искорежили ее? как ты ее поранил, если должен все время носить этот вонючий пояс? как ты поранил спину?)

Его память вдруг начала проясняться, и он со всех ног кинулся к Кристине, чтобы забраться в нее прежде, чем вспомнит все и сойдет с ума.

Он бежал к Кристине, убегая от своего смятения; он бежал к ней, потому что не мог вынести даже части своих чувств и ему нужен был отдых или хотя бы маленькая передышка; он бежал к ней, чтобы избежать ужаса того, что произошло с ним; он бежал к ней, как жених бежит туда, где его невеста стоит и ожидает его.

Он бежал потому, что внутри Кристины ни одна из этих вещей не имела значения — ни его мать, ни его отец, ни Ли, ни Дэннис, ни то, что он сделал со своей спиной, когда в ту ночь все ушли, а он поставил трансмиссию полностью разрушенного «плимута» в нейтральное положение и толкал машину, толкал до тех пор, пока она не сдвинулась с места на своих спущенных шинах, пока он выкатил ее за дверь, на холодный двор, заваленный обломками автомобилей, и начал толкать ее по кругу — один круг, другой, третий, пока у него не стали отниматься руки и ноги, а сердце не начало стучать, как у загнанной лошади, и спина не начала молить о пощаде; но он продолжал толкать ее дальше и дальше вперед, а милеометр внутри машины медленно крутился и крутился, и в пятидесяти футах, оставшихся до двери гаража, у него что-то лопнуло в спине, отозвавшись горячей и разгорающейся болью во всем теле, но он все равно толкал ее и толкал онемевшими руками, и она еле-еле ползла на своих спущенных шинах, пока вдруг...

Он добежал до Кристины, рванул дверцу и, задышав, бросился внутрь. Пицца упала на пол. Он подобрал ее и откинулся на спинку сиденья, чувствуя, как его дрожащее тело понемногу успокаивалось. Затем прикоснулся к рулю, рука соскользнула вниз и нащупала ее сокровенную щель. Он снял одну перчатку и полез в карман за ключами. За ключами Лебэя.

Он все еще мог вспомнить, что случилось той ночью, но это уже не казалось ему ужасным; сейчас, сидя за рулевым колесом Кристины, он скорее считал это восхитительным.

Это было чудом.

Он вспомнил, как внезапно толкать машину стало легче, потому что ее шины каким-то волшебным образом склеились без единого шва и приняли каменно упругую форму. Разбитое стекло стало появляться ниоткуда, вырастая из осколков, трещины между которыми исчезали со слабым звоном. Вмятины выпрямились, дыры в корпусе исчезли, и затем Кристина была в полном порядке.

Что же в этом было ужасного?

«Ничего», — произнес чей-то голос.

Он повернул голову. На пассажирском сиденье в двубортном черном костюме, в белой сорочке с голубым галстуком сидел Ролланд Д. Лебэй. На его груди висел целый ряд медалей — Эрни догадался, что на похоронах они лежали на подушечке рядом с могилой. Это был Ролланд Д. Лебэй, но только выглядел он гораздо более молодым и подтянутым.

«Ну, поехали, — сказал Лебэй. — Заводи мотор, и давай покатаемся».

«Конечно», — сказал Эрни и повернул ключ. Кристина тронулась с места, скрипя новыми шинами по снегу.

«Давай слушаем музыку», — произнес голос рядом с ним.

Эрни включил радио. Дион пел «Донна Примадонна».

«Ты собираешься есть пиццу или нет?» — Голос как будто немного изменился.

«Конечно, — ответил Эрни. — Хотите кусочек?»

Голос: «Я никогда ни от чего не отказываюсь».

Эрни одной рукой открыл пакет и вытащил кусок пиццы. «Вот, воз...»

Его глаза расширились. Кусок пиццы выпал из рук.

Лебэй там больше не сидел.

Но был он сам.

Это был Эрни Каннинггейм в возрасте приблизительно пятидесяти лет, не такой старый, как Лебэй в то время, когда они с Дэннисом встретились с ним, но близкий к старости. В свои пожилые годы он носил желтоватую футболку и грязные потертые джинсы. Поредевшие волосы были коротко подстрижены. За большими очками глаза казались мутными и кровожадными. Складка горько поджатых губ говорила о полном одиночестве. Было ли это привидением, галлюцинацией или чем-нибудь еще, но это был он, и он был ощутимо одинок.

Не считая Кристины.

«Ты будешь вести машину? Или будешь глазеть на меня?» — спросило это нечто и вдруг начало быстро стареть, изменяясь прямо на глазах ошеломленного Эрни. Волосы поседели, футболка полиняла и прохудилась, тело сгорбилось. Лицо разрезали крупные морщины. Глаза глубоко запали, под ними появились огромные желтые мешки. И увы, это было его, да, его лицо.

«Видишь что-нибудь зеленое?» — прохрипел этот шести-, нет, восьмидесятилетний Эрни Каннинггейм, и его тело начало скручиваться и расползаться на красном сиденье Кристины. «Видишь что-нибудь зеленое? Видишь что-нибудь зеленое? Видишь что-нибудь зеле...» — голос затих, превратился в какое-то шипенье, тело покрылось язвами и нарывами, а глаза затянулись бледно-молочной пленкой катаракты, отчего казалось, что на них упала мутная тень. И все это разлагалось, истлевало у него на глазах и испускало такой запах, какой он почувствовал в Кристине, какой почувствовала Ли, но только сейчас тот был намного хуже, отвратительнее и сильнее — смрад его собственной гниющей плоти, смрад смерти, и Эрни завопил и вопил, пока по радио Литл Ричард надрывался и орал «Тутти-Фрутти», а потом волосы совсем выпали, слезла кожа, и только кости торчали из лохмотьев футболки, как гротескные белые карандаши. Губы исчезли, зубы раскрошились и выпали, он был мертв и все-таки жив, — как Кристина, он был жив.

«Видишь что-нибудь зеленое? — прошамкал он. — Видишь что-нибудь зеленое?»

И тогда Эрни застонал.

38. Снова Дженкинс

Раздался пронзительный визг.

Ребята в машине сбледили с лица.

Один закричал: «Не гони! Погоди!»

Я вижу один только мрак впереди».

Через час Эрни зарулил в гараж. Его попутчик — если у него вообще был попутчик — давно исчез.

Исчез и запах; несомненно, он был всего лишь иллюзией. «Если все время проводишь среди говнюков, — подумал Эрни, — то все начинает вонять дерьмом». Понятно, что такая мысль весьма обрадовала его.

Уилл ужинал за широким окном своего офиса. Не поднимаясь из-за стола, он вяло помахал рукой. В

ответ Эрни дважды нажал на гудок и припарковался.

Несколько минут он сидел в машине, слушая радио и поглядывая в ветровое стекло. Бобби Хелмс пел «Рок на колокольне», и диктор объявил, что его песня вошла в горячую десятку сезона. Эрни улыбнулся и почувствовал себя гораздо лучше. Он не мог припомнить в подробностях то, что видел (или думал, что видел), да ему и не хотелось ничего вспоминать. Что бы с ним ни случилось, подобное уже не повторится. Он был уверен в этом. Люди научили его воображать себе всякую чушь. Вероятно, они были бы счастливы, если бы узнали... но он не собирался доставлять им такое удовольствие.

Он вылез из машины и направился к офису. В этот момент отворилась небольшая дверь рядом с проездом для автомобилей, и через порог переступил человек. Это был Дженкинс. Снова Дженкинс. Он увидел Эрни и поднял руку.

— Привет, Эрни.

— Добрый вечер, — сказал Эрни. — Могу что-нибудь сделать для вас?

— Ну, не знаю, — неопределенно проговорил Дженкинс. Он внимательно осмотрел Кристину. — А ты хочешь что-нибудь сделать для меня?

— Не очень, — признался Эрни. К нему вернулось его подавленное настроение.

Руди Дженкинс улыбнулся, явно не собираясь обижаться.

Он протянул руку. Эрни только взглянул на нее. Ничуть не смутившись, полицейский повернулся к Кристине и снова принялся тщательно изучать ее.

Затем снова повернулся к Эрни.

— Тебе не кажется, что с Реппертоном и двумя его друзьями случилось нечто странное? — спросил он.

— Я был в Филадельфии. На шахматном турнире.

— Я знаю, — сказал Дженкинс.

— Иисус! Какого же черта вы меня допрашиваете?

Дженкинс вздохнул. Улыбка сползла с его лица.

— Ты прав, — проговорил он. — Я и в самом деле допрашиваю тебя. Из тех парней, что избрали твою машину для упражнения в вандализме, трое уже мертвы. Так же, как и парень, оказавшийся во вторник рядом с Реппертоном. По-моему, очень много совпадений. У меня есть повод, чтобы допрашивать тебя.

Эрни посмотрел на него злым и одновременно удивленным взглядом.

— Насколько я знаю, произошел несчастный случай... они были нетрезвы, превысили скорость и...

— Там был еще один автомобиль. — сказал Дженкинс.

— Откуда вам это известно?

— Во-первых, на снегу остались следы протекторов. К сожалению, ветер почти замел их. Но на одном из сбитых ограждений в Скуантик-Хиллз обнаружены частицы красной краски. «Камаро», принадлежавший Реппертону, был другого цвета. Он был голубым.

Он смерил Эрни глазами.

— На коже Уэлча тоже были найдены следы красной краски. Эрни, до тебя что-нибудь доходит? Машина ударила его с такой силой, что краска врезалась в кожу.

— Вам нужно выйти на улицу и начать считать красные автомобили, — холодно сказал Эрни. —

Ручаюсь, что вы насчитаете их не меньше двадцати, прежде чем доберетесь до Бэйзн-драйв.

— Конечно. — Дженкинс еще раз вздохнул. — Но мы отослали наши находки в лабораторию ФБР в Вашингтоне, там есть образцы всех красок, когда-либо применявшихся в Детройте. Сегодня пришел ответ. Угадай, что в нем было?

У Эрни застучало в висках.

— Раз вы здесь, то могу предположить, что краска была «красная осень». Цвет Кристины.

— Молодец, соображаешь, — хмыкнул Дженкинс.

Он закурил сигарету и посмотрел на Эрни сквозь табачный дым. От его добродушного настроения ничего не осталось; взгляд был каменным.

Эрни в преувеличенном отчаянии схватился за голову.

— Красная осень! Цвет Кристины, но в него также красили «форды» с 1959 по 1963 год, как, впрочем, и «тандербердсы», и «шевроле» с 1962-го по 1964-й, а в середине пятидесятых можно было купить даже «рамблер» цвета «красной осени». Я больше полугода изучал каталоги старых машин. Цвет «красная осень» был раньше очень популярен. Я это знаю. — Он пристально взглянул на Дженкинса, — и вы тоже это знаете. Разве нет?

Дженкинс не ответил; он продолжал смотреть на Эрни все тем же каменным взглядом, от которого Эрни было не по себе. Еще полгода назад он не выдержал бы его и сдался. Но теперь он скорее рассвирепел.

— Что вам нужно, мистер Дженкинс? Что вы имеете против меня? Почему вы прицепились к моей заднице?

Теперь Дженкинс улыбнулся.

— Что я имею против тебя? А что ты думаешь о первоклассном убийстве?

— Я не понимаю почему...

— Ты многое понимаешь. Ты МНОГОЕ ПОНИМАЕШЬ! — заорал на него Дженкинс. Он швырнул сигарету на пол и наступил на нее. — Трое из парней, разбивших твою машину, мертвы. «Красная осень» обнаружена в обоих случаях. Это значит, что убийца управлял машиной, покрашенной в цвет «красная осень». Машиной, у которой по крайней мере капот и передние крылья были покрашены в «красную осень»! А ты сдвигаешь очки на нос и говоришь, что не понимаешь, о чем я говорю.

— Я был в Филадельфии, — спокойно сказал Эрни.

— Детка, — понизав голос, произнес Дженкинс, — вот это хуже всего. Вот это по-настоящему плохо пахнет.

— У меня сегодня еще много работы. Убирайтесь отсюда или арестовывайте меня.

— Пока что, — проговорил Дженкинс, — мне нужно поговорить с тобой.

— Я был на турнире! — почти простонал Эрни. — Я четыре года хожу в шахматный клуб!

— Ходил, — поправил его Дженкинс, и Эрни замер. — Да, я говорил с мистером Слоусоном. Он сказал, что первые три года ты не пропускал ни одного занятия, даже когда простужался или плохо себя чувствовал. Ты был надеждой клуба, Эрни. Но в этом году ты забросил шахматы и...

— Я был занят. У меня была машина... и девушка...

— Мистер Слоусон сказал, что очень удивился, увидев тебя на турнире. Он думал, что ты уже не появишься ни в клубе, ни на соревнованиях.

— Я же говорю...

— Да, ты говоришь. Но интерес к шахматам возник у тебя только на время поездки в Филли, — а затем снова пропал. По-моему, это очень плохо пахнет.

— Не вижу ничего дурного в краткой поездке на шахматный турнир.

— Увы, она выглядит, как заранее припасенное алиби.

Гул в его голове начал перерастать в тупую пульсирующую боль. Ему было не по себе — почему этот кареглазый полицейский обвиняет его в том, к чему он не имел никакого отношения? Ведь все было не так, совершенно не так! Он ничего не подозревал и не запасался никаким алиби. Он был удивлен не меньше, чем любой другой, когда из газеты узнал о случившемся. Еще бы ему не удивиться. Все это было так же странно, как его лунатическая паранойя, и (все-таки как ты поранил себе спину, Эрни? и, кстати, ты видишь что-нибудь зеленое? ты видишь...) он на мгновение закрыл глаза, потому что весь мир покачнулся перед его глазами, и он увидел зеленое ухмыляющееся и расплывающееся лицо с быстро истлевающими губами, которые говорили: «Ну поехали! Заводи мотор, и давай покатаемся. И давай оплатим этим говнюкам, которые искорежили нашу машину. Давай размажем по земле этих засранцев, — что скажешь, сынок? Давай врежем им так, чтобы в городской больнице из них пинцетом выковыривали осколки костей. Что скажешь? Поймай по радио хорошую музыку, и давай покатаемся. Давай...»

Он пошатнулся, оперся на Кристину — на ее твердую, прохладную, надежную поверхность — и все вещи в мире снова встали на свои места. Он открыл глаза.

— По-настоящему я убежден только в одном, — сказал Дженкинс. — И она очень субъективна. В этот раз ты совсем другой, Эрни. Жестче, что ли. Как если бы прибавил себе лет двадцать.

Эрни засмеялся и с облегчением услышал, что его смех прозвучал вполне натурально:

— Мистер Дженкинс, вы отлично справляетесь с работой детектива.

Дженкинс не засмеялся.

— В прошлый раз ты показался мне каким-то потерянным... или, может быть, несчастным, но старающимся найти выход. Теперь я чувствую, что говорю с совершенно другим человеком. И далеко не с самым замечательным.

— По-моему, наш разговор окончен, — неожиданно сказал Эрни и пошел к офису.

— Я хочу знать, что произошло, — крикнул ему вслед Дженкинс. — И я это узнаю! Поверь мне.

— Сделайте любезность, убирайтесь отсюда побыстрее, — бросил через плечо Эрни. — Вы сумасшедший.

Он поднялся в офис, закрыл дверь и заметил, что его руки совсем не дрожали. Не говоря ни слова Уиллу, он подошел к окну и проследил за тем, как Дженкинс вышел из гаража.

— Полицейский? — спросил Дарнелл.

— Да.

— Реппертон?

— Да. Полицейский думает, что я имею какое-то отношение к нему.

— Несмотря на то, что был в Филли?

Эрни покачал головой.

— По-моему, это его не волнует.

«Смышленный полицейский, — подумал Уилл. — Он знает что факты загадочны, и его интуиция подсказывает ему, что есть нечто еще более загадочное, поэтому он ищет правду, хотя пройдет

миллион лет; прежде чем он найдет ее». Он вспомнил о пустой машине, которая сама собой припарковалась на двадцатой стоянке. Ключ в замке зажигания, повернувшийся сам собой. Предупредительный рев двигателя.

Думая обо всем этом, он посмотрел на Эрни и решил, что спокойное выражение его лица на самом деле не совсем спокойно.

— Сегодня вечером для меня есть какая-нибудь работа? — спросил Эрни.

— На сорок девятой стоит «бьюик» 77-го года. Проверь у него соленоид. Если он в порядке, то другой работы для тебя не будет.

Эрни кивнул и вышел. Уилл проводил его взглядом и опять подумал о Кристине. Эрни предстояла поездка в Нью-Йорк. Дарнелл хотел отправить его на своем «крайслере»: в отсутствие Эрни можно было посмотреть Кристину и узнать, что с ней случилось.

39. У Эрни неприятности

...Я разрешаю тебе посмотреть,
но не смей прикасаться к моей
машине!

На следующий день детективы из полиции Пенсильвании Рудольф Дженкинс и Рик Мерее пили кофе в офисе с давно не крашенными стенами.

— По-моему, нам нужно дождаться уик-энда, — сказал Дженкинс. — Последние четыре месяца его «крайслер» ездит в Нью-Йорк с регулярностью раз в три недели.

— Но, насколько я понимаю, махинации Дарнелла не имеют отношения к твоему делу.

— Они имеют прямое отношение к моему делу, — ответил Дженкинс. — Каннингем что-то знает. Если он будет в моих руках, то я выясню, что именно ему известно.

— Думаешь, у него есть сообщник? Кто-то воспользовался его машиной и убил троих ребят, пока он был на шахматном турнире?

Дженкинс покачал головой:

— Нет, черт возьми! У парня только один достаточно надежный друг, и он в больнице. Я не знаю, что я думаю, но в деле была замешана машина... и он тоже был замешан.

Дженкинс поставил кофе на стол и показал палец человеку, сидевшему напротив него.

— Когда мы опечатаем гараж, вызови экспертов, и пусть они прощупают ее вдоль и поперек. Мне нужно, чтобы ее подняли на лифте и внимательно посмотрели каждый дюйм — нет ли там вмятин, трещин, пятен свежей краски... или крови. Мне это нужно, Рик. Всего лишь одну каплю крови.

Утром в субботу трое полицейских постучались в двери большого дома, принадлежавшего Биллу Апшо. Дверь отворил Апшо. На нем был банный халат. Из-за спины доносилась музыка — по телевизору показывали утреннюю субботнюю программу.

— Кто это, дорогой? — окликнула его жена, готовившая завтрак в кухне.

Апшо посмотрел на предъявленные ему бумаги и почувствовал, что может упасть в обморок. На одном из ордеров было указано, что все записи Апшо, относившиеся к уплате налогов в гараже Дарнелла, подлежат конфискации. На всех бумагах стояли подписи Генерального прокурора и Верховного судьи Пенсильвании.

— Кто это, дорогой? — повторила вопрос жена, и один из детей вышел посмотреть на гостей. Его глаза округлились.

Апшо попробовал заговорить, но смог издать только невнятный хрип. Он давно ждал этого, и вот теперь это случилось. Один из полицейских представлял федеральное ведомство — отдел по незаконным операциям со спиртными напитками, табачными изделиями и огнестрельным оружием. — По нашим сведениям, ваш офис расположен в вашем доме? — произнес федеральный полицейский.

Билл открыл рот, чтобы ответить на вопрос, и снова издал невнятный хрип.

— У нас верная информация? — терпеливо спросил полицейский.

— Да, — прохрипел Билл Апшо.

— И еще один ваш офис находится по адресу Монроэвилл, Фрэнкстаун, 100?

— Да.

— Дорогой, кто это? — спросила еще раз жена, появившись в проходной. Увидев троих незнакомых мужчин, она испуганно схватилась за воротник своего домашнего халата.

Внезапно Апшо подумал чуть ли не с облегчением: «Это конец всего».

Ребенок, вышедший посмотреть на гостей, неожиданно разревелся и убежал под защиту телевизора, по которому началась очередная серия мультфильма про Супердуга.

Полчаса спустя Руди Дженкинс и возглавляемая им дюжина полицейских появились на Хемптон-стрит. Несмотря на предпраздничные дни, гараж не пустовал, и, когда Дженкинс поднес к губам мегафон и произнес несколько слов, в его сторону повернулись сразу двадцать или тридцать голов.

— Это полиция штата Пенсильвания, — прокричал Дженкинс и поймал себя на том, что его глаза были устремлены на красно-белый «плимут», припаркованный на двадцатой стоянке. Внезапно ему почему-то стало холодно. Нахмурившись, он снова поднес к губам мегафон:

— Внимание, гараж объявляется закрытым! Повторяю, гараж объявляется закрытым! Если ваши транспортные средства на ходу, то можете забрать их, — если нет, то, пожалуйста, спокойно покиньте помещение! Гараж закрыт!

Опустив мегафон, он посмотрел в широкое окно офиса и увидел Уилла Дарнелла, который разговаривал по телефону. Джимми Сайкс стоял у автомата с кока-колой. На простом лице Джимми застыло смешанное выражение замешательства и отчаяния — он был похож на готового расплакаться ребенка Билли Апшо.

— Вы поняли ваши права? Мне не нужно повторять их еще раз? — спросил детектив Рик Мерее. За его спиной четверо полицейских переписывали номера машин, оставленных в гараже.

— Да, — сказал Уилл. Его лицо было внешне спокойно. О внутреннем состоянии говорило только тяжелое, прерывистое дыхание. В правой руке он держал ингалятор.

— Вы хотите что-нибудь сказать? — спросил Мерее.

— Только в присутствии моего адвоката.

— Твой адвокат может застать тебя в тюрьме Харрисбурга, — произнес Дженкинс.

Уилл презрительно взглянул на Дженкинса и ничего не сказал. В помещении гаража полицейские опечатывали все окна и двери гаража. Им было приказано оставить свободной только небольшую дверь рядом с въездом для автомашин.

— Вас не будет здесь очень долго, Уилл, — проговорил Мерее. — Может быть, вам придется побывать в тюрьме.

— Я знаю тебя, — сказал Дарнелл, пристально глядя на него. — Твоя фамилия Мерее. Я хорошо

знал твоего отца. Он был самым подкупленным полицейским со времен Джорджа Вашингтона.

В лицо Рика Мерее бросилась кровь. Он поднял руку.

— Не надо, Рик, — сказал Дженкинс.

— Можете шутить, ребята, сколько вам влезет, — проговорил Дарнелл. — Я вернусь сюда через две недели. И если вы этого не знаете, то вы даже глупее, чем выглядите.

Он посмотрел на них. Его взгляд был умным, саркастическим... и затравленным. Внезапно он поднес ко рту ингалятор и глубоко вздохнул.

— Уберите отсюда этот мешок с дерьмом, — сказал Мерее. Он все еще был бледен.

— С тобой все в порядке? — спросил Дженкинс. Пятнадцать минут спустя они сидели в полицейском «форде». Выглянуло солнце, и на улицах ослепительно сиял тающий снег. Гараж был опечатан.

— Этот ублюдок намекал на моего отца, — медленно проговорил Мерее. — Мой отец застрелился, Руди. Напрочь разнес себе голову. И я всегда думал... в колледже я читал... — Он пожал плечами. — Мало ли полицейских съедают пулю? Взять хотя бы Мелвина Парвиса. А он был человеком, который засадил в тюрьму Диллинджера...

Мерее зажег сигарету и судорожно затянулся.

— Дарнелл ничего не знает. — сказал Дженкинс.

— Как бы не так! — проговорил Мерее. Он опустил окно и выбросил сигарету. Затем снял микрофон с приборной доски и поднес ко рту:

— Наряд два вызывает четырнадцатого.

— Четырнадцатый слушает.

— Четырнадцатый, как там наш почтовый голубок?

— Он на восемьдесят четвертом шоссе, подъезжает к Порт-Джервису.

Порт-Джервис находился на пути из Пенсильвании в Нью-Йорк.

— Нью-Йорк предупрежден?

— Там все готово.

— Берите его, пока он не доехал до Миддлтауна. И возьмите у него талон об уплате дорожной пошлины. Лишняя улика нам не помешает — Четырнадцатый понял.

Мерее положил микрофон на место и улыбнулся:

— Раз мы возьмем его на пути в Нью-Йорк, то делом должны заниматься федеральные власти. Но за нами право первого хода, — разве не чудесно?

Дженкинс промолчал. В этом деле он не видел ничего чудесного — начиная с ингалятора Дарнелла и кончая отцом Мерее, выстрелившим себе в рот. Дженкинса охватило какое-то смутное предчувствие того, что все закончится не так, как началось. Он вдруг ощутил себя на полпути к какому-то мрачному финалу всей этой истории. И захотелось побыстрее закончить ее.

Его преследовала навязчивая и безумная мысль: что когда он в первый раз говорил с Эрни Каннингемом, то разговаривал с тонущим человеком, а когда встретился с ним во второй раз, то разговаривал с утопленником.

Облака в небе рассеялись, и у Эрни улучшилось настроение. Он чувствовал себя хорошо, когда оказывался вдали от Либертивилла, вдали от... всего. Его приподнятого состояния духа не ухудшало даже знание о контрабандном грузе в багажнике «крайсlera». По крайней мере сегодня это были не

наркотики.

Он включил радио, и его пальцы стали постукивать по рулю в такт какой-то современной мелодии. Декабрьское солнце ярко сияло на капоте. Эрни улыбался.

Он все еще улыбался, когда машина с эмблемой полиции штата Нью-Йорк обогнала его и начала прижимать к обочине. Из громкоговорителя на ее крыше раздался резкий металлический голос: — Внимание, «крайслер»! «Крайслер», на правую сторону! На правую сторону!

Эрни посмотрел налево, и улыбка сползла с его губ. Он уставился в черные очки человека, сидевшего в машине. На человеке была полицейская форма. Эрни посмотрел вперед. У него пересохло во рту. Он едва удержался от того, чтобы не рвануть рычаг скоростей и не нажать на педаль газа. Может быть, он так и сделал бы, если бы сидел за рулем Кристины... но он был в «крайслере», принадлежавшем Уиллу Дарнеллу. Он услышал слова Уилла, говорившего ему, что если сумка с багажом окажется в руках полиции, то это будет его сумка. И, слыша слова Дарнелла, он видел перед собой лицо Рудольфа Дженкинса, его колючие карие глаза и коротко подстриженные волосы. Он знал, что это была работа Дженкинса.

Он хотел смерти Рудольфу Дженкинсу.

— В сторону, «крайслер»! Это приказ! В сторону!

Чувствуя какую-то тошнотворную пустоту в животе, Эрни зарулил на свободную полосу справа. Ему было страшно — но не за себя самого. Он боялся за Кристину. Что они сделают с Кристиной?

Он вдруг мысленно представил себе решетки на окнах тюрьмы. Судью в мантии, объявляющего приговор. И Кристину, которую рабочие загоняют под пресс на заднем дворе гаража.

А потом, когда он поставил «крайслер» на тормоз и увидел, что сзади остановилась полицейская машина, его успокоила неизвестно откуда появившаяся холодная мысль: Кристина сама позаботится о себе.

Вторая мысль появилась, когда он увидел приближавшихся к нему полицейских, один из которых держал в руке ордер на задержание. Она тоже возникла ниоткуда, но была воспроизведена скрипучим голосом Ролланда Д. Лебэя: «И она позаботится о тебе, мальчик. Ты должен только довериться ей, и она позаботится о тебе».

Эрни открыл дверь и вышел из «крайслера».

— Арнольд Каннингем? — спросил один из полицейских.

— Да, собственной персоной, — спокойно сказал Эрни. — Я превысил скорость?

— Нет, сынок, — сказал другой. — Но тебе все равно не повезло.

Первый полицейский шагнул вперед, как хорошо вымуштрованный армейский офицер:

— У меня есть приказ обыскать «крайслер империал» 1966 года. Полиция штата Нью-Йорк Соединенных Штатов Америки получила сведения о находящемся в нем контрабандном грузе.

Эрни посмотрел на машины, проезжавшие мимо. Сидевшие в них люди оглядывались на него.

— Дай мне ключи, детка, — проговорил полицейский.

— Почему бы тебе самому не слазить за ними? — спросил Эрни.

— Ты не стараешься облегчить свое положение, детка, — произнес полицейский, но на его лице промелькнуло выражение удивления, смешанного с испугом. Ему показалось, что голос подростка прозвучал так, как будто принадлежал пятидесятилетнему мужчине, а не щуплому долговязому школьнику, которого он видел перед собой.

Он нагнулся над водительским сиденьем, вынул ключи из замка зажигания, и они сразу направились к багажнику «крайслера». «Они знают». — подумал Эрни. По крайней мере его груз не имел отношения к навязчивой идее Дженкинса о причастности Эрни к делу Реппертона — Уэлча; встреча с полицией была больше похожа на хорошо спланированную операцию против Дарнелла, занимавшегося нелегальной торговлей с Нью-Йорком и Новой Англией.

Они открыли багажник, вытащили из него запасное колесо, домкрат, несколько коробок с инструментами и мелкими запасными деталями — болтами, лампочками, предохранителями и прочей автомобильной утварью. Один из полицейских почти полностью скрылся в багажнике; из машины торчали только его ноги в светло-голубых брюках. На один момент у Эрни появилась смутная надежда, что они не найдут потайного отделения в машине; затем он отогнал от себя эту мысль — в ней было слишком много ребячества, слишком много прежнего Эрни Каннингейма, от которого он хотел избавиться, чтобы не пострадать вместе с ним. Они найдут то, что ищут. И чем быстрее найдут, тем быстрее закончится эта невыносимо затянувшаяся дорожная сцена.

Словно какой-то бог услышал его желание и решил сию же секунду выполнить его, полицейский торжествующе выкрикнул из багажника:

— Сигареты!

— О'кей, — сказал полицейский, державший ордер на задержание. — Закрывай багажник. — Он повернулся к Эрни и зачитал ему права, предоставленные ему законом. — Ты все понял? Не нужно повторять?

— Не нужно, — сказал Эрни.

— Ты хочешь сделать какое-нибудь заявление?

— Нет.

— Садись в машину, сынок. Ты арестован.

«Я арестован», — подумал Эрни, и все происходящее показалось ему каким-то кошмарным сном, от которого он скоро должен был проснуться. Арестован. Его повезут в полицейской машине. Люди будут смотреть на него...

Горькие, ребяческие слезы подкатили к его горлу, и он проглотил их вместе со слюной. Его грудь вздрогнула — один раз, другой. Полицейский, читавший его права, положил руку ему на плечо, но Эрни резким движением сбросил ее.

— Не прикасайтесь ко мне!

— Не бойся, сынок. Садись в машину. — сказал полицейский. Он открыл дверцу патрульной машины и помог Эрни залезть в нее.

Эрни уже не собирался плакать. Вместо этого он думал о Кристине. Не об отце, не о матери, не о Ли, не о Дэннисе и даже не о Дарнелле — не об этих жалких говнюках, предавших его.

Он думал о Кристине и хотел думать только о ней одной. Эрни открыл глаза и откинулся на спинку сиденья. Как всегда, мысли о Кристине успокоили его. Через некоторое время он уже был способен сосредоточиться, подробно вспомнить случившееся и обдумать свое положение.

Майкл Каннингейм повесил телефонную трубку так медленно и осторожно, словно та была начинена взрывчаткой. Затем он так же медленно и осторожно опустил в кресло, стоявшее возле письменного стола с электрической пишущей машинкой и грудой исторических журналов. За окном завывал холодный ветер. Теплое утро, растопившее снег на подоконнике, сменилось холодным

декабрьским вечером, и сын Майкла был арестован по обвинению в контрабандных махинациях: нет мистер Каннингем, это не марихуана, это сигареты, двести блоков «Винстона» без штампа об уплате налога.

Сверху доносилось жужжание швейной машинки Регины. Ему нужно было встать снова, подойти к двери, открыть ее, пройти через холл к лестнице, подняться по ступенькам, миновать недлинный коридор, переступить порог маленькой комнатки с цветочными горшками, развешанными по стенам, и, стоя в ней и чувствуя на себе взгляд Регины (она будет в очках для чтения), сказать ей: «Регина, полиция штата Нью-Йорк арестовала Эрни».

Майкл понимал: необходимо сделать хоть что-то, но после первой попытки встать упал обратно в кресло. Сердце в груди стучало быстро и причиняло боль, отдававшую в висках.

Внезапно его охватило такое смешанное чувство отчаяния и тоски, что он застонал и замер, обхватив голову руками. К нему разом вернулись все мысли, передуманные им за последние шесть месяцев. Всего шесть месяцев назад у него не было причин жаловаться на сына. Теперь тот сидел в тюрьме. Что случилось с Эрни за прошедшие полгода? Мог ли он, Майкл, что-нибудь исправить? И знал ли он, что именно должно было быть исправлено? Но с чего все началось?

«Господи...»

Тяжело дыша, он сидел неподвижно и слушал завывание ветра за окном. Он и Эрни посеяли бурю, которая только что разразилась. А ведь еще недавно весь их домашний мир казался таким ясным и безоблачным...

«Господи», — снова проговорил он тем слабым, слезливым голосом, который презирал в себе. Внезапно ему вспомнилось, как Регина брала с собой четырехлетнего Эрни, когда ходила на распродажи детских вещей. Регина обычно шла пешком, а Эрни крутил педали своего маленького трехколесного велосипеда и повторял: «Мама, мы едем на ласплодажу?» Тогда Эрни почти не расставался со своим трехколесным чудом, хотя у того были спущены шины и почти облупилась красная краска на раме и руле. Он с утра до вечера колесил на нем вокруг дома и даже выезжал на пешеходную дорожку за оградой. Майкл закрыл глаза и увидел Эрни, катающегося на нем в голубом свитере и коротких штанишках, а потом у него вдруг что-то случилось с памятью и вместо маленького красного велосипеда он увидел Кристину, ее красный проржавевший кузов и помутневшие от старости стекла.

Он заскрежетал зубами. В этот момент его можно было принять за сумасшедшего. Немного подождав и успокоившись, он встал и пошел наверх, чтобы поговорить с Региной о том, что произошло с их сыном. Он надеялся, что Регина подскажет, что им делать, — так было всегда: подскажет, и ему станет легче, хотя он все равно будет знать, что их сын стал кем-то другим.

40. Приближение бури

Как только она получила права,
так села за руль — и была такова.

Передний край самого свирепого урагана той зимы, рвавшегося на северо-восток и постепенно захватывавшего всю верхнюю треть Соединенных Штатов, обрушился на Либертивилл в самый канун Рождества.

«Если не хотите провести Рождество где-нибудь на обочине между Бедфордом и Карлайслом, то выезжайте из города пораньше или не покидайте его совсем. Это мой совет», — сказал утром диск-

жокей радиостанции УКВ-104 и начал праздничную музыкальную программу песней «Санта-Клаус идет к нам» в интерпретации Брюса Спрингстина.

К 11 часам до полудня, когда Дэннис Гилдер наконец-то покинул городскую больницу Либертивилла (по ее правилам он мог встать на костыли только на улице, и поэтому Эллани везла его на коляске до самого выхода), небо сплошь затянули тяжелые серые облака. Дэннис проскакал на костылях до их семейной машины и ненадолго остановился, чтобы подышать свежим воздухом. Ему сейчас понравилась бы любая погода.

К часу дня «вольво», принадлежавший Регине Каннингейм, подъехал к окраинам небольшого городка, расположенного на девяносто миль восточнее Либертивилла. К этому времени облака стали еще темнее, а температура упала на шесть градусов.

Это была идея Эрни, и они решили по старой традиции провести канун Рождества у тети Вики и дяди Стива, сестры и свояка Регины. Их поездка была обговорена еще в начале декабря. Она была отменена после того, что Регина упорно называла «неприятностями Эрни», но тот с начала недели агитировал за семейный визит к родственникам, а у его матери не было сил сопротивляться. Она слишком устала в предшествовавшие три дня.

Когда Майкл поднялся к ней наверх и рассказал о телефонном звонке из полиции, она молча выключила швейную машинку, встала, подошла к телефону и начала борьбу за выживание — свое, своей семьи и своего сына. На стоявшего рядом мужа она в первые часы обращала не больше внимания, чем на предмет обстановки.

Она позвонила Тому Спрагу, своему адвокату, который, узнав, что ее проблема носила криминальный характер, спешно отослал ее к своему коллеге, Джиму Варбергу. Она позвонила в офис Варберга, и приятный женский голос ответил, что не может дать домашнего телефона Варберга. Она некоторое время сидела перед журнальным столиком, барабанила по нему пальцами, а потом снова набрала номер Тома Спрага. Он тоже не хотел называть домашнего телефона Варберга, но все-таки сдался. Когда Регина через двадцать минут отпустила его, голос Тома был ошеломленным, почти шокированным. Спраг не ожидал от нее такого натиска.

Она позвонила Варбергу, который сказал, что не может взяться за ее дело. Регина снова пошла в атаку. В результате Варберг не только взялся за дело, но даже согласился немедленно поехать в Элбени, где содержался Эрни, и посмотреть, что можно было предпринять. Варберг говорил слабым, удивленным голосом человека, которого накачали кокаином, а потом положили под гусеницы бульдозера. Регина была непреклонна. Варберг вылетел частным самолетом и через час рапортовал о выполнении задания.

Он сказал, что обвинение Эрни еще не предъявлено. По его словам, Эрни был задержан для последующей передачи полиции Пенсильвании, которая ведет все дело. Главной же целью полицейских штата был не Эрни — для властей такого уровня он был слишком мелкой фигурой, — а Дарнелл с его нелегальной торговлей сигаретами, спиртным и наркотиками.

— Задерживать человека и не предъявлять ему обвинения незаконно. — мгновенно отреагировала Регина.

Варберг понял, что ему предстоит еще раз испытать ее железную хватку, и решил, что лучшее средство обороны — нападение. Он быстро проговорил:

— Миссис Каннингейм, мы должны благодарить Бога за то, что они еще не вынесли ему обвинения.

У него была найдена партия контрабандных сигарет, и они были бы счастливы обвинить его. И я советую вам и вашему мужу как можно скорее приехать сюда.

— Мы можем чем-нибудь помочь Эрни?

— Да. Полицейским нужен не Арнольд, а его показания против Дарнелла. Но ваш сын не хочет ничего говорить, и они начинают терять терпение. Вы должны срочно убедить Арнольда, что его молчание не в его интересах.

— Это действительно так? — поколебавшись, спросила она.

— Разумеется, да! — В голосе Варберга что-то треснуло. — Они не хотят сажать его в тюрьму. Он из хорошей семьи, за ним не числится никаких прежних провинностей. Может быть, он даже не будет встречаться с судьей. Но ему нужно заговорить.

Так они собрались и через некоторое время были в Элбени. Там их сразу привели в небольшую комнатку с двумя стульями и столом, на поверхности которого были видны следы тушения сигарет. У окна стоял Эрни. Его лицо было бледным и изможденным, но взгляд казался спокойным.

— Эрни, — сказала она и пошла к нему. Он отвернулся, поджав губы, и она остановилась на полпути. Более слабая женщина могла расплакаться, но Регина только холодно огляделась и села на стул. Она поняла, что одна лишь холодность может помочь ей.

Она сказала ему, что нужно делать. Он отказался. Она приказала ему все рассказать полиции. Он снова отказался. Она попробовала урезонить его. Он не поддался. Она стала умолять его. Он снова не поддался. Наконец она спросила, почему он не хочет слушать ее. Он отказался говорить.

— Я думала, у тебя есть хоть капля соображения! — не вытерпев, закричала она. Она готова была сойти с ума от отчаяния — мальчик, который когда-то сосал молоко из ее груди, теперь абсолютно не нуждался в ней и ни во что не ставил ее горе. — Я не знала, что ты настолько глуп! Тебя посадят в тюрьму! Ты хочешь пойти в тюрьму ради Дарнелла? Ты этого хочешь? Ты просто кретин!

Кретин! — Регина не могла вообразить ничего худшего, но ее сын не обращал никакого внимания на ее ярость.

— Я делаю это не для Дарнелла, — вдруг произнес он спокойным голосом. — И не собираюсь садиться в тюрьму.

— О чем ты говоришь? На что ты надеешься? — вновь закричала она, но ярость уже сменилась чувством облегчения. По крайней мере он сказал что-то. — Они нашли сигареты в багажнике твоей машины! Контрабандные сигареты! Эрни мягко поправил ее:

— Сигареты были не в багажнике. Они были в отделении под багажником. В потайном отделении. И машина принадлежит Уиллу. Уилл велел мне взять его машину.

Она посмотрела на него.

— Ты хочешь сказать, что ничего не знал о сигаретах?

Эрни посмотрел на нее с выражением, которое Регина просто не могла принять, — с презрением. «Мой золотой мальчик», — вспомнилось ей.

— Я знал, и Уилл знал. Но ведь это надо доказать, не так ли?

Она была изумлена.

— Если на меня повесят сигареты, — добавил он, — то тюрьмы мне не избежать.

Этот разговор Регина пересказала Варбергу. Она спросила, могли ли быть хоть какие-то шансы на то, что ее сын был прав.

Варберг задумался.

— Да, такой вариант защиты возможен. — произнес он. — Но он был бы хорош, если бы Эрни был главной целью полиции. Кроме того, здесь находится один человек по имени Генри Бак. Товар предназначался для него. Он тоже арестован.

— Что он сказал? — спросил Майкл.

— Не знаю. Но когда я попробовал поговорить с его адвокатом, тот отказался от разговора. По-моему, это зловещий знак. Если Бак заговорил, то у Эрни нет никаких надежд.

Первые хлопья снега закружились в небе, когда они свернули на улицу тети Вики и дяди Стива. «Интересно, идет ли снег в Либертивилле?» — подумал Эрни и нащупал в кармане ключи с кожаным брелком. Вероятно, да. Там шел снег.

Кристина стояла в опечатанном гараже Дарнелла. Это было хорошо. Во всяком случае, она была защищена от непогоды. Он заберет ее оттуда. В свое время.

Прошедший уик-энд был похож на кошмарный сон. Его родители, по очереди кричавшие на него в маленькой комнате с прожженным сигаретами столом, казались ему какими-то незнакомыми людьми, чужестранцами в его мире. Они говорили на непонятном языке. Адвокат, которого они наняли, Варли или Фарбер, втолковывал ему что-то о необходимости «защищаться всеми средствами, а не стараться разозлить полицейских».

Но Эрни больше волновался за Кристину.

Он все ясней и ясней ощущал, что Ролланд Д. Лебэй находился где-то рядом, а может быть, срастался с ним. Эта мысль не пугала Эрни; наоборот, она успокаивала его. Но он должен был остерегаться. Не Дженкинса: он чувствовал, что у полицейского были только смутные подозрения и они основывались на Кристине, но вели не к ней, а от нее.

Другое дело — Дарнелл... с Дарнеллом могли быть сложности. Настоящие сложности.

В ту ночь, когда его мать вернулась в мотель, Эрни отвели в камеру для задержанных, и он заснул удивительно легко и быстро. В ту ночь ему приснился сон — не ночной кошмар, но нечто обеспокоившее его. Он очнулся в предутренней темноте, разбитый и потный.

Ему приснилось, что Кристина превратилась в крошечный, размером не больше ладони, «плимут» 58-го года. Она ездила по маленькой, искусно сделанной автостраде, которая была похожа на пластиковый макет какой-то дороги — не Бэйзн-драйв, но и не Кеннеди-драйв, где погиб Шатун Уэлч. Окружающие дома были уменьшенными копиями тех, что стояли в верхней части Либертивилла. Пластиковые дома, пластиковые деревья... и огромная, гигантская фигура Уилла Дарнелла, нажимающего на кнопки пульта управления и следящего за тем, как «фурия» ползет по улицам и перекресткам. Он тяжело дышал, и из его поврежденных легких вырывались звуки, напоминающие свист зимнего ветра.

— Ты должен не раскрывать рта, детка, — сказал Дарнелл. Он навис над этим игрушечным городом, как необъятных размеров Гулливер над страной лилипутов. — Ты должен меня слушаться, потому что здесь правлю я. Я могу сделать вот что...

И Уилл начал медленно надавливать на кнопку с надписью: БЫСТРО.

— Нет! — попытался закричать Эрни. — Нет, не делайте этого, прошу вас! Я люблю ее! Не надо, вы убьете ее!

Кристина мчалась по крошечному Либертивиллу. Ее скорость все возрастала и возрастала. На

поворотах ее заносило к противоположной стороне дороги, а двигатель завывал все громче и громче.

— Прошу вас, — закричал Эрни. — Прошу-у-у ва-а-а-а-ас!

Наконец Уилл отпустил кнопку. Казалось, он был доволен собой. Машина стала замедлять ход.

— Если ты что-нибудь задумаешь, детка, то вспомни, у кого сейчас твоя машина. Не раскрывай рта, мы с тобой еще столкнемся на узкой дороге. Слушай меня...

Эрни попробовал схватить свою игрушечную машину. Уилл оттолкнул его.

— Чья эта сумка, детка?

— Уилл, прошу вас...

— Чья эта сумка?

— Моя.

Запомни это, детка.

И Эрни проснулся в поту и в слезах. В ту ночь он больше не спал.

Возможно ли, что Уилл узнал... мог ли он что-нибудь знать о Кристине? Нет. Ему было известно только, что в ноябре Эрни не ремонтировал Кристину, — то, о чем мог догадаться Дженкинс.

Что еще он мог знать?

Чувствуя, как холод поднимается по его ногам и распространяется по всему телу, Эрни вдруг понял, что Уилл мог находиться в гараже именно в ту ночь, когда погибли Реппертон и другие. Пожалуй, это было более чем вероятно. Джимми Сайкс был слишком прост, и Уилл не мог доверить гараж ему одному.

Ты должен не открывать рта. Ты должен слушаться меня, а иначе я сделаю вот что...

Но если даже предположить, что Уилл знал, — кто бы поверил ему? Эрни не мог отделаться от этой навязчивой мысли и хотел додумать ее до конца. Кто бы поверил Дарнеллу, если бы тот решил рассказать кому-нибудь, что Кристина иногда ездит сама по себе? Поверили бы полицейские его словам? Нет, они подняли бы его на смех, и как раз Дженкинс меньше всех был бы способен принять подобные признания. Дженкинс посчитал бы их откровенным издевательством. Эрни представлял его ярость. Нет, знания Дарнелла не играли роли.

Затем, уже немного успокоившись, Эрни наконец осознал, что угрожало ему на самом деле.

Кристина находилась в распоряжении Дарнелла.

Полицейские опечатали гараж.

Но Уилл Дарнелл был очень старой лисой и заранее готовился к любым неожиданностям. Если Дарнелл захотел бы сейчас забраться в гараж и уничтожить Кристину, то он мог сделать это... хотя вряд ли, подумал Эрни. Уилл нанял бы какого-нибудь специалиста по страховкам, который облил бы машину бензином, а потом бросил бы зажженную спичку.

Но все равно, перед мысленным взором Эрни полыхали языки пламени. Он почти чувствовал запах паленой обивки.

Он лежал на койке тюремной камеры, и у него было сухо во рту, а сердце гулко стучало в груди.

Ты должен не открывать рта. Ты должен слушаться меня...

Конечно, если бы Уилл попробовал что-нибудь сделать и был бы хоть немного неосторожен, то Кристина не упустила бы его. Но так или иначе, Эрни не хотел думать, что Уилл будет неосторожен. На следующий день его отвезли в Пенсильванию и освободили под небольшой залог.

Предварительное слушание его дела должно было состояться в январе. В газетах его имя не

называлось, но начавшийся судебный процесс сразу получил широкую огласку.

В Либертивилле Эрни Каннингем стал известен довольно большому числу горожан. Этому способствовало то, что многие знали о гараже Уилла Дарнелла, а некоторые были знакомы с университетскими аудиториями, в которых читали лекции Майкл и Регина Каннингем.

Последнее обстоятельство стало причиной ночных кошмаров, отнимавших силы у родителей Эрни.

— Чему ты улыбаешься, Эрни? — спросила Регина. Майкл вел машину медленно, изредка поглядывая на проступавший за снегопадом дом тети Вики и дяди Стива.

— Я улыбался?

— Да, — сказала она, поправляя волосы.

— Я уже забыл, — рассеянно сказал он.

Они уплатили две тысячи долларов и в воскресенье привезли его домой. Затем Регина поднялась наверх и легла спать. Майкл удалился в кабинет, и какое-то время оттуда доносился стук пишущей машинки. Вскоре и там наступила тишина.

Эрни сидел в общей комнате и смотрел футбольный матч, который показывали по телевизору. Он не знал, кто с кем играл и какой был счет, и ему доставляло удовольствие просто смотреть на зеленое футбольное поле, освещенное ярким калифорнийским солнцем, которое сменилось мокрым снегом — это было заметно по потемневшим майкам и замедлившимся движениям игроков.

Часов в шесть он свесил голову на грудь и задремал.

И ему приснился сон.

Тот же самый сон ему снился и следующей ночью, когда он лежал в своей с детства знакомой кровати. И ему больше не являлся огромный Уилл Дарнелл, склонившийся над игрушечным городом. Он даже не мог сразу вспомнить, что именно ему снилось. Он только знал, что видел какую-то фигурку, стоявшую у дороги; какой-то полуистлевший палец, показывавший в его сторону и покачавшийся так, словно ему читали нотацию; какое-то чувство свободы и... освобождения? Да, освобождения. Ничего, кроме...

Да, он освобождался от этого сна и возвращался к действительности с одним неизменным воспоминанием: он сидел за рулем Кристины и медленно вел ее куда-то, но не видел того, что находилось дальше капота. Шел густой снег, тяжело гудел ветер. Затем что-то происходило. Снега больше не было. Гул ветра превращался в рев толпы, собравшейся по обе стороны Пятой авеню. Они приветствовали его. Они приветствовали Кристину. Они ревели от восторга, потому что он и Кристина... осво...

Освободились.

Вспоминая свой сон, он каждый раз думал:

«Когда это все закончится... если все это закончится... то я уеду отсюда. Обязательно. Уеду в Мексику». И Мексика, которую он представлял себе залитой солнцем и дышащей деревенским покоем, казалась ему более реальной, чем сны.

Вот тогда и появилась у него идея провести Рождество у дяди Стива и тети Вики. Он просыпался, лежал и вспоминал сон, а потом начинал думать. Через некоторое время эта идея становилась самой важной из всех посещавших его мыслей. Уехать из Либертивилла перед...

Ну, перед Рождеством.

— Вот сюда, Майкл, — сказала Регина. — Здесь самый короткий путь. Заруливай сюда.

Майкл кивнул и свернул на боковую дорожку.

— Я вижу, — произнес он тем немного виноватым тоном, которым всегда разговаривал с женой. «Козел, — подумал Эрни. — Она держит его за козла, обращается с ним, как с козлом, и он блеет, как козел».

— Ты снова улыбаешься, — сказала Регина.

— Я думал о том, как люблю вас обоих, — проговорил Эрни.

Его отец удивленно и растроганно посмотрел на него; в глазах матери засияло что-то, похожее на слезы.

Они на самом деле поверили ему.

Говнюки.

К трем часам снег все еще падал отдельными хлопьями. По радио объявили, что задержка урагана не сулила ничего хорошего. Его фронт аккумулировался неподалеку от Либертивилла, чтобы с удвоенной силой обрушиться на него. Метеосводка предсказывала, что в ближайшие сутки на город выпадет до восемнадцати дюймов осадков.

Ли Кэйбот сидела в общей комнате дома и смотрела на недавно украшенную разноцветными гирляндами и игрушками, но начавшую осыпаться рождественскую елку. В доме она была одна. Ее родители ненадолго ушли к Стюартам; мистер Стюарт стал новым шефом отца, и они были довольны друг другом. Миссис Кэйбот радовалась их завязавшейся дружбе и старалась всеми силами упрочить ее.

«А я одна и все еще девственница», — подумала она. Мысль была крайне глупой, и Ли как ужаленная вскочила на ноги. Она пошла на кухню, чтобы найти что-нибудь освежающее. В холодильнике стояла упаковка кока-колы и папино пиво. «Изыди из меня, сатана», — мысленно сказала она и закрыла холодильник. Затем снова открыла и взяла две банки «Ханникейна». Она никуда не собиралась идти. Так что же плохого было в пиве?

Раньше ей нравилось оставаться в пустом доме, но сейчас она чувствовала тоску и какую-то неприкаянность. Ей было немного боязно. Если бы дела пошли по-другому, то с ней был бы Эрни. Сначала ее родители не имели ничего против него. Сначала. Теперь, разумеется, ее мама ужаснулась бы, узнав, что Ли могла хотя бы подумать о нем. Но Ли думала об Эрни. Она хотела понять, почему он так изменился. И что он намеревается делать дальше.

За окном завыл, а потом утих ветер, напомнив ей звук заводящегося автомобиля.

Внезапно она поймала себя на мысли, что ей по-настоящему страшно.

Хотя для страха не было причин.

По крайней мере родители оставили машину в гараже (машины, они то и дело возникали в ее мыслях). Вряд ли отец намеревался садиться за руль после застолья у Стюартов. Скорее он с мамой рассчитывал пройти два квартала пешком. После выпитого прогулка могла отрезвить их. Отрезвить. Если только не...

Ли замерла.

Она увидела, как ее мама и папа не спеша возвращаются домой — они смеются, отец немного пошатывается и говорит заплетающимся языком, а снег падает густой пеленой, и два огромных белых глаза медленно движутся за ними... и они вырастают, становятся все больше и больше... подкрадываясь к ее беззащитным, смеющимся и ничего не подозревающим родителям.

Она выдохнула и пошла обратно в общую комнату. Приблизилась к телефону, а затем остановилась в нерешительности.

Что она собиралась делать? Позвонить им? Сказать, что осталась дома совсем одна, почему-то подумала о старой и странной машине Эрни и просит их побыстрее вернуться домой, потому что боится за них и за себя? Вот что она собиралась делать?

Спокойнее, Ли. Спокойнее.

Она вспомнила, какой панический ужас охватил ее, когда она открыла газету и увидела то, что случилось с Бадди Реппертоном и двумя другими ребятами. В тот день ее преследовало множество мыслей, но все они укладывались в одно слово: Кристина.

«О Боже, — прошептала она, — О Боже...»

У нее по спине пробежали мурашки.

Неожиданно для себя она взяла телефонный справочник и позвонила в городскую больницу Либертивилла. Приятный женский голос ответил ей, что Дэннис Гилдер выписался сегодня утром. Ли поблагодарила и положила трубку.

Некоторое время она задумчиво смотрела на рождественскую елку, стоявшую в углу комнаты. Потом снова взяла в руки телефонный справочник и, полистав его, набрала домашний номер Гилдеров.

— Ли? — приятно удивился Дэннис.

Она ощутила холод телефонной трубки в ладони:

— Дэннис, я могу приехать и поговорить с тобой?

— Сегодня? — изумлено спросил он. Она подумала о родителях. Скоро они будут дома.

Приближалось Рождество. И шел снег, и ей не хотелось выходить из дома сегодня вечером.

— Ли?

— Нет, не сегодня, — сказала она. — Во вторник. Двадцать шестого. Это тебе подойдет?

— Конечно, — ответил он и добавил:

— Ты хочешь поговорить об Эрни?

— Нет, — помолчав сказала Ли. — Не об Эрни. Я хочу поговорить о Кристине.

41. Буря

Езжай на своем «Крайслере»

в Мексику, мальчик.

Взгляни, дорогая, видишь огни фонарей?

Давай же по городу будем кататься скорей!

Давай, дорогая! Давай, заводись поскорей!

К пяти часам вечера ураган обрушился на Пенсильванию. Лавины снега сыпались на опустевшие дороги и города. Люди не выходили из домов. Отмечая приближение Рождества, они были заранее благодарны матери-природе за то, что им будет о чем рассказать в ближайший вторник на работе. Однако в тот вечер в матери-природе не было ничего материнского. Она была озлобленной на весь мир старухой ведьмой; Рождество ничего не значило для нее. К семи часам она завалила снегом все улицы Либертивилла и сломала сорокафутовое дерево, росшее на перекрестке Мэйн-стрит и Бэйзндрайв. Дерево упало и перерубило кабель светофора, отчего тот сразу погас. Двое или трое припозднившихся пешеходов сначала взглянули наверх, а затем ускорили шаг.

К восьми часам, когда мистер и миссис Кэйбот наконец вернулись домой (чем несказанно обрадовали заждавшуюся Ли), местная радиостанция передала обращение полиции штата Пенсильвания, призывавшей граждан не выезжать из города.

К девяти часам, когда Майкл, Регина и Эрн Каннингем уселись за праздничный стол с тетей Викой и дядей Стивом, сорокамильный участок основной магистрали Пенсильвании был завален снегом. К утру магистраль была перекрыта целиком.

К девяти тридцати, когда в полной темноте гаража на Хемптон-стрит внезапно зажглись передние фары Кристины, на улицах Либертивилла уже не было почти ни одного человека.

Тишину гаража нарушил звук заработавшего двигателя.

В кабине Кристины повернулся рычаг переключения скоростей.

Она сдвинулась с места.

Большая железная дверь гаража поднялась, и в помещение ворвалось облако белого снега, заискрившегося в лучах мощных фар.

Кристина выползла наружу и поехала вниз по улице. Ее шины резали снег ровно по прямой, без отклонений и колебаний.

Затем во вьюге замигал и погас красный огонек. Кристина повернула налево, в сторону Кеннеди-драйв.

Дон Ванденберг сидел за столом в офисе заправочной станции своего отца. Тот велел сычу держать ее открытой до двенадцати часов ночи, а сам отправился праздновать Рождество.

Дону было тоскливо, он не выносил одиночества. Он вспоминал Бадди, который притягивал друзей, как магнит, и всех приводил на ночные дежурства. Теперь они исчезли.

Хотя иногда Дону казалось, что они были здесь. Иногда у него было такое чувство, будто он мог оглянуться и увидеть их сидящими рядом — Ричи Трелани с одной стороны. Шатуна Уэлча с другой, а между ними Бадди Реппертона с бутылкой «Техасского драйвера» в руке. Всех троих — отвратительно бледных, с глазами, как у мертвых рыб. И Реппертона — поднимающего бутылку и шепчущего: «А ну-ка выпей, задница, — скоро ты будешь мертвым, как мы».

От таких фантазий у него пересыхало во рту и тряслись руки.

И Дон знал почему. Он знал, что зря они разломали машину Прыщавой Рожи. Все, кто были в ту ночь на стоянке аэропорта, уже погибли, и смерть их была ужасна. В живых остались только он и Сэнди Галтон, который укатил куда-то на своем старом «мустанге». Иногда Дон подумывал последовать его примеру.

Какой-то припозднившийся клиент просигналил гудком автомобиля.

Дон встал и пошел к выходу. Дверь с силой вырвалась из его руки, и он чуть было не упал на снег. Он не ожидал, что на улице дул такой ветер (вероятно, старался не слышать его шума). Под ногами был сугроб глубиной дюймов в десять. «Эта чертова машина, наверное, она на протекторах с шипами», — озлобленно подумал он и стал пробираться к бензоколонкам. Машина стояла у самой дальней.

Снег мешал ему как следует разглядеть ее. Чертыхаясь на каждом шагу, он наконец достиг дверцы водителя. Его щеки уже онемели. Если этот парень хочет, чтобы я за один доллар проверил масло в двигателе, то пошлю его куда подальше, решил он, когда заметил, что окно стало опускаться.

— Чем я могу пом... — начал он, и второй слог слова превратился в отчаянный протяжный крик: а-

а-а-а-а-а-а-а...

В окно высунулась голова полуистлевшего трупа. Вместо глаз были пустые глазницы, а под остатками сгнивших губ желтели редкие кривые зубы. Одна рука белела на руле управления. Другая вылезла из окна и, судорожно сжимая и разжимая костяшки пальцев, пыталась схватить его. Дон отшатнулся, ужас горячим комком застрял в его горле. Мертвец вдруг усмехнулся и поманил его к себе. Двигатель машины взревел, а потом она опять заработала тише.

— Заправь ее. — прошептал труп, и Дон сумел разглядеть, что на нем висели лохмотья армейской униформы. — Заправь ее, говнюк. — Череп еще раз ухмыльнулся, и в зияющей глубине рта блеснул кусочек золота.

— А ну-ка выпей, задница, — хрипло прошептал другой голос, и с заднего сиденья Бадди Реппертон протянул Дону бутылку «Техасского драйвера». По зеленой коже Бадди ползали черви... — По-моему, тебе нужно выпить.

Дону казалось, что он кричит, как зарезанный, но уши слышали только шепот Реппертона: «А ну-ка выпей, задница». Дон бросился прочь. Сзади снова взревел двигатель, и он оглянулся. Он увидел машину Эрни Каннингейма, двигавшуюся в его сторону. За рулем никого не было. И это было хуже всего. Машина двигалась сама по себе.

Дон выбежал на улицу, поскользнулся и упал. В следующее мгновение его озарил яркий свет передних фар Кристины, и она со скоростью локомотива налетела на него.

Задняя окраина городка Хайте, расположенного в горах над Либертивиллом, полностью оправдывала название этого места, служившего американизированным синонимом сочетания «высший свет».

Здесь, немного в стороне от дороги Хайтс-авеню, одной милей выше переходившей в шоссе № 2, стояли респектабельные дома газетного издателя, четырех врачей, богатой внучки человека, который изобрел скоростную систему выбрасывания гильз для автоматических пистолетов, и еще нескольких обеспеченных людей, преимущественно адвокатов.

В половине двенадцатого того рождественского вечера двухтонный «плимут» 1958 года выпуска, взбиравшийся вверх по Хайтс-авеню, миновал поворот на Стэнтон-роуд, куда в ноябре свернули Эрни и Ли, торопившиеся уединиться над обрывом. «Плимут» двигался со скоростью тридцать миль в час, и в насыпанных на дороге сугробах его шины оставляли одинокие следы глубиной не меньше фута. Их почти сразу же заметало сильным ветром и снегом.

Уилл Дарнелл сидел в общей комнате дома, построенного на краю городка Хайте, и пытался смотреть телевизор, но его мысли постоянно отвлекались от экрана и возвращались на свой заколдованный круг: Эрни, Уэлч, Реппертон, Кристина. Прошедшие дни состарили Уилла лет на десять. Он сказал полицейскому Мерее, что вернется к делам через две недели, но сам не верил в свои слова. С недавних пор его горло стало болеть от слишком частых обращений к помощи ингалятора.

Эрни, Уэлч, Реппертон... Кристина.

По телевизору показывали мультфильм о рождественских приключениях дядюшки Скруджа.

Эрни, Уэлч, Реппертон... Лебэй?

Парень ничего не сказал полицейским, по крайней мере пока не сказал. Но они задержали Генри Бака, и Уилл не сомневался, что тот трижды продал бы самого Христа, если бы ему взамен пообещали снять обвинение или даже вынести условный приговор. К счастью, старый Генри не так

много знал. Он знал о контрабанде фейерверков и сигарет, но все это было меньшей частью хемптонского бизнеса, включавшего в себя торговлю выпивкой, угнанными автомобилями, незарегистрированным оружием (в том числе и автоматами, которые у Уилла покупали явные рецидивисты, желавшие «поохотиться на оленей» в соседнем штате) и антиквариатом, похищенным в Новой Англии. И в последние два года — кокаин. Конечно, кокаин был ошибкой Уилла: из-за него Дарнелл мог потерять все. Хорошо еще, что полицейские схватили парня, когда при нем не было одного-двух фунтов наркотика.

Он еще раз удивился тому, как много теперь зависело от семнадцатилетнего мальчика, а возможно — и от его фатальной машины. Все, что Дарнелл строил с таким трудом, превратилось в карточный домик, и Уилл боялся лишний раз вздохнуть, чтобы дела не пошли еще хуже.

Он закурил сигару, встал, пошел на кухню... и именно тогда просигналил автомобильный гудок. Уилл резко остановился и потуже затянул на себе пояс домашнего халата.

Снова короткие, требовательные гудки.

Он повернулся, вынул сигару изо рта и подошел к окну комнаты. У него появилось чувство, что с ним это когда-то уже было. Еще не отодвинув тяжелой шторы, он знал, что это была Кристина. Ему было хорошо известно, что она могла приехать за ним.

Кристина стояла в начале дорожки, огибавшей дом, немногим более реальная, чем возникший в хлопьях летящего снега призрак. Ее передние фары вспыхнули и погасли. На один момент Уиллу показалось, что за рулем кто-то сидел, но, моргнув глазами, он увидел, что машина была пуста. Так же пуста, как в ночь, когда она вернулась в гараж.

Бип. Бип. Бип. Бип!

Как если бы она что-то говорила. Сердце Уилла тяжело забилося в груди, и он быстро отвернулся. Нужно было срочно позвонить Каннингейму. Позвонить и сказать, чтобы он обуздал своего четырехколесного демона.

Он был на полдороге к телефону, когда взвыл двигатель машины. Звук походил на вопль женщины, почуявшей предательство. Уилл поспешил обратно к окну и застал Кристину отъезжавшей от большого сугроба, перегораживавшего дорожку к дому. Ее наполовину засыпанный снегом капот был помят спереди. Снова взревел двигатель. Задние колеса заскользили, а потом поймали сцепление. Машина рванулась вперед и снова врезалась в сугроб. Ветер подхватил облако взметнувшегося снега.

Ничего не выйдет, решил Уилл. А если даже ты пробьешься на дорожку, то что? Думаешь, я выйду из дома, чтобы поиграть с тобой?

Сопя носом, он вернулся к телефону, посмотрел номер Каннингейма и начал крутить диск. У него дрожали пальцы, он сбился, нажал на рычаг и начал снова.

За окном ревел двигатель Кристины. Она продолжала штурмовать снежную насыпь. В третий раз послышался удар в сугроб и звук передачи, переключившейся на задний ход. В широкое панорамное окно комнаты ударились комья снега, подхваченного ветром. Уилл старался дышать медленно, но ему мешал какой-то комок, подступивший к горлу.

Наконец в трубке телефона раздались длинные гудки. Первый... Четвертый. Пятый.

Взревел двигатель Кристины. Послышался тяжелый удар.

Восьмой гудок. Девятый. Никого нет дома.

«Дерьмо», — прошептал Уилл и бросил трубку. Его лицо покрылось смертельной бледностью, а ноздри раздувались, как у зверя, услышавшего запах огня. Его сигара уже погасла. Он швырнул ее на ковер и вновь поспешил к окну. Рука нащупала ингалятор, лежавший в кармане халата.

Лучи передних фар ослепили его, и он поднял одну руку, чтобы заслонить глаза. Кристина еще раз протаранила сугроб и вернулась на исходную позицию. Еще немного, и брешь была бы пробита.

Снова вспыхнули фары — Кристина врезалась в сугроб, выбив большой белый ком с противоположной стороны. Передние колеса увязли, и одно мгновение Уилл думал, что она не сможет выбраться из плотного месива льда и снега. Затем задние колеса нашли какую-то точку опоры.

Она отъехала назад.

Уилл почувствовал, что ему не хватает воздуха. Судорожным движением он поднес ингалятор ко рту и сделал несколько вдохов. Полиция. Ему нужно было позвонить в полицию. Они могли приехать. Дома он в безопасности. Дома он...

Набрав скорость, Кристина ринулась на сугроб и на этот раз легко преодолела его — лучи ее фар на мгновение охватили крышу дома, затем скользнули вниз. И она очутилась на дорожке, ведущей к террасе. Она была совсем близко. Да, но она не могла больше ничего сделать, она... не могла... нет!.. Кристина даже не замедлила хода. Она срезала полукруг дорожки, огибавшей то, что летом было цветочной клумбой, и, набирая скорость, помчалась прямо на широкое панорамное окно, перед которым стоял Уилл Дарнелл.

Он отпрянул и упал, споткнувшись о кресло.

Весь дом вздрогнул от удара. Оконное стекло рухнуло, и сразу сверкнули осколки, посыпавшиеся на ковер вместе со штукатуркой и снегом. Яркие фары Кристины превратили комнату в подобие залитой светом телевизионной студии, а потом она подалась назад, громяхая искореженным передним бампером, поломанной решеткой и крышкой капота.

Ловя воздух открытым ртом, Уилл поднялся на четвереньки. Он смутно осознавал, что если бы не упал, то осколки толстого стекла пронзили бы его ребра. Путаясь в полах распахнувшегося халата, он кое-как добрался до телефона и набрал «0».

Кристина откатилась назад по собственным следам, оставшимся на снегу. Едва коснувшись задним бампером сугроба на дорожке, она вновь помчалась вперед, и, пока она набирала скорость, ее капот и передний бампер выправлялись, а на хромированной решетке исчезали трещины. Затем она вновь протаранила стену под панорамным окном. Заскрипело и треснуло дерево. Подоконник разлетелся на две части, и на мгновение ветровое стекло Кристины, сразу покрывшееся трещинами, заглянуло в комнату, как единственный глаз какого-то мифологического чудовища.

— Полиция! — прохрипел Уилл в трубку, и тут же почувствовал, что у него перехватило дыхание.

Пояс на его халате развязался. Из черной дыры в стене дул ледяной холод. Деревянные балки торчали, как обрубки костей. Могла ли она попасть в дом? Могла ли?

— Извините, сэр, я вас не слышу, — сказал оператор. — Говорите громче, у нас сегодня очень плохая связь.

«Полиция», — хотел закричать Уилл, но его горло издало только сильный звук выпущенного воздуха. О Господи, он задыхался! Почему так сдавило грудь? Где ингалятор?

— Сэр? — осторожно спросил оператор.

Ингалятор лежал на полу. Уилл выпустил трубку телефона и нагнулся.

Взревев двигателем, Кристина снова разогналась и врезалась в дом. На этот раз деревянная панель не выдержала. Стена проломилась, и искореженный капот машины очутился в комнате. Она была внутри, он чувствовал ее жар и запах выхлопных газов.

Днище Кристины наткнулось на что-то, и она дала задний ход, унося на себе остатки оконной рамы и куски штукатурки. Однако она смогла вернуться через несколько секунд и теперь могла... могла...

Уилл схватил ингалятор и опрометью бросился к лестнице.

Миновав половину ступенек, он вновь услышал рев двигателя и оглянулся.

С высоты зрелище походило на ночной кошмар. Он увидел, как Кристина набирала скорость, мчалась по заснеженной снегом поляне, — видел, как на ходу, словно пасть красно-белого аллигатора, открывался и закрывался тяжелый капот. Затем она мощным ударом протаранила остатки стены под окном и ворвалась в комнату, разметая по ней мелкие щепки и куски деревянной панели. Лучи ее фар взметнулись под потолок, опустились, и теперь она была внутри, она была в его доме, и сразу погас свет, потому что она разорвала электрический кабель, проложенный в стене. За ней осталась огромная, черная, зияющая пустота.

Уилл завопил, но не услышал собственного голоса, заглушенного сумасшедшим воем ее двигателя.

Глушитель, который поставил на нее Эрни — одна из немногих вещей, которые он действительно поставил на нее, — отлетел в сторону вместе с частью выхлопной трубы.

«Фурия» взревела, развернулась в комнате, сшибла кресло и рванулась к лестнице. Под полом что-то заскрипело, и Уилл мысленно закричал:

«Да! Проломись! Ну проломись же! Пусть эта проклятая машина провалится в подвал! Посмотрим, как она будет выбираться из него!»

Однако пол выдержал, по крайней мере на этот раз.

Оставляя на ковре белые зигзагообразные отпечатки протекторов, Кристина промчалась через комнату и ударилась в лестницу. Уилла отбросило к стене. Ингалятор выпал из руки.

Кристина отъехала назад, раздавила телевизор «Сони», хлопнувший под колесами трубкой кинескопа, и снова рванулась вперед. От последовавшего удара лестница покосилась. Увидев прямо под собой покореженный, горячий кузов, Уилл стал карабкаться вверх. Он задыхался от выхлопных газов, ему не хватало воздуха и ингалятора.

Он добрался до последней ступеньки раньше, чем Кристина еще раз врезалась в лестницу. У него кружилась голова и бешено колотилось сердце. «Наверх, — стучала в его висках спасительная мысль. — Наверх, в мансарду. Там я сумею найти выход. Да, там я... о Боже... Боже... О БОЖЕ...» Внезапно острая боль пронзила все его тело. Сердце как будто проткнули сосулькой. Левая рука сразу отнялась. Он пошатнулся. Одна нога сделала неловкий взмах над пустотой, и он полетел вниз, хватаясь рукой за развевающиеся полы халата.

Он упал прямо под колеса Кристины. Она с размаху наскочила на него, тяжелым ударом отбросила к лестнице, отъехала назад и еще раз наехала на безжизненное тело.

Из-под пола доносился все усиливающийся скрип деревянных балок. Она остановилась посреди комнаты, как будто прислушивалась. Две ее камеры были спущены, третья прогнулась, и обод почти касался изжеванного ковра. Вся левая сторона кузова была вмята внутрь.

Затем рычаг переключения скоростей повернулся и замер в положении заднего хода. Двигатель

взревел, и она поползла к бреши в стене дома. На снегу ее задние колеса долго не могли найти сцепления. Из-под днища вырывались клубы едкого темно-серого дыма.

Вырулив на дорогу, она повернула в сторону Либертивилла. Коробка скоростей была повреждена, и от дома Уилла Дарнелла Кристина отъезжала на первой передаче. На заднем бампере и на крышке багажника несколько минут переливались красноватые блики. Они погасли, когда она удалилась на четверть мили.

Она двигалась медленно, ее водило из стороны в сторону, как старого пьяницу, бредущего по аллее. Густой снег несся ей навстречу. Дул сильный ветер.

Одна из ее разбитых передних фар замигала и осветила дорогу.

Одна из спущенных покрышек начала наполняться воздухом, затем — другая.

Исчезли клубы едкого темно-серого дыма.

Двигатель перестал чихать и заработал ровно и мощно.

Стал выпрямляться помятый капот, на ветровом стекле сначала уменьшились, а потом совсем пропали многочисленные трещины; ободранные места на кузове вновь становились красными, как будто наполнялись кровью.

Зажглась вторая передняя фара — одна лампа за другой; теперь машина уверенно прокладывала дорогу в буре, бушевавшей над занесенной снегом землей.

Счетчик пробега ровно и без остановок крутился в обратную сторону.

Сорок пять минут спустя она стояла в пустом гараже, уже не принадлежавшем Уиллу Дарнеллу.

В темноте слышался треск остывающего металла.

Часть 3. Кристина — Песенки тинэйджеров о смерти

42. Ли снова наносит визит

Джеймс Дик на «Меркурии-49»,

и Джонсон Боннер, которому нечего делать,

и даже Берт Рейнольд в своем «Лимузине»

роскошном,

все приезжают на ранчо Кадиллак.

За пятнадцать минут до прихода Ли я еще раз прочитал питсбургскую газету, на первой полосе которой была напечатана фотография дома Уилла Дарнелла. Глядя на снимок, можно было подумать, что какой-то сумасшедший наци на своей «Пантере» протаранил стену несчастного особняка. Мне снова стало не по себе. Его вид говорил о случившемся больше, чем заголовок — СТРАННАЯ СМЕРТЬ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В ПРЕСТУПЛЕНИИ. СООБЩНИКИ ЗАМЕТАЮТ СЛЕДЫ? Однако нужно было пролистать несколько страниц, чтобы узнать еще кое-что. Вторая статья была значительно меньше, потому что Уилл Дарнелл «подозревался в преступлении», а Дон Ванденберг был всего лишь неприметным рабочим на бензозаправочной станции.

УБИТ СЛУЖАЩИЙ АВТОСТАНЦИИ — было написано в заголовке. Далее следовала только одна колонка текста. Он заканчивался высказыванием шефа полиции Либертивилла, который предполагал, что наезд совершил какой-нибудь пьяный или накурившийся наркотиков водитель. Ни та, ни другая статья не делали попыток связать две смерти, разделенные десятью милями пути по занесенной снегом дороге. Но я мог сопоставить оба происшествия. Я не хотел, но не мог ничего не видеть. И разве утром мой отец не посмотрел на меня своим прищуренным взглядом, перед тем как с

мамой и Элли ушел из дома? Мне показалось, что он намеревался сказать что-то, — и я не знал, чем мог ему ответить. Когда он ушел, я вздохнул с облегчением.

В дверь позвонили.

— Входите, открыто! — прокричал я и не без труда встал на костыли.

Входная дверь отворилась, и в ее проеме появилась Ли:

— Дэннис?

— Да, входи.

Через прихожую мне было видно, как она затворила за собой дверь и откинула назад капюшон своей короткой красной дубленки. На ней были темно-синие брюки, которые очень шли ей.

Расстегнув дубленку, она проговорила:

— Садись. Не стой, как задумавшийся аист, на этих штуковинах.

— Ничего смешного, — проворчал я, тяжело плюхнувшись в кресло. Если у вас загипсована половина тела, то вам не удастся двигаться, как актерам в кино; вы не сможете сесть так, как Гэри Грант, собирающийся угостить Ингрид Бергман коктейлем на вечеринке в Рице. — Я изнемогаю от жажды комплиментов, а ты не можешь даже похвалить меня.

Она повесила дубленку и прошла в комнату. Я с удовольствием рассматривал ее ладную фигурку в голубом свитере.

— Как ты, Дэннис?

— Спасибо. Лучше.

— Я рада.

Остановившись возле софы, она взглянула на меня. Я почему-то вспомнил об Эрни и отвел глаза.

Помолчав, она спросила:

— Дэннис, а что ты думаешь... о нем? Тебя ничего не беспокоит?

— Беспокоит? Лучше было бы сказать — пугает.

— Что ты знаешь о его машине? Он ничего не говорил тебе?

— Подожди, не все сразу, — запротестовал я. — Слушай, ты не хочешь чего-нибудь выпить? У нас кое-что есть в холодильнике. — Я потянулся за костылями.

— Сиди и не двигайся, — сказала она. — Мне хочется чего-нибудь, но я сама схожу. А что принести тебе?

— Имбирного лимонаду, если он еще остался. Она пошла на кухню, и я вдруг почувствовал излишнюю тяжесть в желудке, похожую на какую-то тошноту. Для тошноты такого рода есть название. Думаю, она называется «влюбиться в девушку твоего лучшего друга».

Вскоре она вернулась с двумя стаканами льда и двумя банками канадского имбирного лимонада.

— Благодарю, — сказал я, беря свою банку и стакан.

— Нет, это я благодарна тебе, — проговорила она, и ее голубые глаза немного потемнели. — Если бы я осталась наедине со всем этим... то я... ну, не знаю.

— Ладно, — сказал я. — Может быть, еще не все так плохо.

— Да? Ты уже знаешь про Дарнелла?

Я кивнул.

— А о другом? О Ванденберге?

Значит, она тоже сопоставляла события.

Я снова кивнул.

— Понятно, Ли, ты думала о Кристине, да? Но тогда скажи: почему?

Она довольно долго не отвечала. По-моему, она не могла ответить. Я видел, как она боролась с собой, как напряженно смотрела в стакан, который держала обеими руками.

Наконец она очень тихо произнесла:

— Мне кажется, она пыталась убить меня.

Я ожидал чего угодно, но только не этого.

— Что ты имеешь в виду?

Она стала говорить, сначала медленно, потом быстрее, пока слова не посыпались из нее. Я не буду их повторять, потому что уже пересказывал эту историю; замечу только, что не слышал ее больше ни от кого, кроме Ли. И даже вспоминая тот вечер, она не на шутку перепугалась. Она побледнела, она все время потирала локти, как будто ей было холодно. Мне тоже было страшно.

Замолчав, она принужденно улыбнулась, словно извиняясь за очевидную абсурдность того, о чем поведала. Однако мне было не до смеха. Я подумал о трагической смерти Вероники и Риты Лебэй. И я продолжал делать сопоставления.

Затем она рассказала об ультиматуме, который поставила Эрни — она или машина. И вкратце описала реакцию Эрни. После той вспышки ярости он уже не встречался с Ли.

— А потом его арестовали, — добавила она, — и я стала думать о том, что случилось с Вадди Реппертоном и двумя другими ребятами... и с Уэлчем...

— А теперь с Ванденбергом и Дарнеллом.

— Да. Но не только. — Она допила лимонад из стакана и налила еще. Край консервной банки мелко застучал по стеклу. — Когда я звонила тебе перед Рождеством, мои мама и папа были в гостях у папиного босса. И я нервничала. Мне казалось... казалось... ох, не знаю, что мне казалось.

— По-моему, знаешь.

Она поднесла руки ко лбу и потерла виски, словно у нее вдруг разболелась голова.

— Пожалуй, да. Я думала об этой машине. О том, как она выезжает на улицу и сбивает их. Но если она в тот рождественский вечер покидала гараж, то, вероятно, у нее было полно других забот, без того чтобы трогать моих ро... — Она резким движением поставила стакан на стол. — Почему я все время говорю о ней как о живом существе? — воскликнула она. По ее щекам потекли слезы. — Почему? Ну почему?

Я знал, как мог бы ее немного успокоить, но не мог этого сделать. Между нами был Эрни — и какая-то часть меня самого.

Но это было тогда, другое дело — сейчас.

Я поднялся на костылях, проковылял к софе и достал из тумбочки пачку салфеток. Несколько штук я дал Ли. Она поблагодарила меня. Затем я плюхнулся рядом с ней и, не слишком восторгаясь собой, обнял ее одной рукой.

Она вздрогнула... а затем позволила прижать себя к моему плечу. Некоторое время мы просто молчали и сидели, боясь лишний раз шевельнуться, — по-моему, она тоже опасалась себя самой. Или чего-то еще. На противоположной стене размеренно тикали часы. Яркий солнечный свет падал из обоих окон, выходивших на разные стороны дома. Буря улеглась еще ночью, и теперь в синем безоблачном небе ничего не напоминало о ней. Только на поляне остались холмы сугробов,

поднимавшиеся тут и там, как насыпи над какими-то похороненными зверьками.

— Запах, — наконец сказал я. — Ты правда ощущала запах?

— Он там был! — ответила она, отстраняясь от меня. Я убрал руку — со смешанным чувством разочарования и облегчения. — Он правда был там... отвратительный, ужасный смрад. — Ее глаза смотрели на меня:

— А что? Ты тоже его ощутил?

Я покачал головой.

— И все-таки, что ты знаешь об этой машине? — спросила она. — Ты ведь что-то знаешь. У тебя на лице написано.

Тогда настала моя очередь задуматься, и почему-то я мысленно увидел картину из какой-то научной книжки. Вообще от научных книг трудно ожидать картинок, но как кто-то однажды сказал мне, существует множество направлений и методов общественного образования... собственно, этим кем-то был сам Эрни. Так вот, на картине были изображены два атома, на огромной скорости мчащиеся друг к другу. Раз! Вместо груды обломков (и их атомной «неотложки», подбирающей ошметки поврежденных нейтронов) вы получаете критическую массу, цепную реакцию и одно большое адское месиво.

Затем я решил, что воспоминание об этой картинке было вовсе не лишним. Я попытался быстро ответить на вопрос: что сделала бы полиция, если бы ей было известно то, о чем знали мы с Ли? Привлекла бы к суду привидение? Или машину? Или привлекла бы чье-нибудь внимание ко мне и Ли?

— Дэннис?

— Я думаю, — сказал я. — По-твоему, паленым не пахнет?

— Что ты знаешь? — снова спросила она.

Столкновение. Критическая масса. Цепная реакция. Преисподняя.

Я думал о том, что, сложив наши разрозненные знания, мы могли что-нибудь предпринять. Сделать какое-нибудь действие. Мы...

Мне вспомнился мой сон: машина, стоящая в гараже Лебэя, мотор, набирающий и сбавляющий обороты, вспыхнувшие передние фары, визг покрышек.

Я взял ее руки в свои.

— О'кей, — сказал я. — Слушай. Эрни купил эту машину у парня, который потом умер. Парня звали Ролланд Д. Лебэй. Мы увидели ее стоящей перед его домом...

— Перед чьим домом?

— Перед домом Лебэя. И мне сейчас кажется... что он до того хотел, чтобы она оказалась у Эрни, что отдал бы ее даром, если бы не было другого выхода. Как будто Эрни увидел машину и что-то понял, а потом Лебэй увидел Эрни и понял то же самое.

Ли убрала свои руки из моих ладоней и снова начала потирать локти.

— Эрни сказал, что заплатил...

— Заплатил. И продолжает платить. Если Эрни вообще еще существует.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Я тебе кое-что покажу. Через несколько минут. Но сначала небольшая предыстория, ладно?

— О'кей.

— У Лебэя были жена и дочь. Давно, еще в пятидесятых. Дочь умерла на обочине дороги. Она подавилась гамбургером.

Лицо Ли стало белым, потом еще блее, такой цвет бывает у молока, с которого сняли сливки.

— Ли! — быстро проговорил я. — С тобой все в порядке?

— Да, — хрипло сказала она и попыталась выдавить из себя улыбку — Я в порядке. — Она встала. — Где тут у вас ванная комната?

— В конце холла, — сказал я. — Ли, ты ужасно выглядишь.

— Меня тошнит, — жалобно произнесла она и торопливым шагом пошла в ванную.

Я закрыл уши руками, чтобы не слышать, как ее рвало.

Когда она вернулась, то была уже не такой бледной. На ее щеках блестели капли воды.

— Прости меня, — сказал я.

— Ничего. Просто я... опешила. — Она слабо улыбнулась. Затем поймала мой взгляд и проговорила:

— Только скажи мне, Дэннис. Это правда? Это действительно правда?

— Да, — ответил я. — Правда. Но не вся. И я не знаю, стоит ли мне продолжать.

— Я хочу, чтобы ты рассказал все.

— Мы можем пропустить это место, — сказал я, не очень поверив ей.

Ее встревоженные глаза все так же смотрели на меня.

— Было бы безопасней... ничего не пропускать, — запнувшись, произнесла она.

— Его жена покончила с собой вскоре после смерти дочери.

— А машина...

—..участвовала в этом.

— Как?

— Ли...

— Как?

И я рассказал ей — не только о маленькой девочке и ее матери, но и все, что знал от Джорджа Лебэя о его брате, о его озлобленности, о бегстве в армию, о том, как он возился там с машинами и ссорился с офицерами, заставлявшими его чинить свои автомобили. О второй мировой войне. О брате Эндрю, убитом во Франции. О старом «шевроле». О старом «Гудзоне корнете». И о том, как все те годы он злился на «говнюков», мешавших ему.

— Это слово... — пробормотала Ли.

— Какое слово?

— Говнюки, — она через силу выговорила его. — Эрни употребляет его.

— Я знаю.

Мы посмотрели друг на друга, и ее руки очутились в моих.

— Тебе холодно, — сказал я. Еще одна полезная ремарка, многократно испытанная Дэннисом Гилдером. У меня таких не меньше миллиона.

— Да. По-моему, я никогда не согреюсь. Я захотел обнять ее — и не обнял. Но почувствовал, что Эрни уже меньше разделял нас. Он словно куда-то исчезал. И это было ужасно.

— Его брат говорил что-нибудь еще?

— Ничего существенного.

Однако в моих ушах прозвучал голос Джорджа Лебэя: «Он был одержим злобой, но он не был

каким-то чудовищем». И еще: по крайней мере... я так думаю. Тогда мне показалось, что он хотел что-то добавить... а потом понял, что разговаривает с посторонним. Что он хотел сказать?

И тут мне в голову пришла одна по-настоящему чудовищная мысль. Я попытался оттолкнуть ее от себя. Она никуда не делась... и мне было тяжело. Как если бы пытался оттолкнуть пианино. Я сразу почувствовал испарину на лбу.

— Мистер Лебэй дал тебе свой адрес? — спросила Ли.

— Нет. — Интересно, заметила ли она что-нибудь на моем лице? — Но он наверняка есть в городской штаб-квартире Американского легиона. Они хоронили Ролланда, и как-то ведь сумели вызвать его брата. А что?

Ли только встряхнула головой и, встав с софы, подошла к окну. Она не посмотрела на поблекшее солнце. «Год на исходе», — рассеянно подумал я.

— Ты хотел что-то показать мне, — вновь повернувшись ко мне, проговорила она. — Ты помнишь? Я кивнул. Теперь уже нельзя было ничего остановить. Цепная реакция началась. От меня уже ничего не зависело.

— Сходи наверх, — сказал я. — Моя комната вторая слева. Загляни в платяной шкаф. Тебе придется покопаться в моем белье, но оно не кусается.

Она едва заметно улыбнулась.

— И что я там найду? Чемодан с наркотиками?

— Нет, я его выбросил сегодня утром. Слишком много места занимал.

— А если без шуток, то что?

— Автограф Эрни, — сказал я. — Увековеченный в гипсе.

— Его автограф?

Я снова кивнул:

— Да. С дубликатом.

Она сходила наверх, и через пять минут мы сидели на софе, рассматривая два квадратных куска гипса, аккуратно вырезанные из тех слепков, что я носил в больнице. Они оба лежали на кофейном столике: на левом была подпись Эрни, сделанная в день, когда я пришел в сознание; на правом было его послание, написанное в День Благодарения.

Ли вопросительно посмотрела на меня:

— Это же куски твоих...

— Да, гипсовых слепков.

— Здесь какая-то шутка?

— Нет, не шутка. Я сам видел, как он ставил подписи.

Мне стало легче, что теперь не я один знал свою тайну. Слишком уж долго она мучила меня.

— Но они совсем не похожи друг на друга.

— Ты еще говоришь об этом! — сказал я. — Но разве Эрни сейчас похож на самого себя? И это все из-за его проклятой машины. — Я ткнул пальцем в правый кусок гипса. — Это не его подпись. Я видел его домашние работы, я много раз наблюдал, как он подписывал банковские чеки, и это не его подпись. Слева — да. Но эта — нет. Ты сможешь завтра сделать для меня одну вещь? Ли, я не настаиваю...

— Какую?

Я рассказал.

Она медленно кивнула:

— Для нас.

— Что для нас?

— Я сделаю это для нас. Потому что мы оба должны что-то предпринять, разве нет?

— Да, — сказал я. — И еще один личный вопрос. Как ты спишь по ночам?

— Не слишком хорошо, — призналась она. — Плохие сны. А ты?

— Я почти не сплю.

И затем, уже не в силах бороться с собой, я положил руки ей на плечи и поцеловал ее. Когда она вздрогнула, я подумал, что она встанет и уйдет... но ее подбородок вдруг приподнялся, и она ответила мне поцелуем, решительно и страстно. Может быть, нам повезло, что я был стеснен в движениях.

Прошло довольно много времени, прежде чем она немного отстранилась и вопросительно посмотрела на меня.

— Против плохих снов, — сказал я и подумал, что мои слова выглядели бы на бумаге как проявление беспросветной тупости, но в ту минуту прозвучали вполне уместно.

— Против плохих снов, — как заклинание повторила она, и на этот раз первой потянулась к моим губам. И мы долго упивались нашим поцелуем, позабыв о двух белых кусках гипса, которые смотрели на нас, как ослепшие глаза с именем и фамилией Эрни, нацарапанными на каждом из них. Мы забыли обо всем на свете, и я только в первую минуту вспоминал тот вечер Дня Благодарения, когда он принес мне в больницу праздничные свечи, пиво и сэндвичи.

Полагаю, ни одному из нас не приходило в голову, что до тех пор мы не сделали Эрни ничего непростительного — ничего такого, что могло бы обидеть Кристину.

Другое дело — теперь.

43. Небольшое расследование

... в машине ли, на свету — в темноте ли,
где ни придется мне умирать,
я знаю, она все равно постелит
простыню на мою кровать.

В следующие три недели мы с Ли играли в детективов и все больше влюблялись друг в друга.

В среду она сходила в офис муниципальных властей и заплатила пятьдесят центов за то, чтобы получить ксерокопии двух документов.

Когда она появилась на этот раз, вся моя семья была дома. Элли при каждом удобном случае подглядывала за нами. Ли очаровала ее, и позже я нимало не удивился тому, что Элли начала носить такую же прическу, как у Ли. Я выходил из себя... и старался сохранять терпение. Может быть, я понемногу становился старше (но не настолько, чтобы не таскать ее лакомства из потайного места в холодильнике).

Если не считать назойливых приставаний Элли, то в тот день, двадцать седьмого декабря, после соблюдения всех ритуалов знакомства с моими родителями у Ли было достаточно времени, чтобы побыть наедине со мной. Мои отец и мама всегда отличались той вежливостью, которая присуща американцам среднего класса, но я чувствовал, что она понравилась им, хотя понимал и то, что им

обоим было немного неловко от воспоминаний об Эрни. Так же, как и нам с Ли.

Когда мы остались одни, она с какой-то виноватой улыбкой достала из сумочки листок бумаги.

— Вот, смотри, — сказала она и положила его на тот же кофейный столик, где вчера лежали куски моих гипсовых слепков.

Это была ксерокопия с документа о перерегистрации подержанного автомобиля, «плимута» 1958 года (четырехдверного седана) красно-белой расцветки. Под датой «1 ноября 1978 года» стояли подписи: Арнольд Каннингем (владелец) и Майкл Каннингем (попечитель).

— Ну и что тебе напоминает верхняя подпись? — спросил я.

— Один из кусков гипса, которые ты вчера показывал мне, — ответила она. — Но какой именно?

— Тот, где он расписался почти сразу после игры с Ридж-Роком, — сказал я. — Его подпись всегда так выглядела. А теперь давай посмотрим другую.

На столик лег второй листок бумаги. Я увидел ксерокопию с документа о регистрации нового автомобиля, «плимута» 1958 года выпуска (четырехдверного седана) красно-белой расцветки. Внизу стояла дата: 1 ноября 1958...

— Посмотри на подпись, — спокойно сказала Ли.

Я посмотрел.

Не нужно было быть гением криминалистической экспертизы, чтобы заметить, насколько почерк Лебэя напоминал надпись, сделанную Эрни в День Благодарения. Имена были разные, но посторонний человек сказал бы, что они написаны одной и той же рукой.

Наши руки соединились. Я имею в виду себя и Ли.

Вечером я сидел в общей комнате и наблюдал за тем, как мой отец склеивал картонные игрушки для Армии Спасения. Он немного стеснялся своего хобби и поэтому старался не смотреть в мою сторону. А может быть, просто о чем-то думал.

Наконец он проговорил:

— Ли раньше была с Эрни, да?

Он бросил на меня быстрый взгляд и вернулся к своей работе. Я приготовился выслушать замечание о том, что похищение любимой девушки моего друга вряд ли укрепит нашу дружбу, или о том, что кое-кто может усомниться в моей мудрости. Однако он не сказал ни того, ни другого.

— Что-то мы давно не видели Эрни. Как ты полагаешь, он стыдится того, что его задержала полиция?

У меня было чувство, что отец сам в это не верил, что ему нужно было как-то начать другой, более важный разговор.

— Я не знаю, — сказал я.

— По-моему, теперь ему не о чем беспокоиться. После смерти Дарнелла, — тут он откинулся на спинку стула, — следствие по его делу вообще может прекратиться.

— Вообще прекратиться?

— Да, для Эрни. Возможно, судья сделает ему внушение, но ведь теперь никто не захочет оставить неизгладимое черное пятно в биографии молодого белого американца, которому предстоит окончить колледж и занять достойное место в обществе.

Он вопросительно взглянул на меня, и я заерзал в кресле, почувствовав себя неловко.

— Пожалуй, да.

— Если не считать, что на самом деле все не так, да, Дэннис?

— Да, он изменился.

— Когда ты в последний раз видел его?

— В День Благодарения.

— Тогда с ним все было в порядке? Я встряхнул головой, внезапно мне вспомнились слова Ли о том, как она переживала за своих родителей в канун Рождества. И мне показалось, что чем меньше люди знали о наших с ней подозрениях, тем было безопаснее для них же самих.

— Что с ним происходит?

— Я не знаю.

— А Ли?

— Нет. Она... у нас есть только некоторые подозрения.

— Ты не хочешь поговорить о них?

— Нет. Не сейчас. Но лучше — совсем не говорить.

— Хорошо, пусть будет так, — сказал он. — Пусть пока будет так.

Он встал и начал подметать под столом. Я мог бы решить, что он обиделся.

— Но с Эрни ты должен поговорить, не откладывая в долгий ящик.

— Конечно. Я уже думал об этом.

Но перспектива такой беседы не вызывала во мне особого энтузиазма.

Наступило довольно долгое молчание. Отец закончил подметать пол и поглядел вокруг.

— Ну как, нормально?

— Ни одной соринки, пап.

Он улыбнулся и закурил «Винстон». После инфаркта он бросил курить, но потом стал изредка брать за сигарету — как правило, в минуты стресса. — Ладно, тебе помочь подняться наверх, Дэннис?

Я встал на костыли.

— Угу. Не хотелось бы навернуться. Он посмотрел на меня и хмыкнул.

— Вылитый Джон Сильвер. Не хватает только попугая.

— Ты будешь стоять и хихикать надо мной или поможешь подняться?

— Обопрись на меня.

Я перекинул одну руку через его плечо, почувствовав себя снова маленьким — как тогда, когда он относил меня наверх на своих руках, если я начинал посапывать на середине шоу Эдди Салливана, которую показывали по телевизору. Даже запах лосьона после бритья был тем же самым.

На последней ступеньке лестницы он вдруг произнес:

— Можешь наступить мне на ногу, если я полезу в твои личные дела, Дэнни, но Ли больше не собирается быть с Эрни, да?

— Нет, пап.

— Она хочет быть с тобой?

— Я... ну, я не знаю. Полагаю, что нет.

— Ты хочешь сказать — пока нет?

— Ну — полагаю, да. — Мне было неловко, но он не отставал со своими расспросами.

— Могу ли я думать, что она решила порвать с Эрни из-за перемены в его характере?

— Да. Думаю, что ты так можешь думать.

— Он знает о тебе и Ли?

— Пап, у нас — не о чем знать... во всяком случае, пока не о чем.

Он прочистил горло, как будто намеревался что-то сказать, но промолчал. Я оставил его и дальше поковылял на костылях.

— Я дам тебе один чудный совет, — наконец сказал отец. — Не давай ему знать о том, что происходит между тобой и Ли, и не убеждай меня, будто ничего не происходит. Вы ведь пытаетесь как-нибудь помочь ему, да?

— Пап, я не знаю, сможем ли я и Ли что-нибудь сделать для него.

— Я видел его два или три раза, — неожиданно произнес отец.

— Да? — Я опешил. — Где? Отец пожал плечами...

— На улице, где же еще? В городе. Видишь ли, Дэннис, Либертивилл не такой большой город. Он...

— Что он?

— Он едва узнал меня. А я его. Он стал выглядеть старше. Теперь, когда его лицо очистилось, он стал выглядеть намного старше. Я думал, что он пойдет в отца, но сейчас... — Внезапно он запнулся. — Дэннис, тебе не приходило в голову, что у Эрни может быть какое-нибудь расстройство гормональной системы? Или какое-нибудь нервное расстройство?

— Да, — ответил я, жалея о том, что не мог рассказать ему о других вероятных изменениях в Эрни. О гораздо худших возможных изменениях. О тех изменениях, которые заставили бы моего родителя усомниться в моей собственной нервной системе.

— Будь осторожен, — произнес он, и, хотя я ничего не упоминал о случившемся с Дарнеллом, мне вдруг показалось, что отец думал именно об этом. — Будь осторожен, Дэннис.

На следующий день мне позвонила Ли и сказала, что ее отца вызывают в Лос-Анджелес по какому-то предновогоднему делу его фирмы и что он предлагает ей составить ему компанию, а заодно и немножко отдохнуть от холода и снега.

— Мама ухватила за эту идею, и я не могу придумать ни одной уважительной причины, чтобы остаться, — сказала она. — Это всего десять дней, а занятия в школе начнутся только восьмого января.

— Прекрасно, — проговорил я. — Ты получишь там удовольствие.

— Ты думаешь, мне стоит поехать?

— Если ты не поедешь, то тебя нужно будет показать психиатру.

— Дэннис?

— Что?

У нее немного упал голос:

— Ты будешь осторожен, да? Я... ну, последнее время я часто думаю о тебе.

И она повесила трубку, оставив меня в некотором недоумении. Вместе с отцом она была уже вторым человеком, посоветовавшим мне быть осторожным. Оба они, конечно, имели в виду мой предстоящий разговор с Эрни. Но разве Эрни сам не мог чувствовать своей вины в том, что было между мной и Ли? И что конкретно он мог сделать, если бы узнал обо мне и о ней?

Моя голова раскалывалась от этих и других вопросов, и в конце концов я начал думать, что было бы только к лучшему, если бы Ли ненадолго уехала из города.

Как она сама сказала о своих родителях, так было бы безопаснее.

В пятницу двадцать девятого был последний рабочий день года. Я позвонил в штаб-квартиру Американского Легиона в Либертивилле и попросил подозвать секретаря. Его имя, Ричард Маккендлесс, я узнал от управляющего домом, номер которого нашел в том же телефонном справочнике, где был телефон штаб-квартиры. Мне велели немного подождать, а потом послышался чей-то старческий голос, прозвучавший неожиданно хрипло и резко — как если бы его обладатель дошел до Берлина, перекусывая на лету вражеские пули.

— Маккендлесс, — сказал он.

— Мистер Маккендлесс, меня зовут Дэннис Гилдер. В августе за счет Легиона хоронили человека по имени и фамилии Ролланд Д. Лебэй...

— Он был вашим другом?

— Нет, просто случайным знакомым, но...

— Тогда я должен вас огорчить, — проговорил Маккендлесс таким голосом, будто в его горле пересыпали кучу гравия. — Лебэй был не человеком, а последним сукиным сыном, и Легион не потратил бы даже цента на его похороны. Он покинул организацию в 1970 году. Если бы он не ушел сам, мы бы вышвырнули его. Этот человек был самым законченным ублюдком из всех, что когда-либо жили на свете.

— Вы уверены?

— Да, уверен. Он нарывался на ссору по любому поводу и без повода, а ссору заканчивал дракой. С этим сукиным сыном нельзя было ни сыграть в покер, ни выпить. С ним вообще нельзя было иметь никакого дела. Он был просто бешеным ублюдком, простите за резкость. И... мальчик, а кто ты такой?

Я чуть было не ответил, как Эмили Дикинсон:

«Я никто! А ты кто такой?» — но вовремя сдержался и сказал лишь:

— Мой друг купил у Лебэя машину незадолго до...

— Черт. Не тот «плимут» 57-го года?

— Ну, если быть точным, то 58-го...

— Да, да, 57-го или 58-го, красно-белый. Только об этой проклятой штуковине он и заботился. Обращался с ней, как с любимой женщиной. Ты знаешь, что как раз из-за нее он покинул Легион?

— Нет. — сказал я. — А что случилось?

— Ох, дьявол. Очень старая история, детка. Очень старая дерьмовая история. Извини, если напрягаю твои уши, но всякий раз, когда я думаю об этом сукином сыне Лебэе, то не могу сдержаться. У меня до сих пор остались шрамы на руках. Дядя Сэм отнял у меня три года жизни во время второй мировой, и я не получил на ней ни одного ранения, побывал во всех боях нашей эскадры. Я и еще пятьдесят ребят стояли против целой тучи проклятых япошек на Гвадалканале, и я не получил ни одного шрама. Вокруг меня свистели пули, и у ребят отрывались руки и головы, но единственный раз я видел собственную кровь тогда, когда порезался во время бритья. А затем... — Маккендлесс засмеялся. — Моя жена говорит, что я открываю рот так широко, что однажды упаду в него. Как, ты говорил, тебя зовут?

— Дэннис Гилдер.

— О'кей, Дэннис. Я напряг твои уши, а ты — мои. Что тебе нужно?

— Видите ли, мой друг сначала купил эту машину, а потом починил ее... я бы сказал, что он сделал из нее настоящую выставочную модель.

— Да, как Лебэй, — сказал Маккендлесс, и у меня сразу пересохло во рту. — Он любил эту проклятую машину, могу сказать, просто безумно. Он был готов наплевать на свою жену, но на машину... Ты знаешь, что случилось с его женой?

— Да, — сказал я.

— Он довел ее до этого, — угрюмо проговорил Маккендлесс. — И я думаю, дочь его тоже не волновала... Прости Дэннис, никогда не мог заставить себя вовремя заткнуться. Что, ты сказал, тебе нужно?

— Я и мой друг были на похоронах Лебэя, — сказал я, — а после них представились его брату...

— Совсем другой тип, — прервал меня Маккендлесс. — Школьный учитель. Из Огайо.

— Верно. Я говорил с ним, и он показался мне вполне порядочным человеком. Я сказал ему, что темой моей выпускной работы по английскому будет Эзра Паунд...

— Эзра — кто?

— Паунд.

— А это еще что за задница? Он тоже был на похоронах Лебэя?

— Нет, сэр. Паунд — это поэт.

— Паунд — это кто?

— Поэт. Он умер.

— Ну-ну. — В голосе Маккендлесса послышалась некоторая недоверчивость.

— Как бы то ни было, Лебэй — Джордж Лебэй — сказал, что пришлет мне кипу журнальных статей об Эзре Паунде, если они мне понадобятся. Ну и выяснилось, что я мог бы использовать их, но у меня вылетел из головы его адрес. Может быть, вы мне поможете найти его?

— Конечно, он должен быть в архиве; мы храним адреса родственников военнослужащих. Ненавижу этот дерьмовый архив, но моя служба заканчивается в июле. Давай мне свой адрес, Дэннис, и мы вышлем тебе карточку с информацией.

Я назвал свой адрес и телефон и извинился за то, что отвлек его от работы.

— Забудь об этом, парень, — сказал он. — Все равно у нас сейчас перерыв на этот поганый кофе.

На мгновение мне стало интересно, каким чудом он держался в самом фешенебельном здании Либертивилла, где располагалась штаб-квартира Легиона. Я вообразил его показывающим дом какой-нибудь очаровательной леди: «Вот тут, мэм, чертовски замечательный диванчик, а вон там вы видите проклятый ящик с экраном, который нам не напрягал уши, когда мы торчали на сраном Гвадалканале и япошки лезли на нас, как из задницы, потому что вокруг свистели пули и у ребят отрывались руки и головы».

Я усмехнулся, но его следующие слова заставили меня насторожиться.

— Пару раз я ездил в этой машине Лебэя. Мне она всегда не нравилась. И я бы не сел в нее после того, как его жена... ну, ты знаешь.

— Понимаю, — сказал я, и мне показалось, что мой голос донесся откуда-то издалека. —

Послушайте, а что он сделал, когда покинул Легион? Вы говорили, это было связано с машиной?

Он засмеялся:

— Но тебя ведь не очень волнует эта старая история, да?

— Нет, она как раз интересуется меня. Я же говорил, машину купил мой друг.

— Ну хорошо, я расскажу. В общем-то вышло все дерьмово. Мы сами в нее влезли, когда решили подшутить над ним. Но ведь у нас никто по-настоящему не любил его. Для нас он был чужим, посторонним...

«Как Эрни», — подумал я.

—..и мы порядком выпили, — продолжал Маккендлесс. — Как раз заканчивалась вечеринка, и Лебэй корчил из себя еще большую задницу, чем обычно. Мы сидели в баре и видели, что он собирается домой. А когда Лебэй уходил, то всегда делал это так: прыгал в свой «плимут», давал задний ход, а потом сразу пускал его в карьер. Эта штука вылетала со стоянки, как ракета, — назад неслись целые кучи гравия. И вот Сонни Беллерман предложил немного проучить его, а заодно самим порезвиться. Мы встали за углом дома, так чтобы он не заметил нас, когда будет садиться в машину. Он всегда называл ее каким-то женским именем, как если бы женился на этой поганой штуковине.

Он вышел минут десять спустя, пьяный, как свинья, и Сонни сказал: «Ребята, тихо! Будьте готовы». Лебэй сел в машину и дал задний ход. Все получилось как нельзя лучше: он затормозил, чтобы закурить сигарету. В этот самый момент мы подхватили машину под задний бампер и подняли ее так, что задние колеса немного оторвались от земли, и Лебэй при всем желании не мог больше разбрасывать гравий на стоянке.

— Да, я тоже проделывал такие трюки, — сказал я, вспомнив, как однажды мы чуть не свели с ума тренера Пуффера, который минут пять не мог сообразить, почему его машина не двигается с места.

— Правда, мы не ожидали того, что произошло: он закурил сигарету и включил радио. Между прочим, мы не любили его еще и потому, что он обожал слушать рок-н-ролл и презирал старую музыку, затем он переключил передачу. Мы этого не видели, потому что согнулись в три погибели за его багажником. Я помню, как Сонни Беллерман тихо засмеялся и прошептал: «Они над землей?» Ему досталось больше всех нас. Из-за обручального кольца. Но я клянусь Богом, они были над землей! Мы оторвали задние колеса «плимута» не меньше, чем на четыре дюйма от земли.

— Что случилось дальше? — спросил я, хотя уже догадывался, чем закончилась эта история.

— Что случилось дальше? Он стартовал, как обычно, вот и все. Не считая того, что задний бампер его проклятой машины сорвал не меньше ярда кожи с моей левой руки. И того, что Сонни Беллерман лишился безымянного пальца. И мы слышали, как засмеялся Лебэй, — он будто знал, что мы были там. В общем, он мог знать: если бы перед выходом из бара он зашел в ванную комнату, то мог бы увидеть нас в окно.

Ну, после этого Легион был закрыт для него. Мы послали ему письмо, в котором предлагали выйти в отставку, и он покинул службу. Если бы он не воевал, то не отделался бы так просто.

— Задние колеса должны были стоять на земле, — рассеянно сказал я, думая о том, что случилось с ребятами, которые пошутили над Кристиной в ноябре.

— И все-таки мы их подняли, — проговорил Маккендлесс. — Когда нас осыпало гравием, то он вырвался из-под передних колес. До сих пор не могу понять, как ему удалось сделать такой трюк. Чертовщина какая-то. Джерри Барлоу — он был одним из нас — предположил, что Лебэй наставил привод на обе оси, переднюю и заднюю. Но ведь это технически невозможно, да?

— Да, — согласился я. — Вряд ли он мог это сделать.

— Вот и я так думаю, — сказал Маккендлесс и, помолчав, проговорил уже другим голосом:

— Ну ладно парень. У нас заканчивается перерыв, а я хочу выпить еще одну чашку кофе. Если мы найдем адрес, то пришлем его тебе. Полагаю, скоро ты его получишь.

— Благодарю вас, мистер Маккендлесс.

— Рад буду помочь тебе. Ну, пока? Звони, если что-нибудь еще понадобится.

Он положил трубку.

Я долго смотрел на телефон и думал о машинах, которые остаются на ходу, даже если поднять над землей их ведущие колеса. Чертовщина какая-то. И вправду чертовщина, если у Маккендлесса остался шрам, доказывающий ее существование. Его слова напомнили что-то из рассказа Джорджа Лебэя. Ну да. Джордж тоже показал мне шрам, когда говорил о Ролланде Д. Лебэе. И когда он рос, его шрам рос вместе с ним.

44. Новогодняя ночь

Этот парень в машине, он был восходящей звездой,
но погиб, не знает никто — почему.

Завизжали покрышки, вдруг вспыхнуло пламя — и с той,
с той секунды мир стал безразличен ему.

Но его уже нет, а легенда живет и живет,
потому что он умер без всякой причины...

Я позвонил Эрни в канун Нового года. Мне понадобилась пара дней, потраченных на раздумья, чтобы решиться на это. Я пришел к мысли, что нельзя делать никаких выводов, не встретившись с Эрни. И с Кристиной. За семейным завтраком я небрежно упомянул о машине, и отец сказал, что, по его мнению, все автомобили, опечатанные в гараже Дарнелла, уже сфотографированы и возвращены владельцам.

К телефону подошла Регина. Узнав меня, она сначала запнулась, а потом попросила «повлиять на Эрни»: ее сын бросил готовиться к колледжу, начал приносить плохие баллы из школы, перестал замечать родителей и... совсем изменился. Наконец она подозвала Эрни.

— Алло? — спросил чей-то враждебный голос, и у меня в голове пронеслась лихорадочная мысль: «Это не Эрни».

— Эрни?

— Слышу Дэнниса Гилдера — человека, от которого остались только рот и уши, — проговорил некто. Да, его голос напоминал голос Эрни, но казался немного огрубевшим — как после долгого, надрывного крика. У меня появилось жуткое чувство, что я говорю с посторонним, умевшим имитировать интонации и выражения моего друга Эрни.

— Думай, что говоришь, скотина. — сказал я. Я улыбнулся, но руки у меня похолодели, как у покойника.

— Знаешь, — голос понизился до тона конфиденциального сообщения, — твое лицо и моя задница подозрительно похожи друг на друга.

— Я заметил сходство, но в прошлый раз мне показалось, что все было наоборот, — проговорил я, и, обменявшись нашими обычными любезностями, мы помолчали. — Ну, так что делаешь сегодня вечером? — спросил я.

— Пока ничего не намечал, — ответил он. — Ни свиданий, ни чего другого. А ты?

— Я-то? Ну, я в прекрасной форме, — сказал я. — Сейчас забегу за Розанной, и мы поедем в

«Студию 2000». Если хочешь, можешь поехать с нами и поддержать мои костыли, пока мы будем танцевать.

Он немного посмеялся.

— Я думал, что мы встретимся, — добавил я, — и, как всегда, отпразднуем Новый год вместе. Как ты отнесешься к моему предложению?

— Чудесно! — воскликнул Эрни. Казалось, его воодушевила моя идея. — Посмотрим Гая Ломбардо и его новогоднюю программу. Это будет замечательно!

Я снова замолчал, не зная, что сказать. Наконец осторожно проговорил:

— Ну, может быть, Дика Кларка или кого-нибудь еще. Гай Ломбарде давно умер, Эрни.

— Умер? — Эрни явно был в некотором замешательстве. — Ах да. Ну конечно, умер. Но ведь Дик Кларк еще выступает, да?

— Верно, — сказал я.

— Ну, так пусть будет Дик Кларк, — произнес Эрни уже совершенно не своим голосом. У меня неожиданно потемнело в глазах,

(лучший запах в мире... не считая запаха гнили)

и рука судорожно сдавила телефонную трубку. Я был готов закричать. Я говорил не с Эрни, я говорил с Ролландом Д. Лебэем. Я говорил с покойником.

— Да, посмотрим Дика, — услышал я себя, как будто издалека.

— Как твое самочувствие, Дэннис? Ты уже водишь машину?

— Нет, пока еще нет. Я попрошу отца привезти меня к тебе. — Я набрал воздуха в легкие, а потом выдохнул:

— Может быть, ты отвезешь меня обратно? У тебя ведь есть машина?

— Конечно! — Он на самом деле обрадовался. — Да, это будет здорово, Дэннис! По-настоящему здорово! Посмеемся, развлечемся — как в старые добрые времена.

— Да, — сказал я. А потом — клянусь Богом, у меня вырвалось само собой — добавил:

— Как в офицерском клубе.

— Да, верно! — со смехом ответил Эрни. — Правильно. До встречи, Дэннис.

— Правильно, — автоматически повторил я. — До встречи.

Я положил трубку, посмотрел на телефон, и неожиданно меня затрясло от дрожи. Никогда в жизни мне не было так страшно, как тогда. Позже я задавал себе вопрос: не мог ли Эрни пропустить мимо ушей мою реплику об офицерском клубе? — но в тот момент у меня не было сомнений: Лебэй вселился в Эрни. Мертвый или нет, Лебэй вселился в него.

И Лебэй вытеснил Эрни.

Отец подвез меня к дому Каннинггеймов и помог дойти до двери — мои костыли не были предназначены для передвижения по обледеневшей и заметенной снегом дорожке.

Машин, принадлежащих Майклу и Регине, не было видно, но Кристина стояла возле гаража, покрытая тонким слоем сверкавшей на солнце изморози. Бросив на нее взгляд, я почувствовал какой-то тупой страх. Мне не хотелось возвращаться домой на ней — ни сегодня, ни когда-либо еще. Я бы с радостью сел за руль моего совсем обыкновенного, наспех отштампованного «Дастера».

Дверь открыл Эрни. Он даже не был похож на себя. Его плечи ссутулились; движения были замедленны. Я сказал себе, что нахожусь под властью своих подозрений, и, конечно, понимал, что

порядком накрутил себя перед нашей встречей... и все же я знал, что это было так.

Он был одет во фланелевую сорочку и в джинсы.

— Дэннис! — проговорил он. — Здорово, парень!

— Привет, Эрни, — сказал я.

— Здравствуйте, мистер Гилдер.

— Хеллоу, Эрни. — В знак приветствия мой отец поднял руку. — Как твои дела?

— В общем-то не очень. Но скоро все переменится. Новый год, новые силы, старое дерьмо уходит, так ведь?

— Пожалуй, — несколько ошеломленно произнес мой отец. — Дэннис, ты уверен, что мне не нужно заезжать за тобой?

В ту минуту я больше всего на свете хотел бы вернуться домой на машине отца, но на меня внимательно смотрел улыбающийся Эрни.

— Нет, Эрни отвезет меня... если его развалюха тронется с места.

— Ой, поосторожнее, Дэннис, — сказал Эрни. — Она у меня девочка чувствительная.

— Чувствительная девочка, говоришь?

— Да, чувствительная, — улыбаясь, ответил Эрни.

Я повернул голову и воскликнул:

— Прости меня, Кристина!

— Так-то лучше.

Наступило молчание. Отец и я поедали глазами невысокую лестницу, которая вела на кухню. Затем отец проговорил:

— О'кей, ладно. Только не пейте слишком много, ребята. Эрни, позвони мне, если почувствуешь, что тебе лучше не садиться за руль.

Он пошел к машине. Я смотрел ему вслед и чувствовал, как костыли все сильнее врезаются мне в подмышки. Когда он сел в машину и вырулил на дорогу, мне стало немного легче.

Я отряхнул снег с костылей и проковылял на кухню Каннинггеймов. Ее пол был покрыт гладким пластиком.

— Ты ловко управляешься со своими штуковинами, — проговорил Эрни, наблюдавший за моими осторожными движениями. Затем он достал из кармана сигару, откусил один из кончиков и закурил.

— Поскорей бы забыть это искусство, — сказал я. — Когда ты начал курить сигары?

— Когда работал у Дарнелла, — ответил он. — Я не курю в присутствии моей матери. От табачного дыма она впадает в истерику.

Он обращался с сигарой не как подросток, а как курильщик с двадцатилетним стажем.

— Сейчас пожарю кукурузные хлопья, — добавил он. — Ты как, не откажешься?

— Конечно, нет. У тебя есть пиво?

— Три упаковки в холодильнике и еще две в комнате.

— Великолепно. — Я с вытянутой левой ногой осторожно уселся за кухонный стол. — А где твои родители?

— Пошли на новогоднюю вечеринку к Фассенбахам. Когда тебе снимут гипс?

— В лучшем случае — в конце января. Он вылил в глубокую сковороду чуть ли не полбутылки оливкового масла и поставил сковороду на плиту. Затем пошел к холодильнику. Достал упаковку с

шестью банками пива, две из которых открыл, и одну протянул мне. Я взял. Он взял свою.

— Тост, — сказал Эрни. — Чтобы в 1979 году сдохли все говнюки на свете.

Я медленно поставил банку:

— Эрни, я не стану пить за это.

В его серых глазах сверкнули маленькие искорки злобы. Вспыхнули — и тут же погасли.

— Ну, за что же ты станешь пить?

— Может, за колледж?

Он молча посмотрел на меня, и я понял, что он вовсе не был в хорошем настроении, как мне показалось сначала.

— Так и знал, что она задурила тебе мозги. Моя мать — это женщина, которая сделает любую пакость, чтобы добиться своего. Ты же знаешь, Дэннис. Она самому дьяволу поцелует задницу, если ей будет нужно.

Я отодвинул банку от себя.

— Ну, она не целовала мою задницу. Просто сказала, что ты не готовишься к поступлению и что она волнуется за тебя.

— Это мое дело, — сказал Эрни. Его губы скривились, лицо стало неопишимо уродливым. — Я буду делать то, что хочу.

— А поступать в колледж ты не хочешь, да?

— Нет, я поступлю. Но только в свое время. Так и скажи ей, если она спросит. В свое время. Не в этом году. Если она думает, что я собираюсь летом поступать в университет и там она будет ходить за мной по пятам, то она выжила из ума.

— Что же ты собираешься делать?

— Уехать отсюда, — сказал он. — Сяду в Кристину и уберусь из этого паршивого городка. Тебе ясно?

Он повысил голос, а я почувствовал, что на меня накатывает новая волна ужаса. Я был беспомощен перед этим человеческим страхом и только надеялся, что он не проступал на моем лице. Потому что теперь это был не просто голос Лебэя; теперь это было даже лицо Лебэя, выпиравшее из-под маски, которая еще не успела затвердеть на покойнике.

— Здесь слишком много дерьма, и я думаю, что этот проклятый Дженкинс все еще следит за мной, хотя ему следовало бы почаще оглядываться назад...

— Кто такой Дженкинс? — спросил я.

— Не важно, — ответил он. — Ты его не знаешь. — На кухне начала потрескивать сковорода с маслом. — Мне нужно к плите, Дэннис. Ты хочешь сказать тост или нет? Мне — все равно.

— Ладно, — произнес я. — Давай за нас?

Он улыбнулся, и мне стало немного легче.

— За нас — другое дело. Давай выпьем за нас.

Мы стукнули банкой об банку и выпили. Эрни пошел к плите. Встряхнув сковороду, высыпал в нее пачку кукурузных хлопьев. Я сделал пару глотков пива и больше не захотел.

Однако Эрни выпил свою банку еще до того, как перестало хлопать масло. Сняв ее в руке, он подмигнул мне и проговорил:

— Смотри, Дэннис, как она попадет прямо в задницу маленького бродяги.

Намека я не понял и поэтому только неопределенно улыбнулся. Он бросил банку Она ударилась об стенку, отскочила и угодила в мусорную корзину.

— Два очка, — сказал я.

— Верно, — сказал он. — Будь любезен, еще баночку.

Я подумал, что если Эрни напьется, то мне не придется возвращаться домой в Кристине, но пиво совершенно не действовало на него. Он приготовил кукурузные хлопья, пересыпал их в большое пластиковое блюдо, бросил сверху кубик маргарина, подсоллил и сказал:

— Давай посмотрим телевизор в общей комнате. Ладно?

— Давай.

Я встал на костыли, зажал их под мышками и потянулся к трем банкам пива, оставшимся на столе.

— Я вернусь за ними, — сказал Эрни. — Иди, иди. Пока не переломал все снова. — Он улыбнулся мне, и в тот момент настолько был прежним Эрни Каннинггеймом, что у меня защемило сердце.

Новогодняя передача была не из лучших. Пели Донни и Марси Осмонд, они обнажали гигантские белые зубы, и в их жизнерадостных улыбках было что-то акулье. Мы отвернулись от телевизора и стали разговаривать о том, как проводили время в больнице, и о том, что в это время делали мои родители и Элли. Он часто улыбался и кивал головой.

Не могу сказать, что я улыбался так же часто, хотя иногда у меня было чувство, что передо мной сидел тот самый Эрни Каннинггейм, которого я так давно знал. Изредка мне начинало казаться, что это был вовсе не Эрни. У него появились привычки, каких я раньше не замечал у него, — он то и дело вертел в воздухе ключами от машины, держа их за кожаный брелок, нервно хрустел суставами пальцев и, задумавшись, покусывал ноготь на большом пальце. У него появились выражения, которых я не понимал или не знал, — такие, как реплика о заднице маленького бродяги. Наконец, выпив пять банок пива, он был все еще трезвым.

Телепередача закончилась в одиннадцать, и Эрни включил другой канал, по которому транслировали танцевальный вечер, проходивший неподалеку от Таймс-сквера. Это был не Гай Ломбарди, но нечто близкое к нему.

— Ты и в самом деле не собираешься в колледж? — спросил я.

— Не в этом году. Сразу после школы мы с Кристиной поедем в Калифорнию. На Золотой Берег.

— Твои родители знают?

Подобная идея изумила его:

— Дьявол! Конечно, нет. И ты не вздумай говорить им.

— А что ты собираешься там делать?

Он пожал плечами:

— Поищу какую-нибудь работу. Буду ремонтировать автомобили. В этом деле я собаку съел. — И небрежно добавил:

— Надеюсь, смогу убедить Ли поехать со мной.

Я подавился пивом и, закашлявшись, забрызгал брюки. Эрни дважды и довольно сильно хлопнул меня по спине.

— С тобой все в порядке?

— Конечно, — выдавал я из себя. — Просто попало не в то горло. Эрни... если ты думаешь, что она поедет с тобой, то ты живешь иллюзиями. Она готовится к поступлению в колледж. Друг, она

слишком серьезно к этому относится.

Его глаза мгновенно сузились, и я понял, что сказал лишнего.

— А откуда ты так много знаешь о моей девушке?

Внезапно я почувствовал себя так, как если бы оказался посреди огромного минного поля:

— Эрни, она больше ни о чем не желает говорить. Ни о чем, кроме своих вступительных экзаменах.

— Больно ты разговорчивый. Дэннис, ты ведь не хочешь становиться на моем пути? — Он пристально посмотрел на меня. — Ты ведь не будешь так поступать, да?

— Нет, — соврал я со всей искренностью, на которую был способен. — Именно этого я хотел бы меньше всего.

— Так откуда ты знаешь о том, что она собирается делать?

— Иногда я вижу ее, — сказал я. — Мы говорим о тебе.

— Она говорит обо мне?

— Да, — небрежно бросил я. — Она сказала, что у вас была стычка из-за Кристины.

Это был верный ход. Он расслабился.

— Просто небольшая заминка. Ерунда. Она поедет со мной. И в Калифорнии тоже есть колледжи, если ей так они нужны. Мы поженимся, Дэннис. У нас будут дети и все прочее дерьмо.

Я изо всех сил удерживал маску на своем лице.

— Она это знает?

Он засмеялся.

— Пока нет. Но узнает. Довольно скоро. Я люблю ее, и мне ничего не помешает. — Смех оборвался. — Что она говорила о Кристине?

Осторожно, мина.

— Сказала, что не любит ее. По-моему... по-моему, она немного ревнует.

И снова правильный ход. Он даже еще больше расслабился.

— Да, она и вправду немного ревновала. Но она поедет, Дэннис. Можешь не волноваться. Если еще раз увидишь ее, то скажи, что я позвоню ей. Или поговорю, когда начнутся занятия в школе.

Он хрипло засмеялся и, допив пиво, пошел в кухню за новой упаковкой. Я думал о Ли. А потом подумал об Уэлче, о Реппертоне, Трелани, Стэнтоне, Ванденберге и о Дарнелле.

Мы встретили Новый год.

Блюдо с кукурузными хлопьями давно опустело. Эрни выглядел усталым. В какой-то момент я взял себя в руки и задал вопрос, которого избегал до тех пор:

— Эрни? Как ты думаешь, что случилось с Дарнеллом?

Он быстро посмотрел на меня, а потом перевел взгляд на экран телевизора, где танцевали пары, с ног до головы осыпанные блестками конфетти.

— Люди, с которыми он крутил дела, захотели, чтобы он заткнулся раньше, чем успеет слишком многое рассказать. Это я так думаю.

— Люди, на которых он работал?

— Уилл говорил, что от колумбийцев можно всего ожидать.

— Кто такие...

— Колумбийцы? — Эрни цинично усмехнулся. — Колумбийская мафия. Уилл любил говорить, что они могут убить, даже если ты просто посмотрел на их женщину не так, как нужно, — а иногда, если

посмотрел так, как нужно. Может, колумбийцы с ним и расправились. Хотя он вообще не смотрел на их женщин. — Он помолчал и добавил:

— Ну, давай еще по баночке пива, и я отвезу тебя домой. Мне понравилось, как начался Новый год. Правда, Дэннис.

Его слова прозвучали вполне искренне, но у Эрни не было таких выражений, как «выпьем по баночке пива». Прежний Эрни так не говорил.

— Мне тоже понравилось, друг.

Я уже не хотел пива, но взял одну банку. Я хотел оттянуть неизбежный момент встречи с Кристиной. Днем это мне казалось необходимым шагом — самому прочувствовать атмосферу его машины...

если там была какая-нибудь особая атмосфера. Теперь моя идея казалась мне пугающей и безумной.

Я чувствовал хрупкость того, что скрывал от Эрни, и больше всего боялся за Ли.

Скажи мне, Кристина, ты умеешь читать мысли?

— Послушай, — проговорил я. — Если ты хочешь, то я могу позвонить отцу. Он еще не спит.

— Не волнуйся, — сказал Эрни, — я могу пройти две мили по прямой линии.

— Я просто подумал...

— Держу пари, ты жалеешь, что не можешь нажимать на педали, как раньше.

— Ты угадал.

— Нет ничего лучше, чем сидеть за баранкой своего автомобиля, — сказал Эрни, а затем его левый глаз глумливо подмигнул мне. — Если не считать запаха гнили.

Эрни выключил телевизор. Я встал на костыли и поковылял в кухню, надеясь на то, что придут Майкл с Региной и наша поездка отложится еще на какое-то время. Меня не покидало воспоминание о том дне, когда Эрни и Лебэй ушли в дом, а я решил посидеть за рулем Кристины.

Эрни достал из холодильника еще две банки пива («На дорогу», — сказал он). Я хотел было заметить, что дорожные патрули не станут слушать его оправданий насчет новогодней ночи и встречи с другом, но потом передумал. Мы вышли на улицу.

Она сверкала под светом звезд и огней, не погашенных в доме.

Колумбийская мафия. Эрни сказал, что они расправились с Дарнеллом.

— Тебе помочь спуститься по ступенькам? — уставившись на меня, спросил Эрни.

— Не нужно, друг. Я сам справлюсь. Боком навалившись на перила, я осторожно поставил костыли на нижнюю ступеньку и стал переносить на них тяжесть своего тела. Внизу лестница была запорошена снегом, и я поскользнулся. Острая боль пронзила левую ногу, кость которой еще не совсем срослась. Эрни подхватил меня.

— Спасибо, — сказал я, радуясь возможности говорить дрожащим голосом.

— Не стоит благодарности.

Мы добрались до машины, и Эрни спросил, смогу ли я сесть в нее сам. Он выпустил мою руку и обошел Кристину со стороны капота. Я взялся за ручку дверцы, и меня охватил смертельный страх. Потому что до того момента я в глубине души все-таки не верил в это. И еще потому, что моя рука вдруг ощутила прикосновение к чему-то живому. Я будто дотронулся до кожи спящего зверя. И он мог проснуться. И взреветь от ярости.

Зверь?

Хорошо, какой зверь?

Вообще что это было? Обыкновенный автомобиль, который неизвестно как и почему стал опасным, зловонным пристанищем какого-нибудь могучего демона? Какой-то адский дом на колесах, куда после смерти Лебэя вселилась его проклятая душа? Я не знал. Я знал только то, что был подавлен ужасом и страхом. И я не думаю, что мог бы справиться со своим ужасом.

— Эй, с тобой все в порядке? — спросил Эрни. — Ты сам справишься?

— Справлюсь, — хрипло сказал я и нажал на хромированную стальную ручку. Открыв дверцу, я вперед спиной забрался в машину и руками втащил в нее свою негнущуюся ногу. Сердце стучало в груди, как пневматический молот. Я захлопнул дверцу.

Эрни повернул ключ, и мотор взревел — как будто был не остывшим, а уже разогретым. И на меня обрушился запах, который, казалось, исходил отовсюду: тошнотворный, одуряющий смрад смерти и тления.

Невозможно описать, как мы добрались до дома, трехмильная дорога к которому заняла у нас десять или двенадцать минут, если не сказать, что все это было похоже на бегство из сумасшедшего дома. Я знаю, что не могу быть объективным: уже одно воспоминание о той поездке приводит меня в состояние, близкое к помутнению рассудка, — я начинаю чувствовать одновременно жар и холод, лихорадочную дрожь и слабость. Я не могу отделить то, что было на самом деле, от того, что стало результатом моих более поздних размышлений; у меня нет четкой границы между субъективным и объективным, между правдой и галлюцинациями ужаснувшегося сознания. Единственная вещь, в которой я могу быть уверен, заключается в том, что я не был пьян. Это я знаю точно, потому что все остатки хмеля — если они вообще были после двух банок пива — вышибло из моей головы, как только машина тронулась с места.

Во-первых, мы возвращались в прошлое.

Временами Эрни вообще не сидел за рулем: вместо него был зловонный, омерзительно воняющий могилой скелет Лебэя, на котором висели остатки полуистлевшей тухлявой плоти и редкие лохмотья одежды с позеленевшими пуговицами. Под расплзшимся воротником копошились черви. Я слышал какое-то жужжание и сначала подумал о коротком замыкании в одном из приборов на передней панели. И только позже начал осознавать, что звук принадлежал мухам, роящимся в сгнившем теле. Разумеется, была зима, но...

Временами казалось, что в машине были и другие люди. Однажды я взглянул в зеркало заднего обзора и увидел за своей спиной женщину с бледным лицом, смотревшую на меня мутным взглядом жертвы удушья. Ее волосы были причесаны в стиле 50-х годов. На щеках выступали широкие розовые пятна, и я вспомнил, что отравление окисью углерода создает иллюзию жизни и здорового цвета кожи.

Взглянув в следующий раз, я заметил на заднем сиденье маленькую девочку с почерневшим личиком и выпученными глазами. Я зажмурился, а когда вновь открыл глаза, то на ее месте был Бадди Реппертон, рядом с которым сидел Ричи Трелани. Рот, подбородок, шея и рубашка Бадди были перепачканы в крови. Ричи был похож на обгоревшую головешку но глаза смотрели ясно и осмысленно.

Бадди медленно поднял потемневшую руку. В ней была зажата бутылка «Техасского драйвера». Я снова закрыл глаза. После всего этого мне уже не хотелось открывать их когда-либо.

Я помню, что по радио играл рок-н-ролл: Дио и Бельмонс, Эрни До, Роял Тинс, Бобби Райдел...

Мои воспоминания не укладываются в чувство, что все, кого я видел, существовали только в моем воображении, что все они были не более чем миражами, преследующими какого-нибудь параноика или морфиниста.

И при всем том я разговаривал с Эрни. О чем? Этого я не помню. Я пытался говорить нормальным голосом. Я отвечал на вопросы. И поэтому двенадцать минут пути показались мне долгими, долгими часами.

Еще раз повторяю, что не могу объективно судить о той поездке; если в ней была какая-то логическая последовательность событий, то она ускользнула от меня, стала недоступной.

Путешествие в той черной холодной ночи было более чем похоже на экскурсию. Я не могу вспомнить всего, что происходило, как не могу не вспомнить больше, чем хотелось бы. Мы очутились в сумасшедшем мире, где все было абсолютно реально.

Я сказал, что мы возвращались в прошлое, но было ли так на самом деле? Улицы современного Либертивилля оставались на своем месте, но они присутствовали на нем, как прозрачный рисунок на отснятой киноплёнке — они были более прозрачны, чем то, что давным-давно исчезло. Так на Мэйн-стрит я видел ювелирный магазин Шипстеда и театр Стрэнд, на месте которых в 1972 году был построен Коммерческий банк Пенсильвании. Вдоль дороги стояли машины 60-х и 50-х годов. Длинные «бьюики». «Форды-фэйрлайн» с их задними фарами, каждая из которых была похожа на опрокинутую колонну. «Де сото» с откидным верхом. Четырехдверные «доджи» 1957 года, у которых не было откидного верха. «Понтиаки», у которых еще не была разделена передняя решетка. «Рамблеры», «паккарды», несколько остроносых «студебекеров» — все фантастически новые и ухоженные.

— Да, этот год будет лучше, чем прошлый, — сказал Эрни.

Я взглянул на него, и, прежде чем он успел поднести к губам банку пива, его лицо превратилось в череп Лебэя. От пальцев остались одни кости. Клянусь, вместо пальцев были кости, а лохмотья брюк казались надетыми на кривые жерди.

— Да? — произнес я, задыхаясь от миазмов, заполнявшего машину.

— Да, — сказал Лебэй, только теперь это был снова Эрни. Когда мы задержались на перекрестке, я увидел «камаро» 77-го года, остановившийся позади нас.

— Дэннис, я очень прошу тебя ни во что не вмешиваться. Не позволяй моей матери втягивать тебя в это дерьмо. Все очень скоро изменится.

Он снова превратился в Лебэя. Его череп беззубо ухмылялся. Я был готов вопить от ужаса.

Я отвел от него глаза и увидел то, что видела Ли: стекла на приборной панели были вовсе не стеклами, а зелеными флуоресцирующими глазами, выпученными на меня.

В какую-то минуту этот кошмар прекратился. Мы остановились у обочины незнакомой мне дороги.

Рядом высились какие-то недостроенные дома, некоторые были даже не домами, а еще только фундаментами. Передние фары Кристины освещали широкую табличку, на которой я прочитал:

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ

ТОРГОВАЯ ФИРМА

МЭПЛУЭЙ

ПРОДАЖА НЕДВИЖИМОСТИ

Прекрасное место для жилья.

Подумайте о вашей семье!

— Ну, вот ты и на месте, — сказал Эрни. — Ты сможешь идти пешком, приятель?

Я с сомнением оглядел безлюдные, заметенные снегом окрестности и утвердительно кивнул головой. Пробираться на костылях по пустым стройкам и замерзнуть в ночной стуже было лучше, чем оставаться в его машине. Я почувствовал гипсовую улыбку на своем лице.

— Конечно. Спасибо.

— Больше не будешь потеть, дружок, — сказал Эрни. Он смял опорожненную банку из-под пива и бросил ее на заднее сиденье. — Еще один мертвый солдат.

— Да, — проговорил я. — Счастливого Нового года, Эрни.

Я открыл дверцу. Мне показалось, что я не смогу удержаться на костылях и не упасть. У меня тряслись руки.

На меня смотрел ухмылявшийся Лебэй.

— Только будь на моей стороне, Дэнни, — сказал он. — Ты знаешь, что случается с говнюками, которые мешают мне.

— Да, — прошептал я. — Да, я это знаю.

Я встал на костыли, они выдержали меня. И вдруг весь мир перевернулся с ног на голову. Зажглись огни — конечно, они горели и раньше. Моя семья переехала в бывшие владения Мэплуэй в пятьдесят девятом, за год до моего рождения. Название этого места поменялось в шестьдесят четвертом году.

Выбравшись из машины, я увидел свой дом, из которого поехал к Эрни вчера вечером. Я повернулся к нему, ожидая увидеть полуистлевший труп Лебэя.

Однако передо мной был Эрни, бледный и с банкой пива в руке.

— Спокойной ночи, — сказал я и захлопнул дверцу. Мой ужас вернулся ко мне, когда я посмотрел вслед удалявшимся красным огням машины. Мой друг Эрни был заживо похоронен в ней.

45. Снова Джордж Лебэй

В том месте, где был переезд через рельсы, мотор вдруг заглох, почему — непонятно.

Я вынес тебя на руках из машины, но ты побежала обратно.

В пятницу пятого января мне пришла почтовая карточка от Ричарда Маккендлесса, секретаря либертивиллской штаб-квартиры Американского Легиона. На обороте были написаны домашний адрес и телефон Джорджа Лебэя, проживавшего в городе Парадиз-Фоллс штата Огайо. Большую часть дня я носил карточку в заднем кармане брюк, изредка вынимая и разглядывая ее. Я не хотел звонить Джорджу, я не желал слышать ничего нового о его сумасшедшем брате Ролланде, я не желал принимать участия во всем этом сумасшедшем деле.

В тот вечер мои отец и мать поехали с Элли в Монроэвилл, чтобы купить для нее новые горные лыжи. Через полчаса после их ухода я взял телефон и положил перед собой карточку, присланную Маккендлессом. Я набрал половину номера Лебэя, а потом положил трубку. «Нет, никогда, — подумал я, почувствовав, что весь мой недавний ужас возвращается ко мне. — хватит так хватит, и поэтому нет, никогда, ни за что. Все, я умываю руки, и пусть он проваливается к дьяволу со своей проклятой машиной. Все».

— Провались ты куда подальше, — прошептал я и решил пойти спать.

У меня внезапно разболелась голова. Я знал, что слишком устал за последние дни.

Я лег спать и проспал очень долго.

Пока я спал, кто-то убил — или что-то убило Рудольфа Дженкинса, детектива из полиции штата Пенсильвания. О его смерти я прочитал в газете, когда проснулся на следующее утро и принялся просматривать почту. «СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ДЕЛУ ДАРНЕЛЛА УБИТ ВБЛИЗИ БЛЭЙРСВИЛЛА!» — кричал заголовок.

Отец принимал душ наверху, Элли играла с подружками в монополию в соседней комнате, мама закрылась у себя и сочиняла новый рассказ. Я сидел за столом, ошеломленный и испуганный. Мне пришло в голову, что завтра Ли и ее семья должны были вернуться из Калифорнии, занятия в школе должны были начаться послезавтра, и если Эрни (Лебэй) не переменит решения, то Ли будут активно переубеждать.

Я отставил от себя яичницу. Мне уже не хотелось есть. В прошлый вечер я полагал, что все дела и заботы, связанные с проклятой машиной, можно отодвинуть и забыть с такой же легкостью, с какой я только что отодвинул и забыл свой завтрак.

О Дженкинсе упоминал Эрни в новогоднюю ночь. В его смерти газета подозревала какую-то неизвестную организацию, замешанную в убийстве Дарнелла. Сумасшедших колумбийцев, сказал бы Эрни.

Я так не думал.

Искореженный автомобиль с телом Дженкинса был найден на пустынной загородной дороге. (Этот проклятый Дженкинс следит за мной, хотя ему следовало бы почаще оглядываться назад... Только будь на моей стороне, Дэннис. Ты знаешь, что случается с говнюками, которые мешают мне...)

Седьмая смерть, последовавшая за знакомством с Эрни Каннингемом и его Кристиной. Полиция вряд ли могла не видеть связи этих событий, но в статье ни о чем подобном не говорилось.

Седьмая смерть.

Когда же это закончится? Убийства становились привычными. Если Майкл и Регина не примут безумной идеи Эрни, вдруг пожелавшего поехать в Калифорнию, то очередь может дойти и до них. Или допустим, что он в будущий четверг подойдет на третьей перемене к Ли и предложит ей выйти за него замуж, а она просто откажется, если не пошлет его куда подальше? Что тогда она увидит на обочине дороги, возвращаясь домой после школы?

Боже, мне было страшно.

Я снова взял газету и посмотрел на фотографию искореженного автомобиля Дженкинса.

АВТОМОБИЛЬ СМЕРТИ, — гласила надпись.

«А может быть, так. — подумал я, — Дженкинсу нужно было не просто узнать, кто продавал Дарнеллу контрабандные сигареты и фейерверки. Дженкинс детектив из полиции штата, а детективы из полиции штата обычно ведут два-три дела сразу. Он мог бы попытаться выяснить, кто убил Шатуна Уэлча. Или мог бы...»

Я встал на костыли и проковылял в мамину комнату.

— Да, Дэнни?

— Извини, что отвлекаю тебя, мам...

— Не будь занудой, Дэнни.

— Ты сегодня собираешься в город?

— Да, а что?

— Мне нужно в библиотеку.

В субботу с самого утра шел снег. К полудню от просмотра микрофильмов у меня разболелась голова, но я уже нашел то, что хотел.

Дженкинсу было поручено расследование по делу о наезде на Уэлча, тут все верно... но, кроме того, он расследовал то, что случилось с Реппертоном, Трелани и Стэнтоном. Он был бы очень плохим полицейским, если бы, занимаясь этими происшествиями, не думал об Эрни Каннингейме.

Я выключил экран проектора, откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Я попытался на минуту поставить себя на место Дженкинса. Он подозревает, что Эрни каким-то образом замешан во всех четырех убийствах. Подозревает ли он Кристину? Может быть, да. В детективных фильмах и книгах они всегда проводят идентификацию оружия, пишущих машинок и автомобилей, пострадавших в авариях. Ищут вмятины, облупившуюся краску...

Затем обнаруживаются махинации Дарнелла. Дженкинсу это на руку. Гараж будет закрыт и опечатан. Может быть, Дженкинс подозревает...

Что?

Я напряг воображение. Итак, я полицейский. Я провожу дознание, задаю вопросы и выслушиваю ответы. Кого же я подозреваю? Спустя мгновение до меня дошло.

Конечно же, сообщника. Я подозреваю, что в деле участвовал какой-то сообщник. Он должен был участвовать в деле. Ни один человек в здравом рассудке не заподозрит, что машина могла действовать самостоятельно. Поэтому?..

Поэтому, опломбировав гараж, Дженкинс приводит лучших специалистов из криминалистической лаборатории. Они дюйм за дюймом исследуют Кристину, пытаюсь найти хоть какую-нибудь улику или малейшее свидетельство о случившемся. С точки зрения Дженкинса такие свидетельства должны существовать. Наезд на человека — это отнюдь не наезд на пуховую подушку. Тем более наезд на деревянный барьер в Скуантик-Хиллз.

Так что же они находят, эти эксперты по дорожным происшествиям?

Ничего.

Теперь перенесемся в день после загадочного убийства Дарнелла. Дженкинс опять появляется в гараже, поскольку стена дома еще меньше похожа на пуховую подушку. Теперь — по мнению Дженкинса — следы преступления просто неизбежны. И что же он снова видит?

Кристину. Чистую и непорочную.

Дженкинс оказывается перед дилеммой, которую не в силах разрешить. Кристина имеет полное алиби. И Кристина имеет отношение ко всем убийствам. По сути дела, она является связующим звеном в цепи всех недавних убийств. Возможно, его логика и убила его.

На ней ни одной царапины. Но почему? Может быть, Дженкинс не располагал всеми фактами? Я вспомнил о милеометре, вращавшемся в обратную сторону. Вспомнил об уменьшавшихся трещинах на лобовом стекле — они тоже росли в обратную сторону. И наконец вспомнил о своей кошмарной поездке домой после встречи Нового года — старые машины у обочины дороги, которые выглядели как новые, театр Стрэнд, который восстал из руин, и пустые окраины Либертивилла, которые были

застроены двадцать лет назад.

Я подумал: на самом деле Дженкинса убило то, что он ничего не знал об этих моих воспоминаниях. И вот еще что: если вы долго ездите на каком-нибудь одном автомобиле, то можете вспомнить, как он дошел до такого состояния, когда уже бесполезно ремонтировать его — так бывает всегда, ведь не бывает вечных машин — сначала выходит из строя аккумулятор, потом засоряется карбюратор, потом ветшает обивка...

Это как в кинофильме. А если вы можете прокрутить киноленту в обратную сторону...

— Сэр, вы будете что-нибудь еще заказывать? — спросил библиотекарь, и я чуть не вскрикнул от испуга.

Вечером я позвонил Джорджу Лебэю. — Да, мистер Гилдер, — сказал он. У него был еще более старый, уставший голос. — Я хорошо помню вас. У нас с вами был тягостный разговор в одном из самых плохих мотелей Америки. Чем могу быть полезен для вас?

Я колебался. Должен ли я был сказать ему, что его брат восстал из мертвых? Что даже могила не смогла положить конец его ненависти к говнюкам? Сказать, что он завладел моим другом и выбрал его так же бесповоротно, как Эрни остановил свой выбор на Кристине? Должны ли мы были поговорить о смерти и бессмертии, о времени и нетленной любви?

— Мистер Гилдер? Вы куда не ушли?

— У меня неприятности, мистер Лебэй. И я не знаю, как рассказать вам о них. Это касается вашего брата.

В его голосе послышалась какая-то напряженность.

— Не понимаю, как ваши неприятности могут касаться его. Ролли умер.

— В том-то и дело. — Я уже не мог контролировать собственного голоса. Он задрожал и чуть не сорвался на фальцет. — По-моему, он не умер.

— О чем вы? — Его интонации были укоряющими и испуганными. — Извините, но ваша шутка лишена всякого юмора.

— Это не шутка. Позвольте, я расскажу вам обо всем том, что случилось после смерти вашего брата.

— Мистер Гилдер, передо мной лежит рукопись, которую нужно срочно корректировать, и у меня совершенно нет времени на...

— Пожалуйста, — сказал я. — Прошу вас, мистер Лебэй, пожалуйста, помогите мне и моему другу.

В трубке наступило долгое молчание, а потом Лебэй вздохнул.

— Рассказывайте вашу историю, — тоскливо произнес он и через некоторое время добавил:

— Будьте вы прокляты.

Когда я закончил свой рассказ, в трубке опять наступило молчание.

— Мистер Лебэй? Вы куда не ушли?

— Я здесь, — наконец произнес он. — Мистер Гилдер — Дэннис — я не хочу вас обидеть, но вы должны понимать, что ваши предположения выходят далеко за границы — возможного психофизиологического феномена и достигают...

Он запнулся.

— Границ сумасшествия?

— Я бы не хотел употреблять подобного выражения. По вашим словам, вы получили серьезную травму на футбольном матче. Не могла ли она оказать какое-то влияние на ваше воображение...

— Мистер Лебэй, — перебил я, — у вашего брата никогда не было поговорки о маленьком бродяге?

— О ком?

— О маленьком бродяге. Ну, вроде того, как, попав скомканной бумагой в мусорную корзину, сказать:

— Два очка. Только вместо этого произнести: «Смотри, как он попал в задницу маленького бродяги». Ваш брат никогда так не говорил?

— Откуда вы узнали об этом? — А затем, не дав мне времени на ответ:

— Он прибежал к этой фразе, когда вы встречались с ним?

— Нет.

— Мистер Гилдер, вы — лжец.

Я ничего не сказал. У меня затряслись руки. Ни один взрослый никогда не говорил мне ничего подобного.

— Дэннис, простите, я виноват. Но мой брат умер. Он был неприятным, возможно, даже порочным человеком. Но он умер, и все эти мрачные фантазии и домыслы...

— Кто такой маленький бродяга? — спросил я. Молчание.

— Это Чарли Чаплин?

Я начал думать, что он вообще не ответит. Но он наконец тяжело вздохнул и проговорил:

— Только косвенно. Он имел в виду Гитлера. Между Гитлером и маленьким бродягой Чаплина было некоторое внешнее сходство. Чаплин даже снял фильм под названием «Великий диктатор».

Вероятно, вы никогда не видели его. Но во время войны такое выражение было довольно популярным. Вы слишком молоды, чтобы помнить его. Хотя это ничего не значит.

Настала моя очередь помолчать.

— Это ничего не значит! — закричал он. — У вас есть только фантазии и домыслы! Вы должны сами понимать это!

— У нас в северной Пенсильвании погибли семь человек, — сказал я. — Это не фантазии. На моих гипсовых слепках осталась надпись. Это не домыслы. Я могу прислать их вам, мистер Лебэй. Вы посмотрите на них и узнаете почерк вашего брата.

— Он может оказаться сознательной или бессознательной подделкой.

— Наймите эксперта по почеркам. Я оплачу.

— Вы можете обратиться к эксперту и без моего посредничества.

— Мистер Лебэй, — сказал я. — Убеждать нужно не меня.

— Но от меня вы чего хотите? Чтобы я поверил в ваши фантазии? Я в них все равно не поверю. Мой брат умер. Его машина — это всего лишь машина.

Он лгал. Я чувствовал, что он лгал. Это чувствовалось даже по телефону.

— Я хочу, чтобы вы мне объяснили некоторые свои слова — вы их говорили во время нашего разговора в тот вечер.

— Какие еще слова? — В его голосе прозвучала враждебность. Я облизал губы.

— Вы говорили, что он был одержим злобой и навязчивыми идеями, но не был чудовищем. Вы сказали, что по крайней мере так вам кажется. Затем вы хотели что-то добавить, но...

— Дэннис, я на самом деле...

— Послушайте, почему вы не хотите сказать это сейчас? — Я почти кричал. У меня вспотел лоб, и я

вытер его рукой. — Мне ничуть не легче, чем вам, потому что Эрни преследует девушку по имени и фамилии Ли Кэйбот, но только мне кажется, что преследует ее вообще не Эрни, а ваш брат, ваш мертвый брат, и поэтому я прошу вас, прошу — скажите мне, пожалуйста!

Он снова вздохнул.

— Сказать вам? — переспросил он. — Сказать вам? Рассказать обо всех тех старых подозрениях... это будет почти то же самое, что потревожить спящего демона, Дэннис. Прошу вас, я ничего не знаю.

Я мог бы сказать ему, что демон уже разбужен, но он и сам это знал.

— Расскажите мне о своих подозрениях.

— Я перезвоню вам.

— Мистер Лебэй... пожалуйста...

— Я перезвоню своей сестре Марсии.

— Если нужна моя помощь, то я тоже могу позвонить...

— Нет, она не станет разговаривать с вами. На эту тему мы говорили только раз или два... Дэннис, я надеюсь, что ваша совесть чиста и передо мной. Потому что вы просите меня вскрыть старые раны и заставить их кровоточить снова. Я спрашиваю еще раз: вы уверены в том, что говорите?

— Уверен, — прошептал я.

— Я перезвоню вам, — сказал он и положил трубку.

Прошло пятнадцать минут, затем двадцать. Я ходил по комнате на костылях, потому что не мог сидеть сложа руки. Дважды я подходил к телефону, но не притрагивался к нему, боясь, что Лебэй будет звонить мне в то же самое время, и еще больше боясь, что он не позвонит совсем. Когда я подошел в третий раз, он зазвонил. Я схватил трубку.

— Привет, — прозвучал в ней сонный голос Элли, говорившей снизу. — Донна?

— Элли, это мне! — закричал я.

— Тебе так тебе, — произнесла Элли и положила трубку.

— Дэннис? — послышался затем еще более уставший голос Лебэя.

— Да, мистер Лебэй.

— Я позвонил ей, — после недолгой паузы сказал он. — Она велела мне говорить только от моего имени. Но она испугалась. Ты и я, мы оба виноваты в том, что старая женщина, в жизни никого не обидевшая и не имеющая ничего общего с твоим делом, сейчас плачет и не знает, куда деться от страха.

— У нас были уважительные причины.

— Ты уверен?

— Если бы я не был уверен, то не звонил бы вам, мистер Лебэй, — проговорил я. — Вы расскажете мне или нет?

— Да, — сказал он. — Но только тебе и никому, кроме тебя. Если ты расскажешь кому-нибудь еще, то я откажусь от своих слов. Ты понял?

— Да.

— Хорошо, — он вздохнул. — Прошлым летом, Дэннис, я в разговоре с тобой солгал тебе один раз, когда говорил о том, что я и Марсия почувствовали тогда. Мы лгали самим себе. Думаю, нам лучше было убеждать себя и дальше, что все это было только лишь дорожным происшествием.

— Маленькая девочка? Дочь Лебэя. Я до боли в руке сжал телефонную трубку.

— Да, — медленно произнес он. — Рита.

— Что произошло на самом деле, когда она подавилась?

— Моя мать иногда называла Ролли похищенным. Как в сказках про эльфов, которые похищают детей и оставляют взамен какую-нибудь вещь, — сказал Лебэй. — Я не говорил тебе об этом?

— Нет.

— Конечно, нет. Я говорил тебе, что твой друг был бы счастливей, если бы избавился от машины. Больше я ничего не мог сказать, потому что иррациональное... оно прокрадывается всюду...

Он замолчал. Я не торопил его. Он должен был сказать или не сказать. Проще некуда.

— Моя мать говорила, что пока ему не исполнилось шесть месяцев, он был просто чудесным ребенком. А потом... она говорила, что тогда прилетели эльфы. Она говорила, что они забрали ее чудесного ребенка и заменили его другим. Она улыбалась. Но никогда не говорила этого в присутствии Ролли, и ее глаза не улыбались, Дэннис. Я думаю... у нее не было иного объяснения тому, что он был так безудержен в своей ярости... и так неотступен в достижении своих простых целей.

У нас по соседству жил мальчик — я забыл его имя, — немного старше, который несколько раз избивал Ролли. Задира. Обычно он начинал с одежды Ролли: он спрашивал, сколько раз в году тот меняет носки и трусы. Ролли ругался, угрожал и лез в драку, а задира смеялся над ним, отталкивал Ролли своими длинными руками, пока не уставал или пока у Ролли не начинала течь кровь из носа. А потом Ролли сидел в углу и плакал, растирая по лицу слезы и кровь. И если мы с Дрю подходили к нему, то он жестоко избивал нас.

Однажды дом этого задиры сгорел дотла, Дэннис. Задира, отец задиры и младший брат задиры сгорели заживо. Младшая сестренка задиры получила ужасные ожоги. Тогда все подумали, что в их доме загорелась кухонная плита. Может быть, так все и было. Но сирены пожарных машин разбудили меня, и я не спал, когда Ролли забрался через окно в комнату, которую мы делили с ним. У него была сажа на лбу, и от него пахло бензином. Он увидел, что я лежу с открытыми глазами, и прошептал: «Если ты расскажешь, Джордж, то я убью тебя». И с той ночи, Дэннис, я пытался убедить себя, что он ходил посмотреть на пожар и не хотел, чтобы об этом узнали родители. Может быть, так все и было.

У меня пересохло во рту.

— Сколько лет было тогда вашему брату? — хрипло спросил я.

— Неполных четырнадцать, — с фальшивым спокойствием ответил Лебэй. — Год спустя в один зимний день он играл в хоккей, и паренек, которого звали Рэнди Фрогмортон, ударил клюшкой по голове Ролли. Ролли потерял сознание. Мы повезли его к врачу, и тот наложил ему не меньше дюжины швов на темени. Неделью спустя Рэнди Фрогмортон провалился под лед на пруду, где катался на коньках, и утонул. Правда, там стоял знак, указывающий на то, что в том месте был тонкий лед.

— Вы хотите сказать, что ваш брат убил всех этих людей? И намекаете на то, что он убил собственную дочь?

— Не то чтобы убил — так я никогда не думал. Она подавилась и умерла от удушья. Я только предполагаю, что он дал ей умереть.

— Вы говорили, что он переворачивал ее, пытался вызвать рвоту...

— Так говорил мне Ролли на похоронах, — сказал Джордж.

— Тогда почему...

— Позже мы с Марсией обсуждали это. Всего один раз, понимаешь? Ролли сказал мне: «Я взял ее за плечи и попытался вытрясти из горла кусок гамбургера, но он слишком глубоко застрял, Джордж». А вот Вероника сказала Марсии так: «Ролли поднял ее за ноги и попытался вытрясти из горла кусок гамбургера, но тот слишком глубоко застрял». Одну и ту же историю они рассказывали по-разному. И знаешь, о чем я подумал тогда?

— Нет.

— Я подумал о том, как Ролли залез в окно нашей спальни и прошептал: «Если ты расскажешь, Джордж, то я убью тебя».

— Но... почему. Зачем ему...

— Позже Вероника написала Марсии письмо, в котором намекала, что Ролли по-настоящему даже не пытался спасти их дочь. И что в самом конце он просто усадил ее обратно в машину. Вероника намекала на то, что он хотел... хотел, чтобы она умерла в машине.

Я не хотел говорить этого, но должен был сказать:

— Вы предполагаете, что ваш брат принес свою дочь в жертву? Что он совершал какой-то обряд человеческого жертвоприношения?

Последовало долгое, задумчивое, тягостное молчание.

— В обычном смысле слова — нет, — наконец проговорил Лебэй. — Так же нет, как я не предполагаю, что он сознательно убил ее. Если бы ты, Дэннис, знал моего брата, то ты понял бы, как нелепо подозревать его в колдовстве или в черной магии, или в договоре с демонами. Он не верил ни во что, кроме своих чувств... и, пожалуй, своих личных желаний. Я предполагаю, что действовал по какой-то... по какой-то интуиции... или по чьей-то чужой воле.

— А Вероника?

— Я не знаю, — сказал он. — В заключении полиции говорилось о самоубийстве, хотя она не оставила никакой предсмертной записки. Но у этой несчастной женщины было несколько друзей в городе, и, может быть, она о чем-нибудь намекала им, как намекала Марсии о смерти Риты. Такие мысли иногда приходят мне в голову. Конечно, странно, что она решила покончить с собой в машине. Она не имела ни малейшего представления о том, как устроены и работают автомобильные двигатели.

Я подумал о том, что он сказал, и о том, что оставил между строк. Интуиция, сказал он. Так неотступен в достижении своих простых целей. Допустим, Ролланд Лебэй все-таки понял, что, не сознавая того, снабдил свой «плимут» какой-то сверхъестественной силой? И предположим, что он только лишь ждал появления подходящего наследника... и вот..

— Я ответил на твои вопросы, Дэннис?

— Кажется, да, — медленно проговорил я.

— Что ты собираешься делать? — спросил он.

— Я думаю, вы знаете.

— Уничтожить машину?

— Попробую, — сказал я, а потом взглянул на костыли, лежавшие рядом.

— Ты можешь при этом уничтожить своего друга.

— Я могу спасти его, — сказал я. Джордж Лебэй спокойно произнес:

— Сомневаюсь, что это еще возможно.

46. Предательство

Он лежал в стороне от забрызганных кровью обломков машины.

Я услышал: «Вы мне не поможете, сэр?»

Я поцеловал ее.

Ее руки обвились вокруг моей шеи. Она прильнула ко мне. У меня больше не было вопросов о том, что происходило с нами: и, когда она осторожно высвободилась из моих объятий, я увидел, что у нее также не было вопросов на этот счет.

Был полдень восемнадцатого января. Мы сидели в моем «дастере», что само по себе являлось для меня событием — впервые со времени травмы я мог управлять машиной.

Утром врач снял гипс с моей левой ноги и заменил его повязкой. До полного выздоровления оставался месяц. Я снова поцеловал Ли.

— Дэннис, — чуть погодя пробормотала она. — Нам нужно поговорить.

— Нет, давай еще.

— Сначала поговорим. Остальное потом.

— Опять он?

Она кивнула.

С тех пор как две недели назад начались занятия в школе, Эрни изо всех сил старался возобновить отношения с Ли — с настойчивостью, которая пугала и меня, и ее. Я рассказал ей о телефонном разговоре с Джорджем Лебэем (но умолчал о кошмарном возвращении домой в новогоднюю ночь), и она стала по возможности избегать Эрни. Ее отказы приводили его в ярость, а когда он на кого-нибудь злился, то с кем-то случались неприятные вещи.

— Что он предлагал сегодня? — спросил я.

— Хотел, чтобы я поехала с ним, — ответила она, — играть в шары. — Раньше это были поездки в кино, обед или ужин в ресторане, приглашение к нему домой, где они могли бы посмотреть телевизор и вместе сделать домашние задания. Как средство транспорта в его предположениях постоянно фигурировала Кристина. — Он становится невыносимым, я уже исчерпала все свои отговорки. Нам нужно срочно что-нибудь предпринять.

Я кивнул. Мы уже обсуждали, как можно было избавиться от Кристины, но задача была слишком трудной, другая сложность заключалась в моей левой ноге. Я пробовал наступать на нее — ощущение было не из лучших.

И еще. Мне стоило больших усилий думать о чем-нибудь, кроме Ли. Вероятно, нависшая над нами опасность прибавляла какую-то особую остроту тому чувству, которое я испытывал к ней. Эрни был моим лучшим другом, но все-таки была некая грубая и жестокая притягательность в том, что мы виделись за его спиной. Я это ощутил, когда держал ее в своих объятиях и когда проводил рукой по ее упругой груди. Я был подлецом. Но я любил ее. И мы оба знали, что совершаем предательство, которого стыдились сами и не доверяли никому другому. Мы могли бы сказать (и говорили между собой), что держим рты на замке, не желая навлекать беду на наши семьи и на себя самих.

Это было правдой.

Но ведь это было не полной правдой, да, Ли? Да. Это было не всей правдой.

Мы не заметили, как позади нас остановился красно-белый «плимут» и из него вышел Эрни.

Я разговаривал с Ли, и вдруг она смертельно побледнела, уставившись в ветровое стекло. На ее лице застыло выражение ужаса. Я повернул голову — и на какое-то время тоже оцепенел.

В двух шагах от «дастера» стоял Эрни.

Рядом со стоянкой, на которой была припаркована моя машина, находилось небольшое кафе, славившееся жареными цыплятами. За ними-то мы и приехали на окраину Либертивилла. Судя по тому, что у Эрни в руке была бумажная сумка с эмблемой кафе, он тоже купил цыплят. Все это было чистым совпадением. Хотя сейчас я начинаю думать, что... да, Кристина была способна на многое.

Немая сцена длилась довольно долго. Наконец Ли испустила слабый стон. Эрни был одет в школьную куртку с поднятым воротником, вокруг которого был повязан шарф, и в потертые джинсы. Недоверчивое выражение на его бледном лице стало сменяться гримасой ненависти. Красная бумажная сумка выпала из его руки и упала на снег.

— Дэннис, — прошептала Ли. — Дэннис, о Боже.

Он побежал. Я подумал, что он откроет дверцу «дастера» и набросится на меня. Со своей левой ногой я бы не смог сопротивляться. Однако он пробежал мимо. Сейчас у него было лицо Лебэя. Я оглянулся и увидел Кристину.

Открыв дверцу, я ухватился за крышку кабины и начал выбираться наружу.

— Дэннис, нет! — закричала Ли. Я встал на правую ногу как раз в тот момент, когда Эрни открыл дверцу Кристины.

— Эрни! — заорал я. — Эй, стой! Он резко поднял голову. Его глаза были белыми от ярости. Из уголка рта текла пена.

Он поднял оба кулака и затряс ими в воздухе:

— Говнюк! Ты говнюк! — Его голос был пронзительным и высоким. — Бери ее! Ты ее заслуживаешь! Она дерьмо! Вы оба дерьмо! Оставайтесь друг с другом! Вы долго не протянете!

В окнах кафе стали появляться люди, желавшие посмотреть на происходящее на улице.

— Эрни! Давай поговорим...

Он прыгнул в машину и захлопнул дверцу. Двигатель Кристины взревел, передние фары зажглись и пронзили меня, как насекомое на листке бумаги. А за ветровым стеклом было похожее на какую-то дьявольскую маску лицо Эрни. Это лицо, искаженное ненавистью и болью, живет в снах, которые я вижу теперь. Затем лицо исчезло. На его месте появилась ухмыляющаяся голова трупа. Ли издала душераздирающий вопль. Я понял, что у меня не было галлюцинаций. Она увидела то же, что и я. Кристина рванула с места, отбросив назад комья снега. Она промчалась в трех дюймах от открытой дверцы «дастера» и, набирая скорость, вырулила на Кеннеди-драйв. Затем ее задние огни скрылись из вида.

Я рухнул на водительское сиденье моей машины, руками втащил в нее левую ногу и захлопнул дверцу. Ли плакала. Я обнял ее. Она вцепилась пальцами в мой свитер и, судорожно всхлипывая, прошептала:

— Там... там не было...

— Тсс! Успокойся, Ли. Не думай ни о чем.

— Там не было Эрни! Там был мертвый! Машиной управлял мертвый!

— Это был Лебэй, — сказал я. После всего случившегося я чувствовал себя неестественно спокойным — и виноватым в том, что меня застали с девушкой моего лучшего друга. — Ли, это был он. Ты только что встретила с Ролландом Д. Лебэем.

Она плакала, держалась за меня, всхлипывая и все еще содрогаясь от ужаса. Мне было хорошо оттого, что она была у меня. Моя левая нога болела — я наступил на нее, когда Кристина промчалась мимо.

Постепенно я начал понимать, что все это должно было кончиться.

Она подняла свое мокрое от слез лицо.

— Что теперь будет, Дэннис? Что нам делать?

— Теперь необходимо все это закончить.

— Как? Что ты имеешь в виду?

Больше для себя, чем для нее, я проговорил:

— Ему нужно алиби. Когда он уедет из города, мы должны быть готовы. Мы запрем ее в гараже. Я попытаюсь убить ее.

— Дэннис, о чем ты говоришь?

— Он уедет из города, — сказал я. — Неужели ты не понимаешь? Все люди, которых убила Кристина, — они были связаны с Эрни. Эрни под подозрением у полиции. Он знает это. Он знает это и снова уведет Эрни из города.

— Ты имеешь в виду Лебэя?

Я кивнул, и Ли пожала плечами.

— Мы должны убить ее. Ты сама знаешь это.

— Но как? Дэннис... как?

У меня появилась одна мысль.

47. Приготовления

На дороге убийца. Он мчится вперед.

У него голова холоднее, чем лед.

Дома я поговорил с мамой и поднялся наверх. Там я зашел в ванную и выпил две таблетки аспирина, надеясь немного унять свою левую ногу. Затем устроился перед телефоном, стоявшим в спальне родителей.

Немного подумав, я сделал первый звонок.

— Дэннис Гилдер, сущее наказание моей стройки! — добродушно воскликнул Брэд Джефрис. — Рад слышать тебя, парень. Когда мы с тобой снова посмотрим за игрой «Пингвинов»?

— Брэд, мне надоело смотреть за играми неудачников, — сказал я. — Вот если ты хочешь понаблюдать за настоящей хоккейной командой — такой, как «Флайерс»...

— Господи, о чем ты говоришь? — спросил Брэд. — Да эта команда в подметки не годится «Пингвинам»!

Мы поболтали еще немного, а затем я рассказал ему то, ради чего звонил. Он засмеялся.

— Что за черт, Дэннис? Ты собираешься открыть собственное дело?

— Можно сказать, да. — Я подумал о Кристине. — Правда, ненадолго.

— Ты не хочешь рассказать мне о нем?

— Ну, только не сейчас. Ты знаешь кого-нибудь, у кого я мог бы арендовать такую штуковину?

— Знаю, Дэннис. Единственного парня, который может согласиться на подобный бизнес, зовут Джонни Помбертон. Он живет на Ридж-роуд. Гараж у него рядом с его домом.

— О'кей, — сказал я. — Спасибо, Брэд.

— Как Эрни?

— Полагаю, в порядке. Мы стали меньше видаться друг с другом.

— Он забавный парень. Когда ты привел его ко мне, я думал, что он не доработает до конца лета. Но у него много настойчивости.

— Да, — произнес я. — И не только.

— Передай ему привет от меня, когда увидишься с ним в следующий раз.

— Непременно, Брэд. Можешь не сомневаться, передам.

— Не попадай больше в больницу, Дэннис. Я очень переживаю за тебя.

— Не попаду. Это я тебе тоже обещаю, Брэд. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Я положил трубку и одну или две минуты просидел в нерешительности. Следующий звонок мне не хотелось делать, но другого выхода не было: без него все остальное оказалось бы бесполезным. Я набрал номер Каннингемов. Если бы к телефону подошел Эрни, я бы просто нажал на рычаг отбоя. На мою удачу, ответил Майкл.

— Алло? — У него был усталый и несколько нетрезвый голос.

— Майкл, это Дэннис.

— А, привет. — Он немного оживился.

— Эрни дома?

— Наверху. Он пришел откуда-то мрачный, как туча, и сразу поднялся к себе. Но я уже к этому привык. Позвать его?

— Нет, — сказал я. — Я звоню не ему. У меня очень важная просьба, Майкл. Мне нужно знать, собирается ли Эрни выехать из города куда-нибудь. Особенно в ближайшие два или три дня. Все равно, днем или ночью. — Кристина охотилась по ночам — это я уже знал. — И мне нужно знать до того, как он уедет. Очень нужно.

— Зачем?

— Майкл, я не могу всего объяснить. Все слишком сложно, и... ну, это может показаться безумием. Наступило долгое молчание, и я стал сомневаться в успехе своей затеи, но затем отец Эрни вдруг произнес полупшепотом:

— Это все его проклятая машина, да?

О многом ли он догадался? Много ли он знал? Обычно подвыпившие люди более догадливы, чем когда они трезвые. Был ли он так проницателен? Даже сейчас я не берусь ничего утверждать. Но я уверен, что подозревал он гораздо больше, чем кто-либо — исключая, может быть, только Уилла Дарнелла.

— Да, — сказал я. — Это машина.

— Я так и знал, — совсем упавшим голосом произнес он. — Я знал. Что случилось. Дэннис? Как он делает это? Ты знаешь?

— Майкл. Я не могу больше ничего сказать. Вы мне дадите знать за день или за два до его поездки?

— Да, — ответил он. — Да, ладно.

— Спасибо, Майкл.

— Дэннис, — проговорил он. — Ко мне когда-нибудь вернется мой сын?

Он заслуживал того, чтобы знать правду. Этот несчастный, измученный человек заслуживал того...

— Я не знаю, — ответил я и до боли прикусил нижнюю губу. — Мне кажется... что все могло пойти слишком далеко.

— Дэннис, — почти простонал он, — что это? Наркотики? Какой-то вид наркотиков?

— Когда смогу, я скажу, — проговорил я. — Обещаю. Мне очень жаль. Я обязательно скажу, когда смогу.

С Джонни Помбертоном говорить было легче. Он оказался живым, словоохотливым человеком, и я сразу понял, что мне с ним повезло. У меня было чувство, что Джонни Помбертон пошел бы на любую обоюдовыгодную сделку с самим сатаной, если бы в ней не было ничего противозаконного.

— Конечно, — время от времени повторял он. — Конечно, конечно.

У него была удивительная манера соглашаться на ваше предложение, еще не дослушав его до конца.

Мне даже не пришлось прибегать к истории, которую я выдумал заранее. Он просто назначил цену — как выяснилось позже, вполне разумную.

— Прекрасно, — сказал я.

— Конечно, — согласился он. — Когда вас ждать?

— Ну, как насчет половины десятого завтра?

— Конечно, — сказал он. — До встречи.

— Еще один вопрос, мистер Помбертон.

— Конечно. И лучше — просто Джонни.

— О'кей, Джонни. Как насчет автоматической трансмиссии?

Джонни Помбертон от души рассмеялся. Рассмеялся так, что я отнял от уха трубку телефона и угрюмо посмотрел на нее. Ответ был довольно красноречив.

— На таких-то штуковинах? Вы шутите. А в чем дело? Вы не сможете справиться с ручным управлением?

— Да нет, как раз ручному управлению я и обучался, — ответил я.

— Значит, нет проблем?

— Пожалуй, нет, — сказал, не переставая думать о левой ноге, которой предстояло работать с педалью. Меня бы очень устроило, если бы Эрни перенес свою загородную прогулку на начало февраля. Но надеяться на это было бы просто смешно. — Ладно, спокойной ночи, мистер Помбертон. До завтра.

— До завтра. Но все-таки лучше зовите меня Джонни. Или я удвою цену.

В телефонном справочнике было четверо разных Сайксов. Того, который был мне нужен, я застал дома со второй попытки; Джимми сам снял трубку. Я представился другом Эрни Каннинггейма, и голос Джимми просветлел. Эрни нравится ему, потому что не обходился с ним, как Бадди Реппертон, когда Бадди работал у Уилла Дарнелла. Он спросил, как поживает Эрни, и я, солгав еще раз, ответил, что у Эрни все в порядке.

— Ну, слава Богу, — сказал он. — Я думал, что у него будут неприятности с теми сигаретами.

— Я звоню как раз из-за Эрни, — проговорил я. — Джимми, ты помнишь, как опечатали гараж

Уилла?

— Конечно, помню. — Джимми вздохнул. — Теперь бедный Уилл умер, и я потерял работу. Моя мама хочет, чтобы я поступил в техническую школу, но я не силен в этих делах. Я думаю пойти на какую-нибудь работу. Может быть, сторожем. Мой дядя Фрэд...

— Эрни сказал, что, когда закрывали гараж, он забыл в нем небольшой пенал с инструментами, — перебил я. — Он лежит за одной из тех старых шин — ну, ты знаешь, про что я говорю. Он положил туда инструменты, чтобы никто не стащил их.

— И они еще там? — спросил Джимми.

— Полагаю, да.

— Что за растеряха!

— Они стоят больше ста долларов.

— О Господи! Я думаю, их там больше нет. Я думаю, их забрали полицейские.

— Эрни сказал, что они надежно спрятаны. Но он не сможет сам прийти за ними, у него какие-то неприятности. — Я лгал, но был уверен, что Джимми не раскусит меня. Я знал о его умственной отсталости и пользовался своим знанием.

— Ах, черт! Ну ладно... слушай. Я схожу за ними. Правильно, завтра же утром. У меня остались мои ключи.

Я вздохнул с облегчением. Мне были нужны не мифические инструменты Эрни, а ключи Джимми.

— Я заеду за ключами, Джимми. Ты не знаешь, где лежат инструменты, и будешь искать целый день.

— Да, но Уилл велел никому не давать ключи...

— Конечно. Но он говорил это раньше, а теперь гараж пустой, и в нем нет ничего, кроме инструментов Эрни и старых покрышек. Скоро все хозяйство Уилла продадут, и Эрни лишится своих инструментов.

— Да? Ну ладно, я надеюсь, что все будет в порядке. Только верни мне ключи. — А затем он сказал абсурдную, но трогательную вещь:

— Понимаешь, это все, что у меня осталось от Уилла.

Наконец я сделал последний звонок — и услышал сонный голос Ли.

— Что у тебя, Дэннис? — спросила она. Я рассказал ей, ожидая, что она назовет мне дюжину слабых мест в моем плане. Однако когда я закончил, она просто проговорила:

— А если это не сработает?

— Все будет зависеть от нас с тобой. Ли, — сказал я. — Я бы не вмешивал тебя в это дело, если бы смог. Но Лебэй заподозрит западню, поэтому нужна надежная приманка.

— Я бы не позволила тебе обойтись без меня, — твердо произнесла она. — Это ведь и мое дело. Я любила его. А когда ты начинаешь кого-нибудь любить... я не думаю, что ты когда-нибудь сможешь полностью расстаться со своим чувством. Ты меня понимаешь, Дэннис?

Я вспомнил все прошедшие года. Летние месяцы, когда мы плавали, читали или играли: монополию, солдатиков, шашки. Муравьиные города. Случаи, когда я спасал его от тех, кто не любил чужаков, — от тех, кто всеми силами старался извести этого странноватого долговязого чужака.

Иной раз мне и самому крепко доставалось за мое донкихотство. Но ничего не могло быть лучше тех прошедших лет. Мне тогда нужен был Эрни, а я был нужен ему. Теперь это было очень горько вспоминать.

— Понимаю, — сказал я, и внезапно моя рука потянулась к глазам. — Я думаю, ты никогда не расстанешься с ним. Я тоже любил его. И может быть, для него еще не все кончено. — Вот о чем мне нужно было молиться: «О Господи, сделай так, чтобы я не дал Эрни умереть во второй раз. В этот последний раз».

— Я не его ненавижу, — тихо сказала она. — Не его, а этого человека, Лебэя... мы и в самом деле видели его сегодня, да, Дэннис? Тогда, в машине?

— Да, — ответил я. — Его.

— Но ведь все обойдется, да? Я люблю тебя, Дэннис.

— Я тоже тебя люблю.

Как оказалось, все закончилось на следующий день — в пятницу, девятнадцатого января.

48. Эрни

Он стал притирать меня к краю шоссе,

и я прокричал ему: «Ты начал первый!

Ты мог бы ехать по своей полосе,

но если не хочешь беречь мои нервы,

То в салочки мы поиграем сейчас.

Учти, что нас трое и смерть среди нас».

Тот безумно длинный день я начал с того, что заехал к Джимми Сайксу и взял у него ключи от гаража. Затем поехал к средней школе Либертивилла, свернул на дорожку, ведущую к школьной автостоянке, и припарковал свой «дастер» в первом ряду. Я знал, что Эрни обычно ставил Кристину в заднем ряду машин, и хотел встретиться с Лебэем на улице. Без Кристины он казался мне несколько более уязвимым.

Я слушал радио и смотрел на футбольное поле. Я не мог поверить, что когда-то мы с Эрни обменивались сэндвичами на этих занесенных снегом трибунах. И не мог поверить, что сам выходил на это поле, облаченный в щитки, поверх которых была надета широкая майка, в спортивные трусы и пластиковый шлем, и был бесконечно уверен в своих физических возможностях... если не в собственном бессмертии.

Если когда-либо у меня были такие чувства, то теперь я не замечал их в себе.

У меня в груди гулко стучало сердце, руки отвратительно подрагивали. У меня появилась трусливая мыслишка, что Эрни может сегодня попросту не приехать. А затем я увидел знакомый красно-белый кузов Кристины, свернувшей с дорожки и припарковавшейся на школьной стоянке. За рулем был Эрни, на нем была школьная куртка. Он не заметил меня и вышел из машины.

«Оставайся на месте, он пройдет мимо, — жарко прошептали все те же трусливые, малодушные мысли. — Он пройдет мимо, как все остальные, и не увидит тебя».

Вместо этого я открыл дверцу и вытащил наружу свои костыли. Затем перенес на них тяжесть своего тела и выпрямился. Из главного здания донесся первый звонок — Эрни опаздывал в школу. Раньше моя мама говорила, что он страдал чрезмерной пунктуальностью. Может быть, Лебэй не отличался ею.

Он приближался ко мне, держа книги под мышкой и глядя себе под ноги. Затем он поднял голову и увидел меня.

Его глаза расширились, и он автоматически повернулся вполоборота к Кристине.

— Что, за рулем уютнее? — спросил я. Он снова повернулся ко мне. Рот немного искривился — как будто на язык попало что-то невкусное.

— Как твои культяшки, Дэннис? — спросил он. Джордж Лебэй намекал, что его брат умел находить у людей их больные места.

Я сделал два шага на костылях и несколько приблизился к нему. Он улыбался опущенными вниз уголками губ.

— Тебе нравилось, когда Реппертон называл тебя Прыщавой Рожей? — спросил я. — Тебе это нравилось настолько, что ты решил применять его манеры к другим людям?

Мои слова что-то в нем задели — может быть, задели что-то в его глазах, — но на губах осталась все та же усмешка. Мне становилось холодно. Я не надел перчаток, и руки, сжавшие перекладыны костылей, постепенно начали цепенеть. Мы оба выдыхали белый пар, быстро растворявшийся в морозном воздухе.

— Ты помнишь, как в пятом классе Томми Денинджер называл тебя Жабой? — повысив голос, еще раз спросил я. Злоба не входила в мои планы, но я не мог сдержаться. — Тебе это нравилось? А помнишь ли, как Лэд Смит гнался за тобой по улице и я встал на его дороге, чтобы спасти тебя? Ты ведь там был, Эрни. Этот парень, Лебэй, пришел гораздо позже. Раньше нас было только двое. И вновь попадание. Четверть оборота в сторону Кристины — вот кого ему не хватает.

— Вот кого тебе не хватает, да? — продолжал я. — Парень, ты без нее тоже, как без костылей.

— Не знаю, о чем ты тут болтаешь, — хрипло проговорил он. — Ты похитил мою девушку. Это главное. Ты все делал за моей спиной... Ты говнюк, такой же, как все. — Теперь он смотрел на меня, его глаза пылали яростью. — Я думал, что могу доверять тебе, а оказалось, что ты хуже, чем Реппертон, — хуже, чем все остальные. — Он шагнул ко мне и, начиная свирепеть, выкрикнул:

— Ты похитил ее, говнюк!

— Нельзя похитить то, от чего ты сам отказался, — сказал я.

— О чем ты болтаешь?!

— Я болтаю о том вечере, когда она задыхалась в твоей машине. О том вечере, когда Кристина пыталась убить ее. О том вечере, когда ты назвал ее сукой и велел убираться куда подальше.

— Этого никогда не было. Ты лжешь! Проклятый лжец!

— С кем я разговариваю? — спросил я.

— Не важно! — Его серые глаза казались огромными за стеклами очков. — Не важно, с кем ты болтаешь! Ты говнюк, ты дерьмовый говнюк и лгун. Это грязная ложь! Ничего другого я и не ожидал от такого вонючего лгуна, как ты!

Еще один шаг навстречу. Его бледное лицо медленно покрывалось багровыми пятнами.

— Эрни, ты разучился расписываться своим прежним почерком.

— Заткнись, Дэннис.

— Твой отец говорит, что в доме ты как чужой.

— Парень, я предупреждаю тебя.

— Излишний труд, — сказал я. — Я и так знаю, что должно произойти. И Ли тоже знает. То же самое, что произошло с Бадди Реппертоном, Уиллом Дарнеллом и остальными. Ведь ты уже не Эрни. Ведь ты — Лебэй? Ну, так покажись, дай я взгляну на тебя. Я тебя уже видел. Я видел тебя в новогоднюю ночь и вчера, рядом с кафе. Я знаю, что ты здесь, к чему же ты прячешься?

И он показался... но только лицо Эрни не совсем исчезло, и это было ужаснее всех черепов и страхов, которыми полны детские комиксы. Лицо Эрни изменилось. Сначала на губах расцвела глумливая ухмылка. Все остальное появилось с последовательностью, которую я ожидал. Наконец я увидел Ролланда Лебэя таким, каким его видел маленький Джордж.

Я помню о нем только одну вещь, но помню ее очень хорошо. Его злобу. Его постоянную злобу. Он приближался ко мне.

У меня было время только на то, чтобы подумать о широком шраме на локте Джорджа Лебэя. Он оттолкнул меня, а потом вернулся и швырнул на ограду. Я почти слышал тот крик четырнадцатилетнего Ролланда: «Не путайся у меня под ногами, сопляк! Слышишь, не стой на моей дороге!»

Я видел перед собой Лебэя — человека, который никогда не отступал от своего. Задумайтесь: он никогда ни перед чем не отступал.

— Победи его, Эрни, — сказал я. — Слишком долго ему уступали. Победи, убей его, заставь вы...

Он взмахнул ногой и выбил из-под меня правый костыль. Я сделал усилие, удержался... и тогда он выбил левый костыль. Я упал на утоптаный снег. Он сделал еще один шаг и встал надо мной. Его лицо было твердым и чужим.

— Скоро ты получишь то, чего хочешь, — равнодушно произнес он.

— Эрни, — выдохнул я, — ты помнишь муравьиные города? Эрни, ты меня слышишь? Этот вонючий ублюдок никогда не строил муравьиных городов. У него за всю его поганую жизнь не было ни одного друга.

И вдруг его спокойствие оказалось потревоженным. Его лицо — оно замутилось. Не знаю, каким еще словом можно передать то, что я увидел. Лебэй не сразу исчез. Он рассвирепел, почувствовав какое-то внутреннее сопротивление. Затем появился Эрни — обессиленный, пристыженный, но больше того — отчаянно несчастный. Затем его вновь сменил Лебэй, занесший ногу для удара по моей не защищенной ничем голове. Затем опять был Эрни, мой друг Эрни, одной рукой отбросивший волосы со лба, как он обычно делал в минуту смущения, и это Эрни говорил:

— Ох, Дэннис... Дэннис... прости... я так виноват.

— Слишком поздно извиняться, друг, — сказал я. Медленно, с большим трудом я поднялся и вновь встал на костыли. Эрни ни одним движением не пытался помочь мне, он стоял спиной к машине и смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

— Дэннис, я не могу помешать ему, — прошептал он. — Иногда я чувствую себя так, будто меня даже нет совсем. Помоги мне, Дэннис. Помоги мне.

— Лебэй там? — спросил я.

— Он всегда здесь, — простонал Эрни. — О Боже, всегда! Кроме...

— Машина?

— Когда Кристина... когда она ездит, он в ней. Это время, когда он... он...

Эрни замолчал. Его голова упала на грудь, свесившаяся челка закрыла лоб и лицо. А потом он начал кричать тонким голосом, колотя кулаками по стоявшей сзади машине:

— Уходи! Уходи! Уходи-и-и-и-и!

Его тело забилося в судороге, но он все еще стоял на ногах.

Я подумал, что он сейчас победит этого старого поганого сукиного сына. Но когда он поднял голову,

то на меня посмотрел Лебэй.

— Послушайся своего друга, мальчик, — сказал он. — Уходи и не мешай мне. Может быть, я не трону тебя.

— Приходи сегодня вечером в гараж Дарнелла, — хрипло проговорил я. У меня в горле было сухо, как в пустыне. — Мы поиграем. Я приведу Ли. Ты приведешь Кристину.

— Я сам выберу время и место, — сказал Лебэй и ухмыльнулся губами Эрни Каннингейма. — Ты не будешь знать, когда и где. Но когда придет время... тогда ты все узнаешь.

— И все-таки подумай, — почти небрежно проговорил я. — Приходи вечером в гараж, или я и она завтра все расскажем.

Он снисходительно засмеялся:

— И где вы после этого окажетесь? В психушке?

— О, сначала нас никто не будет воспринимать настолько серьезно, — сказал я. — Уверяю тебя, если в наши дни кто-нибудь будет говорить о демонах и призраках, то его не сажают тотчас же в сумасшедший дом. Ты отстал от времени. Сейчас очень многие верят в такие штуки.

Он все еще ухмылялся, но глаза с подозрением прищурились. Мне даже показалось, что в них промелькнула искорка страха.

— А главное, ты не знаешь, сколько людей подозревают, что что-то происходит не так.

Его ухмылка медленно увяла. Конечно, он и сам понимал это. Но, возможно, не мог остановиться: убийства стали его привычкой.

— Ведь ты никуда не можешь деться от машины, — добавил я. — Ты знал это и поэтому с самого начала планировал использовать Эрни — хотя слово «планировал», разумеется, к тебе не подходит, потому что ты никогда ничего не планировал. Разве я не прав? Ведь ты просто следовал своей интуиции.

Он как-то неопределенно хмыкнул и повернулся, намереваясь уйти.

— Тебе и вправду нужно хорошенько подумать. — крикнул я ему. — Отец Эрни о многом догадывается. Мой тоже. Я полагаю, где-нибудь должен быть полицейский, который сейчас интересуется обстоятельствами гибели Дженкинса. И все это ведет к Кристине, к Кристине и еще раз к Кристине. Рано или поздно она попадет под пресс на заднем дворе гаража Дарнелла.

Он вновь повернулся ко мне, в его глазах я прочитал смешанное выражение ненависти и страха.

— Мы будем говорить, и сначала над нами будут смеяться. Но у меня есть два гипсовых слепка, подписанных рукой Эрни. Одна подпись сделана твоим почерком. Я отнесу их в полицию, и там их отдадут в криминалистическую лабораторию. За Эрни начнется слежка. За Кристиной тоже. Ты хочешь, чтобы тебя снимали на киноплёнку?

— Сынок, ты можешь не беспокоиться обо мне. Но его глаза говорили нечто другое. Он явно был задет.

— Все так и будет, — сказал я. — Люди только внешне рассудительны и рациональны. Они бросают соль через левое плечо, не ходят под лестницей и верят в жизнь после смерти. Раньше или позже — скорее раньше, чем позже — кто-нибудь превратит твою машину в изувеченную консервную банку. Может быть, это сделает какой-нибудь фанатик, но тебе от этого не будет легче. Могу поклясться, что ты исчезнешь вместе с ней.

— Только после тебя, — произнес он.

— Сегодня вечером мы будем в гараже, — сказал я. — Если ты уверен в себе, то справишься с нами. Ты не много выиграешь, но получишь время для передышки... и для того, чтобы уехать из города. Но я не особенно верю в твою удачу. Дело зашло слишком далеко. Мы избавимся от тебя. Я проковылял к «дастеру» и сел в него. По пути я несколько раз споткнулся и, думаю, произвел на него то впечатление, которого добивался. Он был взбешен и видел мою уязвимость. Но оставалось сделать еще одну вещь.

Я захлопнул дверцу машины и, улыбнувшись, посмотрел ему в глаза.

— Она великолепна в постели, — проговорил я. — Но я рад, что ты никогда этого не узнаешь. Взревев от ярости, он бросился ко мне. Я поднял стекло и нажал на защелку двери. Затем не спеша завел двигатель. Он колотил руками по окнам. Его лицо было и безобразно, и ужасно. Эрни исчез совершенно. Охватившая меня печаль была глубже всех страхов и слез, но я сохранил на губах прежнюю оскорбительную усмешку. Затем я медленно поднял кулак с вытянутым вверх средним пальцем.

— Ты козел, Лебэй, — сказал я и, вырвав со стоянки, оставил его в том состоянии бешеной ярости, о котором говорил его брат.

49. Петуния

Что-то теплое попало мне в глаза,

Но в ту ночь я отыскал свою милашку
и поцеловал ее в последний раз...

Я проехал больше четырех кварталов, а потом был вынужден остановить машину. Меня трясло от озноба. Не помогал даже включенный обогреватель. Вместе с судорожными выдохами из горла вырывались всхлипы. Я растирал себя кулаками, но мне казалось, что я уже никогда не согреюсь. Это лицо, это ужасное лицо, и Эрни был заживо похоронен где-то под ним. «Он всегда здесь, — сказал Эрни. — Кроме...» Кроме каких случаев? Конечно, кроме тех случаев, когда Кристина ездила сама. Лебэй не мог быть сразу в двух местах. Это было выше его возможностей.

Когда я снова был в состоянии нажимать на педали и крутить баранку, то взглянул в зеркало и увидел слезы на своих щеках. Я даже не знал, что плакал.

Без четверти десять я подъехал к дому Джонни Помбертона. Джонни оказался широкоплечим малым в меховой телогрейке и зеленых резиновых сапогах. Его старая замусоленная шляпа чуть не свалилась с затылка, когда ее владелец посмотрел на серое небо.

— По радио обещали сильный снегопад. Я не был уверен, что ты приедешь, парень, но на всякий случай пригнал ее сюда. Как она тебе нравится?

Рядом с небольшим деревянным домом Джонни Помбертона она выглядела, как самый диковинный агрегат из всех виденных мною в жизни. Слабый, не очень приятный запах исходил из того места, где она стояла.

Когда-то давно, в начале своей карьеры, она была землеснарядом или чем-то в таком роде. Теперь в ней было всего понемногу. Единственная определенная вещь касалась ее размеров: она была очень велика. Верх передней решетки находился на уровне головы высокого мужчины. Кабина на ней выглядела, как скворечник. Со своими сдвоенными огромными колесами она могла сойти за тягач и одновременно за цистерну для топлива.

Да, она могла бы сойти за тягач и за цистерну — если бы не розовый цвет, в который она была

покрашена. На боку красовалась надпись, выведенная готическими буквами: ПЕТУНИЯ.

— Не знаю, что и подумать, — сказал я. — Что это?

Помбертон закурил «Кэмэл» и небрежно бросил:

— Гавночерпалка.

— Что?

Он усмехнулся:

— Вместительностью двадцать тысяч галлонов. — пояснил он. — Просто потрясающая штукавина, эта «Петуния».

— Не понимаю. — Но я начал кое-что понимать. Эрни — прежний Эрни — оценил бы эту чудовищную иронию судьбы.

По телефону я просил Помбертона сдать в аренду один из его тракторов. Однако все они были заняты на стройках — два в Либертивилле и два в Филли. У него был еще грейдер, но тот как раз вышел из строя во время расчистки рождественских заносов. Джонни сказал, что после закрытия гаража Дарнелла техника стала пользоваться огромным спросом.

«Петуния» действительно была цистерной. Ее работа заключалась в выкачивании содержимого из городской канализационной системы.

— Сколько же она весит? — спросил я. Он отшвырнул сигарету.

— Порожняя или с дерьмом?

Я сглотнул:

— А какая она сейчас?

Он откинул голову назад и громко захохотал:

— Неужели ты думаешь, что я сдаю в аренду груженные цистерны?

Он еще раз захохотал.

— Нет — она сухая и высокобленная чуть ли не до блеска. Конечно, аромат все равно остается.

Чувствуешь?

Я повел носом. Да, я чувствовал ее аромат.

— Могло быть и хуже, — сказал я.

— Конечно, — согласился Джонни. — Первоначально «Петуния» весила больше, но сейчас ее регистрационный вес составляет восемнадцать тысяч фунтов. Ее вес пришлось уменьшить из-за ограничений на дорогах. У нее пять скоростей, а с двухскоростным переключателем — все десять... если ты умеешь работать со сцеплением.

Он бросил сомнительный взгляд на мои костыли и закурил новую сигарету.

— Ты можешь нажимать на сцепление?

— Конечно, — сказал я, сделав непроницаемое лицо. — Если педали не очень жесткие. — Но на сколько меня хватит — этого я не знал.

— Ну, не буду лезть не в свое дело. — Он посмотрел на меня лучезарными глазами. — Думаю, девяносто баксов у тебя с собой? Это за один день.

Я протянул деньги.

— Могу я оставить ее здесь? До вечера.

— Конечно, — проговорил Помбертон. — Только отдай ключи на тот случай, если мне самому нужно будет отгонять ее в гараж.

Я проковылял к «Петунии». У меня не было сомнений в том, что она остановит Кристину... если та на самом деле приедет в гараж Дарнелла и если я смогу управлять этой проклятой цистерной. Еще ни разу в жизни я не садился за руль такого громадного агрегата, хотя на стройке у Брэда Джеффриса мне приходилось садиться за рычаги бульдозера.

Зажав костыли под мышкой, я взялся правой рукой за ручку двери и взобрался в кабину. На это у меня ушло несколько минут — я берег левую ногу для педали сцепления. Ключи были в замке зажигания. Я захлопнул дверь и нажал на педаль. Боль была вполне выносимой. Двигатель взревел оглушительно.

Помбертон подошел к кабине.

— Немного шумновата, да? — проорал он.

— Конечно! — прокричал я.

— Знаешь, — заорал он. — Я могу побиться об заклад, что у тебя нет водительских прав на такую машину.

Я усмехнулся:

— Ты их не проверял, потому что у меня был вид человека, которому можно доверять.

Он кивнул:

— Конечно.

Я сбавил обороты.

— Ты не возражаешь, если я спрошу, зачем тебе нужна эта цистерна? Понимаю — не мое дело...

— Для того, чтобы применить ее по назначению.

— Извиняюсь?

— Мне нужно избавиться от кое-какого дерьма.

— О Боже! — проговорила Ли, уставившись на розовый корпус «Петунии». Мой ассенизационный агрегат громоздился на автостоянке, окруженный «шевроле» и «фольксвагенами». — Что это?

— Механизм против какашек, — невозмутимо произнес я.

Она в замешательстве посмотрела на меня... а затем разразилась истерическим смехом. Это меня не огорчило. Ли пришла на встречу со мной подавленной и испуганной: по телефону я рассказал ей об утреннем разговоре с Лебэем, и она даже обмолвилась двумя словами о нависшей беде, когда прощалась со своей мамой.

— Знаю, что все это выглядит смешным, — начал я.

— Главное, что она справится со своей работой. Если с ней вообще кто-нибудь может справиться.

Я кивнул:

— Мне тоже так думается.

— Ну, давай залезем в нее, — сказала она. — Я замерзла.

В кабине она фыркнула:

— Ну и амбре!

Я улыбнулся:

— Ничего, привыкнешь. — У меня болела нога; я уже выпил две таблетки анальгетиков, которыми запасся заранее.

— Дэннис, твоя нога будет в порядке?

— Ей придется быть в порядке, — сказал я и захлопнул дверь.

50. Кристина

...и он сказал: «Ради бога,
покупай машину.

Но смотри, куда едешь».

Мы остановились на пересечении Кеннеди-драйв и Кресцент-авеню. Ли помогла мне выбраться наружу и подала костыли. Я проковылял к телефонной будке. За ее стеклом Петунья казалась каким-то странным розовым динозавром, застывшим посреди снегопада.

Я позвонил в университет и попросил соединить меня с кабинетом Майкла Каннингейма. Он снял трубку после второго звонка.

— Дэннис! Я пытался застать тебя дома! Твоя мама сказала...

— Куда он поедет? — У меня задрожали ноги. Внезапно у меня появилось чувство реальности всего происходящего.

— Откуда ты знаешь, что он собирается уехать? Ты должен рассказать мне...

— Майкл, у меня нет времени, и я не смогу ответить на все вопросы. Куда он поедет?

Он медленно проговорил:

— Сразу после школы он вместе с Региной собирается поехать в колледж. Эрни позвонил ей утром и попросил отвезти его. Он сказал... — Майкл помолчал. — Он сказал, что вдруг понял, как ему необходимо поступить в колледж этим летом. По его словам, он испугался, что упустит время для подготовки. Он решил подать заявление на отделение истории и философии.

В будке было холодно. У меня начали цепенеть руки. «Как хорошо ты все подготовил, Эрни, — подумал я. — Как-никак, шахматист». Мне стало жаль Регину, которой, как оказалось, можно было управлять, увы, это было не труднее, чем управлять марионеткой: нужно было только знать, за какие ниточки дергать.

— Вы считаете, что все так и есть? — спросил я.

— Конечно, нет! — взорвался он. — Она бы тоже так не считала, если бы задумалась хоть на минуту. По сегодняшним правилам приема в колледж его никто не станет слушать вплоть до июля. Он говорит так, будто мы живем в пятидесятые, а не в семидесятые годы.

— Когда они поедут?

— Она заедет за ним в школу после шестого урока. Он получил разрешение пропустить последнее занятие.

Значит, они собирались покинуть Либертивилл через полтора часа. Поэтому я задал последний вопрос — хотя уже знал ответ на него:

— Если Регина заедет за ним, то он поедет не на Кристине?

— Нет, они поедут на «вольво». Регина обезумела от радости, Дэннис. Она не понимает, что поездка в колледж сейчас ничего не даст. Дэннис, что происходит? Скажи, прошу тебя.

— Завтра, — сказал я. — Обещаю. Но сейчас вы должны пообещать сделать кое-что для меня.

Может быть, не только для меня. Может быть, это также вопрос жизни и смерти для моей семьи, для Ли и для ее семьи. Вы...

— О Господи, — хрипло проговорил он. В его голосе что-то изменилось. — Он уезжал каждый раз

— кроме того раза, когда погиб Уэлч... Регина сказала, что он спал... но я ей не верю... Дэннис, кто управляет этой машиной? Кто использует ее для того, чтобы убивать людей, когда Эрни не бывает в

городе?

Я был готов рассказать ему, но ответ породил бы новые расспросы, а у меня болела нога, и в будке было очень холодно. И все равно он вряд ли поверил бы мне.

— Послушайте, Майкл, — произнес я, пытаюсь говорить непринужденно. Я чувствовал себя, как злодей мистер Роджерс из детского телесериала. Большая машина пришла из пятидесятих годов, чтобы съесть вас, ваших детей и знакомых... — Пожалуйста, позвоните моему отцу и отцу Ли. Пусть наши семьи соберутся в доме Кэйботов. — Немного подумав, я добавил:

— Может быть, вам тоже стоит присоединиться к ним, Майкл. Пожалуйста, ждите там, пока я и Ли не приедем или не позвоним. — Я быстро подсчитал в уме, сколько времени у Эрни было для надежного алиби. — Мы дадим знать о себе в четыре часа. До этого времени ни в коем случае не выходите из дома. Ни в коем случае.

— Дэннис, мне не совсем...

— Пожалуйста, — перебил я. — И опасайтесь Кристины.

— Они поедут из школы, — сказал Майкл. — Он сказал, что с машиной ничего не произойдет на школьной автостоянке.

Он понял, что это была ложь. После случившегося в аэропорту Эрни не мог быть уверен в сохранности Кристины на общественной стоянке.

— Так вот, — сказал я. — Если вы увидите в окне Кристину, то не выходите из дома, а звоните в полицию.

— Да, но...

— Сначала позвоните моему отцу. Обещайте мне.

— Обещаю... но, Дэннис...

— Спасибо, Майкл.

Я повесил трубку. Мои руки и ноги почти онемели от холода, а на лбу выступили капли пота. Осторожно передвигая костылями, я вышел из будки и добрался до «Петунии». В кабине было довольно тепло.

— Что он сказал? — спросила Ли. — Он обещал?

— Да, — ответил я. — Они будут вместе, я уверен. Если Кристина решит поохотиться сегодня вечером, то она выберет нас.

— Хорошо, — сказала она.

Я нажал на рычаг переключения скоростей. Сцена была подготовлена. Оставалось ждать и смотреть, что произойдет дальше.

Перед въездом в гараж лежал чистый, нетронутый ничьими следами снег. На стене из рифленого железа были те же самые надписи, что встретили нас с Эрни, когда мы в первый раз привезли сюда Кристину, — ЭКОНОМЬ ДЕНЬГИ! ВАШИ РУКИ, НАШИ ИНСТРУМЕНТЫ! АРЕНДА СТОЯНКИ НА НЕДЕЛЮ, НА МЕСЯЦ, НА ГОД и СИГНАЛИТЬ ДЛЯ ВЪЕЗДА. Ниже висела новая табличка: ЗАКРЫТО. СЛЕДИТЕ ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯМИ. Неподалеку от ворот стоял старый полуразвалившийся «мустанг» выпуска шестидесятых годов. На нем белела пышная шапка снега. Ли взяла ключи и пошла открывать дверь. Я смотрел в зеркало заднего обзора и не видел никаких признаков того, что мы привлекали чье-нибудь внимание.

Внезапно Ли повернулась и приблизилась ко мне.

— Я открыла замок, но дверь не поддается, — сказала она. — Наверное, замерзла.

— Великолепно, — подумал я. — Просто чудесно: ни одного дела без непредвиденных сложностей. Я выбрался из кабины и с помощью Ли добрался до двери. Затем попробовал открыть дверь... она немного поддалась. Но только немного.

— Давай попробуем вместе, — сказал я. Ли взялась за дверную ручку, и мы потянули ее на себя. Внизу раздался слабый треск, но лед еще прочно удерживал дверь на прежнем месте.

— Ну еще чуть-чуть! — проговорил я. Моя левая нога болела, по лбу и щекам текли капли пота, — Я считаю до трех, и мы напрягаем все силы. Хорошо?

— Хорошо, — сказала она.

— Раз... два... три!

Дверь оторвалась ото льда и поднялась вверх по рельсам с убийственной легкостью. Она открылась, а я упал на спину, отбросив костыли в разные стороны. У меня потемнело в глазах от боли, пронзившей тело от левой ноги до обоих висков. Я стиснул зубы, но только лишь приглушил тревожный стон, вырвавшийся из горла. Ли уже держала меня за плечи, склонившись надо мной.

— Дэннис, ты в порядке?

— Помоги мне подняться.

Она подала мне костыли, и я с огромным трудом встал, опершись на них и на правую ногу. Левая была в агонии.

— Дэннис, ты не сможешь...

— Смогу. Должен смочь. Помоги мне, Ли.

— Ты бледен, как привидение. По-моему, тебе нужно вызвать врача.

— Нет. Помоги мне забраться обратно.

— Дэннис...

— Ли, помоги мне забраться в кабину! Дюйм за дюймом мы приблизились к «Петунии». Когда я наконец оказался за ее рулем, моя рубашка была мокрой от снега и пота. До того дня я не знал, что значит вспотеть от боли.

— Дэннис, я пойду и поищу телефон, а потом вызову врача. — У нее было бледное, испуганное лицо. — Ты снова сломал ее, да?

— Не знаю, — через силу ответил я. — Но не надо вызывать врача, Ли. Ты же сама знаешь. Лебэй не остановится. В нем прекрасно развито чувство мести. Мы тоже не можем остановиться.

— Но ты не сможешь управлять ею! — заорала она. В ее глазах появились слезы.

— Сходи в гараж, — попросил я, — и найди какую-нибудь метлу или какую-нибудь деревянную палку.

— Какой от нее будет толк? — сквозь слезы выдавила она.

— Принеси, и мы что-нибудь придумаем. Она направилась к двери и исчезла в ее черном проеме. Я держался за левую ногу, постепенно цепenea от боли и страха. Если кость была сломана на самом деле, то мне грозила возможность до конца своих дней ходить с протезом. Но даже эта возможность была невелика, учитывая вероятность предстоящей встречи с Кристиной. Подобная мысль в какой-то степени утешала меня. Ли вернулась, держа в одной руке метлу.

— Подойдет? — спросила она.

— Сойдет, чтобы заехать в гараж, — сказал я. — Там поищем что-нибудь получше.

Я взял метлу — еще один проклятый костыль! — и уперся ее ручкой в педаль сцепления. Метла соскочила, я чуть не выбил себе зубы. Осторожно! Но она должна была заменить мою ногу.

— Ладно, поехали, — сказал я.

— Дэннис, ты уверен в себе?

— Уверен.

Она пристально посмотрела на меня, а потом кивнула:

— О'кей.

Она вновь скрылась в темноте. Я захлопнул дверь и, не выпуская из левой руки метлы, упирившейся в педаль сцепления, зарулил в гараж. Цистерна, предназначенная для очистки городской канализации, медленно въехала на бетонный пол и остановилась. Вокруг было пусто. В полумраке виднелись пять или шесть машин, таких старых, что никто не стал забирать их.

Я выключил двигатель и сказал:

— Ли, мне нужно что-нибудь более удобное, чем метла. Поищи, пожалуйста, какой-нибудь рычаг или палку с широким концом.

Она молча направилась к офису Уилла. Свет, падавший из окон, был очень слабым, и я не видел, как Ли поднималась по лестнице, но слышал ее шаги. В пустом помещении все звуки были гулкими.

Вскоре Ли вернулась. У нее в руке была швабра без тряпки.

— Это лучше? — спросила она.

— Само совершенство, — ответил я. — Залезай ко мне, детка. Давай опробуем твою находку.

Она залезла в кабину. Я снова завел двигатель и нажал широким концом швабры на педаль сцепления.

— Гораздо лучше, — сказал я. Через несколько минут «Петунья» стояла почти возле самой лестницы, ведущей в офис Дарнелла.

— Ну, вот мы и заняли исходную позицию. Теперь тебе предстоит разбить фотоэлемент над выходом из гаража. Кристина въедет внутрь, и ты закроешь дверь. Кристина окажется в ловушке. Ты будешь стоять у стены, а когда Лебэй проедет мимо — нажми на кнопку опускания двери и выбегай на улицу.

— Мне не нравится твой план, — сказала она. — Я не хочу оставлять тебя одного.

— У меня надежная защита. Если бы не... — Я провел рукой по онемевшей левой ноге. Джинсы на ней были натянуты туго, без единой складки. Нога распухла. Боль была меньше, но я уже израсходовал весь запас таблеток.

— Я боюсь за тебя, Дэннис.

— Ничего, все обойдется. От Кристины останутся только мелкие составные части.

— Надеюсь, так все и произойдет, — сказала она и положила голову мне на плечо. Я прикоснулся к ее волосам.

Мы настроились на долгое ожидание.

Я мысленно представлял, как Эрни выходит из главного здания школы, держа книги под мышкой. Регина встречает его в «вольво». Регина сияет от счастья. Эрни рассеянно улыбается и позволяет обнять себя. «Эрни, ты принял правильное решение... ты не знаешь, как мы с папой радуемся за тебя. Хочешь сесть за руль, сынок? Нет, мама. Веди машину сама, так будет лучше».

И они уезжают в колледж. Идет снег. Эрни сидит неподвижно, он бледен. Он отстраненно наблюдает

за дорогой.

А позади остается Кристина. Она стоит на школьной автостоянке. Она ждет густого снегопада. Ждет темноты.

Приблизительно в половине четвертого Ли пошла в ванную комнату, находившуюся в офисе Дарнелла. Вскоре после ее ухода я перестал следить за временем. На меня нашло какое-то сонное полужабытье, — вероятно, сказывалось действие таблеток. Свет, падавший из окон, постепенно померк, и все вокруг незаметно стало погружаться в темноту.

Помню, что я и Ли занимались любовью... но не обычным способом, который был невозможен из-за моей ноги, а одной из разновидностей любовной ласки. Кажется, я помню, как она тяжело дышала и шептала мне на ухо, что боится потерять меня и что не сможет пережить новой потери. Кажется, я помню мгновение полного наслаждения, которое заставило меня ненадолго забыть про боль. Оно было слишком коротким, это мгновение. Кажется, потом я задремал.

Затем Ли встряхнула меня за плечо и прошептала на ухо мое имя.

— А? Что? — Я вновь ощутил тупую боль в левой ноге.

— Уже темно, — сказала она. — По-моему, я что-то слышала.

Я взглянул на нее и увидел, что она была испугана. И еще увидел, что входная дверь была открыта.

— Что за черт? Почему она...

— Это я открыла.

— Дьявол! — Я немного подвинулся и сразу сморщился от боли. — Ли, ты поступила не слишком умно. Если она приезжала...

— Она не приезжала, — сказала Ли. — Начало темнеть, и я решила убедиться в том, что уже настал вечер. По окнам трудно судить. Стемнело полчаса назад. А сейчас... мне показалось, что я услышала...

У нее задрожали губы, и она плотно сжала их. Я взглянул на часы: было четверть шестого.

— Наверное, ты слышала ветер, — предположил я.

— Может быть. Но...

Я неохотно кивнул. Мне не хотелось, чтобы она выходила из безопасной кабины «Петунии». Но я подумал, что если Кристина приедет, а дверь будет открыта, то наша ловушка сегодня не сработает.

— О'кей, — проговорил я. — Но помни... стой в нише справа от двери. Когда она проедет мимо тебя, не пугайся. Впусти ее. А потом нажимай на кнопку и выбегай наружу.

— Да, — прошептала она. — Дэннис, у нас ничего не сорвется?

— Не сорвется. Если она приедет.

— Ну ладно.

Она выбралась из «Петунии».

Я часто вижу во сне, как она выбирается из «Петунии» и идет к выходу из гаража. Ее движения ужасающе медлительны. Медлительны и изящны — мой сон замедлен, точно его со слишком большой скоростью снимали на киноплёнку. Я вижу, как Ли мягко ступает по цементному полу, как на ходу плавно развевается ее легкая парка. Она движется с грациозностью дикого зверя, чующего опасность. Я хочу крикнуть ей через лобовое стекло «Петунии»:

— Вернись, Ли! Вернись, ты была права, ты что-то слышала! Она стоит снаружи, она ждет тебя с погашенными огнями, она готовила для нас ловушку, пока мы готовили ловушку для нее! Ли,

вернись!

Вдруг она остановилась, и это был тот самый момент, когда в широком дверном проеме внезапно вспыхнули белые яркие круги света. Они были похожи на неожиданно открывшиеся глаза.

Ли находилась в тридцати футах от двери, немного справа от нее. Ли резко повернулась к передним фарам машины, и я успел разглядеть напряженное выражение ее лица.

Затем лучи передних фар помчались вперед, и за ними я увидел темный, прижатый к земле корпус Кристины, ринувшейся на свою добычу. С крыши Кристины срывались большие комья снега, насыпавшегося на улице, где она дожидалась нас в засаде — может быть, она ждала нас с того времени, когда еще не стемнело. Яростно взвыл восьмицилиндровый двигатель.

— Ли! — заорал я и включил зажигание «Петунии».

Ли бросилась вправо и нажала на кнопку опускания двери. Кристина взяла влево, нацелившись на Ли. На выступе стены взметнулось большое облако сухих щепок и деревянных обломков. Раздался пронзительный металлический скрежет, и одна сторона переднего бампера машины перекосилась. Высекая снопы искр из бетонного пола, Кристина промчалась мимо Ли. Она не задела своей жертвы, но на обратном пути не могла промахнуться.

«Петуния» взревела двигателем, я нажал кнопку включения передних фар. Они зажглись и осветили Ли, замершую рядом с закрытой дверью. Моя память с циничной аккуратностью запечатлела девушку и кровь на ее щеке.

Покрышки «фурии» яростно взвизгнули, и она помчалась прямо на Ли. На бетонном полу задымилась черные полосы, оставшиеся позади машины. Я заметил, что в ее кабине были люди: полный салон людей.

Внезапно Ли высоко подпрыгнула, точно собиралась вскочить на крышу стремительно надвигавшейся на нее машины. Однако вместо этого она обеими руками ухватила за край железной полки, находившейся в трех футах под ее головой, и в следующее мгновение подтянула ноги к животу. Морда Кристины врезалась в стену как раз под ней. Если бы Ли хоть на долю секунды замешкалась, то ее ноги от ступней до колен были бы превращены в кровавое месиво. Разлетелись куски хрома. С полки упала единственная лежавшая там шина. Она шлепнулась на бетон, как огромный пончик.

Голова Ли ударилась о стену, а Кристина дала задний ход, оставив на полу черные отпечатки всех четырех колес.

Все это время я изо всех сил нажимал то на сцепление, то на акселератор «Петунии».

Ли все еще держалась руками за край полки, но уже просто висела, опустив ноги. Ее голова поникла. Я нажимал левой рукой на швабру, повторяя про себя, как заклинание: «Спокойствие парень — если эта махина заглохнет, то девушка погибла. Спокойно! Спокойно!»

От удара, нанесенного бампером «Петунии», Крестину развернуло. Одна из ее покрышек вместе с камерой слетела с обода колеса. «Фурию» повело в сторону. Она врезалась в какой-то старый автомобиль, оказавшийся на ее пути. Весь ее левый бок вдавился внутрь, но она все еще была на ходу.

Я нажал правой ногой на педаль тормоза, чтобы самому не наехать на Ли, до которой было уже не так далеко. Двигатель «Петунии» заглох. Теперь в гараже раздавался лишь яростный вой Кристины. «Ли! — Я пытался перекричать его. — Ли, беги сюда!»

Ли посмотрела на меня, как пьяная, и я увидел в ее волосах косички липкой крови. Она выпустила край полки, приземлилась на обе ноги, а потом, покачнувшись, упала на одно колено.

Кристина приближалась. Ли поднялась и неуверенными шагами побежала к ближнему боку «Петунии». «Фурия» ударила в другой бок. Меня отбросило влево, и я чуть не потерял сознание от боли в левой ноге.

Ли стояла, держась обеими руками за затылок. Кристина дала задний ход, обогнула «Петунию» и устремилась вперед. В последний момент Ли сумела отодвинуться. «Фурия» на всем ходу врезалась в стену, и ее пассажирская дверца открылась. Меня охватил ужас, заставивший судорожно прикрыть правой рукой рот. Из-под ладони вырвался вопль.

На правом переднем сиденье был Майкл Каннингейм. Он напоминал большую тряпичную куклу. Его голова нагнулась вперед — это Кристина дала задний ход. На лице Майкла я увидел яркие багровые пятна. Он не послушался моего совета и после работы пошел домой, где его поджидал «плимут» 1958 года, починенный его сыном.

Я не знал, как Майкл Каннингейм оказался в машине, и у меня не было времени на раздумья. Ли угрожала смертельная опасность.

Она тоже видела Кристину. Ее габаритные огни и сдвоенные выхлопные трубы, из которых вырвался едкий темно-серый дым.

Ли повернулась и побежала к офису Уилла Дарнелла, оставляя на полу крупные капли крови. На спине ее парки виднелась красная вертикальная полоса.

Кристина описала полукруг и застыла перед смертоносным рывком. Ее разбитый капот был нацелен в сторону убегавшей Ли. Может быть, Лебэй предвкушал момент убийства. Если это так, то я благодарен ему за то, что у меня появились лишние несколько секунд. Я снова повернул ключ зажигания — и двигатель «Петунии» сразу заработал. Отпустив сцепление, я нажал на акселератор. Кристина уже набирала скорость. На этот раз «Петуния» ударила ее в правый бок. «Фурия» врезалась в стену. Посыпалось стекло. Взыл мотор.

«Петуния» снова заглохла.

Изрыгая все проклятия, которые были мне известны, я опять повернул ключ. Если бы не нога, я бы уже разбил Кристину на мелкие кусочки.

Но пока я возился с зажиганием, Кристина дала задний ход и, издавая режущий ухо металлический скрежет протиснулась между стеной и корпусом «Петунии». Отъезжая к дальнему концу гаража, она все еще была сплющена вдоль; передний бампер волочился по полу, оба правых колеса были спущены.

Я слышал радио. Рики Нельсон пел «Ожидая тебя в школе».

Я посмотрел в противоположную сторону и увидел Ли, поднимающуюся по невысокой лестнице в офис Дарнелла.

Кристина остановилась и начала набирать скорость.

Когда она, все еще разгоняясь, промчалась мимо меня, я успел заметить, что на ее кузове не было ни одного дефекта, так же как и на колесах.

«Она выглядит как новая, — подумал я. — Боже, помоги нам».

Ли испуганно рванулась вперед и упала, споткнувшись о порог открытой двери. Кристина с грохотом подскочила на ступеньках и левым крылом ударилась в стену. Снова раздался треск,

скрежет и звон. Вместе с осколками ветрового стекла из машины вылетело тело Майкла Каннингейма. Оно тяжело упало на пол офиса, где лежала Ли.

Ли завопила от ужаса. Она вскочила на ноги и бросилась к окну.

— Ли, нет! — изо всех сил заорал я и вдавил швабру в педаль сцепления.

Кристина съехала с лестницы и понеслась назад, размывая по полу антифриз и масло.

Ли снова появилась в полуразрушенном дверном проеме.

Кристина рванулась вперед. Ее искореженный капот был снова нацелен на Ли.

Двигатель «Петунии» ревел на полную мощность, когда ее бампер смял в лепешку левое переднее крыло Кристины. «Фурию» отбросило, и она еще раз врезалась в стену. От удара у нее перекошилось колесо, но, натужно взыв, она медленно поползла вперед, — ползла, как зверь, лапы которого переломаны капканом.

Я в первый и в последний раз услышал голос Лебэя, прокричавшего в бессильной злобе и ярости:

«Ты, ГОВНЮК! Ненавижу тебя, жалкий ГОВНЮК! ОСТАВЬ МЕНЯ!»

«Тебе следовало оставить в покое моего друга». — пытался я прокричать в ответ, но из горла вырвался только сдавленный стон.

Почти теряя сознание от боли, я вновь направил «Петунию» на изувеченный красно-белый корпус «фурии». Удар пришелся как раз по ее бензобаку. Меня ослепила вспышка желтого пламени. Я закрыл глаза обеими руками, а когда отнял их от лица, то огня уже не было. Кристина стояла неподвижно. Ее двигатель был мертв.

Я взглянул вниз, но некоторое время не видел ничего, кроме темноты, в которую меня погрузили.

Я пришел в себя минут через пятнадцать. Рядом со мной, на водительском сиденье «Петунии», была Ли. Она прикладывала к моему лицу мокрый носовой платок. Я схватил его рукой и попробовал выжать из него воду. У воды был привкус машинного масла. И я сплюнул.

— Дэннис, не волнуйся, — проговорила Ли. — Я сбегала на улицу... остановила какого-то прохожего... он вызовет врача... не волнуйся... Дэннис, все будет в порядке?

— Я очень хорошо выгляжу?

— Нет, — сказала она и разрыдалась.

— Тогда не задавай глупых вопросов, — я проглотил комок, подступивший к горлу. — Не задавай глупых вопросов. Я люблю тебя.

Она осторожно обняла меня.

— Полицию он тоже вызовет, — сказала она. Я с трудом слышал ее. Мои глаза отыскивали то, что осталось от Кристины. Она уже не была похожа на машину: вместо нее на полу лежала груда искореженного железа. Но почему она не сгорела? Обод колеса валялся рядом с ней.

— Давно ты была на улице? — Хрипло спросил я.

Я не отводил взгляда от помятого обода.

Раздался тонкий металлический звон — как будто лопнула струна — и вмятины на ободке начали выправляться. Внезапно он подскочил на ребро и покатился к машине, как огромная монета.

Ли тоже это увидела. Ее глаза начали вылезать из орбит. Лицо смертельно побледнело. Губы прошептали слово «нет», но звука я не услышал.

Груда железа задрожала. Ничего более чудовищного я не видел и не увижу в своей жизни. Куски металла стали медленно срастаться. Под ними стали вырисовываться контуры восьмицилиндрового

двигателя.

Мотор «Петунии» все еще работал.

— Тебе нужно будет только нажимать на газ, — встряхнув головой, прошептал я. Мне было страшно говорить громко — я боялся, что меня услышит Кристина.

— Нажимай на газ, несмотря ни на что.

Я отпустил сцепление. Раздался яростный вопль.

Ли обхватила голову руками.

— Я не могу, Дэннис! Я не могу сделать это! Она — кричит!

— Ты должна сделать это, — сказал я. Ее нога нажала на газ, и я снова услышал пронзительный вой сирены. Я схватил Ли за плечо и почувствовал невыносимую боль в левой ноге. — Ли, ничего не изменилось. Вперед!

— Она кричит на меня!

— Ли, осталось совсем немного. Давай!

— Я попытаюсь, — прошептала она и снова нажала на газ.

Я включил задний ход. «Петуния» сдвинулась с места. Затем я снова нажал на сцепление, поставил рычаг скоростей на первую передачу... и Ли внезапно воскликнула:

— Дэннис, нет! Нет! Посмотри!

Мать и маленькая девочка. Вероника и Рита стояли перед еще искореженным, но уже выправляющимся корпусом Кристины. Они держались за руки, их лица были торжественны и печальны.

— Их здесь нет, — сказал я. А если они здесь, то самое время отправить их обратно, — новая боль в ноге заставила меня содрогнуться, — обратно, туда, где их место. Нажимай на педаль.

Я отпустил сцепление, и «Петуния», набирая скорость, покатила вперед. Две человеческие фигуры не исчезли, как призраки в фильмах ужасов: они заметались то в одну сторону, то в другую, их краски поблекли... а потом они просто растаяли в воздухе.

Мы взгромозились на корпус Кристины и раздавили его. Затем я включил задний ход, и мы поехали на то, что еще недавно называлось машиной. Теперь ее уже не существовало на свете.

Я выключил двигатель и потерял сознание.

Очнулся я двадцать первого января. Моя левая нога снова была в гипсе. На ней висели знакомые веревки и противовесы. Рядом с моей постелью сидел человек, которого я не видел никогда прежде. Он взглянул на меня и отложил книгу, лежавшую у него на коленях.

— Поздравляю тебя с прибытием на этот свет, Дэннис, — улыбнувшись, проговорил он.

— Вы врач? — спросил я, думая узнать, где находится доктор Арроуэй, лечивший меня в прошлый раз.

— Инспектор полиции штата, — представился он, — Ричард Мерее. Можно просто Рик.

Он осторожно протянул руку, я прикоснулся к ней. Я и в самом деле не мог пожалть ее. У меня болела голова. Хотелось пить.

— Послушайте, — сказал я. — Я не возражаю против разговора с вами, но мне хотелось бы повидаться с врачом. — Я помолчал, а потом добавил:

— Мне нужно знать, буду ли я когда-нибудь ходить снова.

— Если доктор Арроуэй говорит правду, — добродушно произнес Мерее, — то ты будешь ходить

через шесть недель. Ты не сломал ее, Дэннис, хотя она и опухла, как сосиска. Твой врач говорит, что ты легко отделался.

— Что с Эрни? — спросил я. — С Эрни Каннинггеймом? Вы знаете... Он отвел глаза.

— Что с ним?

— Дэннис, — сказал он и немного замешкался. — Не знаю, самое ли время...

— Я прошу вас. Эрни... он мертв?

Мерее вздохнул.

— Да, он погиб. Он и его мать попали в дорожную аварию. Был густой снегопад. Это был несчастный случай.

Я хотел говорить, но не мог. Мерее налил в стакан воды из графина, стоявшего на столике, и протянул его мне. Я выпил его до дна.

— Что именно произошло с ними? Мерее сказал:

— Из-за снега они не разглядели указатель поворота. Машина упала с обрыва и взорвалась.

Я закрыл глаза. Они много пережили. И настрадались. Все трое. Дэннис, в машине находилось трое людей...

— Трое?

— Да. Один тракторист ехал за ними следом и видел, что в машине происходила ссора. Однако мы нашли только два трупа. По нашей версии, они подобрали какого-нибудь хитчхайкера, который скрылся с места аварии до прибытия полиции.

Все было нелепо, но не смешно. Нужно было знать Регину Каннинггейм, чтобы понять смысл происшедшего. Регина ни разу в жизни не подбирала хитчхайкеров. И никогда не меняла своих привычек.

Это был Лебэй. Да, он не мог находиться сразу в двух местах. И когда увидел, к чему клонится дело в гараже Дарнелла, то бросил Кристину и попытался вернуться к Эрни. Можно только гадать о том, что случилось дальше. Но мне кажется, что Эрни вступил в борьбу с ним... и по крайней мере заслужил собственные похороны. Я не циник, но это лучше, чем ничего.

— Погиб, — проговорил я, и ко мне вернулись слезы. Я был слишком слаб, чтобы остановить их.

— Расскажи мне о том, что произошло, — сказал Мерее. — С самого начала, Дэннис.

— А что рассказала Ли? — спросил я. — И как она?

— В пятницу вечером она проходила обследование здесь, — тихо произнес Мерее. — У нее было небольшое сотрясение мозга. Кроме того, ей наложили дюжину швов на затылке. Лицо, к счастью, не пострадало. Она очень красивая девушка.

— Она прекрасная девушка. — поправил я.

— И она ничего не желает говорить. Ни мне, ни своему отцу. Она настаивает на том, что ты сам должен рассказать — если захочешь, конечно. — Он задумчиво посмотрел на меня.

— Мне предстоит большая работа, — пробормотал я и подумал о всех годах, которые провел вместе с Эрни. Но как я мог рассказать о них? Подобная идея показалась мне абсурдной.

— Так что же произошло? — повторил свой вопрос Мерее. — Расскажи, Дэннис.

— Вы все равно не поверите, — упрямо сказал я.

— Может быть, поверю, — медленно проговорил он. — Знаешь, это дело сначала расследовал парень по фамилии Дженкинс. Он был моим другом. Хорошим другом. Он погиб, но за неделю до

смерти сказал мне, что в Либертивилле происходят такие события, в которые никто не поверит. Затем его убили. Так что для меня это личный вопрос.

Я осторожно повернулся.

— Больше он ничего не говорил?

— Он сказал, что ему удалось раскрыть одно старое убийство, — произнес Мерее, глядя мне в глаза. — Но добавил, что убийца уже умер.

— Лебэй, — пробормотал я и подумал, что если Дженкинс так много узнал, то Кристина должна была охотиться за ним. Дженкинс шел по верному пути.

Мерее сказал:

— Да, Дженкинс упоминал эту фамилию. — Он придвинулся ко мне ближе. — И я скажу тебе кое-что еще, Дэннис. Дженкинс был первоклассным водителем. До свадьбы он участвовал в гонках в Филли-Плэйнс, и у него была целая коллекция медалей и вымпелов. Он ехал со скоростью сто двадцать миль, и у его «доджа» был форсированный двигатель. Если его кто-то догнал и сбил — а мы знаем, что все так и было, — то этот кто-то был дьявольским асом.

— Да, — проговорил я. — Он был дьявольским гонщиком.

— Я пришел к тебе сам по себе, неофициально. У меня нет ни магнитофона, ни радиопередатчика в кармане. То, что ты скажешь, не будет считаться твоими показаниями. Все останется между нами. Но я должен знать все о смерти Руди, потому что мне часто приходится видеть его жену и детей. Понимаешь?

Я обдумал его просьбу. Я думал долго — больше пяти минут. Он не мешал мне. Наконец я кивнул.

— О'кей. Но вы все равно не поверите.

— Увидим, — произнес он.

Я открыл рот, не зная, о чем буду говорить.

— Знаете, он был рохля, — начал я. — В любой средней школе их бывает по крайней мере двое — это как закон природы. Каждого стараются топтать ногами. Только иногда... иногда они находят что-нибудь помогающее им удержаться и выживают. У Эрни был я. А потом у него появилась Кристина.

Я посмотрел на него. Он внимательно слушал.

— Я только хотел, чтобы вы поняли это, — сказал я, а затем какой-то вязкий комок подкатил к моему горлу, и я не смог выговорить того, что, вероятно, должен был произнести: «Ли Кэйбот появилась позже».

Я выпил еще один стакан воды. Я говорил в течение следующих двух часов.

Вечером меня навестили отец и мама. Мое настроение уже улучшилось, потому что как раз перед их приходом ко мне заходил доктор Арроуэй. Он сказал, что я потерял еще не все шансы когда-нибудь участвовать в марафонских забегах.

— Что произошло? — спросил отец. — Ли рассказала своим родителям какую-то сумасшедшую историю о машинах, которые ездят сами, о каких-то умерших девочках и не знаю, о чем еще. Это близко к помешательству.

Я кивнул. У меня не было сил, но я хотел защитить Ли от ее родителей. Она хотела помочь мне с Мерее, а я хотел помочь ей с ее отцом и матерью.

— Ладно, — сказал я. — Придется вам кое-что рассказать. Элли не ждет вас в ближайшие два часа?

— Нет, — ответил отец. — Она пошла на свидание. — Он усмехнулся, а потом добавил:

— Такая долгая история?

— Такая долгая.

Отец посмотрел на меня.

— О'кей, — сказал он.

И я рассказал свою историю во второй раз. Сейчас я рассказал ее в третий раз; а третий счет, как говорят, платит за все.

Покойся в мире, Эрни.

Я люблю тебя, друг.

Эпилог

Если бы эта история была выдумана, то я закончил бы ее словами о том, как одна белокурая прекрасная леди повергла ниц рыцаря из гаража Дарнелла. Однако на самом деле ничего подобного не случилось. Ли Кэйбот превратилась в Ли Эккерман. Она и ее супруг, продавец компьютеров IBM, живут в Нью-Мексико; у них две маленькие дочери-двойняшки. Мое чувство к прекрасной леди не совсем угасло, мы обмениваемся почтовыми карточками на Рождество, и я посылаю ей открытку в ее день рождения, так же как она не забывает о моем. Иногда мне кажется, что прошло гораздо больше времени, чем четыре года.

Что произошло с нами? Я не знаю. Хотя, может быть, вот что: у нас бывали ночи, когда мы занимались любовью, а потом лежали в постели, и я чувствовал, что нас разделяло только одно: лицо Ролланда Д. Лебэя. Я мог целовать ее губы, грудь и живот, жаркие от страсти, но внезапно слышал его голос: «Пожалуй, это самый лучший запах в мире... не считая запаха гнили». И у меня пропадало желание обладать лучшей женщиной в мире.

Бывало, что и в ее глазах я читал то же самое. Мне кажется, любовники не могут долго и счастливо жить с такими воспоминаниями, даже если они не сделали ничего противоестественного, а только спасали друг друга и своих близких.

Через два года мы расстались. Ли окончила колледж и вышла замуж. Я был на ее свадьбе. У нее замечательный супруг. Правда. Он хороший парень. Ездит на «хонде». С ним у нее нет никаких проблем.

Остались ночные кошмары. Иногда я просыпаюсь посреди ночи и, поглаживая больную ногу, вспоминаю, что видел Эрни. После этого я не могу заснуть и ворочаюсь до утра, то и дело глотая подкатывающие к горлу слезы.

Я был на похоронах Каннинггеймов. Гробы были закрыты. Сам вид этих выстроенных в ряд продолговатых деревянных ящиков больно и холодно поразил меня. И почти военный порядок у меня каким-то образом связался с памятью о муравьиных лагерях.

После похорон я разговаривал с Ричардом Мерее и, уже расставаясь, спросил его, что стало с грудой железа в гараже Дарнелла.

— А, я сам ею занимался, — ответил он. Его лицо вдруг стало очень серьезным. — Я велел двум парням из местной полиции положить обломки под пресс на заднем дворе и сделать из них вот такой кубик металла. — Он развел ладони приблизительно на два фута. — У одного из этих ребят остался здоровенный шрам на руке. Он очень переживает из-за него.

Мерее внезапно улыбнулся — самой горькой и ледяной улыбкой из всех, которые я когда-либо

видел.

— Ему показалось, будто что-то ударило его.

Затем он ушел по своим делам, а я присоединился к своей семье и девушке, поджидавшим меня.

А знаете, почему я решился рассказать вам всю эту историю?

Несколько недель назад я прочитал небольшую заметку в газете — одну из тех, что вместе составляют колонку курьезных происшествий и не очень значительных новостей.

В заметке сообщалось о трагическом и нелепом случае с неким Сандиром Галтоном, чье имя вполне могло быть искаженным Сэнди.

Упомянутый Сандир Галтон был убит в Калифорнии, где работал механиком кинотеатра. После окончания сеансов он закрылся в кафетерии и собрался перекусить перед уходом. Какая-то машина на полной скорости врезалась в стену, проломила ее и настигла Галтона, когда тот пытался скрыться в кинобудке. Полиция решила, что он хотел спрятаться, поскольку в его руке были зажаты ключи от двери. Я прочитал заметку, озаглавленную «Странное убийство в Лос-Анджелесе», — и подумал о том, что говорил мне Мерее, о его последних словах: ему показалось, будто что-то ударило его.

Конечно, это было невозможно, но так же невозможна была и вся история Кристины.

Я не могу не думать о Джордже Лебэе в Огайо.

О его сестре в Колорадо.

О Ли в Нью-Мексико.

Что, если все началось снова?

Что, если сейчас она мчится на восток, чтобы завершить свое дело?

Что, если она оставила меня напоследок?

Такая неотступная в достижении своих простых целей.

С ее неиссякающей яростью.

Приложение

Исполнители и их песни, строчки из которых использованы Кингом в качестве эпитафий.

Eddie Cochran — Somethin' Else

The Coasters — Yakety Yak

Charlie Ryan — Hot Rod Lincoln

The Beach Boys — This Car Of Mine

Jan and Dean — Surf City

Glenn Frey — Partytown

Bo Diddley — Road Runner

Steve Miller Band — Mercury Blues

Moon Martin — Cadillac walk

The Beatles — Baby You Can Drive My Car

Bruce Springsteen — Cadillac Ranch

Jonathan Richman & The Modern Lovers — Roadrunner

Chuck Berry — Maybellene

Elvis Costello — Less Than Zero

Steely Dan — Deacon Blues

The Beach Boys — Little Deuce Coupe

Chuck Berry — My Mustang Ford
Janis Joplin — Mercedes Benz
The Beach Boys — Shut Down
Chuck Berry — No Money Down
Moon Martin — She's In Love With My Car
Jonathan Richman & The Modern Lovers — Roadrunner #2
Chuck Berry — No Particular Place To Go
Woody Guthrie — Riding in My Car (Car Song)
Bruce Springsteen — Racing In The Street
Nervous Norvus — Transfusion
The Medallions — Buick 59
The Who — Magic Bus
Chuck Berry — You Can't Catch Me
Bo Diddley — Who Do You Love?
Bruce Springsteen — Racing in the street
The Beach Boys — 409
Ellas McDaniel a.k.a. Bo Diddley — Ride on Josephine
The Clash — Brand New Cadillac
ZZ Top — Mexican Blackbird
The Inmates — I Can't Sleep
Chester Burnett a.k.a. Howlin' Wolf — Riding in the moonlight (может эта)
Chuck Berry — No Money Down
Charlie Ryan — Hot Rod Lincoln
The Beach Boys — Custom Machine
Bob Seger & the Silver Bullet Band — Mary Lou
Bruce Springsteen — Ramrod
Bruce Springsteen — Cadillac Ranch
Bob Dylan — From A Buick 6
The Beach Boys — A Young Man Is Gone
Mark Dinning — Teen Angel
Bruce Springsteen — Wreck On The Highway
The Doors — Riders On The Storm
Jan and Dean — Dead Man's Curve
Frank Wilson and the Cavaliers — Last Kiss

По словам Кинга, для роли Кристины он искал автомобиль эффектный внешне, но ещё не обладающий статусом культового в глазах американского читателя. Очевидно, выбор пал именно на Plymouth Fury из-за агрессивного названия модели («fury» в переводе с английского — «ярость»). Однако в книге при описании Кристины допущено много неточностей — деталей, нехарактерных для модели именно 1958 года. В частности:

В книге несколько раз упоминается, что Кристина была 4-дверным автомобилем, хотя в 1958 году Plymouth Fury выпускался только в 2-дверном кузове.

В том же 1958 году Fury ещё не красилась в красный цвет — для покупателей был доступен только светло-бежевый цвет. Когда Кингу ещё в процессе написания книги указали на эту ошибку, он вышел из положения, написав, что Кристина стала красной по персональному заказу Ролланда Д. Лебэя. Полную кузовную и цветовую гамму Fury получила только в следующем 1959 году.

«Предельное значение на спидометре было абсолютно абсурдным — 120 миль в час. Когда машины ездили с такой скоростью?» В 1958 до 120 миль в час размечались спидометры более дешёвых машин «Плимута» — Plaza, Savoy и Belvedere; спидометр Fury был размечен до 150 миль в час. Упомянутый в книге «рычаг коробки-гидраматика» также не соответствует действительности. Модель АКПП «Hydramatic» разработал и выпускал General Motors, на автомобилях корпорации Chrysler использовалась коробка «Torqueflite», которая управлялась не рычагом, а кнопочным селектором на приборной панели слева от руля.

При экранизации романа был допущен анахронизм: когда Кристина запирает Ли в собственном салоне, камера показывает, как на её дверях опускаются кнопки блокировки дверей. В 1958 году на автомобилях Plymouth не было таких кнопок; двери блокировались поворотом внутренней дверной ручки (как на автомобилях «Москвич»). Кнопки блокировки дверей на автомобилях Plymouth появились только в 1962 году. В фильме кнопки были добавлены намеренно для большей наглядности сцены.

George Thorogood and the Destroyers — «Bad to the Bone»

Buddy Holly & the Crickets — «Not Fade Away»

Johnny Ace — «Pledging My Love»

Robert & Johnny — «We Belong Together»

Little Richard — «Keep A-Knockin'»

Dion and The Belmonts — «I Wonder Why»

The Viscounts — «Harlem Nocturne»

Thurston Harris — «Little Bitty Pretty One»

Danny & The Juniors — «Rock n' Roll is Here to Stay»

John Carpenter & Alan Howarth — «Christine Attacks (Plymouth Fury)»

Larry Williams — «Bony Moronie»

Песни прозвучавшие в фильме, но не вошедшие в саундтрек:

ABBA — «The Name of the Game»

Bonnie Raitt — «Runaway»

Ritchie Valens — «Come on, Let's Go»

Tanya Tucker — «Not Fade Away»

The Rolling Stones — «Beast of Burden»

Примечания

1

Человек, путешествующий автостопом. (Примечание переводчика).

2

В оригинале эта глава имеет номер 36.

Пропущена коротенькая глава — 35. NOW THIS BRIEF INTERLUDE — вследствие чего вся нумерация смещается.

3

В оригинале цитата из Спрингстина больше. Также сюда втиснули эпиграф из пропущенной 35-й главы — чтоб не пропадал.

4

Цитата из стихотворения, не из песни.